**

МИХАИЛ
АЛЕКСЕЕВ

22 ИЮНЯ...

О ЧЁМ ПРЕДУПРЕЖДАЛА СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

«К ИСХОДУ 21 ИЮНЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР В СЛЕДУЮЩИЕ СУТКИ НЕ БЫЛА ОЧЕВИДНА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ЗапОВО разведывательной авиации не имел, а там, где она была (КОВО, ПрибОВО) — экипажи из ее состава не были подготовлены к боевым действиям ночью, и днем — в сложных метеоусловиях. Незначительная часть самолётов-разведчиков была оборудована аэрофотоаппаратами. Разведка штабов особых военных округов (далее — ОВО) не смогла достоверно вскрыть группировки немецких войск, развернутых в исходных районах в полосах против округов и не выявила выход подвижных соединений немецких войск на исходные позиции для нападения на СССР, что не позволило руководству страны и командованию НКО и ОВО принять необходимые меры. У разведывательных отделов штабов ОВО была ценная агентура — незначительная и не обеспеченная средствами радиосвязи. Следствием «массового характера» разведки явилась «засоренность» агентурной сети недостаточно проверенными, а зачастую и случайными лицами. Радиоразведка не обеспечивала выполнение своей основной функции — радиоперехвата — слушание и анализ радиопередач сухопутных войск и люфтваффе.

- Михаил Алексеевич Алексеев
  - ○
  - ○ 1
    - ■ 1.1 «Для удовлетворения нужд фронта… сформировать в порядке срочности по прилагаемым штатам Аэросъемочно-фотограмметрическую школу Военно-воздушного флота»
    - ■ 1.2 «Нужно сказать, что у нас разведывательных самолетов и разведывательных экипажей в авиации нет»
    - ■ 1.3 «Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно»
    - ■ 1.4 «Авиация является основным средством оперативной и тактической разведки. Она ведет также наблюдение за полем боя и служит средством связи»
    - ■ 1.5 «… Однако в боевой подготовке и материальной части истребители противника значительно уступают нашим»
    - ■ 1.6 «Запретить полеты нашей авиации в

приграничной полосе 10 км от госграницы»
        - 1.7 «Разведывательной авиации округ не имел…»
        - Выводы
    - 2
        - 2.1 «Вот, обзавелись чудом техники … “Омега” именуется… одна на весь разведпункт, а надо по одной на каждого агента»
        - 2.2 «Сам по себе выход на исходные позиции не может остаться скрытым от противника. Тем самым оперативная внезапность невозможна»
        - 2.3 «1. Продолжается сосредоточение немецких войск к государственной границе. 2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах. …»
        - 2.4 «1. Подтверждаются ранее поступившие данные об интенсивных перебросках немецких войск к границам СССР, главным образом в р-ны Сувалки и Седлец»
        - 2.5 «5. Крупное движение всех родов войск и транспорта южнее Томашов преследует какую-то демонстративную цель или связано с проводимыми учениями»
        - 2.6 «Как уже сообщалось в Разведсводке по Западу № 4, еще в начале апреля началась более интенсивная транспортировка германских войск и грузов через территорию Финляндии…»
        - 2.7 «В начале Великой Отечественной войны радиоразведка оказалась в весьма трудном положении, что было обусловлено многими факторами, одним из которых явилось весьма слабое знание противника»
        - Выводы
    - Приложения
        - Приложение 1
        - Приложение 2
        - Приложение 3
        - Приложение 4
        - Приложение 5
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180

- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224

- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268

- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312

- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334

Михаил Алексеевич Алексеев
22 июня… О чём предупреждала советская военная разведка. «К исходу 21 июня неизбежность нападения фашистской Германии на СССР в следующие сутки не была очевидна»

Автор выражает благодарность за оказание помощи и поддержку при подготовке к изданию монографии А.И. Колпакиди, О.В. Каримову, Ю.В. Григорьеву, В.Я. Кочику, В.Б. Леушу, В.П. Шишову, С.В. Чертопруду и Г.В. Потапову

1
Воздушная разведка особых военных округов

1.1 «Для удовлетворения нужд фронта… сформировать в порядке срочности по прилагаемым штатам Аэросъемочно-фотограмметрическую школу Военно-воздушного флота»

(Из Приказа РВСР № 745 от 29 апреля 1919 г.)

Воздушная разведка накануне Великой Отечественной войны велась двумя способами — в подавляющем большинстве случаев визуальным наблюдением и в весьма ограниченных масштабах аэрофоторазведкой — воздушным фотографированием. К положительным свойствам воздушной разведки накануне Великой Отечественной войны были отнесены следующие:

• быстрое проникновение в глубину неприятельского расположения;

• быстрое обследование (с той или иной целью) обширных районов;

• быстрая доставка командованию добытых данных;

• документальная достоверность фоторазведывательных данных;

• объективная беспристрастность фоторазведки.

Вместе с тем были обозначены и отрицательные свойства воздушной разведки. К ним, в частности были отнесены «трудность распознавания замаскированных объектов противника; невозможность получения других данных сверх тех, которые могут быть обнаружены глазом или фотоаппаратом (документы, опрос пленных, изучение настроения жителей и пр.); невозможность длительного и непрерывного наблюдения одного и того же объекта (технические условия: ограниченность пребывания в воздухе, зависимость от атмосферных и метеорологических условий)»[1].

Выполнение фоторазведки предписывалось в случаях, «когда требуется получить данные о важных объектах в дополнение к визуальному наблюдению или проконтролировать сведения, добытые другими видами разведки; когда объекты разведки изобилуют деталями, не поддающимися фиксированию при визуальном наблюдении (укрепленные полосы, железнодорожные станции и т. п.); когда объект хорошо замаскирован (расположение в населенных пунктах, артиллерийские позиции) и когда повторным фоторазведыванием можно установить

изменения, происходящие в нем (например, интенсивность хода оборонительных работ по укреплению рубежа); когда по условиям обстановки время позволяет использовать данные фоторазведки».

Воздушному фотографированию предусматривалось подвергать как отдельные объекты (в дополнение к визуальной разведке), так и целые полосы и площади местности; поэтому фоторазведка была разделена на съемку одиночными снимками, маршрутную и площадную[2].

Невзирая на все положительные свойства фоторазведки и, в первую очередь, «исчерпывающую полноту и точность», были названы и ее отрицательные свойства: «а) зависимость от состояния атмосферы и времени суток; например, в ранние утренние и поздние вечерние часы воздушное фотографирование не дает положительных результатов (косые лучи солнца, дымка, недостаточное освещение); б) длительность фотолабораторных, монтажных и дешифровочных работ, увеличивающаяся в зависимости от количества снимков; в) принудительность маршрута и высоты полета при фотографировании, увеличивающая опасность от огня зенитной — артиллерии и воздушного противника; г) кроме того, фоторазведка требует большего наряда самолетов на разведку, чем визуальная разведка»[3].

Задача дешифрирования была сформулирована следующим образом:

«… определение истинного значения объектов по изображениям их на аэроснимке. При дешифрировании используются следующие демаскирующие признаки: а) размеры объекта, б) форма объекта, в) тон изображения объекта на аэроснимке, г) тень от объекта и д) относительное расположение.

Последний демаскирующий признак используется при разведке сложного объекта (боевые и походные порядки, железнодорожные станции и т. п.)»[4].

Считалось, что производимая попутно с фотографированием визуальная разведка облегчает дешифрирование снимков и восполняет пробелы, возможные при неудачных снимках.

Аэрофоторазведке придавалось большое значение в годы Первой мировой войны[5]. Авиация русской армии выполнила свыше 30 тыс. самолетовылетов на разведку, изготовила около пяти миллионов аэрофотоснимков. Был накоплен большой опыт организации аэрофоторазведки и использования ее материалов в войсках. В годы Первой мировой войны воздушной разведкой решались следующие задачи:

• разведка войск и коммуникаций противника;

• фотосъемка, дешифрирование и использование в войсках

аэрофотоснимков полевой обороны противника;

• корректировка артиллерийского огня;

• аэрофотосъемка своих войск с целью проверки качества маскировки;

• контроль результатов бомбометания[6].

В процессе аэрофоторазведки участвуют три группы специалистов: механики и техники по фотооборудованию; экипажи разведывательных самолетов; специалисты аэрофотослужбы — фотолаборанты и фотограмметристы-дешифровщики.

Организуют и обеспечивают ее выполнение начальники аэрофотослужбы и инженеры по фотооборудованию. Постоянное планомерное осуществление аэрофоторазведки невозможно без участия всех перечисленных специалистов.

Начало подготовки младших и средних специалистов аэрофоторазведки было положено созданием в 1919 г. Аэросъемочно-фотограмметрической школы Военно-воздушного флота:

> «ПРИКАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
>
> *№ 745 29 апреля 1919 г. г. Москва*
>
> Для удовлетворения нужд фронта по организации аэросъемочно-фотограмметрической службы Военно-воздушного флота сформировать в порядке срочности по прилагаемым штатам Аэросъемочно-фотограмметрическую школу Военно-воздушного флота. Формирование школы произвести под общим руководством Полевого управления авиации и воздухоплавания.
>
> На укомплектование школы постоянным составом обратить:
>
> 1) 1-й фотографический авиационный отряд;
>
> 2) Московское окружное съемочно-фотограмметрическое отделение;
>
> 3) курсы фотолаборантов Центрального аэрофотограмметрического парка, которые и должны составить три специальных отдела школы.
>
> Окружному квартирному Управлению МВО отвести срочно соответствующие помещения. Средства в срочном порядке испросить через Военно-законодательный совет по управлению авиации и воздухоплавания.
>
> На укомплектование школы постоянным составом

обратить: 1) 1-й фотографический авиационный отряд; 2) Московское окружное съемочно-фотограмметрическое отделение;

3) курсы фотолаборантов Центрального аэрофотограмметрического парка, которые и должны составить три специальных отдела школы.

Окружному квартирному Управлению МВО отвести срочно соответствующие помещения. Средства в срочном порядке испросить через Военно-законодательный совет по управлению авиации и воздухоплавания.

Заместитель Председателя Революционного военного совета Республики Э. СКЛЯНСКИЙ Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики И. ВАЦЕТИС

Член Революционного военного совета Республики С. АРАЛОВ».

Школа[7] готовила специалистов аэрофотосъемки, аэронавигации и фотограмметристов, подчиняясь Полевому управлению авиации и воздухоплавания РВСР. Основное содержание деятельности фотограмметриста заключается в фотолабораторной обработке результатов инструментальной воздушной разведки и последующем дешифрировании полученных аэроснимков, выявлении и характеристике военных объектов, установлении их координат, составлении письменного разведдонесения.

Первый выпуск школы состоялся 26 августа 1919 г. 13 фотограмметристов получили назначения в авиаотряды действующей армии. Во время наступления Деникина на Москву выпускники и специалисты школы участвовали в проведении аэросъемок Тульского укрепрайона и воздушной разведке на подступах к столице. В 1921 г. школа стала двухгодичной с наименованием «Высшая аэрофотограмметрическая школа Красного воздушного флота». В учебный план включили 24 дисциплины: цикл физико-математических наук, курсы о погоде, земном магнетизме, астрономии, океанографии, истории искусства и культуры, политграмоте, иностранные языки, авиа- и строевая подготовка. Специалисты по авиационной радиосвязи в школе стали готовиться с 1923 г. (приказ НШ КВФ № 661). Живое воспоминание о школе оставил бывший курсант Михаил Заборский[8].

В апреле 1925 года школа снова была переименована, новым названием стало «Школа Вспомогательных служб ВВС РККА». Но уже 1 сентября этого года согласно приказу РВС СССР № 627

школа получила название «Военная школа Специальных служб ВВС РККА». С 13 мая 1938 года после очередной реорганизации школа носит название «Московское военное авиационно-техническое училище». С этого момента прекращается подготовка средних и младших специалистов аэрофотосъемки. В последующем школа претерпела целый ряд реорганизаций, но к подготовке специалистов для воздушной разведки в ее стенах больше не возвращались10. Подобная ситуация может быть объяснена только тем, что у руководства Красной Армии утвердилось мнение о не перспективности аэрофоторазведки в будущей войне. Это проявилось, в частности, и в неоднократном реформировании школы и в изменении профиля подготавливаемых специалистов[9].

Начальники аэрофотослужбы и инженеры по фотооборудованию в Военных академиях Красной армии — Военно-воздушной академии им. Н.Е Жуковского и Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии — в довоенный период вообще не готовились.

В целом предвоенный период характеризуется активным развитием аэрофотосъемки для гражданских целей[10], хорошо поставленным высшим образованием в этой области и забвением аэрофоторазведки.

Подготовка членов экипажей — летчиков-наблюдателей, штурманов — самолетов, предназначенных для проведения воздушной разведки проводилась в специализированных школах и училищах.

10 декабря 1915 года в Киеве начала работу Военная школа летчиков-наблюдателей. Первоначально предполагалась, что подготовку в качестве летчиков-наблюдателей будут проходит офицеры, причисленные к Генеральному штабу[11]. Однако на практике эти офицеры оказались в меньшинстве среди обучавшихся офицеров всех родов войск. Один из выпускников школы А. Костоусев[12] следующим образом описывал предназначение летчика-наблюдателя (летнаба):

«Опыт же войны показал, какой полезной и ценной единицей является для общего блага сведущий, опытный наблюдатель. Вся тяжесть работы авиаотрядов на фронте — фотографирование, корректирование стрельбы с помощью радио, разведка — лежат на плечах наблюдателей. Боевые полеты на разведочного типа самолетах были бы весьма рискованны для пилота, если бы он не чувствовал за собой наблюдателя-пулеметчика.

Все вышеизложенное доказывает необходимость иметь специальную школу или курсы для подготовки кадра наблюдателей.

Краткий курс обучения школы наблюдателей /1 — 1 ½ м./ должны дать слушателям необходимые теоретические сведения по радиотелеграфированию, фотографированию, бомбометанию; без теоретической подготовки манипуляции в отряде с бомбами, грушей аппарата и ключом передатчика будут носить механические неосмысленный характер. Наблюдатель, не понимающий своего дела, а лишь “отбывающий номер” пользы не приносит»[13].

Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Михаила Алексеева № 325 от 24 марта 1916 года была создана Центральная аэронавигационная станция (ЦАНС)[14]. Главной задачей ЦАНС являлось проведение «…аэрологических наблюдений, заготовка, проверка и установка на самолётах точных приборов». Кроме того, на неё возлагалось изучение вопросов аэронавигации, выработка методики их решения в различных условиях, а также разработка нового приборного оборудования. Помимо ЦАНС, в аэронавигационную службу входили созданные в то время опорные и походные аэронавигационные станции, которые и устанавливали на самолётах новое оборудование для навигации и снабжали экипажи аэронавигационными картами.

Киевская Военная школа летчиков-наблюдателей первый свой выпуск офицеров со званием — «летчик-наблюдатель» произвела в августе 1916 года. В ноябре 1916 года, в связи с ухудшением обстановки на Юго-Западном фронте и приближением линии фронта к городу Киеву, Управление Военного Воздушного Флота приняло решение о переводе Киевской школы лётчиков-наблюдателей в Крым, в город Евпаторию Таврической губернии. Штат школы, доработанный и утвержденный 9 марта 1917 года, включал 18 офицерских должностей, 8 — постов для занятия военными чиновниками и штатных единиц 245 — для нижних чинов. 1 сентября 1917 года школа прибыла в Евпаторию (374 чел.). При школе — находился учебный авиационный отряд в составе: 8 самолетов — «Вуазен»; 3 ед. — «Моран-Ж»; 2 ед. — «Ньюпор»; 1-ед. — «Моска». Расформирована школа была 5 мая 1918 года, с приходом в Крым, и в город Евпаторию, оккупационных германских войск. Имущество Киевской школы летчиков-наблюдателей в 1920 году было передано в авиационные части Военного Министерства правительства генерала барона Врангеля[15].

Боевой деятельностью авиации на фронтах руководило созданное при штабе Реввоенсовета Республики в сентябре 1918 г. полевое управление авиации и воздухоплавания

действующей армии — *авиадарм*. Аналогичные управления были при штабах фронтов и армий. В авиадарме имелся аэронавигационный отдел, осуществлявший общее руководство аэронавигационной службой авиации действующей армии. В авиации армии или авиагруппе был заведующий аэронавигационной службой, его помощник — аэронавигатор, метеоролог, заведующий складом авиационных приборов и механик. В штабе воздушного флота фронта создавалась аэронавигационная инспекция.

В конце 1921 г. в связи с ликвидацией фронтов *авиадарм* был упразднен и единым органом управления авиацией стало главное управление Воздушного Флота, при нем имелась аэронавигационная служба. В авиационных отрядах аэронавигационная служба была представлена *аэронавигатором*, он должен был учитывать данные метеосводок при организации полетов, следить за исправностью аэронавигационного оборудования самолетов и аэродромов, выполнять его мелкий ремонт и периодические проверки.

На 1 сентября 1920 года в авиачастях числилось 46 *аэронавигаторов*[16].

К осени 1918 года в РФСР возникла острая необходимость в создании школы летнабов, которые будут преданы новой власти.

17 сентября 1918 г., во Всероссийский Совет Воздушного Флота обратились Центральный коллектив коммунистов и Комиссариат Воздушного Флота Петроградского Округа с информацией об открытии «в самом ближайшем будущем» в Петрограде школы летчиков-наблюдателей.

25 октября 1918 года была создана «частная» («только для Северной Коммуны») Школа Коммунистов Летчиков-Наблюдателей[17], занятия в которой начались 1 ноября того же года. Не прошло и трех месяцев, как 15 января 1919 г. в Петрограде на базе Школа Коммунистов Летчиков-Наблюдателей была сформирована Военная школа летчиков-наблюдателей Рабоче-Крестьянского Военного Воздушного Флота, начальником которой был назначен военный летчик, летчик-наблюдатель Смирнов Александр (секретный приказ РВСР от 15 января 1919 № 96/18)[18]. На основании приказа Главного комиссара всех военно-учебных заведений Российской Республики № 635/247 от 14 августа 1919 г. и приказом по школе № 67 от 15 сентября 1919 г. было начато расформирование Военной школы летчиков-наблюдателей Рабоче-Крестьянского Военно-Воздушного Флота. Расформирование закончилось 15 января 1920 г. На этом история не закончилась, фактически Военная школа летнабов продолжала работать в составе

Авиационных курсов комсостава РККА (г. Москва)[19].

Теория и практика аэронавигации в тот период времени развивалась преимущественно как ориентировка в воздухе по наземным ориентирам. Летчик-наблюдатель сличал карту с местностью, опознавал три ориентира (триангуляционный метод), после чего указывал рукой первому летчику направление дальнейшего полета. Магнитные компасы, хотя и стояли на большинстве самолетов, но работали ненадежно и почти не использовались. Полеты по маршруту, как правило, производились вдоль характерных ориентиров, преимущественно линейных[20]. И таким линейным ориентиром, среди прочих, являлась железная дорога. Конечно, такой вариант аэронавигации не был универсальным и следовало искать новые пути развития.

В 1923 году в каждой авиационной эскадрилье были введены должности аэронавигаторов и инструкторов по аэронавигации. В этом же году в газете «Известия», была напечатана статья слушателя школы летчиков-наблюдателей А. В. Белякова, в которой излагались проблемы будущего аэронавигации и необходимость отнести специальность аэронавигатора к летному составу. В итоге аэронавигаторам было предложено сдать соответствующие экзамены, и они были зачислены в состав летчиков-наблюдателей.

В 20-е годы большой вклад в развитие аэронавигационной службы внес Борис Васильевич Стерлигов[21], впоследствии первый главный штурман ВВС. В октябре 1926 приказом Реввоенсовета Центральный аэродром в Москве был преобразован в Научно-исследовательский институт ВВС РККА, а часть ЦАНС стала аэронавигационным отделом института, начальником которого был назначен Б.В. Стерлигов. В течение 1926–1927 годов под его руководством и при его личном участии в полетах разрабатывалась методика выполнения полетов по компасу вначале днем, а затем ночью. Штурманское дело развивалось очень быстро, что позволило за короткое время четко сформулировать полный круг вопросов, очертивших обязанности аэронавигаторов уже как специалистов летного дела. Развернулась дискуссия о роли и месте в летном деле летчика-наблюдателя и штурмана. Обсуждение мнений специалистов позволило всем убедиться в настоятельной необходимости иметь на борту самолета штурмана как специалиста, в отличие от летчика-наблюдателя умеющего вести самолетовождение вне видимости земной поверхности.

23 февраля 1921 года при 1-й Петроградской пехотной школе открыто авиационное отделение. 12 марта в его состав были влиты Московские авиационные курсы комсостава РККА с

образованием Военной школы летчиков-наблюдателей. 4 января 1923 года школа переименована в Высшую военную школу летчиков-наблюдателей. 10 января здесь сформирован морской отдел. С 1925 года школа вновь именуется Военной школой летчиков-наблюдателей, а в 1926 ей присваивается имя К.Е. Ворошилова.

Для практического обучения курсантов школы в области ориентировки, аэрофотосъёмки и т. д. при школе была учебная авиаэскадрилья, имевшая в своём составе самолёты: «Вуазен», «Сопвич» (Sopwith Strutter 1 ½), «Фоккер» D-IV, DH-9c и Т-4. Согласно Приказу Реввоенсовета № 280 от 1 октября 1928 года часть школы, готовившая летчиков-наблюдателей для ВВС РККА, была переведена в г. Оренбург[22].

Выписка из Приказа РВС СССР № 280 от 31 августа 1928 года:

«1. Переформировать к началу 1928/29 года Военную Школу Летчиков-Наблюдателей им. К.Е. Ворошилова и Военную школу Воздушного боя в одну школу по объявленному штату, присвоив новой школе наименование 3-я Военная Школа Летчиков и Летчиков-Наблюдателей им. К.Е. Ворошилова».

В Оренбурге предполагалось обучать:

«1. Школа воздушного боя — 194 слушателя. С 1.07.1929 г. пропускная способность должна быть увеличена на 50 %.

2. Школа летнабов — 300 слушателей»[23].

В июне 1938 г. 3-я Военная школа летчиков и летчиков-наблюдателей им. К.Е. Ворошилова была преобразована в Военное авиационное училище им. К.Е. Ворошилова.

02.02.39 г. училище было разделено на два самостоятельных училища: 1-е Чкаловское военно-авиационное училище летчиков им. К.Е.Ворошилова и 2-е Чкаловское военно-авиационное училище летнабов и штурманов, что дало возможность улучшить условия подготовки как летчиков, так и летнабов и штурманов.

В число выпускников 2-го Чкаловского училища первого выпуска (декабрь 1940 г.) входил И.Д. Злыденный[24], ставший Героем Советского Союза. Службу в ВВС он начал стрелком-бомбардиром 32 сбап (скоростного бомбардировочного авиаполка) (Забайкальский военный округ) в звании «старшина». К моменту представления к высокой награде (май 1944 г.) гвардии старший лейтенант Иван Дмитриевич Злыденный был старшим лётчиком-наблюдателем 99-го горап (гвардейского отдельного разведывательного авиаполка) 15-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта.

Приказом НКО № 049 от 05.02.41 г. 2-е Чкаловское военно-авиационное училище летнабов и штурманов переименовывается во 2-ю Чкаловскую военную авиационную школу стрелков-

бомбардиров.

По решению Советского правительства от 12.11.1930 г. севернее станции Рогань (под Харьковом) создается 9-я военная школа летчиков и летчиков-наблюдателей[25]. В мае 1938 г. на основании приказа НКО СССР в школе произошли организационные изменения. По сути — школа была разделена надвое. На базе бригады, готовившей летчиков-наблюдателей, создавалось Харьковское военное авиационное училище летнабов и штурманов. На базе второй бригады, готовившей летчиков-истребителей, было сформировано Чугуевское военно-авиационное училище летчиков-истребителей[26].

Приказом НКО № 049 от 05.02.41 г. Харьковское военно-авиационное училище летнабов и штурманов переименовывается в Харьковскую военную авиационную школу стрелков-бомбардиров.

2 сентября 1935 года Советом Труда и Обороны (СТО) СССР было принято постановление «О системе подготовки кадров», согласно которому помимо 3-й и 9-й военных школ летчиков и летчиков-наблюдателей создавались новые школы лётчиков-наблюдателей в городах Челябинске, Мелитополе и Краснодаре. В последующем эти школы прошли целый ряд реорганизаций, повторявших в отдельных моментах реформирование 3-й и 9-й военных школ.

На основании Директивы Генерального штаба РККА № 4/3/34338 от 13 февраля 1936 года в Челябинске была создана и получила наименование «15-я военная школа лётчиков-наблюдателей» нормального типа со сроком обучения 3 года. Курсантами Челябинская военная школа летчиков-наблюдателей комплектовалась за счет специальных добровольных студенческих наборов, по комсомольским путевкам, которые выдавались лучшим представителями рабочей и учащейся молодежи. При ЦК ВЛКСМ действовала Центральная отборочная комиссия, которая персонально утверждала в авиационные школы отобранных областными комиссиями кандидатов. Всего через обкомы ВЛКСМ с утверждением Центральной комиссией ЦК ВЛКСМ в Челябинскую школу в 1936 году было принято 268 человек[27].

Приказом НКО СССР № 067 от 13 мая 1938 года 15-я военная школа летчиков-наблюдателей была переименована в Челябинское военное авиационное училище лётчиков-наблюдателей. В приказе НКО СССР «О переподчинении военных академий, училищ и школ Главным управлениям НКО СССР и расформировании Управления высших учебных заведений Красной Армии» № 0195 от 24 августа 1940 г. училище носит

название «Челябинское военно-авиационное училище летнабов и штурманов»[28].

Приказом НКО № 049 от 5.02.1941 г. «О переименовании военных авиационных школ и училищ ВВС и переводе их на новые штаты» происходит очередное переименование училища в Челябинскую военную авиационную школу стрелков-бомбардиров.

Подобную череду переименований и реорганизаций прошли еще две военные школы летчиков-наблюдателей, созданные в Мелитополе и Краснодаре. Мелитопольская школа летчиков-наблюдателей (1936–1937 г.?) — Мелитопольское военное авиационное училище лётчиков-наблюдателей (1938 г.) — Мелитопольское военно-авиационное училище летнабов и штурманов (1940 г.) — Мелитопольская военная авиационная школа стрелков-бомбардиров (5.02.1941 г.). Воспоминания об обучении в училище оставил его выпускник Николай Николаевич Пантелей[29].

В Краснодаре авиаторов начали готовить в 1936 г. в школе летчиков-наблюдателей. Школа несколько раз меняла наименование и специализацию, повторив путь, пройденный Челябинским и Мелитопольским учебными заведениями ВВС. В 1940 году школа именовалась Краснодарским военно-авиационным училищем летнабов и штурманов. Приказом НКО ССР № 049 от 05.02.41 г. Краснодарское училище было названо Краснодарской военной авиационной школой стрелков-бомбардиров. Но уже 03.03.41 г. приказом НКО СССР №. 0017 (Согласно постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1941 г.) предписано Краснодарскую военную авиационную школу стрелков-бомбардиров обратить на формирование «Краснодарского объединенного военного авиационного училища для подготовки командиров-летчиков бомбардировочной авиации и командиров-штурманов ближнебомбардировочной авиации» на 2000 человек переменного состава (на каждом курсе по 1000 человек). Срок обучения в авиационном училище устанавливался — 2 года и 1 год, соответственно в мирное и военное время. Для первого набора училища срок обучения был определен в 1 год.

«В целях выполнения задания по подготовке пилотов и стрелков-бомбардиров постоянный и переменный состав учебных эскадрилий» Краснодарской авиационной школы было предписано передать в Челябинскую (одну учебную эскадрилью), Мелитопольскую (две учебных эскадрильи), Ярославскую (одну учебную эскадрилью) авиашкол стрелков-бомбардиров.

За переименованием стояла неизбежная реорганизация и

изменение специализации выпускаемого контингента.

3 марта 1941 г. вышел приказ НКО СССР «Об установлении системы подготовки и порядка комплектования вузов Военно-Воздушных Сил и улучшении качества подготовки летного и технического состава» № 080 (Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1941 г.). В разделе «Б. Подготовка штурманского состава», в частности, отмечалось:

«1. Школа стрелков-бомбардировщиков. Срок обучения — 1 год, с налетом на каждого курсанта — 40 часов.

Задача школы научить курсанта: владеть в воздухе стрелковым оборудованием; производить бомбометание днем; вести детальную и общую ориентировку; кроме того, привить навыки курсанту в самолетовождении по радио-компасу и устанавливать связь с землей.

Комплектование производить младшими командирами и красноармейцами всех родов войск, имеющими среднее образование, лицами, окончившими спецшколы ВВС, а также призывниками, имеющими среднее образование»[30].

Под «школой стрелков-бомбардировщиков» имелась в виду «военная авиационная школа стрелков-бомбардиров». В этой связи следует отметить удивительную небрежность в подготовке приказов НКО, удивительная легкость в обращении с терминами. Так, в названиях присутствуют и «военно-авиационное училище», и «военное авиационное училище» или вообще пропадает слово «военное» и т. д.

В разделе «Б. Подготовка штурманского состава» приказа присутствовало и «Военно-авиационное училище для подготовки штурманов ближнебомбардировочной авиации» со сроком обучения: в мирное время — 2 года, в военное время — 1 год.

«Задача училища, — была определена следующим образом, — научить курсанта: самолетовождению в сложных метеорологических условиях погоды днем и ночью**; воздушной разведке; фотографированию; дешифрированию; технике фотолабораторной обработки** (выделено мной. — *М.А.*); воздушной стрельбе и бомбометанию.

Комплектование производить стрелками-бомбардирами, прослужившими в строю не менее 2-х лет, а также средними и младшими командирами всех родов войск, имеющими среднее и высшее образование.

Установить налет на каждого курсанта 150 часов.

Срок обучения для первого набора установить один год с налетом 75 часов и исключением для первого набора задачи обучения самолетовождению в сложных метеорологических условиях»[31].

Задача дешифрирования и владение техникой фотолабораторной обработки не должна была являться компетенцией штурмана, а возлагаться на наземный технический персонал.

Под название «Военно-авиационное училище для подготовки штурманов ближнебомбардировочной авиации» подпадало только создаваемое «Краснодарское объединенное военное авиационное училище для подготовки командиров-летчиков бомбардировочной авиации и командиров-штурманов ближнебомбардировочной авиации», выпуск из которого должен был состоятся только через год.

Подготовка же штурманов, на которых возлагалась в т. ч. задача ведения воздушной разведки, включая и аэрофотографирование была прекращена в связи с перепрофилированием пяти военно-авиационных училищ летнабов и штурманов — Харьковского, Челябинского, Мелитопольского, 2-го Чкаловского и Краснодарского — на военные авиационные школы стрелков-бомбардиров.

1.2 «Нужно сказать, что у нас разведывательных самолетов и разведывательных экипажей в авиации нет»

(Из выступления командующего 9-й армией комкора Чуйкова на совещании в ЦК ВКП(б) 15 апреля 1940 г.)

Об аэрофоторазведке вспомнили лишь в ходе войны с Финляндией, когда попытка прорыва долговременной полевой обороны (линии Маннергейма) после артподготовки, проводившейся путем стрельбы по площадям, оказалась безуспешной, а наши войска понесли тяжелые потери.

С учетом значительного количественного и качественного превосходства советской стороны быстрая победа над Финляндией не вызывала сомнения[32].

Финляндия же была отнюдь не готовой к закланию жертвой. Ещё в ходе переговоров, когда о боевых действиях даже речи не было и шло лишь обсуждение различных предлагаемых советским правительством вариантов размена территорий, Генштаб Финляндии приступил к проведению мобилизации, а финская разведывательная авиация начала осуществлять вылеты на фотографирование объектов на сопредельной территории. Судя по всему, ни один из этих полётов экипажа Бленхейма Мк.1 (борт. BL-1I0) капитана А.Эсколы, выполнявшего свои разведывательные рейды над советской территорией на высотах около 8000 м, из-за чрезвычайно низкой боеготовности советских средств ПВО не был замечен[33].

В конце 20-х — начале 30-х годов развитию бомбардировочной авиации придавалось исключительное значение, и не случайно удельное количество бомбардировщиков в составе наших ВВС изменилось с 10,1 % в 1929 г до 50.6 %. к концу 1937 г. Игравшая важную роль в теории «глубокой» наступательной операции бомбардировочная авиация должна была сокрушать артиллерийские позиции и вторые эшелоны вражеских войск, вести борьбу с резервами и осуществлять разрушение транспортной системы, изолируя тем самым районы активных боевых действий. Кроме того, перед авиаторами ставились стратегические задачи по уничтожению военного производства, а также парализации жизни экономических и политических центров вражеских государств.

Естественно, что при этом вероятным противником в будущей войне рисовалось одно или несколько ведущих капиталистических держав Запада, обладавших современными и хорошо вооруженными армиями. То, что нам может встретиться армия, почти не имеющая тяжелой техники и ведущая боевые действия полупартизанскими методами, никто не ожидал.

«Основным методом выполнения задачи являлось бомбометание с горизонтального полета с высот от 1800 до 3000 м. Некоторые коррективы эта теория претерпела в связи с первым опытом современной войны, накопленным в небе Испании и Дальнего Востока, а также утратой части (вследствие репрессий) кадров авиационных теоретиков. Как реакция на возросшую роль истребителей в борьбе за господство в воздухе началось развертывание дополнительных истребительных авиачастей. В результате их удельный вес возрос с 30.3 % в 1937 г. до 53,4 % к лету 1941 г. (включая истребители штурмовых авиаполков), за счет некоторого снижения темпов роста числа бомбардировщиков.

Не последнюю роль в этом играло два чрезвычайно важных обстоятельства, вытекавшие одно из другого. Дело в том, что в рассматриваемое время авиапромышленность Советского Союза, несмотря на колоссальный рывок первых пятилеток, испытывала острую нехватку легких сплавов. В среднем в год выплавлялось около 60 тыс. тонн алюминия, в то время как в Германии, строившей меньше самолетов, этот показатель составлял почти 200 тыс. тонн! Дефицитный металл закупался за рубежом где только можно, но и этого было мало. В этих условиях пришедшее на ответственные посты в ВВС РККА … молодое “истребительное лобби” вполне здраво рассудило, что если современные бомбардировщики можно строить только из металла, то истребители еще могут производиться «из недефицитных материалов», вырабатываемых отечественной промышленностью.

В то же время штурмовая и **особенно разведывательная авиация находились в плачевном состоянии** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Удельный вес разведчиков снизился с 69,2 % в 1929 г. до 19,1 % к 1937 г., достигнув рекордно малой отметки в 41-м — всего 3,2 %. При этом **в ВВС Красной Армии наметилась практика списания в разведчики пилотов и штурманов из числа экипажей истребительной и бомбардировочной авиации которые по каким-либо причинам не удалось “вписаться” в уровень подразделения или части. В аттестациях многих пилотов разведчиков можно было прочесть “из-за плохой техники пилотирования и слабой общеобразовательной подготовки использовать в**

бомбардировочной или истребительной авиации не представляется возможным. Подлежит переводу в разведывательную авиацию”. Нетрудно догадаться о том, что уровень боеготовности этого рода авиации был весьма невысоким, если не самым низким по ВВС. Недостаточная подготовка лётного состава усугублялась чрезвычайно устарелой матчастью, представленной в основном бипланами Р-5. … **Все это объяснялось недооценкой важности создания специализированных самолетов данных типов»**[34].

Увеличение			
	Скорости	Высоты	Дальности
Истребители	на 56,5%	21,5%	—
Бомбардировщики (ближн. действия)	88%	83%	50%
Бомбардировщики (дальн. действия)	70%	77%	61%
Разведчики и штурмовики	67%	23%	45%

Перспективы у разведывательной авиации ВВС РККА именно в тот момент оказались самыми незавидными. Мало сказать, что в конце 30-х ей не придавали особого значения. С ней фактически расправлялись, как с «классовым врагом»[35]. В речи наркома обороны К.Е. Ворошилова на XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 г. как о большом достижении говорилось, что за последние пять лет соотношение легко-бомбардировочная, штурмовая и разведывательная авиации по сравнению с другими видами авиации уменьшилось в два раза:

«Военно-воздушные силы по сравнению с 1934 годом выросли в своем личном составе на 138 %, т. е. стали больше почти в два с половиной раза. (Аплодисменты.)

Самолетный парк в целом вырос на 130 %, т. е. увеличился значительно больше, чем в два раза.

Если же выразить возросшую мощь воздушного флота в лошадиных силах авиамоторов по сравнению с 1934 г., то мы получим увеличение на 7.900.000 лошадиных сил или прирост на 213 % по сравнению с тем, что было 5 лет тому назад. (Аплодисменты.)

Наряду с количественным ростом воздушного флота изменилось и его качественное существо. Вот краткие данные, свидетельствующие о сказанном:

Изменилось за это время, что очень важно, и соотношение между различными видами авиации внутри военно-воздушного флота.

Тяжело-бомбардировочная авиация с 10,6 % выросла до 20,6 % — рост в два раза.

Легко-бомбардировочная, штурмовая и **разведывательная авиация — с 50,2 % уменьшилась до 26 % — уменьшение в два раза** (выделено мной. — *М.А.*)

Истребительная авиация — с 12,3 % увеличилась до 30 % — рост в 2½ раза.

Таким образом, изменилось соотношение видов авиации в пользу бомбардировщиков и истребителей больше, чем в два раза.

…

Товарищи! Наша армия несокрушима! Она является детищем нашей партии, она ее прекрасное творение, она всегда готова, по указанию партии, нашего Правительства и вождя народов великого Сталина биться за свою социалистическую Родину и претворить в живое дело священные слова военной присяги:

“Я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами”.

Да здравствует наша великая Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует XVIII-й съезд нашей партии!

Да здравствует наш великий Сталин!

(Все встают. Бурная, долго несмолкающая овация: “Да здравствует товарищ Сталин!”, “Да здравствует товарищ Ворошилов!”, громкое, долго несмолкающее “ура”)»[36].

Особенно потрясает «возросшая мощь воздушного флота в лошадиных силах авиамоторов по сравнению с 1934 г.» на 7.900.000 лошадиных сил или прирост на 213 % по сравнению с тем, что было 5 лет тому назад.

Система оборонительных сооружений Финляндии, известная как «линия Маннергейма», создавалась не вдруг и отнюдь не за год — два до начала войны с Советским Союзом, а с конца 20-х годов, так что времени на сбор развединформации о ней теоретически имелось в достатке.

Перед системой бетонных ДОТов оборудовались многочисленные линии эскарпов, надолбов, минных молей, ряды колючей проволоки. Каждый метр фронта перед главной полосой был пристрелян. Глубина её на наиболее важных направлениях достигала восьми километров. ДОТы практически не имели «мертвых зон» — каждый из них прикрывал своих соседей справа и слева. При этом огневые точки располагались в шахматном порядке, как правило — на возвышенностях, крутых берегах озер

и рек, и были связаны друг с другом системой бетонированных ходов и окопов, так что внезапный захват позиций не представлялся возможным. Бетонные стены ДОТов достигали полутораметровой толщины, входы закрывались дверьми из броневой стали толщиной не менее 15 мм. Сверху сооружения прикрывались слоем земли до двух метров толщиной. Часто на земляном покрытии ДОТов высаживались деревья, которые к началу Зимней войны достигли 10 — 12-летнего возраста и служили превосходной маскировкой. Немудрено, что многочисленные атаки нашей пехоты быстро захлёбывались под мощным огнем. Подавить его сходу оказалось невозможно, так как разведданные о начертании главной полосы предстояло ещё только собрать[37].

17 декабря начался первый штурм финских позиции на главном направлении, проходившем вдоль железнодорожной ветки Ленинград — Выборг, в районе станций Сумма и Ляхде. Везде ситуация повторялась с трагическим однообразием: части многократно атаковали противника без необходимой разведки; пехота останавливалась у надолбов, где отсекалась от танков пулеметным и миномётным огнем, несла потери и отходила в наспех отрытые окопы. Танки же, преодолев линию ДОТов, также не могли решить задачу. Выйдя в назначенный район они блокировались финнами, которые, подтянув противотанковые пушки, расстреливали наши машины как в тире.

«Авиация подключилась к поддержке наступления с 18–19 декабря. Однако лишь небольшое количество истребителей, легких бомбардировщиков и штурмовиков действовало в интересах непосредственной поддержки наступления. Этому препятствовало как отсутствие взаимодействия с сухопутными частями, так и отсутствие разведанных целей. Матчасть войсковых разведэскадрилий ЛВО… состояла исключительно из самолетов Р-5, ССС (Р-5 ССС [«скоростной, скороподъемный, скорострельный»] — *М.А.*) и Р- Z. **Эти тихоходные бипланы не рисковали выпускать за линию фронта без истребительного сопровождения, а летчикам-истребителям такие задания были в тягость — скорости их самолётов и упомянутых аэропланов были явно несопоставимы.**

Но беды разведки не ограничивались только этим. Крайне мало оказалось экипажей, способных вести эффективную воздушную разведку чисто визуально. На “безориентирной” местности, с множеством схожих по очертаниям озер, заваленных снегом и потому неотличимых от лесных полян, при отсутствии ясно читаемых границ лесных массивов, авиаразведчик скорее сам мог заблудиться,

чем обнаружить даже крупные части противника (выделено мной. — *М.А.*), не говоря уже об отдельных группах лыжников и замаскированных ледовых аэродромах и пр.»[38].

Другой причиной ограничения деятельности авиации против вражеского переднего края стало… **противодействие собственных частей**! Количество случаев обстрела своих самолётов наземными войсками не поддается учету. В первые недели войны они носили повальный характер. Стреляли по всему летящему. Данное положение практически не менялось до середины февраля 1940 г. Подобные факты имели место из-за того, что многие красноармейцы не обладали навыками распознавания летящих машин, поскольку, по-видимому, до войны аэропланов вообще не видели. На счастье (если можно так сказать), точность стрельбы пехотинцев по воздушным целям оказалась крайне невелика — за все время войны ими был сбит достоверно только истребитель И-153 из состава 68-го ИАП. Летчик Тимофеев погиб[39].

Самыми древними, из принявших участие в Зимней войне советских самолётов были разведчики Р-6 (АНТ-7, главный конструктор А.Н. Туполев), которые в это время ещё оставались на вооружении ВВС Краснознамённого Балтийского флота. По своему прямому назначению эти машины использовать уже не имело смысла, несмотря на довольно мощное оборонительное вооружение, а потому они выполняли небоевые задачи[40].

«Поскольку визуальная разведка оказывалась бессильной уточнить места расположения долговременных огневых точек финнов, то без фотографирования “линии Маннергейма” обойтись было невозможно. **Состояние аэрофоторазведки оказалось настолько запущенным, что, когда решили прибегнуть к ее помощи, поначалу пришлось помогать ей самой. В авиачастях нередко отсутствовали аэрофотоаппараты, а там, где они имелись, в огромном дефиците были фотопленка, химикаты, а также люди, разбиравшиеся в фотоделе. Бывало, в разведчасти присылали пленку с истекшим сроком хранения, непригодную к использованию** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Болезненно сказывалось на оперативности подготовки схем укреплений отсутствие помещений, где можно было бы обработать фотоматериалы. Впоследствии в отчете ВВС Северо-Западного фронта признавалось, что **отсутствие элементарных разведданных “привело к тому, что артиллерия и авиация, не видя целей и не зная точного их расположения, действовали в течение месяца почти вслепую”**. После провала первых попыток прорыва линии Маннергейма была проделана огромная

работа по её фотографированию. Так, одна только 1-я ДРАЭ ВВС 7-й армии за январь 1940 г. сфотографировала 8,1 тыс. км, отпечатала 127 тыс. фотоснимков, которые впоследствии были объединены в схемы и переданы в штабы стрелковых корпусов, готовившихся к прорыву вражеских укреплений. Старания летчиков эскадрильи были оценены награждением подразделения орденом Боевого Красного Знамени»[41].

Отдельным направлением действий Краснознаменного Балтийского флота в декабре — начале января стала огневая поддержка наступавших вдоль побережья Финского залива наступающих частей Красной Армии. В первые дни она осуществлялась беспрепятственно, но с выходом к главной полосе линии Маннергейма выяснилось, что с моря вражеские укрепления прикрыты системой хорошо замаскированных береговых батарей. Трижды (10, 18–19 декабря и 1 января) предпринимались попытки уничтожить их путем комбинированных ударов линейных кораблей КБФ и авиации, однако успех так и не был достигнут.

«**Поначалу дело затруднялось скудостью развединформации** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) Например, дано задание: “Разрушить береговую батарею острова Биоркэ (современное название Коивисто — Прим. Авт.)”, а изучить эту батарею не по чему. Отсутствовали даже точные координаты объекта, который фактически представлял собой набор точечных целей. Приходилось собирать сведения о противнике самостоятельно. **В этом деле визуальная разведка совершенно не помогала**: летчики даже с малой высоты полета не в силах были “вычислить” места расположения береговых военных объектов, поскольку те хорошо маскировались. Выполнять задания мешали зенитные точки, интенсивно обстреливавшие разведывательные самолеты. Располагавшиеся либо на близлежащих островах, либо в шхерах (в зависимости от района, где велась разведка), позиции зенитной артиллерии представляли серьезную угрозу для атакующей стороны. Таким образом, задачи разведки внезапно расширились: **требовалось определять не только координаты батареи, но и зениток, защищавших острова от воздушных налетов**. Без подавления зениток невозможно было не только уничтожить батареи, но даже провести их фотографирование. **В результате экипажи-разведчики могли указать только направление, с которого их самолеты обстреливались, и не более того. Требовалось провести широкомасштабную аэрофоторазведку, но выполнение ее затянулось — по тем же причинам, что и в ВВС Северо-Западного фронта. Эго не могло не сказываться на**

эффективности бомбометаний. Даже применение сверхмощных (по тому времени) ФАБ-1000 не давало нужных результатов. Общие же усилия, направленные на уничтожение береговых батарей, выглядели довольно впечатляюще: совершено 1180 боевых вылетов, сброшено 6180 авиабомб (в т. ч. 136 ФАБ-1000 и 20 БРАБ-1000) суммарным весом 954 т (37 % веса бомб, сброшенного авиацией КБФ за время войны). Вот только результат оказался близким к нулевому»[42].

27 мая 1940 г. был подведен опыт боевых действий ВВС Краснознаменного Балтийского флота (в подготовке документа привлекался начальник 2 отдела штаба авиации ВМФ капитан 2 ранга Ежов).

«Опыт боевых действий авиации КБФ — отмечалось в документе, — вскрыл ряд крупнейших недочетов, являющихся следствием недостаточной выучки и боевой подготовки в мирное время. Важнейшими недочетами являются:

…

4. Низкое качество аэронавигационной подготовки, слабое знание летным составом театра боевых действий, что в условиях низкой облачности и полетов на малых высотах привело к массовым потерям экипажами ориентировки и блуждания, вплоть до бомбардировки своего побережья.

5. Плохая работа разведки в мирное время поставила ВВС КБФ в тяжелое положение в начальный период боевых действий. Необходимые данные о целях на театре отсутствовали, а имеемые были неверны. В результате первые боевые удары авиации производились <вслепую>, безрасчетно и неэффективно.

6. Аэрофоторазведывательная служба оказалась на низком уровне: скоростные самолеты (СБ, ДБ-3, И-15) фотоустановками не оборудованы, летный состав бомбардировочных частей разведке и фотосъемке не обучен, фотолаборатории оборудованы примитивно, кадры фотоспециалистов не натренированы к быстрой обработке материалов и дешифровке снимков.

7. Командиры авиачастей и штабы не умеют организовать разведку <на себя >. Сбор и обработка разведывательных данных об объектах боевых действий авиации отсутствует. Воздушная разведка не целеустремляется на вскрытие всей системы обороны противника в интересах всех действующих частей флота.

Многие важнейшие данные о противнике не обобщаются и не доходят до заинтересованных частей. Ценная аэрофотосъемка полностью не используется, т. к. ни командиры, ни штабы частей не умеют читать фотоснимки и дешифровывать на них военные объекты.

Неорганизованность, отсутствие централизации и единого руководства разведкой привело в ряде случаев к необоснованным расчетам и необеспеченным и малоэффективным боевым действиям частей авиации.

8. Командование флота, ВВС, командиры соединений показали неумение правильно оценивать обстановку, выбрать главнейшие объекты и поставить задачи частям авиации»[43].

Подобные «крупнейшие недочеты» были характерны и для организации и ведения воздушной разведки ВВС армий, принимавших участие в боевых действиях в ходе «зимней войны» 1939–1940 гг.

Так, в ВВС 9-й армии из трех разведывательных подразделений (33-я ВРАЭ, 34 я ДРАЭ, отдельная разведэскадрилья при штабе ВВС 9-й армии) свои прямые обязанности выполняло, по сути, только последнее, созданное по причине полной «профнепригодности» летного состава 33-й ВРАЭ. Что касается 34- й ДРАЭ, прибывшей 29 февраля 1940 г. на усиление ВВС 9-й армии из Гостомеля (КОВО), то она разведкой и вовсе не занималась.

«В итоге финны могли сосредотачивать свои части, проводить их перегруппировку, почти не опасаясь, что будут обнаружены с воздуха. Командование попыталось поручить разведывательные функции экипажам бомбардировщиков-ночников, но те из-за отсутствия требуемых навыков приносили мало пользы. Тогда за помощью обратились к истребительным авиачастям — и получили нужную отдачу. Истребители совершали бреющий полет без значительного риска быть сбитыми ружейно-пулеметным огнем и чаще, чем экипажи бомбардировщиков и разведчиков-бипланов, выявляли группы финских войск в лесах, места посадки самолетов противника, следы, оставляемые лыжниками-разведчиками. Атакованный противником, истребитель разведчик мог вступить в воздушный бой, чего специализированные разведчики позволить себе не могли.

Вылеты на разведку в истребительных полках проводились, как правило, под утро, так как было замечено, что днем все передвижения в финском тылу прекращались. Разведка часто сочеталась со штурмовкой обнаруженных целей. При разведке населенных пунктов, где предполагалось размещение финских войск, летчики высматривали дом, который мог бы быть использован под казарму, и проводили по нему бомбометание, либо обстреливали из пулеметов. Атака носила скорее психологический характер — чтобы вызвать “оживление” противника, заставить людей выбежать из здания. По числу выбежавших приблизительно подсчитывалась численность

расквартированного финского подразделения.

При действиях в тайге большой проблемой оставалось правильное опознавание. В отчете ВВС армии зафиксировано: “с воздуха отличить группу своих войск от финских” оказывалось невозможно. Войсковые командиры, на свою беду, вопросами обозначения подразделений пренебрегали, сигнальные полотнища не выкладывались. “Очень часто летный состав, вылетая на боевое задание по взаимодействию с войсками, не мог толком добиться, где же точно проходит линия фронта”. Но даже когда противник обнаруживался, нанести по нему эффективный удар было не так-то просто»[44].

К пленуму ЦК ВКП(б), состоявшемуся 28 марта 1940 года, то есть две недели спустя после окончания войны, К.Е. Ворошилов подготовил доклад о боевых действиях против Финляндии. Признание, сделанное К.Е. Ворошиловым, в начале своего доклада вызывает недоумение, как можно развязывать военные действия, совершенно не подготовив армию к ним? «Война с Финляндией продолжалась 104½ дня и носила чрезвычайно ожесточенный характер. Должен сказать, — счел возможным отметить К.Е. Ворошилов, — что **ни я — Нарком Обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского Военного Округа вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной. Объясняется это прежде всего тем, что Военвед не имел хорошо организованной разведки, а следовательно, и необходимых данных о противнике; те скудные ведения, которыми мы располагали, о Финляндии, ее вооружениях и укрепленных районах, не были достаточно изучены и обработаны и не могли быть использованы для дела** (выделено мной. — *М.А.*)»[45].

Данный вывод был повторен в докладе еще раз: «Плохо поставленное дело военной разведки вообще отрицательно отразилось на нашей подготовке к войне с Финляндией. Наркомат Обороны, и Генеральный Штаб в частности, к моменту начала войны с Финляндией не располагал сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника, качестве войск и их вооружении, особенно плохо был осведомлен о действительном состоянии Укрепленного Района на Карельском перешейке, а также об укреплениях, построенных финнами в районе озера Янисярви — Ладожское озеро.

…

Предполагалось, что война с финнами будет скоротечна и во всяком случае не представит больших трудностей для нашей армии. В следствие этого мы оказались недостаточно

подготовленными для решения самостоятельно стратегической задачи на финском секторе … Уже через 10–15 дней наши войска на Карельском перешейке, упершись в Укрепленный Район, вынуждены были остановиться и перейти к обороне»[46].

В докладе нарком обороны счел возможным один раз косвенно упомянуть об организации воздушной разведки во время первого этапа боевых действий: «В процессе событий недочеты нашей разведки восполнялись данными, которые мы получали от штабов действующей армии и отчасти от нашей авиации. Это давало возможность Ставке Главного Военного Совета ориентироваться в обстановке и своевременно реагировать на события»[47].

Роль авиации наркомом обороны была сведена исключительно к бомбардировке. Характеризуя второй период войны, К.Е. Ворошилов отмечал: «В плане прорыва «линии Маннергейма», главное место отводилось артиллерии и авиации. Было решено наряду с подготовкой войск к прорыву начать систематическую, изо дня в день, артиллерийскую и авиационную бомбардировку переднего края укрепленной линии. Это дало самые положительные результаты»[48].

Самолеты СБ использовали для сбрасывания специальных бетонобойных бомб типа БЕТАБ-250, которые разрушали бетонированные укрепления противника. Всего за период боевых действий бомбардировочная авиация (с учетом самолетов всех типов) произвела 44041 боевой вылет (или 52,4 %), на противника было сброшено 23146 тонн бомб. Потери полков, вооруженных СБ, составили: 113 самолетов, сбитых противником; 27 самолетов пропало без вести и 41 самолет был поврежден и требовал заводского ремонта. Небоевые потери были также значительны — 72 самолета СБ. Общие потери составили 253 самолетов СБ[49]. Слабая огневая подготовка воздушных стрелков и недостатки оборонительного вооружения стали причиной неоправданных потерь бомбардировщиков. К тому же СБ летали с неубираемыми лыжами и их скорость снижалась до 300 км/час, а уйти от истребителей на такой скорости было невозможно.

За «скобками» доклада К.Е. Ворошилова, равно как и в последующем докладов командующих ВВС армий, остался тот факт, что для получения точных данных о системе обороны финнов «было выполнено площадное воздушное фотографирование обороны». Фотографирование выполнялось самолётами, оснащенными спаренными аэрофотоаппаратами. Впервые в боевых условиях было применено ночное воздушное фотографирование[50].

«Зимняя война» сорвала приобретение «в Америке ночного

аэрофотоаппарата и осветительных фотобомб» — Рузвельт ввел «моральное эмбарго» на советские сделки с американскими компаниями в сфере аэронавтики[51].

Для дешифрирования материалов съемки был создан фотограмметрический центр, к работе в котором привлекли лучших специалистов аэрофотослужбы, военных топографов, артиллеристов, специалистов инженерных войск. Дешифрованием снимков «линии Маннергейма» руководил полковник, а затем генерал Г.Д. Баньковский[52], имевший хорошую профессиональную подготовку и организаторские способности (в 20-е годы он окончил Высшую аэрофотограмметрическую школу; в 30-е выполнил серьезные исследования в области аэрофоторазведки). В результате было определено точное месторасположение всех важнейших элементов обороны (долговременные огневые точки, сектора их обстрела, искусственные препятствия и другие объекты). Спланированная на основе этих данных наступательная операция завершилась прорывом обороны. Таким образом, для того, чтобы вспомнить роль аэрофоторазведки на войне, потребовался жестокий урок, оплаченный жизнями красноармейцев и командиров[53].

28 мая 1940 г. наркомом обороны СССР был издан приказ № 0105, в соответствии с которым в штабе ВВС организовывался отдел аэрофотослужбы. Во всех приграничных округах вводились отделения, а в авиационных бригадах и полках — начальники аэрофотослужбы[54].

12 августа 1940 года директивой начальника Генерального штаба Красной Армии Б.М. Шапошникова создается Военное аэрофотограмметрическое училище в областном центре БССР — городе Гомеле. Начальником училища назначается полковник Г. П. Никольский. Училище готовило младших авиационных специалистов — механиков и техников по фотооборудованию, фотолаборантов и фотограмметристов-дешифровщиков[55].

Училище создается на «голом» месте. Кадры, учебно-методический материал, многолетний опыт подготовки специалистов соответствовавшего профиля были утрачены после очередной трансформации «Высшей аэрофотограмметрической школы Красного воздушного флота» в 1938 г.

Приказом НКО № 049 от 05.02.41 г. «О переименовании военных авиационных школ и училищ ВВС и переводе их на новые штаты» Военное аэрофотограмметрическое училище переименуется в Гомельскую военную авиационную аэрофотограмметрическую школу, которая была отнесена к «Военным авиационным школам третьего типа». Это была

единственная школа среди учебных заведений ВВС, которая готовила фотолаборантов и фотограмметристов-дешифровщиков. и формирование которой, судя по всему, затянулось ни на один месяц. Не однозначно, что первый выпуск состоялся перед началом войны.

Специалистов по фотооборудованию готовили в школах младших авиационных специалистов сроком обучения 6 месяцев. Так, приказом НКО № 0362 от 22 декабря 1940 г. «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии» устанавливался следующий порядок присвоения военных званий после окончания военно-авиационных училищ и школ: «д) курсантов, окончивших школы младших авиаспециалистов (авиамотористы, мастера по вооружению, по приборам, электро- и радиомеханики и **фотоспециалисты** [здесь и далее выделено мной. — *М.А.*]), после окончания ими **шестимесячного срока обучения** выпускать младшими авиаспециалистами с присвоением им военного звания “младший сержант технической службы”».

Необходимы были инженеры, способные самостоятельно в полевых условиях оборудовать самолеты фотоустановками, организовывать эксплуатацию фотоаппаратуры, осуществлять обучение летного и технического состава, разрабатывать новые способы фоторазведки и контроля боевых действий авиации. С началом войны времени на полномасштабную подготовку таких инженеров уже не было. Поэтому, учитывая, что теоретические, технические и методические стороны аэрофотосъемки, выполняемой в интересах различных отраслей народного хозяйства и с целью разведки, весьма близки, было принято решение в сжатые сроки подготовить в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского[56] инженеров по фотооборудованию самолетов из числа студентов старших курсов Московского института инженеров геодезии, аэросъемки и картографии (МИИГАиК).

На основании уроков войны был сделан ряд выводов о развитии разных типов самолетов. В итоговом докладе в Главный военный совет РККА от 19 марта 1940 года о результатах боевых действий ВВС Я.В. Смушкевич отмечал, что «воздушная разведка остается одним из слабых мест нашей авиации»[57]. «Нам необходим также специальный тип самолета-разведчика, — писал Я.В. Смушкевич, — обладающего современными качествами, в первую очередь — скоростью. Использование устаревшей материальной части, которой вооружена наша разведывательная авиация в войне со сколько-нибудь серьезным противником будет невозможно…

Опыт войны еще раз показал, что скорость полета является важнейшим качеством, необходимым для всех типов самолетов. Отсюда мы должны неотложно форсировать строительство скоростной материальной части. В этом отношении мы отстаем от основных капиталистических стран, где в связи с войной лучшие типы скоростных самолетов выпускаются промышленностью в крупных сериях»[58].

Смушкевич также указывал на упущения в подготовке лётчиков: «Война с белофиннами снова подтвердила слабую подготовленность массы летного состава к полетам в плохую погоду, их неумение пользоваться средствами радионавигации». Кроме того, в докладе начальника ВВС Красной Армии были затронуты и другие проблемы: недостаточный ресурс работы моторов, уступающий в несколько раз зарубежным; недостаточное их производство, не восполнившее убыли за период войны; тяжелое положение с горючим, которого могло не хватить в случае продолжения войны и более благоприятных погодных условий[59].

В целом Смушкевич довольно объективно оценил сложившуюся ситуацию и поставил вопрос о необходимости принятия срочных мер для создания по-настоящему боеспособных ВВС.

Именно во время советско-финляндской войны военно-воздушные силы РККА впервые были разделены на ВВС армий и фронта, с выделением им доли 49 % и 36 % от общей численности соответственно (еще 15 % приходилось на ПВО Ленинграда)[60]. В этой связи Я.В. Смушкевич писал: «С полной несомненностью доказана необходимость подразделения военно-воздушных сил на армейскую авиацию, специально предназначенную для взаимодействия с наземными войсками, и оперативную, действующую в интересах операции и войны»[61].

Точка зрения начальника ВВС, что «воздушная разведка остается одним из слабых мест нашей авиации», нашла поддержку в докладе командующего 9-й армии комкора В.И. Чуйкова на совещания в ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии (14–17 апреля 1940 года).

Из стенограммы совещания в ЦК ВКП(б):
«Заседание третье
15 апреля 1940 г. вечернее
…
ЧУЙКОВ (комкор, командующий 9-й армией). Докладываю о действиях 9-й армии, которая имела фронт 450 км, имея в своем

составе в первый период три стрелковые дивизии, вернее, две стрелковые дивизии и одну горностелковую.

Мы не знали и разведка ничего не говорила о противнике (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Считали, что 163-я дивизия дерется с отдельными пятью-шестью батальонами, а по существу тут была сосредоточена и вся 9-я пехотная дивизия, о которой мы узнали после 7 января. Прибытие новых частей на участок армии нами не обнаружено. Это, прежде всего, упирается в организацию нашей разведки. Мы говорим, что агентурной разведки совершенно не было за все время войны, сколько бы агентов ни посылалось, они не возвращались. **Нужно сказать, что у нас разведывательных самолетов и разведывательных экипажей в авиации нет**. Мы разведку вели истребителями, но истребитель остается истребителем, он заметил себе цель и будет пикировать до тех пор, пока не убедится, что она уничтожена, а основную задачу разведки истребители не выполняли. В январе мы начали создавать разведывательный отряд из самолетов СБ, но опять из этого ничего хорошего не получилось. Правда, самолеты СБ работали значительно лучше, но задачи по разведке, которые стояли перед армией, ими выполнены не были. Сосредоточение перед фронтом армии новых частей противника для нас было совершенно неожиданным.

СТАЛИН. Пожалуйста. Берите 10 суток, создавайте условия. Но в таких же условиях была и 8-я и 15-я армии. **Дело решает артиллерия, весь вопрос в артиллерии**.

ЧУЙКОВ. **И авиация**.

СТАЛИН. **Авиация не всегда. Она зависит от погоды. У вас не так много авиации и это дело капризное, зависит от погоды, а артиллерия нет**»[62].

О низкой результативности воздушной разведки, даже в том случае, когда она проводилась и число вылетов исчислялось тысячью, говорил командующий ВВС 9-й армии:

«Заседание пятое

16 апреля 1940 г., вечернее

РЫЧАГОВ. (комкор, командующий ВВС 9-й армии). Я докладывать буду за ВВС 9-й армии.

Перехожу к маскировке. Почему мы не могли найти финнов? Потому, что финны, будучи биты каждодневно, понимали, что нужно маскироваться. Они продвигались так: у них имеется одна пушечка, они закрывали эту пушечку простыней и, передвигаясь, часто меняли позиции этой пушки. Мы видели лыжников, которые проходили по лесу. По этим лыжникам мы отыскивали группы по 15–20 человек. Днем мы увидеть ничего не могли, так как они действовали только ночью. Ночью мы не всегда могли все

увидеть, не имели возможности ночью их наблюдать. Вскрыть группировку было очень трудно. Попробуйте вскрыть группировку, когда днем они все время находятся в окопах, наружу не показываются, а ночью костров не жгут.

Мы имеем 10 % всех полетов авиации на использование в разведке. Разведка большой пользы войскам принести не могла потому, что финны маскировались, но все же это была разведка. Нашей разведкой было произведено в течение 3,5 месяцев или 3-х с небольшим месяцев тысяча полетов. Эта тысяча полетов нам дала немногое. Правда, мы имеем достижения, когда нам удалось добиться кое-каких успехов для того, чтобы выручить наши блуждающие части. Наши истребители могли преследовать ту цель, которая была видна человеческому глазу, т. е. все то, что для нашей разведки было видно».

Вопросы осведомленности накануне войны о театре военных действий, результативности воздушной разведки в ходе ведения боевых действий (на сей раз со знаком «плюс») и целый ряд других и даже рекомендации по организации агентурной разведки были затронуты в выступлении командующего ВВС 8-й армии:

«Заседание четвертое
(16 апреля 1940 г., утреннее)

КОПЕЦ (комбриг, командующий ВВС 8-й армии). Товарищи, мы поставили финнов на колени, и они были разбиты потому, что мы выбросили достаточное количество бомб, снарядов, не давали им ни одной минуты отдохнуть и дневные железнодорожные перевозки их почти совершенно прекратились. Финны боялись появляться днем на дорогах. Нужно сказать, что в этом отношении большое дело сделала наша авиация, заставила финнов прекратить дневные перевозки и перейти на перевозки только ночью.

Когда мы в достаточной степени ознакомились с театром военных действий, то стали действовать и ночью, так как кадры были уже подготовлены. Наша авиация тут сделала свое дело, затрудняя перевозки ночью, вследствие чего финны вынуждены были двигаться с потушенными огнями, а на фронте заставляли тушить костры и не давали финнам возможности подогревать себе пищу. В течение этих четырех месяцев финны почти все время находились под огнем авиации.

Одна сторона — это то, что мы выбросили большое количество снарядов и бомб и этим самым заставили их стать на

колени.

Вторая сторона — это то, что **в мирное время наша подготовка в отношении войны велась очень слабо. Финнов мы не знали так, как нужно было их знать. Те разведывательные данные, которые были в штабе ВВС Ленинградского округа, относились к 1917 г., более свежие — к 1930 г. Больше никаких других данных мы не имели, так как агентурная разведка ничего почти не делала**. Мы в этом отношении скромничаем. Если посмотреть, как работают в этом направлении иностранные туристы, то мы увидим, что они буквально лезут во все щели, выискивают, высматривают, где что лежит, а у нас этого нет. Я вот возьму себя. Мне приходилось быть в Испании, и я всегда говорил, чтобы товарищи никуда не лезли, хотелось показать скромность. Нам нужно быть нахальнее. Мы должны использовать наших разведчиков. Взять, например, туриста — он тоже должен кое-что делать. Если он едет по делу, нужно нахально лезть во все щели, не нужно бояться. Если они везде лезут, то и мы не должны отставать. Поэтому **те данные, которые были, не соответствовали действительности и в результате вот что получилось**.

Относительно авиации, которая у нас была. Хорошо себя показали истребители. Истребители выполняли основную задачу — вели разведку перед фронтом армии. Истребители дали полную картину военных действий, что делает противник, куда двигается, где находится. Это было совершенно ясно. … **Истребители могут вести разведку, но им нужны фотоаппараты, которые могли бы давать документальные данные**»[63].

Об использовании фотоаппаратуры командующий ВВС 8-й армии говорил и в контексте фотографирования результатов бомбометания:

«Относительно бомбардировочной авиации — авиации СБ. …

У штурманов какая беда? Беда заключалась в том, что штурманов не учили бомбить самостоятельно, а бомбить по ведущему эскадрильей, а наши штурманы бомбили звеном, в один заход, или в 2–3 захода. Бомбить с высоты 7 тыс. м — это значит не получить нужных результатов и в итоге мы имели непопадание в цель, т. е. цель перекрыта: одна бомба падает с одной стороны станции, другая — до станции, а в самой станции почти ничего и нет. В мирное время, в боевой подготовке это нужно изменить. Цель должна быть не перекрыта, нужно попасть в цель.

СТАЛИН. **Это у вас как фотографируется?**

КОПЕЦ. Бомбардировщики фотографировали только под

конец.

СТАЛИН. Это вроде проверки.

КОПЕЦ. **Аппаратов почти не было**.

СТАЛИН. Будут аппараты, куда они денутся.

КОПЕЦ. **Под конец были, но на фотослужбу не обращали должного внимания**»[64].

1.3 «Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно»

(Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е.)

Огромный советский авиационный парк с конца 1930-х годов нуждался в экстренном обновлении и усовершенствовании. Запуск многих самолетов в серийном производстве далеко не всегда являлся следствием целесообразности. Зачастую на важном (если не на первом месте) стояли клановые интересы той или иной группировки, обладающей правом на принятие ключевых решений или определенным влиянием для лоббирования своих интересов за государственный счет[65]. По данным монографии «Самолетостроение в СССР 1917–1945 годов», над решением задач создания новой авиационной техники в 1939 году работали 3166 инженеров-конструкторов, входивших в состав 30 самолетостроительных конструкторских бюро. Достаточно красноречиво ситуацию с проблемами опытного самолетостроения конца 1930-х годов описал Л.Л. Кербер: «Чтобы создать хотя бы иллюзию опытного самолетостроения, тогдашний нарком М.М. Каганович… в здание бывшего туполевского бюро перевел группу второстепенных авиаконструкторов — Беляева, Шевченко, Гудкова, Горбунова и других. Возможно, они и были способными людьми, но, к сожалению, ничего путного не создали. Этого следовало ожидать, ибо в тех условиях помимо способностей требовалось иметь дьявольскую пробивную силу, чтобы проникнуть в верха и завоевать там авторитет»[66].

Один из ведущих советских авиаконструкторов А.Н. Туполев отрицательно относился к увеличению числа конструкторских бюро, полагая, что все творческие силы должны концентрироваться в двух-трех соответствующих мощных организациях, созданных, например, вокруг Н.Н. Поликарпова и С.В. Ильюшина. «За 10 лет, с 1927-го по 1937 год, наше бюро создало для страны 10 крупносерийных машин, отвечающих требованиям ВВС и ГВФ, бюро Поликарпова — 3 машин, Ильюшина — две. Остальные “карликовые бюро” (а их было достаточно много) ни одного боевого самолета не сдали». — Подчеркивал А.Н. Туполев. Но, с другой стороны, монополизм всегда приводил к определенному застою[67].

Вопрос о работе самолетостроительных КБ был поднят на

заседаниях Комиссии Главного военного совета Красной армии. Она приступила к работе 19 апреля 1940 года. В плане ее работы отмечалось, что она «формулирует свои предложения, вытекающие из прошедшего обмена опытом боевых действий против Финляндии и указаний товарища Сталина». Председателем был К.Е. Ворошилов. В состав Комиссии входили И.В. Сталин, начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников, заместитель наркома обороны СССР Г.Е. Кулик и другие представители центрального аппарата военного ведомства, а также непосредственные участники боев. Во время дискуссий отразились серьезные сложности в работе авиапрома[68].

В «Акте о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е.» (во исполнение Постановления СНК СССР от 8 мая 1940 г. за № 690) в части военно-воздушных сил было установлено следующее:

«2. **Военно-воздушные силы. Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Наркомат обороны (Управление Военно-Воздушных Сил) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление Военно-Воздушных Сил не определяло направления развития военной авиации. По этой причине ВВС не имеют пикирующих бомбардировщиков и отстают во внедрении современных типов самолетов. По вооружению отстает внедрение крупнокалиберного оружия.

Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно.

Состояние учета самолетов и моторов неудовлетворительное, а качественный учет совершенно не организован и не ведется.

Склады авиамеханического имущества недостаточны и не удовлетворяют потребности авиационных частей.

Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей, и развитие ее отстает от роста военно-воздушных сил.

Организация военно-воздушных сил, в связи со значительным ростом авиации, устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии).

Существующая организация авиабаз не обеспечивает обслуживания передовых оперативных аэродромов и содержания их в рабочем состоянии в течение круглого года.

Летно-технический состав недостаточно подготовлен в бомбометании, в полетах в сложных метеорологических условиях

и в стрельбе.

Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных главным образом на старой материальной части, и вследствие этого молодых летчиков приходится переучивать в частях.

Вопросы прохождения службы летно-техническим составом не отработаны, в результате чего с 1938 года существует неправильное положение, когда красноармейцы действительной военной службы после годичного обучения в школах младших специалистов выпускаются по категории среднего начальствующего состава. Несмотря на большой некомплект штурманов, подготовка их не организована.

Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания им материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы»[69].

Более, чем удручающая картина. Вместе с тем, следует учесть, что не вся критика была справедливой и предназначалась обозначенному адресату. Так, что касается фразы «наркомат обороны (Управление Военно-Воздушных Сил) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов», необходимо отметить, что это был вопрос, который нужно было решать на базе развития технологий, а не на чисто волевых решениях. Авиамоторостроение[70] в СССР на рубеже 1930-х — 1940-х годов, пожалуй, было самым слабым местом в обеспечении быстрого и успешного развития ВВС РККА. Подобная картина была не только объективным отражением собственно состояния советских ВВС, но и свидетельством критики и нападок на самого К.Е. Ворошилова (по большей части справедливых), снимаемого со своего поста[71].

Нарком обороны не зря говорил на XVIII съезде ВКП(б) о том, что разведывательная авиация уменьшилась в два раза — материальная часть разведки ВВС РККА состояла из ветеранов Р-5, Р-Z, Р-10 и СБ. Самолетов, действительно отвечающих требованиям выполнения воздушной разведки, на вооружении ВВС Красной Армии на тот момент не имелось. Уже не говоря о специализированных разведывательных самолетах.

Одной из идей того времени была концепция некоего универсального многоцелевого самолета, для которого в перспективе рассматривалась возможность «работы» в разных направлениях. И перед Второй мировой войной в разных странах появилось довольно большое количество таких самолетов. «Potez

630» и «Brege 691» во Франции, «Messerschmitt Bf110» и «Focke-Wulf FW189» в Германии, PZL P-38 «Wilk» в Польше, «Fokker G1» в Голландии и «Lockheed P-38D Lightning» в США. Советский Союз исключением не стал, больше того, разработки по этому направлению велись с начала 30-х годов. Были разработаны и построены двухмоторные многоцелевые истребители (МИ-3) и дальний истребитель пушечный (ДИП) конструкции А. Н. Туполева.

Класс одномоторных самолётов-разведчиков являющихся одновременно бомбардировщиками и штурмовиками, был очень распространен в конце 1920-х годов в советских ВВС и авиации многих зарубежных стран. Первым самолетом, принятым к массовой постройке в Советской России, стал разведчик Р-1, скопированный с трофейного английского самолета ДХ-9 фирмы Де Хевиленд. В 1926 году произошли организационные изменения структуры советского самолетостроения. В сентябре 1926 года было создано Центральное конструкторское бюро (ЦКБ), включившее в себя опытные отделы сухопутного и морского самолетостроения. Заведующим отделом сухопутного самолетостроения (ОСС) назначили Николая Николаевича Поликарпова. В конце 1926 года ОСС получил задание спроектировать новый армейский самолет — разведчик, который должен был называться Р-5 на замену существовавшему разведчику Р-1[72].

В 1931 году самолет Р-5 стал основной продукцией авиационного завода № 1 в Москве. Экипаж самолета состоял из двух человек — летчика и летчика-наблюдателя. Вооружение один пулемет ПВ-1 синхронный вперед и спарка на турели, бомбы на подкрыльных держателях 256 кг для разведчика (нормальная нагрузка) и 300–400 кг для бомбардировщика (перегрузка). В днище фюзеляжа было сделано окно со шторкой для улучшения обзора при наведении на цель. Часть самолетов Р-5 оборудовалась радиостанцией с антенной на верхнем крыле, а также фотоаппаратом. Для ночных полетов на левом нижнем крыле устанавливались две посадочные фары, питание их осуществлялось от динамомашины с ветрянкой на правом нижнем крыле.

Многоцелевой самолет Р-5 находился в эксплуатации в советских ВВС с 1930 по 1944 годы. Всего было выпущено около 7000 самолетов Р-5 разных модификаций. Кроме разведчика и легкого бомбардировщика выпускался целый ряд модификаций Р-5[73].

В 1935 году как дальнейшее развитие самолета Р-5 был создан новый самолет облегченной конструкции с новым более

мощным двигателем, получивший обозначение Р-Z[74]. Одним из основных отличий самолета Р-Зет[75] был новый отечественный двигатель М-34, созданный под руководством А.А. Микулина для замены немецкого БМВ- VI, выпускавшегося под маркой М-17. На борту разведчика находилась радиостанция 13-СК-2, питавшаяся от электрогенератора (тогда он назывался «динамо») с приводом не от ветряка, как было на Р-5, а от двигателя АМ-34Н. Предусматривались две антенны, одна выпускная, а другая — жесткая, располагавшаяся в крыле. Имелась и фотокамера АФА-13[76].

Вследствие вскрытых в ходе эксплуатации конструктивных дефектов[77] ВВС РККА начали отказываться от самолета Р-Z, и в 1937 году его сняли с производства. Прекращение выпуска Р-Z было связано не только с дефектами конструкции. В советских ВВС происходили значительные структурные изменения. На роль массового бомбардировщика и дальнего разведчика выдвинулся туполевский СБ, на тот момент превосходивший по скоростным характеристикам большинство современных ему истребителей. На долю Р-5, и Р-Z оставались только штурмовые части и войсковая авиация, считавшиеся второстепенными. Их доля в общем парке машин ВВС стала падать. Да и здесь на смену бипланам промышленностью уже осваивались новые монопланы, как Р-10.

Всего было выпущено 1031 самолет Р-Z, в том числе около 100 пассажирских самолетов П-Z[78].

В 1936 году в Харьковском авиационном институте под руководством И. Г. Немана (заведующего кафедрой самолетостроения в институте) был создан Р-10 (ХАИ-5) — двухместный скоростной разведчик и ближний бомбардировщик[79]. Будучи верным девизу «Ни одной выступающей детали в потоке!», И.Г. Неман бомбовую подвеску убрал в фюзеляж и разместил на кассетных держателях. Кроме того, на ХАИ-5 была впервые применена турель МВ-2 с пулеметами ШКАС. Сферический экран установки имел аэродинамическую компенсацию, что обеспечивало легкое вращение турели на больших скоростях полета. В варианте разведчика кабина летчика-наблюдателя оборудовалась фотоустановкой АФА-13 с дистанционным управлением. Радиосвязь осуществляла двухсторонняя рация типа РОР и РСР.

Однако, дальнейшая участь Р-10 вырисовывалась вполне определенно — по меркам 1939 года характеристики этого разведчика сильно отставали как от отечественных, так и от зарубежных аналогов. Фаворитом стал самолёт конструкции П.О. Сухого под обозначением ББ-1 (Ближний бомбардировщик —

первый), который был запущен в производство и стал известен как бомбардировщик Су-2.

Постройка Р-10 была прекращена на Харьковском заводе № 135 в сентябре 1939 года, после выпуска ещё 210 самолётов. По инерции, пока налаживали серийное производство ББ-1, выпуск Р-10М-25В до начала 1940 года продолжался на саратовском заводе № 292, где удалось собрать 135 машин. Таким образом, общее количество серийных разведчиков Р-10, оснащенных обоими типами двигателей (М-25А и М-25В), оценивается в 493 экземпляра. По текущим данным на 22 июня 1941 года ВВС РККА располагали до 180 боеспособными Р-10, находившимся на европейской части СССР. Несколько десятков из них было уничтожено в первые месяцы войны на аэродромах или захвачено войсками противника в нелётном состоянии на территории Западного и Киевского военных округов. Тем не менее, около 100 уцелевших разведчиков внесли свой вклад в борьбу с врагом[80].

На вооружении разведывательных частей стоял также основной тактический бомбардировщик ВВС РККА второй половины 30-х гг. Под названием «СБ» он начал проектироваться в конце 1933 г. 8 декабря 1933 года Управление ВВС РККА подготовило новый план строительства авиапромышленности СССР на 1934–1935 годы, где среди прочих заданий значился ближний бомбардировщик «ББ». Через некоторое время обозначение самолёта в документах сменяется на средний бомбардировщик («СБ»). Однако ВВС практически сразу определяло его как «скоростной бомбардировщик»[81].

Работы велись в конструкторском отделе ЦАГИ под общим руководством А.Н. Туполева бригадой, возглавляемой А.А. Архангельским. Самолет получил «фирменное» обозначение АНТ-40. Предполагалось, что машина сможет развить скорость 330 км/ч, иметь потолок 8000 м и дальность полета 700 км, а бомбовая нагрузка определялась в 500 кг.

Выпуск СБ на московском заводе № 22 начался в феврале 1936 г. и продолжался до 1941 г. В 1937–1941 гг. самолет также строился заводом № 125 в Иркутске. В общей сложности построен 6831 самолет (5695 — заводом № 22 и 1136- № 125).

К 22 июня 1941 г. СБ продолжал оставаться самым многочисленным бомбардировщиком в советских ВВС. Среди уничтоженных в первый день войны в воздухе и на земле самолетов огромное количество приходилось на СБ. Спустя пять лет после яркого и удачного дебюта в испанском небе скоростной бомбардировщик Туполева абсолютно устарел. Теперь эти машины были легкой добычей для германских истребителей. Так,

22 июня авиаполк, вооруженный СБ, вылетел на бомбардировку Кенигсберга, ни один бомбардировщик полка так на аэродром базирования и не вернулся.

Ввиду больших потерь от вражеских истребителей (в силу того, что «скоростной бомбардировщик» был давно уже не скоростным по сравнению с современными самолетами и уходить от истребителей, как раньше, не мог) 4 июля 1941 г. был введен запрет на использование СБ в дневное время большими группами без прикрытия истребителей. Однако обстановка на фронте часто вынуждала нарушать этот запрет. За три месяца боев практически все СБ приграничных округов были утрачены. По состоянию на 1 октября 1941 г. на фронте оставалось всего 130 самолетов этого типа (из них 83 исправных). Восполнение потерь осуществлялось за счет переброски частей из Средней Азии, Сибири и с Дальнего Востока[82].

11 февраля 1938 г. начальник ВВС РККА А. Д. Локтионов и член Военного совета ВВС РККА В. Г. Кольцов представили Докладную записку в Комитет обороны при СНК СССР о перспективах развития авиации. «Исходя из опыта происходящей войны в Испании, Китае и тенденции развития воздушных флотов передовых капиталистических стран, — отмечалось в Докладной записке, — можно сделать совершенно определенный вывод, что в основном военная авиация будет состоять из двух групп — истребителей и бомбардировщиков и только незначительный процент, в пределах 10 %, — из ближних, дальних разведчиков, корректировщиков и самолетов войсковой авиации… Так как скорость, маневренность, грузоподъемность и дальность находится в противоречии друг к другу и это противоречие вряд ли будет устранено на ближайшие годы, **нам необходимо отказаться от универсальных типов самолетов и идти по линии специализации** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Исходя из этого и учитывая тактический, оперативный и стратегический характер театра будущей войны, необходимо иметь и развивать следующие типы самолетов. …

В. Группа разведчиков, арткорректировщиков, самолетов войсковой авиации

1. **Дальний разведчик**. Двухмоторный, скорость — 600 км/ч, дальность — 3 тыс. км. Вооружение — два ШВАК и три ШКАС, **без бомбовой нагрузки**. Скорость разведчика должна быть обязательно больше скорости истребителя. Этот же самолет может быть использован как многоместный истребитель.

2. Арткорректировщик и войсковой разведчик. Одномоторный, дальность — 800 км, скорость — 500-550 км, маневренный. Вооружение — два пулемета у летчика и спарка у

лет[чика-]наб[людателя|. Емкость бомбодержателей — на 300 кг. Должен быть обеспечен отличный обзор у летчика и лет[чика-]наб[людателя], этот самолет может быть построен по варианту штурмовика»[83].

Однако предложение идти по линии специализации не было услышано. Да и сами авторы Докладной записки не могли удержаться и не предложить использование дальнего разведчика как «многоместного истребителя».

В направлении создания универсального многоцелевого самолета трудились и в ОКБ А.С. Яковлева. Вот основные используемые названия различных реализованных вариантов, проектов, модификаций, а равно и обозначений этого самолета хронологически по мере их появления: «Истребитель преследования», «Самолет № 22» (получил такое обозначение на стадии подготовки эскизного проекта «Истребитель преследования»), самолет «22», БР (ближний разведчик), ББ (ближний бомбардировщик) — 22, «Самолет № 23», Р-12, ПББ (пикирующий ближний бомбардировщик) -22, И-29, Як-2, Як-4. В ходе доработки эскизного проекта самолета, получившего название «№ 22» определили три основных его предназначения:

1. Одноместный истребитель, вооруженный двумя пушками ШВАК, расположенными под фюзеляжем и тремя пулеметами ШКАС, два из которых должны были стрелять через полые валы редукторов двигателей М-103.

2. Ближний двухместный разведчик с двумя пулеметами ШКАС, один из которых разместили неподвижно в носовой части фюзеляжа, а второй — на шкворневой установке у стрелка-наблюдателя для обороны задней полусферы. Помимо специального оборудования (радиостанция «Двина», фотоаппарат АФА-19) разведчик мог взять 8х20 кг бомб.

3. Скоростной бомбардировщик имел такое же, как у разведчика стрелковое вооружение. Бомбовое вооружение составляло 6х100 кг бомб в фюзеляже.

Полное оформление проекта самолета «№ 22» завершилось в конце 1938 г. Тогда же в основном закончили поверочные расчеты рабочих чертежей, произвели продувки аэродинамических моделей. Основные летные характеристики изменились и по отдельным показателям стали выглядеть несколько скромнее первоначальных замыслов: максимальная скорость — 550 км/ч; дальность полета — 1800 км; потолок 10000 м. Назначенный ведущим инженером по самолету «№ 22» Е.Г. Адлер вспоминал, что, не смотря на заявленные военные специализации, строился он скорее как опытный скоростной образец. Предполагалось, что все основные дополнительные усовершенствования, включающие

установку вооружения и специального оборудования, будут проведены в случае подтверждения успешности летных испытаний. Конструктивно самолет «№ 22» полностью соответствовал технологии, отработанной в КБ Яковлева: сварной ферменный фюзеляж из стальных труб и деревянное неразъемное крыло с фанерной обшивкой.

Изготовление опытного образца велось достаточно быстро и в основном завершилось до конца 1938 г. Первый вылет опытного образца «22» состоялся в период между 5 и 10 февраля 1939 г. Однако полноценные полеты начались позднее, после того как устранили все недоработки в системе охлаждения двигателей. В одном из полетов летчик-испытатель Юлиан Пионтковский достиг полетной скорости 570 км/ч. После уточнения и внесения поправок с учетом погрешностей выяснилось, что скорость составила 560 км/ч. Хотя это значение заметно не дотягивало до ранее заявленных 600 км/ч, однако полученный результат расценивался как весьма высокое достижение. Действительно, самолет «№ 22» оказался на тот момент самым скоростным советским летательным аппаратом, его полетная скорость на 100 км/ч превышала максимальную скорость основного одномоторного истребителя И-16. Практически сразу сведения о достигнутых результатах были предоставлены руководству промышленности и начальнику ВВС Я.В. Смушкевичу. Далее информацию о двухмоторном самолете с небывалыми скоростными характеристиками передали в Кремль и 27 апреля А.С. Яковлева вызвали на прием к И.В. Сталину[84].

Впоследствии Яковлев писал: «Сталин, Молотов и Ворошилов очень интересовались моей машиной ББ и все расспрашивали, как же это удалось при таких же двигателях и той же бомбовой нагрузке, что и у СБ, получить скорость, превышающую скорость СБ.

Я объяснил, что здесь все дело в аэродинамике, что СБ проектировали 5 лет тому назад, а наука за это время продвинулась далеко вперед. Кроме того, нам удалось свой бомбардировщик сделать значительно легче, чем СБ.

Сталин все ходил по кабинету, удивлялся и говорил:

— Чудеса, просто чудеса, это революция в авиации.

Было решено запустить ББ в серийное производство»[85].

На самом деле название «ББ» (ближний бомбардировщик) еще не использовалось. На следующий день Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР, все основные участники создания машины «№ 22» были награждены правительственными наградами. А.С. Яковлева наградили орденом Ленина, автомобилем ЗИС и премией в 100 тысяч рублей.

«Сначала мы предполагали использовать новый самолет как скоростной тактический разведчик. Но под нажимом военных пришлось приспособить его в качестве фронтового бомбардировщика. Он получил название ББ — ближний бомбардировщик»[86]. — Напишет А.С. Яковлев.

Что касается самолета «№ 22», то для него сравнение с СБ, и сообщение об одинаковой бомбовой нагрузке сыграло скорее негативную роль. Заявляя, что, самолет может использоваться в качестве бомбардировщика, Яковлев практически автоматически согласился на последующую адаптацию своей машины в этом качестве. Е.Г. Адлер многие годы спустя, объяснял произошедшее неопытностью Яковлева, да и всего коллектива конструкторского бюро. А на деле нужно было настаивать на использовании самолета исключительно в качестве разведчика, поскольку такой маленький аппарат изначально не мог стать полноценным бомбовозом. Задуманный как скоростной самолет (чего стоит лишь первое название — «Истребитель преследования»), «№ 22» мог впоследствии действительно неплохо проявить себя в роли скоростного разведчика. Между тем, обстоятельства сложились так, что на первый план выдвинулись, прежде всего, его возможности как самолета-бомбардировщика[87].

Для проведения летом 1939 года государственных испытаний первого опытного экземпляра самолета «№ 22» он был представлен как разведчик. Однако. 1 июня 1939 г. макетной комиссией под председательством бригадного инженера И.Ф. Петрова было решено далее называть двухмоторный самолет Яковлева ББ-22, и использовать его в качестве ближнего бомбардировщика.

На самом деле работа над самолетом «22» в вариантах разведчика и истребителя продолжалась. Представители НИИ ВВС 19 июля 1939 г. осмотрели монтаж радиостанции РСР-3[88] и фотоаппарата АФА-1 на строящемся разведчике с двигателем М-105. 7 августа 1939 г. состоялся приказ Наркомата авиапромышленности о постройке на заводе № 1 трех разведчиков, получившим название «Р-12». Первый полет Р-12 на лыжном шасси состоялся 14 ноября 1939 г. Возникшие при испытаниях проблемы касались мотоустановки, ибо двигатели М-105 только начали устанавливаться на самолетах и обладали множеством недостатков. Затем последовал перерыв в полетах и испытания Р-12 продолжились весной 1940 г. Самолет «переобули» на колеса, после чего выяснилось, что при возросшем полетном весе небольшие колеса диаметром 600 мм не обеспечивают нормальной работы шасси. Передавать на государственные испытания Р-12 с такой серьезной недоработкой

было попросту опасно. Одновременно, уже существовало понимание, что усовершенствованный разведчик можно создать на базе варианта бомбардировщика. Однако по множеству причин такой новый разведчик не построили и продолжения работ по Р-12 не последовало[89].

Для его продвижения в серийное производство не помогло даже постановление Комитета Обороны № 219 от 29 июля 1939 года «О проведении мероприятий по строительству новых и модифицированных истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков, разведчиков, учебных, тренировочных и транспортных самолетов и по строительству новых опытных типов». Видимо, бомбардировщики были важнее. Поэтому для ведения фото- и визуальной разведки использовали бомбардировщики ББ-22, оснащенные аэрофотокамерами[90].

Летом 1941 года прошел летные испытания и был принят на вооружение Королевских ВВС Британии высотный разведчик «Москито» PR.I[91], являвшийся одной из модификаций английского многоцелевого самолета де Хэвилленд DH.98 «Москито» (англ. de Havilland DH.98 Mosquito), широко применявшегося также как бомбардировщик, ночной истребитель, истребитель-бомбардировщик и торпедоносец во времена Второй Мировой войны. Самолет имел двигатели с компрессорами наддува, спроектированными для работы на больших высотах до 11 000 метров. Конструкция самолета была чисто деревянная — трехслойная обшивка с внешними слоями из фанеры и внутренним из бальсы с вставками из ели для прочности, склеенная формальдегидным клеем под давлением и оклеенная сверху полотном, что позволило достичь требуемой прочности при малом весе конструкции. Бальса — это практически самая легкая древесина. Немецкие радары были не в состоянии своевременно засекать приближающийся «Москито», так как у этого самолета только двигатели, вооружение и некоторые элементы управления были сделаны из металла. Второй особенностью данного самолета в версии разведчика было полное отсутствие оборонительного стрелково-пушечного вооружения. Единственной защитой самолета должна была стать его скорость, которая для тех лет была очень высокой.

Если бы командование ВВС РККА пошли по пути англичан, отказаться от вооружения самолета и, в первую очередь, от бомбовой нагрузки, то на опытном двухместном фоторазведчике «№ 22» с мотором М-105 было вполне реально значительно превысить скорость 600 км/ч. Скорость могла бы обеспечить защиту от истребителей противника, тем более что иных, радиотехнических и прочих средств поиска на борту

перехватчиков не существовало[92].

Более продолжительной вышла история с истребителем, созданным на основе ББ-22. И-29 (иногда именуемый как ББ-22ИС) начали строить во второй половине 1940 года. Самолёт сделали одноместным, установили двигатели М-105 и мощное наступательное вооружение из двух пушек ШВАК. В декабре 1940 года на И-29 выполнили первый полёт, после которого последовал длительный этап доработок. К марту 1941 года истребитель всё ещё числился, как самолёт, проходящий заводские испытания, но время было потеряно. Работы по И-29 продолжались вплоть до 1942 года и были прекращены ввиду бесперспективности развития конструкции и снятия с производства самолётов Як-4 (следовательно, выпуск запчастей и деталей для унифицированного с ним истребителя тоже прекращался). Не последнюю роль сыграло и наличие в боевых частях самолёта Пе-3, лётные данные и эксплуатационные характеристики которого были несколько выше, чем у двухмоторного истребителя Яковлева, и появление прототипов гораздо более совершенных (но пока ещё опытных) самолётов МиГ-5 (ДИС) и Та-3 (ОКО-6)[93].

Государственные испытания самолета «№ 22» велись в период с 29 мая по 9 июня 1939 года. Участвующие в проведении тестирования ведущий летчик-испытатель Н.Ф. Шеварев, штурман А.М. Третьяков, летчики облета А.И. Филин, П.М. Стефановский и А.И. Кабанов подтвердили, что самолет «№ 22» с полетным весом 5123 кг действительно обладает высокими летными характеристиками. Развивает максимальную скорость 567 км/ч на высоте 4900 метров, способен достичь заявленного разработчиками практического потолка 10 км, имеет рекордную скороподъемность — высоту 5000 м набирает за 5,75 мин. Технические специалисты добавляли, что самолет дешевый, с простой технологией, может быть легко освоен промышленностью. Особо подчеркивалось, что «по культуре отделки наружной поверхности, производственному выполнению отдельных узлов и агрегатов может служить примером для отечественной промышленности». Одновременно указывалось, что «тактическая схема самолета в предъявленном варианте, несмотря на хороший обзор из передней кабины, не может быть признана удовлетворительной. Ограниченный обзор из кабины штурмана затрудняет ориентировку в разведывательном полете и совершенно исключает наводку самолета штурманом на цель и прицеливание при бомбометании»[94]

В соответствии с постановлением Комитета Обороны № 171сс от 20.06.39 г. серийное строительство ближнего

бомбардировщика ББ-22 «незамедлительно» разворачивалось на старейшем московском авиазаводе № 1.

Второй опытный экземпляр самолета «№ 22», называемый теперь ББ-22 М-103, на авиазаводе № 115 построили в конце лета 1939 г. Штурман в нем размещался сразу за летчиком, а бомбовый отсек «уехал» назад, за второй лонжерон крыла. Хотя указывалось, что внутри фюзеляжа можно разместить 4 авиабомбы ФАБ-100, на практике, по условиям центровки, там можно было подвесить не более 200 кг бомбового груза. Опытный ББ-22 испытывался до февраля 1940 года, при этом его максимальная скорость снизилась до 535 км/ч. Одной из причин уменьшения полетной скорости стали новые колеса основных стоек шасси размером 700х300 мм, которые теперь частично выступали из моторных гондол и заметно ухудшили аэродинамику самолета. В серии с середины 1940 г. ставились основные стойки измененной конструкции со спаренными колесами размером 750х175 мм. Сдача первых серийных ББ-22 авиазавода № 1 («изделие 70» из состава войсковой серии затянулась на несколько месяцев. До 1 марта 1940 г. удалось сдать заказчику всего 8 таких самолетов, еще 8 только доводились до летного состояния. При проведении испытаний одного из серийных образцов удалось добиться максимальной скорости всего 515 км/ч на высоте 5000 метров, заметно снизились потолок и скороподъемность. При возросшем полетном весе нагрузка на крыло превысила 180 кг/ м^2, что делало самолет еще более неустойчивым и сложным в пилотировании. Летчики отмечали высокую посадочную скорость, и склонность самолета к сваливанию на крыло.

Таким образом, получалось, что для оснащения военной авиации в серию запустили сложный в управлении самолет совсем не с высокими летными характеристиками. Да и заявленная его дешевизна на самом деле оборачивалась серьезными проблемами. Деревянная конструкция создавалась при помощи сложной и многодельной технологии, для получения необходимой прочности и высокого качества внешней отделки требовалось очень тщательное исполнение, что при серийном изготовлении обеспечить оказалось весьма непросто. В частности, особенно сложно было добиться гладкой поверхности фанерной обшивки самолеты. К сказанному следует добавить, что в 1940 году ББ-22 уже полностью был отдан на откуп серийному производству. Конструкторское бюро Яковлева в совершенствовании самолета и доведении его характеристик до более приемлемых показателей не участвовало.

Взлетный вес бомбардировщиков «ББ-22» приблизился к 6

тоннам, а нагрузка на крыло достигла значения 190 кг/ м^2. При этом, полетная скорость уже не превышала значений 500 км/ч. В этих условиях вполне разумным решением становилась установка на ББ-22 двигателей М-105 мощностью по 1100 л.с. В планах КБ Яковлева самолет с двумя М-105 уже проходил, он обозначался как самолет «№ 23», однако рабочим проектированием новой модификации пришлось заниматься конструкторам КБ-70 во главе с Л.П. Курбала. 4 марта 1940 г. последовало решение Комитета Обороны № 11 сс о модификации самолета «ББ-22» с двигателями М-105 и М-107. Оговаривались следующие расчетные данные: с двигателем М-105 максимальная скорость — 590 км/ч; с двигателем М-107 максимальная скорость — 650 км/ ч. Самолет с двигателями М-107 остался в планах, а машина с М-105 была построена уже в марте 1940 года. Модификацию с двигателями М-105 разработали на заводе № 1, здесь внесли необходимые изменения в конструкцию, подготовили всю техническую документацию для возможной серии.

В том же декабре самолеты «ББ-22» с двигателями М-103 стали именоваться Як-2, а самолеты «ББ-22бис» с двигателями М-105 — Як-4.

Именно под новым обозначением два Як-4 81-го завода — № 70602 и № 70603 — 10 декабря 1940 г. поступили для проведения государственных испытаний в НИИ ВВС. На испытаниях была достигнута максимальная скорость у земли 458 км/ч, на высоте 5000 метров — 533 км/ч. Потолок составил 9700 метров, время набора высоты 5000 метров — 6,5 минут. Признавалось, что по этим основным показателям самолет не удовлетворяет требованиям, предъявленным еще в марте 1940 г. Далее говорилось, что «Як-4 на эксплуатационном диапазоне центровок 29–31 % САХ [средняя аэродинамическая хорда крыла] обладает неудовлетворительной продольной и боковой устойчивостью. С нормальным полетным весом 6115 кг. сложен в пилотировании, рассчитан на летчика выше средней квалификации и полет на нем в сложных метеоусловиях будет исключительно труден». Затем указывалось множество других недостатков, среди прочих указывалось, что «эксплуатация в строевых частях ВВС будет исключительно сложной». Итоговое заключение по результатам государственных испытаний гласило, что в предъявленном виде самолеты Як-4 являются небоеспособными и недоведенными в части эксплуатации. Поэтому предлагалось Як-4 с серийного производства снять, а на уже выпущенных самолетах в целях безопасности полетов бомбовую нагрузку ограничить в 400 кг авиабомб, из которых только 200 кг размещать внутри фюзеляжа. От наружной

подвески авиабомб калибром 250 кг военные испытатели требовали отказаться вовсе. Заключение было подписано начальником НИИ ВВС Филиным 7 марта 1941 г., однако еще ранее, в феврале выпуск Як-4 был прекращен решением правительства. Впрочем, на заводе в Тушино еще оставалось значительное количество недостроенных самолетов, поэтому они достраивались до лета 1941 года. Всего авиазавод № 81 построил 120 двухмоторных Яков. Из них 57 самолетов сдали в 1940 году и 63 — в 1941 году. 30 экземпляров из этого количества оснастили моторами М-103 (Як-2), 90 — моторами М-105 (Як-4). Суммарный выпуск на двух авиазаводах (№ 1 и № 81) всех двухмоторных ББ-22 и ББ-22бис — Як-2[95] — Як-4[96], соответственно составил 201 экземпляр.

Между тем, несмотря на прекращение деятельности по устранению вскрытых недостатков, большая часть серийных Як-2 и Як-4 поступила в разведывательные авиаполки авиации Красной Армии. Эти самолеты обладали сравнительно не плохой скоростью и имели малые размеры, что способствовало скрытности действий. Однако эти машины отличались низкой надёжностью ряда агрегатов, неудовлетворительными эксплуатационными свойствами и слабым оборонительным вооружением (всего один пулемёт ШКАС на верхней турели у штурмана и ещё один неподвижный ШКАС в носу фюзеляжа). Бомбардировщики разведывательного типа Як-2 и Як-4 не укомплектовывались радио- и фотооборудованием.

1.4 «Авиация является основным средством оперативной и тактической разведки. Она ведет также наблюдение за полем боя и служит средством связи»

(Из проекта «Полевого устава РККА (ПУ-39)»

В проекте «Полевого устава РККА (ПУ-39)» (должен был быть утвержден на заседании Главного военного совета Красной Армии 25.06.1941, однако начавшаяся Великая Отечественная война не позволила это осуществить) немаловажное место было отведено авиации[97]. В главе второй «Организация войск РККА» проекта Полевого Устава в части ведения воздушной разведки отмечается следующее:

«Авиация является основным средством оперативной и тактической разведки. Она ведет также наблюдение за полем боя и служит средством связи.

…

Разведывательная авиация имеет своим назначением ведение воздушной разведки в оперативной глубине и глубоком тылу противника.

Войсковая авиация выполняет задачи разведки, наблюдения, корректирования артиллерийского огня и связи и применяется в особых случаях для выполнения боевых задач в интересах своего войскового соединения»[98].

К началу Великой Отечественной войны разведывательная авиация организационно подразделялась на фронтовую и корпусную. Фронтовая разведывательная авиация состояла из разведывательных авиационных полков (рап), состоявших из четырех разведывательных авиационных эскадрилий (раэ) по 12 самолетов-разведчиков (типа СБ и Як-4) и одной эскадрильи связи (12 самолетов У-2). Разведывательные авиационные полки подчинялись командующему ВВС военного округа, возглавлявшего окружное управление военно-воздушных сил.

В корпусную разведывательную авиацию входили отдельные разведывательные авиационные эскадрильи (ораэ) по девять самолетов-корректировщиков и разведчиков и по шесть самолетов связи[99].

В целом разведывательные авиационные полки и отдельные эскадрильи перед войной были укомплектованы только на 37,7 % личным составом и имели на вооружении 5,5 % самолетов от

общего состава боевой авиации ВВС[100].

Из интервью Г. Койфмана с ветераном Великой Отечественной войны Яковом Михайловичем Шейнкманом, начавшим накануне войны службу в 37-й Отдельной корпусной авиаэскадрилье (ОКАЭ), приданной 4-му Механизированному Корпусу, дислоцированному в Львовской области:

«Я.Ш. — Родился в 1921 году в Киеве, в простой рабочей семье. Отец работал на миниэлектростанции. Я учился в украинской школе № 6, закончил неполных 9 классов.

Как-то увидел призыв “Осоавиахима”, объявление о наборе на учебу в аэроклуб, и со своим другом Николаем Савчуком я пришел на отборочную медкомиссию. Сразу “заработала романтика молодости”, многие тогда грезили мечтой попасть в авиацию.

У меня было снижено зрение на один глаз, но смог обмануть окулиста на комиссии, когда требовали зачитывать ряды букв на плакате, то я дважды прикрыл дощечкой «слабый глаз», и врач написал, что зрение стопроцентное. Я занимался в аэроклубе и продолжал параллельно учиться в школе. В аэроклубе нас обучали на самолете У-2, и по окончании курса обучения мы получили “корочки”, свидетельствующие о том, что курсанты закончили программу обучения на летчиков-наблюдателей. Осенью 1938 года меня вызвали в Октябрьский райвоенкомат и предложили направить на учебу в летное училище в Краснодар, готовившее штурманов, или, как тогда говорили, “летчиков-наблюдателей” для бомбардировочной авиации. Дали два месяца отсрочки, чтобы я успел сдать экзамены за 10-й класс, и призвали, несмотря на возраст, по закону того времени курсантом военного училища мог стать и семнадцатилетний парень.

Проучился я в училище до августа 1940 года, на выпуске меня отправили служить в Киевский Особый Военный Округ, где меня и Савчука определили в 37-ю Отдельную корпусную авиаэскадрилью (ОКАЭ), приданную 4-му Механизированному Корпусу, дислоцированному в Львовской области.

Г.К. — Чему обучали курсантов в Краснодарском училище — КВАУШ?

Я.Ш. — Штурманское дело, связь, авиационное вооружение, стрельба по конусу, бомбометание, и, поверхностно, мы также изучали матчасть. Пилотированию нас не обучали, парашютная подготовка была минимальной, от курсантов требовали выполнить всего один прыжок, и то, не все успели прыгнуть. Учебное бомбометание производили четырьмя пятидесятикилограммовыми бомбами. На выпуске всем летнабам

давали сержантские звания, но мне и еще нескольким курсантам приказом — “за успехи в учебе” присвоили звания младших лейтенантов. По прибытию в часть нам объявили, что по новому положению, младшие лейтенанты, выпущенные из авиаучилищ в этом году, как и обычный сержантский летный состав, обязаны находиться первые три года службы на казарменном положении, так что первое командирское звание, полученное при выпуске, большой роли не имело. Выход в город для нас приказом был разрешен только по увольнительным. Мы размещались в казармах в районе львовского железнодорожного вокзала, а наш аэродром находился в десяти километрах от города.

Г.К. — Что представляла собой 37-я ОКАЭ? Из кого формировался личный состав подразделения?

Я.Ш. — На бумаге подразделение называлось эскадрильей, но личный состав и количество самолетов были равны обычному авиационному полку. Задачей 37 ОКАЭ было обеспечивание разведки и связи для мехкорпуса, которым, кстати, командовал генерал Власов, в войну ставший предателем. Матчасть эскадрильи была старой, изношенной — самолеты У-2, Р-5, Р-зет, всего 33 самолета. Командовал полком майор Максимов, его заместителем по летной части был капитан Смирнов, списанный из истребительной авиации. У нас в эскадрилье было немало пилотов, переведенных “из истребителей” по различным причинам, в основном — по проблемам со здоровьем. …

Г.К. — Каким было отношение местного населения к “сталинским соколам”?

Я.Ш. — Нам запрещались какие-либо контакты с местным населением, а с начала 1941 года, были отменены все увольнительные в город, но, кстати, именно 21-го июня нам дали увольнительную во Львов. В самом Львове было очень неспокойно, постоянно происходили убийства командиров, бесследно исчезали красноармейцы. Когда чекисты стали вывозить из города бывших польских офицеров, то в одном из домов в подвале были обнаружены трупы нескольких женщин-“восточниц”, все жены командиров Красной Армии, а в другом месте, в уборной, нашли трупы красноармейцев.

Г.К. — Приближение войны как-то чувствовалось?

Я.Ш. — О том, что скоро Германия на нас нападет, мы не думали. Были какие-то мелочи, намекавшие на подобное развитие событий, но мы даже в мыслях не допускали, что скоро начнется большая война. За месяц до начала войны была введена светомаскировка. Несколько раз в ночное время в нашей приграничной полосе садились на вынужденную посадку немецкие летчики, объясняя это ошибкой в ориентировании при

перелете на новый аэродром, мол, заблудились, и тут двигатель забарахлил, мол, не предполагали, что садимся на советской территории. Мы несколько раз вылетали в места, где обнаруживались немецкие самолеты, летчики которых недавно были переброшены в Польшу из Франции. Этих летчиков интернировали.

Наша эскадрилья вообще встретила войну разоруженной, без матчасти.

В мае сорок первого года капитан Смирнов и летчик Сорокин, отрабатывая “слепые полеты”, не вернулись на аэродром. Спустя несколько часов нам сообщили об их гибели. Разбившийся самолет нашли в тридцати километрах от Львова, оба летчика погибли. Сорокина отбросило на метров пятьдесят от обломков самолета, а труп Смирнова перевесился через борт кабины. Когда стали проверять причины аварии, то пришли к выводу, что у самолета в полете отвалилась плоскость. После этой авиакатастрофы на наш аэродром прибыл генерал Птухин, командующий авиацией округа, с ним комиссия авиаинженеров. Он прошел по летному полю и приказал “застолбить” все самолеты: “Как вы на этой рухляди летаете!? У вас все самолеты давно уже прогнили!”.

В 37-й ОКАЭ были оставлены только два связных У-2, все остальные самолеты были разобраны и отправлены в Киев, на ремонт в окружные авиамастерские.

Если бы генерал авиации, командующий ВВС КОВО Птухин твердо знал, что через месяц начнется война, разве бы он такой приказ отдал?»[101].

Стоит отметить, что только небольшая часть имевшихся самолётов-разведчиков была оборудована аэрофотоаппаратами. В первые месяцы войны фототехника использовалась только в одном вылете советского разведывательного самолёта из десяти.

Далеко не все отечественные разведчики были оснащены радиостанциями, в ряде случаев написанные от руки донесения приходилось сбрасывать в районе штаба в специальных кассетах с вымпелами.

Качество подготовки экипажей в разведывательных частях накануне войны руководством оценивалось как «явно невысокое». Это обстоятельство объяснялось систематическим принижением значения разведки, характерным для ВВС Красной Армии накануне войны (вопреки внешне правильным декларациям в руководящих документах), хотя опыт советско-финского конфликта, казалось бы, должен кое-чему научить советское командование. Конечно, не все без исключения пилоты разведывательной авиации имели невысокий уровень

профессиональной подготовки, но факт остается фактом — качественный состав её был хуже, чем в среднем по ВВС. Осенью 1940 г. после очередного выпуска из военных авиационных школ в разведывательные части попало немало новичков — лётчиков и лётчиков-наблюдателей. Предвоенные зима и весна не позволили им набраться хоть какого-то лётного опыта: стояла стабильно плохая погода с низкой облачностью, туманами и периодическими оттепелями, выводившими из строя грунтовые полосы аэродромов. К тому же в сильно выросших по численности ВВС весной и в начале лета 1941 г ощущалась нехватка бензина.

В течение 1940–1941 годов в связи с формированием и развертыванием новых училищ и авиационных соединений наиболее опытный летный состав разведывательной авиации был перемещен на руководящие должности в формируемые эскадрильи и училища других родов авиации. Прибывший из летных училищ в разведывательные авиационные части молодой летный состав не имел подготовки и опыта ведения воздушной разведки и передачи данных с борта самолета. Все это привело к тому, что качество подготовки летного состава разведывательной авиации резко снизилось[102].

В результате того, что разведывательная авиация к началу войны не была полностью укомплектована личным составом, не имела специального типа самолета-разведчика и в первые же дни понесла потери командующие ВВС фронтов были вынуждены для ведения воздушной разведки привлекать значительные силы боевой авиации[103].

«Разведывательная и корректировочная авиация исполняла в предвоенный период роль “золушки советских ВВС”, которая не получала ни современной материальной части, ни опытных экипажей»[104].

Накануне войны воздушная разведка по боевому предназначению подразделялась на *оперативную* и *тактическую*.

Согласно принятым взглядам на организацию и ведению воздушной разведки, оперативная воздушная разведка велась в интересах командования фронтов и армий для выяснения оперативных планов противника (группировки и переброски неприятельских сил и средств, подготовки вероятных районов действий в пределах фронтового или армейского театра). Задачи, выполняемые разведывательной авиацией, определялись характером проводимой операции. Оперативная воздушная разведка, проводимая в интересах командования фронта, должна была проникать в глубину территории противника на 200–500 км (зона тылового района фронта и глубина, достигаемая рядом

последовательных операций). Воздушная разведка, проводимая в интересах командования армии, велась в расположении противника на глубину 100–200 км, охватывая наблюдением зону тылов армии. Оперативная воздушная разведка выполнялась распоряжением армейского и фронтового командования.

Тактическая воздушная разведка организовывалась и велась в интересах войск и командования корпусов и дивизий (там, где дивизия является высшим тактическим соединением) для выяснения численности, положения и действий группировки противника перед фронтом данного войскового соединения. Задачи тактической воздушной разведки определялись характером боевых действий. Разведка в интересах командования корпуса велась на глубину до 60 км с целью своевременного обнаружения подходящих резервов, особенно механизированных соединений. Разведка в интересах командования дивизии — на глубину 30–40 км, обеспечивавшую своевременное принятие командованием необходимого решения и проведения его в жизнь (встречный бой с открытым флангом, бой при наличии у противника мех. соединений). Тактическая воздушная разведка организовывалась и велась распоряжением командования соответствовавшего соединения, в состав которого входила, которому была придана или которое обслуживала авиационная разведывательная часть[105].

В предвоенных документах отмечается целый ряд грубейших нарушений воинской дисциплины, уставов и наставлений, резко снижающих боеспособность советской авиации. Об этом шла речь в приказе народного комиссара обороны СССР маршала Тимошенко «О задачах ВВС Красной Армии в связи с большой аварийностью» № 0200 от 28 августа 1940 г. В приказе, в частности подчеркивалось: «Установлено, что основными причинами, порождающими аварийность, являются:

1. Чрезвычайно низкая дисциплина, расхлябанность и неорганизованность в частях ВВС Красной Армии. В результате слабого контроля приказы, уставы и наставления по производству полетов, регламентирующие летную работу, твердо и последовательно не выполняются…. Большое количество пьянок с дебошами, самовольные отлучки и прочие аморальные проступки, несовместимые со званием командира, красноармейца, характеризуют низкое состояние дисциплины и порождают аварийность. …»[106].

В директиве от 17 мая 1941 г. № 34677 «О задачах боевой подготовки ВВС Красной Армии на летний период 1941 года», подписанной наркомом обороны С.К. Тимошенко, начальником Генерального штаба Г.К. Жуковым и членом Главного военного

совета Красной Армии секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым, вновь речь идет о низкой выучке личного состава ВВС:

«Главный военный совет, рассмотрев итоги боевой подготовки ВВС Красной Армии за зимний период 1941 г., отмечает:

Боевая подготовка ВВС Красной Армии проходила неудовлетворительно.

Низкие показатели в боевой подготовке авиационных частей ВВС Красной Армии сопровождались чрезвычайно большим количеством катастроф и аварий. Особенно слабо проводилась боевая подготовка в частях ВВС Ор[ловского]ВО, МВО и КОВО.

Основные недочеты боевой подготовки за зимний период.

Переучивание летного состава на новые типы самолетов проводилось медленными темпами. Эксплуатация новой материальной части летно-техническим составом освоена слабо.

Тренировка в пикировании на самолетах СБ и АР-2 была развернута неинтенсивно. Обучение бомбометанию с пикированиями на самолетах АР-2 и ПЕ-2 не производилось.

Летный состав боевому применению — бомбометанию, воздушной стрельбе, высотным и маршрутным полетам — обучался совершенно неудовлетворительно.

В ВВС КОВО, ОрВО, МВО на каждый экипаж приходится меньше одного полета на бомбометание, воздушную стрельбу, воздушный бой и маршрутный полет.

Средний налет на одного летчика за весь зимний период составил в ВВС КОВО 6 часов, а в ОрВО — 2 часа 12 минут при среднем налете на одного летчика по ВВС Красной Армии более 16 часов.

Самостоятельный выпуск на боевых самолетах молодого летного состава недопустимо затянулся и не был закончен к концу зимнего периода.

Подготовка летного состава к слепым и ночным полетам во всех частях ВВС Красной Армии была развернута слабо. Слепой полет составил 5,2 % к общему налету, ночной — 4,6 %.

…

Опыт боевой подготовки зимнего периода 1941 г. показал слабое и неконкретное руководство боевой подготовкой авиационных частей со стороны большинства командующих ВВС округов, командиров корпусов и особенно командиров дивизий, проявивших низкую требовательность и слабый контроль по выполнению моих приказов.

…

Приказываю:

…

Ближнебомбардировочная авиация

…

4. Научить фотографировать результаты бомбометания и производить маршрутную съемку. …»[107].

Директивой были сформулированы и задачи, стоящие перед разведывательной авиацией:

«1. Боевую подготовку разведывательной авиации подчинить непосредственному ее назначению — разведке и фотографированию в интересах высших штабов.

2. В первом этапе обучения подготовить одиночные экипажи и группы до 9 самолетов к ведению разведки и фотографированию днем в простых условиях.

Во втором этапе обучения подготовить одиночные экипажи и группы до 9 самолетов ведению разведки и фотографированию днем в сложных метеорологических условиях, ночью — одиночными экипажами и в составе звена.

3. Полевые занятия наземных войск в поле использовать для обучения разведывательной авиации ведению визуальной разведки.

4. Научить экипажи разведывательной авиации грамотно составлять донесения, быстро и точно передавать их по радио, научить правильно и быстро дешифровать снимки.

5. На совместных учениях с войсками учить экипажи вызову огня артиллерии по внезапно обнаруженным целям»[108].

Из вышесказанного следует, что разведывательная авиация не была готова к выполнению стоящих перед ней задач по ведению воздушной разведки. Совершенно неоправданно указание директивы: «научить экипажи разведывательной авиации … правильно и быстро дешифровывать снимки».

В мае 1941 года с переходом Главного управления ВВС КА на новый штат структура 1-го отдела (оперативного) штаба ВВС, в составе которого имелось отделение разведки в числе нескольких офицеров, была упразднена в связи с образованием самостоятельных отделов штаба, в том числе 2-го отдела (разведывательного)[109].

1.5 «… Однако в боевой подготовке и материальной части истребители противника значительно уступают нашим»

(Из Военного дневника Франца Гальдера от 27 февраля 1941 г.)

Нельзя утверждать, что осведомленность командования вермахта о состоянии авиации РККА была однозначно адекватна реальному положению вещей.

Франц Гальдер в своем дневнике в конце февраля 1941 г. дважды останавливался на оценке состояния ВВС западных особых военных округов.

«22 февраля 1941 года

Утреннее совещание. не дало ничего существенно нового.

Русские военно-воздушные силы (доклад генерала Конрада):

а. ВВС не являются самостоятельной частью вооруженных сил (организация).

б. Размещение и количество авиации: 1100 аэродромов, из них годны для использования 200. Оборудование хуже, чем у нас. Мы считаем, что русская авиация насчитывает 4–5 тыс. бомбардировщиков и истребителей, из них:

— севернее Припяти — 1530 разведчиков и бомбардировщиков, а также 2200 истребителей;

— южнее Припяти — 675 разведчиков и бомбардировщиков, а также 1260 истребителей.

Всего — 5655 самолетов (Очевидно, в эту цифру включены также и разведывательные самолеты. — Прим, нем изд.);

главные силы авиации — севернее Припяти.

Командование ВВС считает, что такая группировка указывает на окончание стратегического развертывания русских войск на Западе (см. новый выпуск разведывательного бюллетеня о России). Транспортные самолеты и парашютисты — район Киева.

Можно считать, что летом в боевой готовности будет 60 % вышеуказанных самолетов»[110].

Рудольф Конрад, генерал-майор, начальник штаба 2-й армии, в ноябре 1940 г. был назначен «офицером связи при главнокомандующем ВВС» (Г. Геринге).

По поводу «окончания стратегического развертывания русских войск на Западе» редактор русского издания «Военного дневника» счел нужным дать комментарий: «Данный вывод свидетельствует о том, насколько плохо гитлеровское

командование знало намерения руководства Красной Армии. Стратегическое развертывание наших вооруженных сил осуществлялось позже»[111].

Из доклада Конрада, следует в целом ошибочная оценка численности ВВС в составе западных особых военных округов со стороны командования люфтваффе — допущено существенное увеличение реально существующей численности самолетов «севернее Припяти», а также общей численности в составе ВВС этих округов.

Так, «севернее Припяти» (Прибалтийский и Западный особые военные округа) к 22 июня 1941 г. в составе ВВС ПрибОВО находилось 529 истребителей, 288 бомбардировщиков, 60 штурмовиков, всего — **877 самолетов**[112]. Данные взяты из «Годового отчета штаба 6-й воздушной армии от 21 июля 1942 г.». Однако пересчет количества бомбардировщиков дает не 288 самолетов, а 405 единиц (См. комментарий в Приложении 1). Отсюда и общее количество самолетов ВВС ПрибОВО не 877, а **994** самолета. Данная корректировка повлияет на последующие расчеты. В составе ВВС ЗапОВО — 1022 истребителя, 887 бомбардировщиков, всего **1909 самолетов**[113]. Итого: 1551 истребитель, 1292 бомбардировщика и 60 штурмовиков, в общей сложности — **2903 самолета**.

«Южнее Припяти» (Киевский особый военный округ) накануне войны в состав ВВС округа входило 1166 истребителей, 587 бомбардировщиков, 197 штурмовиков и 53 самолета разведывательной авиации, всего **2003 самолета**[114]. В данном случае немецкая оценка — 1935 самолетов (в т. ч. 1260 истребителей и 675 разведчиков и бомбардировщиков) практически совпала с действительной цифрой.

В целом, накануне войны число самолетов ВВС западных особых военных округов составило **4906 единиц (2717 истребителей, 1932 бомбардировщика, в т. ч. 53 самолета разведывательной авиации, 257 штурмовиков)**, против 5655 самолетов, установленных разведкой люфтваффе по состоянию на конец февраля 1941 г. (как это следует из доклада офицера связи).

Следует обратить внимание, что специалисты люфтваффе не выделяли разведывательную авиацию, как вид, что, по сути, отвечало действительному положению вещей — самолеты разведывательной авиации несли бомбовую нагрузку и выступали в качестве легких разведчиков-бомбардировщиков. Германской разведке не удалось обнаружить наличие самолетов штурмовой авиации (60 единиц).

Спустя пять дней — 27 февраля 1941 года — Гальдер занес в

свой дневник с заметки о совещании с начальником генерального штаба люфтваффе генерал-майором Гансом Ешоннеком, который избежал детализации и привел несколько отличные цифры от тех, которые содержались в докладе офицера связи при главнокомандующем ВВС Конрада:

«“Барбаросса”. Соотношение истребителей 6:1 (3:1) (Эти цифры показывали соотношение сил советской и германской истребительной авиации: ориентировочно 6:1 (с учетом всех советских истребителей) и 3:1 (с учетом машин, находившихся в боевой готовности). — *Прим. нем. изд.*), однако в боевой подготовке и материальной части истребители противника значительно уступают нашим; [советские] бомбардировщики [2:1 (1:1)] уступают нашим в боевой подготовке.

У противника всего **400 истребителей современных типов** (выделено мной); общее же число — 3 тыс. Принимают участие в наземных боях. Бомбардировщиков — 1600–2000; в большинстве — устаревших типов.

Ожидается использование крупных сил авиации против наших наступающих авангардов, но затем должен последовать крах, обусловленный превосходством нашей техники и опыта.

[Замечание на полях: Цели для разрушения.]

Наземная организация русских ВВС не отделена от боевых частей, поэтому громоздка, работает с трудом и, будучи однажды нарушена, не может быть быстро восстановлена»[115].

Итого число самолетов ВВС западных особых военных округов, по данным начальника генерального штаба люфтваффе, составило: 4600–5000 единиц, что соответствует реальной цифре 4906 единиц. Вместе с тем, следует отметить, что приводимые цифровые данные Конрадом, равно как и Ешоннеком являлись предположительными. В такой же мере не являлась абсолютной цифрой 4906. При сравнении следует говорить о порядке.

В своем докладе о состоянии авиации РККА на совещании, проходившим в генеральном штабе сухопутных войск 22 февраля, генерал Конрад сообщил также о типах самолетов, состоявших на вооружении ВВС РККА:

«в. Типы самолетов. Разведывательные самолеты — устаревших типов; радиус действия — около 300 км (у немногих самолетов новых типов — до 640 км). Скорость — 150–250 км/час.

Штурмовики, большей частью устаревших марок, взаимодействуют с подвижными войсками. Имеется 100–200 штурмовиков новейших типов (скорость — 380 км/час; радиус действия — 700 км; вооружение — только пулеметы; впереди — четыре неподвижных пулемета).

Истребители типа И-16 — хорошие. Вооружение — четыре пулемета или два пулемета и две пушки. По вооружению уступают немецким истребителям (опыт Испании), в скорости — уступают ненамного. Строятся машины новых типов. В 1941 году, очевидно, они еще не будут выпущены.

Бомбардировщики: 2/3 — хорошие: СБ-1, СБ-3, а также ТБ-3 [они составляют] — 2/3 всего количества. СБ-1 и СБ-3 имеют радиус действия 600 км и приспособлены для действий ночью и при плохой погоде.

Нами были захвачены в виде трофеев ТБ-3 (радиус действия 1000. км; груз бомб — 2000 кг) и ДБ-3 (радиус действия — 1500 км; груз бомб — 800 кг).

Транспортных самолетов ожидается немного».

Ошибочная оценка люфтваффе касалась «хороших» истребителей И-16 и «хорошие» и СБ-1, СБ-3, а также ТБ-3. Самолет СБ -3 не числился на вооружении, возможно, речь шла о СБ-2. Командованием ВВС вышеперечисленные «хорошие» самолеты были сочтены устаревшими и подлежащими замене.

Ошибся «офицер связи», утверждая, что «строятся машины новых типов. В 1941 году, очевидно, они еще не будут выпущены». Причем речь шла только об истребителях. Ближе к истине оказался начальник генерального штаба люфтваффе генерал Ешоннек, сообщивший, что «у противника всего 400 истребителей современных типов».

Накануне войны в серию были запущены 6–7 самолетов нового типа: МиГ-3, Як- 1, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2, Ер-2 и еще ТБ-7 (хотя последний начали создавать еще в 1935 г.). За «новый тип» принимались модификации устаревших самолетов И-16 с М-62 (двигатель), И-16 с М-63, И- 153 с М-63, Су-2 с М-88 и другие, а также снятые с производства Як-2, Як-4[116], которые только начали поступать в части.

«На боевых самолетах нового типа, — отмечает историк авиации В.И. Алексеенко[117], — накануне войны непрерывно велись различные доработки по устранению выявляемых конструктивно-производственных и эксплуатационных недочетов и дефектов. Поэтому трудно было подготовить эти самолеты для проведения крайне необходимых испытаний — эксплуатационных испытаний и испытаний на их боевое применение, в процессе которых были бы исключены случаи чрезвычайных происшествий.

А строевые части ВВС остро нуждались в соответствующих инструкциях по новым самолетам.

Только накануне войны, 20 июня 1941 года вышел приказ НИИ ВВС, в котором требовалось к 1 августа 1941 года закончить эксплуатационные испытания и испытания на боевое применение

как в дневных, так и в ночных условиях всех боевых самолетов нового типа. Кроме того, на основании результатов испытаний к тому же сроку (1. 8. 41 г.) требовалось разработать и представить на утверждение для дальнейшей рассылки строевым частям следующие инструкции:

а) по технике пилотирования этих самолетов как днем, так и ночью, на всех высотах до рабочего потолка самолета;

б) по боевому применению в дневных и ночных условиях (бомбометание с горизонтального полета и при пикировании, воздушный бой на всех высотах до практического потолка самолета);

в) по эксплуатации самолета, мотора, вооружения и спецоборудования.

Но эти испытания не были проведены — началась война.

Таким образом, наши боевые летчики начали войну на недоведенных самолетах нового типа, не имея необходимых знаний и навыков по боевому применению и эксплуатации их в воздухе.

… К тому же, самолеты нового типа не имели надежно работающую радиосвязь, а самолеты истребители МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3 по существу вообще ее не имели. Если на некоторых из них и стояли радиостанции (на одном из 15 самолетов устанавливались на заводе), то летчики ими не могли пользоваться из-за больших помех радиоприему, создаваемых системой зажигания мотора и другими самолетными источниками.

А на первой 1000 самолетов Як-1 радиостанции заводом вообще не устанавливались.

Кроме неудовлетворительного положения с радиосвязью у советской авиации был весьма низкий уровень средств земного обеспечения самолетовождения (ЗОС), а для самолетов-истребителей этих средств вообще не было.

Отсутствие на наших самолетах радио-спецоборудования, а на Земле специальных средств земного обеспечения самолетовождения значительно ограничивало тактические и боевые возможности Советских ВВС, особенно истребительной авиации: крайне снижалось маневрирование групп самолетов, сосредоточение их в нужных направлениях, отыскание целей, исключало организованное ведение групповых воздушных боев (не было связи между экипажами и управления с земли), отсутствовала связь с наземными войсками, для которых авиация должна обеспечивать продвижение и т. д. и т. п.

Кроме того — крайне затрудняло летному составу восстанавливать ориентировку и выходить на свой аэродром для

избежания вынужденных посадок, влекущих за собой аварии самолетов и катастрофы.

Такое тяжелое положение в нашей авиации с радиоспецоборудованием самолетов и специальным наземным оборудованием сложилась в силу того, что наша радиотехническая промышленность накануне войны еще находилась только в стадии становления, и она не могла обеспечить советскую авиацию всеми необходимыми специальными изделиями.

Надо иметь в виду, что и производство изделий радиотехнической промышленности, на наш взгляд, также наукоемкое и технологически сложное. Мы в этой отрасли промышленности еще достаточно отставали»[118].

Согласно отчетам и докладам штабов и командующих ВВС, состояние ВВС западных особых военных округов в части поступившей на вооружение современной авиационной техники и боевой подготовки накануне 22 июня, выглядело следующим образом.

«Части военно-воздушных сил Прибалтийского особого военного округа к началу войны были подготовлены на старой материальной части — бомбардировочная авиация на самолетах СБ, истребительная авиация на самолетах И-153 и И-16.

Война застала части Прибалтийского особого военного округа в период перехода на новую материальную часть — истребителей на самолеты МиГ-3, на которых летали два полка и овладели этим самолетом, а часть полков бомбардировщиков проходили переучивание на самолетах Пе-2 за пределами округа.

По уровню боевой подготовки части военно-воздушных сил Прибалтийского особого военного округа были способны выполнять боевые задачи днем в несложных метеорологических условиях, на малых высотах, средних и больших высотах в составе звеньев и девятки. В сложных условиях были подготовлены отдельные экипажи, звенья и ночные эскадрильи. В условиях ночи летало примерно 15 % из всего состава бомбардировочной и истребительной авиации, которые были способны выполнить боевые задачи в условиях ночи только ограниченно» (Приложение 1).

«В результате пережитой тяжелой зимы к 15 апреля 1941 года боевую готовность частей Военно-воздушных сил Западного особого военного округа можно охарактеризовать следующим: истребители — небоеспособны (в воздухе почти не стреляли и воздушных боев не вели); бомбардировщики — ограниченно боеспособны (мало бомбили, мало стреляли, мало летали на маршрутные полеты). …

Штурмовиков округ вовсе не имел. 215-й штурмовой авиационный полк, только что сформированный, к началу войны имел двенадцать И-15 и подготавливал летчиков для перехода на ИЛ-2, которых округ в то время не имел…

К началу войны части Военно-воздушных сил Западного особого военного округа были вооружены: бомбардировщики — самолетами СБ, СУ-2, а тяжелые полки — ТБ-3; истребители — самолетами И-16 и И-153; штурмовики — самолетами И-15-бис

Состояние материальной части было вполне удовлетворительное.

9-я смешанная авиационная дивизия к началу войны получила **262 самолета МИГ-1 и МИГ-3** и приступила к их освоению. Всего было на МИГах выпущено до 140 летчиков и продолжался выпуск остальных.

На новых самолетах производились только аэродромные полеты и отстрел пулеметов в воздухе. Материальная часть к началу войны была не освоена и дивизия имела ряд тяжелых катастроф в процессе ее освоения. Старая материальная часть (И-16, И-153) осталась в дивизии.

Самолеты **ПЕ-2** были получены в количестве **420 штук** и находились в 13-м авиационном полку 9-й смешанной авиационной дивизии и 15-м авиационном полку 11-й смешанной авиационной дивизии.

Таким образом, с начала войны округ переживал период перевооружения на новую материальную часть, а интерес к старой материальной части заметно снизился. Все сверху до низу были охвачены скорейшим выпуском летчиков на новой материальной части» (Приложение 2).

«Всего по Военно-воздушным силам Юго-Западного фронта к 22.6.41 г. по видам авиации имелось:

а) Истребительная авиация:

Самолетов:

МИГ-3 159

(статистика старой материальной части, состоявшей на вооружении, опущена, а также техники, снятой с производств. — *М.А.*)

…

б) Бомбардировочная авиация:

Самолетов:

ПЕ-2 68

…

в) Штурмовая авиация:

Самолетов:

…

ИЛ-2 5

…

Летный состав частей, перевооруженных в 1941 г. на новую материальную часть (МИГ-3, ЯК-1, ЯК-2-4, ПЕ-2, СУ-2 и другие), к началу войны боевым применением на новой материальной части не овладел и к боевым действиям был подготовлен слабо.

В целом Военно-воздушные силы Юго-Западного фронта к боевым действиям были подготовлены недостаточно по причинам:

а) При перевооружении частей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта на новую материальную часть некоторые старые сколоченные авиационные полки (52, 48-й ближне-бомбардировочные авиационные полки и другие) к началу боевых действий не имели необходимого количества самолетов новых типов, а старая материальная часть у них была взята для новых формирований, в результате чего эти полки оказались перед началом войны в состоянии пониженной боеспособности;

б) Летный состав всех авиационных полков, перевооруженных на новую материальную часть в период, непосредственно предшествовавший войне, стрелковым и бомбардировочным вооружением самолетов новых типов не овладел, в результате чего в первые дни войны новая материальная часть использовались недостаточно эффективно;

в) Некоторые авиационные полки формирования 1940 г. (224, 225, 138-й ближне-бомбардировочные авиационные полки и другие) были укомплектованы материальной частью только на 20–50 % от штатной нормы, в результате чего их удельный вес в боевых действиях был незначителен» (Приложение 3).

Как следует из выше цитируемого «Доклада командующего Военно-воздушными силами Юго-Западного фронта командующему Военно-воздушными силами Красной Армии о боевых действиях Военно-воздушных сил фронта за период с 22 июня по 10 августа 1941 г.», летный состав был ограничен летчиками и летчиками-наблюдателями. Вместе с тем, в одном из предвоенных документов пояснялось следующее:

«Двухмоторные самолеты-бомбардировщики имеют состав экипажа в 3–4 человека: штурман, летчик и один-два стрелка-радиста. Тяжелые многомоторные самолеты имеют постоянный штатный состав по всем основным специальностям. … Легкие бомбардировщики, штурмовики и двух — и многоместные истребители, работающие группами, могут иметь на одном самолете звена летчика-наблюдателя (штурман на командирском самолете), а на прочих самолетах — стрелков-бомбардиров»[119].

Только по приведенной статистике в состав ВВС ЗапОВО и

КОВО входило 682 и 232 самолета новых типов, соответственно, а не 400, как посчитал начальник генерального штаба люфтваффе (по данным на 27 февраля). Очевидно, что в течение последующих четырех месяцев эта цифра увеличилась. Следует отметить, что 914 единиц новой техники в расчет не могут быть приняты, так как к началу войны новая материальная техника была освоена частично.

В.И. Алексеенко дает цифру новой авиационной техники в частях к 22 июня 1941 г., отличную от приведенной выше, которая, однако, не меняет общей картины: «Всего в строевых частях советских ВВС к началу войны было 706 боевых самолетов нового типа, на которых переучено 1354 летчика, из них истребителей МиГ-3 — 407 (переучено 686 летчиков), Як-1 — 142 (156), ЛаГГ-3 — 29 (90); пикирующих бомбардировщиков Пе-2 — 128 (362), бронированных штурмовиков Ил-2 — 0 (60). В том числе, в ВВС Западных приграничных округах было 304 истребителя и 73 Пе-2, **всего 377 самолетов нового типа**[120].

Эта цифра близка к той — 400 самолетов, которую привел генерал Ешоннек на совещании в генеральном штабе сухопутных войск.

В своем докладе 22 февраля генерал Конрад также проинформировал командование сухопутных войск о следующем, дав, в целом, адекватную оценку:

«г. Боевая подготовка, руководство, использование: Истребители и бомбардировщики в составе соединений действуют хорошо. Сильная зависимость от ведущего. Обученность слепому полету и действиям в условиях плохой погоды — недостаточная. Истребители обучены действиям против наземных целей, однако их главная задача состоит в борьбе с авиацией в воздухе и на земле. Взаимодействие истребителей и бомбардировщиков отработано недостаточно.

Руководство авиацией — твердое и решительное, но не обученное новейшей тактике; в своих Действиях схематично и недостаточно гибко.

д. Наземная организация, войска связи ВВС: Войск связи ВВС в нашем смысле нет. Только радиосвязь. Радиопереговоры в критические моменты ведутся открытым текстом. Наземная организация громоздка. Крупные наземные технические части приданы авиасоединениям. Обеспеченность запасами, по-видимому, плохая.

е. Предположительные действия (см. п. «б»). Требуется длительное время для подготовки. При полетах самолеты будут находиться под наблюдением [немецкой радиоразведки]. Истребители взаимодействуют со своими войсками и атакуют

наземные войска противника. Штурмовики используются против войск, находящихся в движении.

Бомбардировщики имеют задачу действовать по тылам противника. Необходимы светлые ночи. Цели: база снабжения у Восточной Пруссии, силезская промышленность, румынская нефтяная база, балтийские порты, Берлин.

ж. Численность нашей авиации: Командование ВВС рассчитывает иметь в распоряжении всего 4 тыс. (может быть, и больше) машин, в том числе 600 самолетов новых типов…

Наши намерения по распределению сил авиации в операции «Барбаросса»: группа армий «Север» — 380; группа армий «Центр» — 910; группа армий «Юг» — 510».

В результате испытаний в НИИ ВВС всех закупленных в Германии боевых самолетов (Ме-109Е, Ме-110, Ю-88, До-215) отмечалось, что немецкий самолет не мыслится без радиостанции, радиокомпаса, без оборудования для слепой посадки и целого ряда оборудования, обеспечивающего его боевое применение[121]. Характерная особенность конструкций немецких самолетов заключалась в том, что при проектировании и постройке большое внимание уделялось максимальному облегчению эксплуатации самолета в полевых условиях и удобству для летного состава выполнения боевых задач[122]. Кроме того, все немецкие самолеты, состоявшие на вооружении ВВС резко отличались от отечественных своими большими запасами устойчивости в полете, что значительно повышало безопасность полета, живучесть самолета и упрощало технику пилотирования и освоения строевыми летчиками низкой квалификации.

1.6 «Запретить полеты нашей авиации в приграничной полосе 10 км от госграницы»

(Из приказа наркома обороны СССР С.К. Тимошенко от 12.06.41 г.)

Готовясь к нападению на Советский Союз, немцы подошли к вопросу традиционно обстоятельно и решили провести масштабные разведывательные мероприятия. Надо отдать должное — современные инструменты для подобных действий у них имелись. Одними из главных действующих лиц должны были стать самолёты-разведчики так называемой группы разведки главнокомандующего люфтваффе (Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe), или просто «Das Kommando Rowehl», по фамилии оберст-лейтенанта Теодора Ровеля, который был создателем и бессменным командиром этой части[123].

В октябре 1940 г. он получил приказ провести операцию по масштабному фотографированию западных территорий СССР в рамках подготовки операции «Барбаросса». «Полёты должны были производиться максимально скрытно, на большой высоте, и завершиться к 15 июня 1941 года. Основной целью разведки было получение актуальной информации об аэродромах, пограничных укреплениях, местах сосредоточения советских войск, казармах, складах, позициях ПВО, предприятиях военной промышленности, мостах, морских и речных портах, сети автомобильных и железных дорог. Отдельный интерес представляли московский и ленинградский промышленные районы, а также бакинские нефтяные месторождения. …

Действия разведчиков начались в январе, вылеты проводились на глубину до 1300 км советской территории. Первый пролёт нарушителя был отмечен советскими постами системы ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь) 6 января.

Немцы пытались маскироваться, используя высоту и облачность. Экипаж взлетал, например, с аэродрома Зееранпен возле Кёнигсберга, набирал высоту над Балтикой, производил фотосъёмку в Прибалтике и Белоруссии, пересекал границу в районе Бреста и садился на аэродроме Тересполь. После этого самолёт заправлялся и уходил, выполняя полёт в обратном направлении. Оставаться незамеченными при таком размахе действий было трудно: несмотря на то, что сетью РЛС Красная

армия не располагала, посты ВНОС фиксировали довольно большое количество пролётов нарушителей на границе»[124].

Наркомату обороны РККА категорически запрещалось высшим руководством страны ведение ВВС воздушной разведки над приграничной территорией потенциального противника, что существенно затрудняло возможность своевременно вскрыть выход немецких войск на границу.

Командующий ВВС Красной армии генерал-лейтенант П.В. Рычагов в докладе от 4 апреля наркому обороны маршалу С.К. Тимошенко отмечал, что с 1 января по 25 марта немецкие самолёты нарушили границу 25 раз, причём у большинства причиной была явно не потеря ориентировки. Он предлагал использовать сложившееся положение и начать ответные действия:

«Вылетающие на перехват наши истребители не имеют права стрелять по германским самолётам, нарушившим госграницу. Случаев обстрела с германской стороны наших самолётов при нарушении ими госграницы в 1940 году также не было. Считаю необходимым, пользуясь отсутствием огневого воздействия с германской стороны по нашим самолётам, нарушающим госграницу, произвести аэрофотосъёмку важных для нас германских приграничных районов и укреплений. Прошу Ваших указаний»[125].

Реакции не последовало, нарушителей же границы со стороны экипажей самолетов ВВС КА ждало предание суду военного трибунала[126].

С 27 марта по 18 апреля 1941 года экипажи группы Ровеля работали особенно интенсивно, ежедневно используя более трёх самолётов. «Это фиксирует и советская сторона. К примеру, на прибалтийском направлении первая декада апреля стала рекордной по уровню нарушений границы: 8 апреля зафиксировали три полёта, 9 апреля — пять.

По сигналам системы ВНОС на перехват регулярно поднимались советские истребители, однако большая высота, на которой работали немецкие экипажи, как правило, не позволяла пилотам И-16 и И-153 приблизиться к ним. К примеру, 8 апреля по тревоге с задачей принуждения к посадке иностранного самолёта поднялся И-16, который пилотировал заместитель командира 10-го ИАП капитан А.И. Серенко. Второпях он вылетел без лётного снаряжения, надев только шлем, и, пытаясь преследовать нарушителя, на высоте около 8500 метров обморозил руки и ноги. Потеряв ориентировку и не восстановив её, Серенко произвёл вынужденную посадку с убранным шасси в районе города Остров.

Надо отметить, что посты ВНОС фиксировали в основном работу экипажей Do 215 и He 111, пролетавших над приграничными районами на средних высотах, а вот полёты Ju 86, судя по всему, были зафиксированы считанное количество раз, и попытки перехвата высотных машин были тоже единичными.

10 апреля подобный случай над Каунасом закончился трагически. В 11:28 самолёт неустановленного типа на высоте 11 000 метров нарушил госграницу западнее Шаки. В 11:31 он появился над Каунасом, и на перехват были подняты четыре МиГ-3 из 31-го ИАП и три И-153 из 15-го ИАП. Один «МиГ» практически сразу возвратился из-за проблем с радиатором, И-153 отстали на высоте 8000 метров, а оставшаяся тройка в составе лейтенанта И.А. Аксютина и младших лейтенантов С.Н. Акимова и С.А. Евтушенко попыталась принудить нарушителя к посадке. Увы, все три «МиГа» при попытках выйти наперерез свалились в штопор, и лишь более опытный лейтенант Аксютин смог приблизиться к разведчику и дать предупредительную очередь, после чего также не справился с управлением. В результате посадить истребитель на аэродроме удалось только младшему лейтенанту Акимову: Аксютин выбросился с парашютом, а Евтушенко, вероятно, потерял сознание, упал с самолётом и погиб. Он только начал освоение нового истребителя и успел выполнить лишь 14 полётов.

Вероятно, 10 апреля над Литвой действовали самолёты 2.(F)/Ob.d.L., которые проводили площадное фотографирование приграничного района Каунас — Кедайняй: советские посты ВНОС насчитали 14 пролётов. Одновременно через Каунас проследовал высотный разведчик, который проводил фотосъёмку стратегических объектов и шёл в глубину территории СССР. Это происшествие подробно расследовали и по результатам разработали инструкции по технике пилотирования МиГ-3 на большой высоте, которые довели до лётного состава.

Через несколько дней не повезло уже немцам. 15 апреля в 12:00 с аэродрома Краков стартовал Ju 86P-2 с гражданским кодом D-APEW из испытательного центра высотных полётов, экипаж которого составляли унтер-офицеры пилот Альберт Шнец (Uffz. Albert Schnetz) и наблюдатель Рудольф Вальтер (Rudolf Walther). Полёт проходил на высоте около 10 000 метров, экипаж выполнил съёмку железнодорожной линии Новоград-Волынский — Житомир и города Житомир, лёг на обратный курс, но на свой аэродром не вернулся.

Из советских документов известно, что около 16:00 посты ВНОС зафиксировали двухмоторный самолёт, идущий с востока

через Шепетовку на Луцк. С аэродрома Дубно в воздух был поднят И-16 инспектора по технике пилотирования 46-го ИАП старшего лейтенанта П.М. Шалунова. В 16:30 на высоте 400–500 метров он перехватил нарушителя и принудил его к посадке в 10 км южнее Ровно. «Юнкерс» произвёл нормальную посадку на поле, но в конце пробега угодил в межу и подломил стойки шасси. Немецкие источники сообщают, что в результате остановки правого двигателя пилот был вынужден совершить аварийную посадку возле Ровно в 16:20. После попытки взрыва гермокабины и отсека с фотоаппаратами экипаж[127] был арестован местными органами власти».

Что немцы получили от авиаразведки?

На примере запроса о получении разведывательной информации, который сформулировал штаб немецкой 4-й армии 1 марта 1941 года, можно понять, что интересовало командование вермахта в первую очередь. В частности, в документе содержались следующие требования:

«1. Непрерывный мониторинг сети железных дорог с особым упором на Кобрин, Жабинку, Гайновку, Белосток и Гродно.

2. Разведка автомобильных дорог, чтобы подтвердить тип и состояние дорожной сети, включая шоссе Минск — Москва.

3. Разведка укреплений в указанных районах для определения наличия противотанковых рвов и других защитных сооружений».

От экипажей требовалось, чтобы фотографии были сделаны с перекрытием снимков, чтобы на советской территории не оставалось «белых пятен». Кроме плановых фото, командование требовало и перспективные снимки в хорошем качестве.

В мае активность немецких разведчиков над приграничными районами СССР несколько снизилась, но в июне возобновилась с ещё большей интенсивностью…

Полуторное от штатного число самолётов в Aufkl.Gr.Ob.d.L., а также мощная ремонтная база группы позволяли действовать над СССР, не прекращая полёты над Британскими островами. Так, записи в лётной книжке наблюдателя лейтенанта Вольфа Лоаха (Lt. Wolf Loah) из 1.(F)/Ob.d.L. свидетельствуют о том, что 12 июня его экипаж выполнил два вылета на «нормальном» разведчике над Англией, а уже 20 июня участвовал в двух шпионских миссиях над СССР.

Кроме того, к 15 июня 1941 года предполагалось завершить фотографирование советских приграничных аэродромов — за неделю до вторжения, чтобы обеспечить люфтваффе самой свежей информацией о базировании ВВС КА. Высотные немецкие разведчики в первой половине июня сделали отличные снимки

советских авиабаз, при этом вылеты не фиксировались советскими постами ВНОС — так, аэрофотосъёмка аэродромов Шауляй и Каунас проведённая 8–9 июня, осталась незамеченной. Вероятно, по этой причине немецкие специалисты не стали заниматься ночной разведкой, хотя такой вопрос прорабатывался.

«Юнкерсы» Ju 88B-0 из 4./O.b.d.L. провели несколько дальних рейдов и смогли сфотографировать нефтепромыслы Баку, а также порты на черноморском побережье Кавказа. Пожалуй, последней значительной акцией перед началом войны стала аэрофотосъёмка портов на Балтике, в первую очередь Кронштадта, а также Ленинграда и Беломорско-Балтийского канала.

«В целом приходится констатировать факт — поставленные немецким командованием задачи экипажи Aufkl.Gr.Ob.d.L. выполнили с блеском и минимальными потерями. Для наступающих немецких войск впереди практически не было белых пятен, а особенно тяжело пришлось ВВС КА. Практически все советские аэродромы были детально отсняты, и уже самые первые удары люфтваффе утром 22 июня были чрезвычайно эффективны»[128].

«Существующая аэродромная сеть противником была изучена еще до начала боевых действий. — Отмечалось в годовом отчете штаба 6-й воздушной армии от 21 июля 1942 г. «О боевой деятельности военно-воздушных сил Северо-Западного фронта за период с 22.6.41 г. по 1.7.42 г.».

Базовые аэродромы в большинстве своем были построены германскими специалистами, а вновь построенные оперативные (полевые) аэродромы были изучены за 2–2,5 месяца до войны тщательной авиационной разведкой, которую противник проводил ежедневно, производя полеты одиночных самолетов до рубежа Митава, Двинск. Поэтому первые удары по нашим передовым аэродромам противник, как правило, наносил безошибочно, даже с бреющего полета, группами в 6-18 самолетов типа Ю-88, До-215, Хе-111, Ме-110 и Ме-109. …»[129].

В «Отчете о боевой деятельности военно-воздушных сил Западного фронта за 1941 г. (с 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г.)» командующий ВВС Западного фронта генерал-майор авиации Науменко счел необходимым подчеркнуть:

«Между тем германская разведка практически изучала базирование наших военно-воздушных сил. Воздушная трасса Москва-Берлин проходила через основные аэроузлы Западного особого военного округа.

Несмотря на неоднократные ходатайства командования военно-воздушных сил округа об изменении направления трассы, германские самолеты все же пользовались ею, производили

посадку на таких аэродромах, как Белосток, Минск, даже тогда, когда на них производилась летная работа»[130].

Подобную практику полетов, в случае принятия решения на высшем уровне, могло взять на «вооружение» Разведывательное управление Генерального штаба КА, привлекая к сбору разведывательной информации образованное 19 июня 1937 г. Управление международных воздушных линий Гражданского воздушного флота (ГВФ), одной из главных задач которого являлась организация международных коммерческих воздушных перевозок между Советским Союзом и иностранными государствами. 8 января 1940 г. была открыта международная авиалиния Москва — Минск — Белосток — Кёнигсберг (Калининград) — Данциг (Гданьск) — Берлин. Обслуживали маршрут две авиакомпании — «Аэрофлот» и немецкая «Дёйче Люфтганза». Рейс был стыковочным: советские самолеты летали до Кёнигсберга, где пассажиры ночевали, а немецкие — до Берлина. На линии курсировали «Дугласы ДС-3» с ежедневной частотой, время в пути составляло 24 часа с учетом стыковок и ночевки. Авиасообщение на этом маршруте было прервано 22 июня 1941 года[131]. Самолеты ГВФ могли дооборудоваться для фоторазведки для ведения маршрутной съемки, в случае признания целесообразности проведения съемки и возможности установки аэрофотоаппарата. С этой же точки зрения следовало рассмотреть вопрос включения в число членов экипажа самолета авиакомпании «Аэрофлот» сотрудника разведки.

Из «Отчета о боевой деятельности военно-воздушных сил Западного фронта за 1941 г. (с 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г.)» командующего ВВС Западного фронта генерал-майора авиации Науменко:

«В течение всего периода с момента заключения договора между СССР и Германией и особенно в последние дни противник систематически нарушал нашу госграницу, не только перелетая ее, но и умышленно производя посадки своих самолетов на наших аэродромах с экипажами в чине младших офицеров — фактически переодетых офицеров. Наши истребители, сидевшие в засаде вдоль госграницы, не имели возможности активно противодействовать нарушению противником нашей границы, т. к. имели приказ оружия не применять, а предлагать посадку эволюциями самолета, что никакого воздействия не оказывало.

Еще задолго до начала войны противник произвел фотосъемку наших укреплений на границе, что подтверждается фотодокументами, захваченными в разгромленных штабах немецкой армии» (Приложение 2).

12 июня нарком обороны СССР С.К. Тимошенко приказал:

«Запретить полеты нашей авиации в приграничной полосе 10 км от госграницы»[132].

Последняя мера была, скорее всего, направлена на предотвращение случайного пересечения границы вследствие навигационных ошибок.

Необходимо отметить, что советская сторона совершенно верно оценивала действия немецких воздушных разведчиков. 17 июня 1941 года в очередном докладе наркому обороны маршалу С.К. Тимошенко начальник Главного управления ВВС КА генерал-лейтенант П.С. Жигарев не первый раз отмечал активную разведывательную деятельность немцев, а также вновь просил принять ответные меры и начать разведку немецкой территории:

«За период с 01.01.1941 по 10.06.1941 имели место 122 случая нарушения западной государственной границы СССР иностранными самолётами… Изучение этих случаев показывает, что нарушения государственной границы, носившие до апреля 1941 года эпизодический характер, с апреля превращаются в массовое явление, носящее в отдельные дни вид целых разведывательных операций.

09.04.1941 в период с 14:24 до 16:08 государственную границу с Литовской ССР нарушили пять германских самолётов, 10.04.1941 в период с 11:21 до 14:28 государственную границу с Литовской ССР нарушили 14 германских самолётов… Наиболее интенсивные полёты самолётов, нарушающих государственную границу, производятся в следующих районах: Рига, Либава, Шавли, Каунас… Разведывательной характер этих полётов установлен наличием на принуждённом к посадке в районе Ровно 15.04.1941 самолёте Ю-86 фотоплёнки с заснятым ж/д перегоном от Малин до Стремигород…

Всё изложенное свидетельствует, что западное приграничное пространство СССР систематически разведывается и фотографируется германской авиацией. Наши истребители, вылетающие на перехват, не имеют права стрелять по германским самолётам, нарушившим государственную границу. В свою очередь, случаев обстрела наших самолётов, нарушавших государственную границу с Германией, также не было. В моём докладе, представленном Вам за № 159172 от 09.04.1941, анализировались все случаи нарушений нашей западной государственной границы германскими самолётами с 01.01.1941 по 25.03.1941, и ставился вопрос об организации фоторазведки германской территории.

Считаю необходимым вновь поставить вопрос о том, чтобы, пользуясь отсутствием огневого воздействия с германской стороны по нашим самолётам, нарушающим государственную

границу, провести фоторазведку основных направлений и пунктов на германской приграничной территории. Аналогичный доклад представлен мною тов. Сталину И.В.»[133].

Однако ни технической возможности, ни времени на подобные действия против Германии уже не было. Во-первых, руководство ВВС КА ранее не озаботилось созданием нужных подразделений, во-вторых, вермахт и люфтваффе уже изготовились для удара по советской территории. Создавать части, подобные группе Ровеля, ВВС КА пришлось уже в ходе боевых действий, используя ценные кадры лётчиков-испытателей, преподавателей и инструкторов военных академий и различных курсов и потратив не один месяц, в то время как счёт шёл на часы и минуты[134].

Ущерб, который был нанесен Красной армии практически беспрепятственными полетами немецких самолетов-разведчиков, был огромен. В результате, по ряду оценок, люфтваффе смогли осуществить сотни полетов, проводя авиафоторазведку над войсками приграничных военных округов РККА в предвоенные месяцы 1941 г. С октября 1939 г. по 22 июня 1941 г. немецкая авиация более 500 (!) раз вторгалась в советское воздушное пространство, углубляясь на 100–150 км[135].

Как правило, эти полеты заканчивались тем, что по представлениям начальников соответствующих пограничных отрядов погранвойск НКВД германским (а также финским и румынским) пограничным властям раз за разом заявлялся протест. И эти протесты раз за разом игнорировались.

К.К. Рокоссовский, занимавший к началу Великой Отечественной войны пост командира 9-го механизированного корпуса в Киевском особом военном округе (КОВО), писал: «Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категорически воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении… Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев»[136].

Ведение воздушной разведки накануне войны ограничивалось только визуальным наблюдением за противником. Воздушное фотографирование (по современным взглядам, инструментальные средства разведки) было реализовано только в ходе «зимней войны» 1939–1940 годов, а передача по радио сведений о противнике с борта самолета-разведчика появилась позже только после вторжения Германии на территорию СССР.

А теперь о том, как проводилась накануне войны воздушная разведка, согласно воспоминаниям ее участников.

Вот как это выглядело в описании непосредственного исполнителя этого задания Сталина — Героя Советского Союза, генерал-майора авиации (с 4 июня 1940 г.) Георгия Нефедовича Захарова, командовавшего перед войной 43-й истребительной авиадивизией Западного Особого военного округа:

«…Где-то в середине последней предвоенной недели — это было либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня сорок первого года — я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север — до Белостока.

Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые — судя по всему, штабные — автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее, как в невидимую преграду, и готовое вот-вот перехлестнуть через нее.

Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме одного-единственного: близится война. Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт [Н. Захаров воевал в Испании и Китае, где сбил, соответственно, 6 самолетов лично и 4 в группе, и 3 самолета], и вывод, который я для себя сделал, можно было сформулировать в четырех словах — “со дня на день”…

Мы летали тогда немногим больше трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова

поднимались в воздух и, пройдя 30–50 километров, снова садились. И снова я писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру таким образом мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных.

В Белостоке заместитель командующего Западным Особым военным округом генерал И. В. Болдин проводил разбор недавно закончившихся учений. Я кратко доложил ему о результатах полета и в тот же вечер на истребителе, предоставленном мне Черных, перелетел в Минск.

Командующий ВВС округа генерал И. И. Копец выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом (фронтом). Слушая, генерал армии Д. Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяла слово “преувеличивать” на “паниковать” — он явно не принял до конца всего того, что я говорил. Тогда Копец, опередив меня, заявил, что нет никаких оснований брать мой доклад под сомнение, и командующий округом, чтобы сгладить возникшую неловкую паузу, произнес несколько примирительных во тону фраз и поблагодарил за четко выполненное задание. С этим мы и ушли. Спокойствия в моей душе, однако, не было.

Позднее я узнал, что результатом нашей разведки и сообщения командующему был приказ одному из танковых корпусов срочно подтянуться к границе из района летних учений. Но и эта минимальная мера предосторожности запоздала: война застала танковый корпус на марше»[137].

Странно, что разведывательный полет состоялся 17–18 июня в нарушение приказа нарком обороны СССР С.К. Тимошенко от 12 июня, запрещавшего «полеты нашей авиации в приграничной полосе 10 км от госграницы».

Захаров летел со штурманом. При посадках он писал на крыле донесение, следовательно, пилотировал самолет штурман. Значит наблюдение, в основном, производил Захаров, а почему не штурман?

Вызывает недоумение следующее, чем была оправдана необходимость совершения посадок, тем более частых, на неподготовленные участки местности, результатом одной из которых могла явиться авария, если не катастрофа — гибель экипажа? Ведь все данные наблюдений мог записывать штурман, находившийся на борту самолета, а Захаров пилотировать

самолет. Зачем такие сложности?

Неизвестно, на какой высоте летел самолет У-2.

Невооруженный оптическим прибором глаз летчика-наблюдателя может видеть на земной поверхности объекты, размеры которых не ниже 0,002 высоты полета; резко выделяющиеся на общем фоне (контрастные) предметы видны и в тех случаях, когда их размеры равны 0,001 высоты полета. В условиях ясной погоды днем при наблюдении под углом обзора в 45° глаз лётчика-наблюдателя может различать наземные объекты военного значения с различной высоты в зависимости от их размеров и формы[138].

Разведка с самолета требует от наблюдателя также очень быстрого восприятия в условиях, связанных с быстрым движением и необходимостью распределить внимание на ряд объектов. Существует значительная разница между разведкой с большой и с малой высоты. В первом случае глаз видит значительно больше объектов на большом пространстве, но эти объекты видны издалека, труднее различимы и узнаваемы, поэтому разведчик всегда старается вести разведку с малых высот. В этом случае число наблюдаемых объектов меньше, они крупнее и их легче распознать, но зато они «проносятся» под самолетом с огромной быстротой.

Время, имевшееся в распоряжении летчика, во время разведки для восприятия наземных объектов зависело от высоты полета и от скорости самолета. Так, исследования, проведенные накануне войны и в ее начале, дали основание прийти к следующим выводам.

При высоте полета — 3000 м, скорости самолета 360 км/час (100 м /сек) зона изучения (ясное различение предметов и их деталей) имеет в этом случае длину в 2Н, т. е. 6000 м и самолет находится над ней в течение — 60 сек. Каждый километр в длину (при ширине обзора 6 км) просматривается в движении в течение 10 секунд. За этот небольшой промежуток времени летчику надо успеть увидеть и узнать объекты, представляющие военный интерес, и различить их детали (Если позволяет обстановка, наблюдение ведут на минимальных технически допустимых скоростях, иногда летят по кругу вокруг объекта). Скорость восприятия объектов в движении здесь очень высока и возможны недосмотры, пропуски важных объектов и неправильное их узнавание[139].

При высоте полета 100 м и скорости самолета 360 км/час (100 м /сек) зона изучения имеет в данном случае длину всего в 200 м. Самолет находится над ней в течение 2 сек. Несмотря на то, что с высоты 100 м предметы на земле видны хорошо, все же в

течение двух секунд увидеть и узнать эти предметы при огромной угловой скорости очень трудно. В этих примерах к глазу и к центральной нервной системе человека предъявляются столь высокие требования, что они оказываются не в состоянии их удовлетворить. Поэтому разведка с высоты в 100 м и ниже ведется лишь в особых случаях, когда надо уточнить сведения об объектах, наблюденных уже ранее с большей высоты. При этом летчик прибегает к приему, позволяющему ему удлинить время наблюдения объекта. Дело в том, что при полете на высоте 100 м и ниже можно видеть предметы только в зоне предварительного наблюдения (различаются контуры предметов) и в зоне контроля (позади самолета), т. е. под углом не меньшим 45°. Огромная угловая скорость перемещения самолета относительно земной поверхности не позволяет наблюдателю видеть предметы, находящиеся непосредственно под самолетом, так как они сплошь сливаются один с другим. Чтобы избежать этого перерыва в наблюдении и удлинить время последнего, летчик ведет машину, несколько в стороне (в 150–200 м) от интересующего его объекта[140].

Именно поэтому в Великой Отечественной войне получила развитие аэрофотосъемка с ее мощной оптикой и серией моментальных снимков, подробно затем изучаемых в штабах в более спокойной обстановке и в течение более продолжительного времени.

Отдельные танковые и моторизованные дивизии, находившиеся в исходных районах на расстоянии 25–80 км от границы, начинали с «середины последней предвоенной недели» только выдвижение для занятия исходных позиций у границы, поэтому обнаружить их было весьма проблематично, так как у границы подвижных соединений еще не было (возможно, появились их отдельные части). К этому следует добавить и маскировку техники с целью затруднить ее обнаружение с воздуха.

На цитируемый фрагмент книги Г. Н. Захарова могло наложиться и наложилось *послезнание* автора.

О результатах воздушной разведки 21-го июня вспоминал и лейтенант С.Ф. Долгушин, служивший в 122-м истребительном авиаполку 11-й смешанной авиадивизии:

«Полк базировался на полевом аэродроме Новый Двор километрах в 20 от границы. В 12–15 километрах по другую сторону от нее, на аэродроме Сувалки базировалась немецкая истребительная авиагруппа. Пилоты нашего полка регулярно вели разведку немецкого аэродрома. Делалось это так: летчики взлетали парой и летели вдоль границы, стараясь не пересекать

ее. Один следил за воздухом и ориентирами на земле, чтоб не залететь к немцам, а второй в бинокль рассматривал немецкий аэродром (в ясную погоду с высоты он хорошо был виден) и считал немецкие самолеты. Обычно в Сувалках было около 30 истребителей. Но в последние дни перед войной число самолетов там стало резко расти. Поэтому командир полка приказал летать на разведку дважды в день. И к 21 июня пилоты насчитали около двухсот немецких самолетов. Причем кроме истребителей Ме-109 и Ме-110 там появились бомбардировщики Ю-87, Ю-88 и Хе-111.

После полета пилоты составляли отчет об увиденном и отправляли его дальше по команде. В конечном итоге они попадали на стол Копеца [командующий ВВС ЗапОВО]. Видимо, Копец с Павловым решили убедиться в этом своими глазами, для чего совершили вылазку к самой границе»[141].

Из рассказа С. Долгушина историку-любителю из Гродно Василию Бардову:

«И вот в субботу [21 июня] прилетел Павлов на Ли-2 и с ним Копец. Командир дивизии Ганичев прилетел на своём И-16…

Когда прилетели они (Павлов с Копцом) — мы только вернулись со свежими разведданными. Обрабатываем всё это дело. Подходит машина эмка и нам говорят: “Садитесь, ребята”… Привезли нас в штаб полка — в это имение Бобра-Велька: аэродром, за ним липы стоят, а за ними имение. Вот туда нас привезли, и мы доложили свежую информацию о том, что там творится.

В.Б. А докладывали кому?

С.Д. Павлов, Копец, Ганичев, Николаев тут. Мы доложили всё как было. Причём у нас с Серёжкой расхождение получилось всего в 2 самолета. Мы насчитали около 200.

В.Б. Т. е. каждый в бинокль пересчитал самолёты?!

С.Д. Да. Я насчитал около 200. И какие самолеты были: Ме-109, Ме-110, Ю-87, Ю-88 и Хейнкель-111… Когда мы доложили Павлову всё это, нас отпустили.

Видимо, тут Павлов вновь, как и три дня назад, прикинулся дурачком и сделал вид, что не поверил рядовым пилотам. Потому что вслед за ними на разведку взлетели уже три старших офицера — генерал-майор Копец, командир 11-й сад полковник Ганичев и командир полка майор Николаев. …

И они тройкой самолетов взлетели: он, Ганичев и Николаев. Они примерно минут 35 в полёте были — Августов-то был всего 60 км…

Они прилетели, сели. Мы с Макаровым подошли к нему (Копцу. — В.Б.). Он говорит:

— Ну, Сергей, молодцы вы. Вы правильно доложили. Машина

твоя хорошая. И они уехали…»[142].

Рассказ лейтенанта Долгушина интересен тем, что в нем излагается технология организации воздушной разведки накануне войны — «взлетали парой и летели вдоль границы, стараясь не пересекать ее. Один следил за воздухом и ориентирами на земле, чтоб не залететь к немцам, а второй в бинокль рассматривал немецкий аэродром». Правда, непонятно как первый пилот мог следить за ориентирами и одновременно смотреть в бинокль и подсчитывать количество самолетов на аэродроме. Маловероятно, что летчикам удалось насчитать даже с биноклем до 200 самолетов на аэродроме Сувалки, находившимся на расстоянии до 25 км по прямой от границы. Но заметить скопление самолетов на аэродроме могли. Не проще ли было для ведения поставленной задачи направлять двухместные самолеты, чтобы наблюдение осуществлял штурман, как это сделал генерал-майор авиации Захаров.

Странно следующее, что 21 июня ни лейтенантом Долгушиным, ни вылетавшим в этот же день на разведку генерал-майором Копец, полковником Ганичевым и майором Николаев не было обнаружено **скопление техники и войск на границе**, а **должно было быть вскрыто**. Маловероятным представляется утверждение, что принимаемые немецким командованием меры по маскировке привели к тому, что значительная часть техники танковых и моторизованных соединений вермахта не была обнаружена.

«Разведку приграничной полосы сопредельной территории» должны были вести и экипажи пограничной из состава Отдельной авиационной бригады НКВД СССР[143]. Согласно приказу начальника ГУПВ НКВД СССР от 7 декабря 1940 г. «О задачах боевой подготовки», летный состав эскадрилий из состава Отдельной авиационной бригады отрабатывал действия экипажей в составе звеньев и эскадрильи для выполнения боевых задач по охране государственной границы: выполняли осмотр с воздуха контрольно-следовой полосы; *вели разведку приграничной полосы сопредельной территории.*

Кроме того, выполнялись полеты для доставки на отдаленные заставы каких-либо грузов, а также медицинского персонала для оказания экстренной медицинской помощи или эвакуации оттуда в медучреждения тяжело больных или раненых пограничников. В этой связи с началом 1941 г. летчики эскадрилий начали осваивать новые виды боевой подготовки, непосредственно для охраны границы не применяемые: бомбометание с разных высот, стрельбу по конусу и по наземным целям, выброску парашютистов.

С целью объективной оценки положения дел на местах и уровня подготовки личного состава авиации пограничных войск НКВД, в период с 1 сентября по 2 ноября 1940 г. все эскадрильи и звенья авиабригады подверглись комплексной проверке по боевой и политической подготовке. В приказе начальника ГУПВ НКВД СССР от 12 ноября 1940 г., изданного по результатам проверки, указывалось, что хотя «авиачасти успешно завершили реорганизационный период, летный состав освоил новую материальную часть, были хорошо изучены районы базирования», однако командный состав имел недостаточную оперативно-тактическую подготовку, летный — слабые навыки в применении авиационного вооружения, неудовлетворительной была организация аэрофотослужбы[144]. Судя по всему, до личного состава авиации пограничных войск НКВД был доведен приказ подобный приказу наркома обороны СССР С.К. Тимошенко от 12 июня, и разведка приграничной полосы сопредельной территории пограничной авиацией не велась.

1.7 «Разведывательной авиации округ не имел…»

(Из «Отчета о боевой деятельности военно-воздушных сил Западного фронта за 1941 г.) (с 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г.)»)

Существенно подорвали боеготовность ВВС репрессии, пик которых пришелся на 1937–1938 гг. В конце 30-х начале 40-х гг. последовательно были репрессированы три начальника управления (начальника ВВС) и один начальник Главного управления ВВС Красной Армии: Я. И. Алкснис (расстрелян 29 июля 1938 г.), А. Д. Локтионов, Я. В. Смушкевич и П. В. Рычагов, соответственно (арестованы в июне 1941 г., расстреляны 28 октября 1941 г.). Таким образом, за несколько предвоенных лет в руководстве ВВС КА сменилось четыре человека. Большинство из командующих ВВС военных округов и командиров авиационных соединений также было заменено.

Накануне Великой Отечественной войны 67,7 % командующих ВВС военных округов, командиров авиационных соединений, частей и подразделений находились в занимаемых должностях до одного года и только 10,7 % — более двух лет. Все пятеро командиров авиационных корпусов занимали свои должности менее шести месяцев. Только четыре командира авиационных дивизий и авиационных бригад командовали своими соединениями более одного года и один — более двух лет. Перед войной 43 % командиров всех степеней находились на занимаемых должностях менее полугода, как и более 91 % командиров авиационных соединений[145].

Проходившие в войсках репрессии негативно влияли на морально-психологический климат в армии, порождая взаимное недоверие и подозрительность к сослуживцам. Подобная гнетущая обстановка неминуемо вела к снижению уровня боевой подготовки и страху принятия командирами различного уровня ответственных решений.

Высвобождение значительного количества вакансий приводило к нестабильной кадровой политике в советской военной авиации, когда требовалось в срочном порядке подобрать кандидатов на замещение большого числа ответственных командных должностей. Соответственно происходило и присвоение воинских званий. Нередко командирам и политработникам присваивались не очередные звания, а звания

через одну ступень.

Ввиду частых перемещений многие командиры перед войной исполняли должности непродолжительное время и не успели приобрести необходимый стаж руководящей работы.

Многие командиры, ввиду недостаточности руководящего опыта, допускались только к временному исполнению высвобождаемых должностей до подбора и назначения кандидатуры, способной соответствовать вакантной должности. Однако, ввиду нехватки подготовленных кадров, подобное временное исполнение дел нередко затягивалось, не прибавляя стабильности в управлении и обучении войск.

Первые месяцы Великой Отечественной войны показали всю пагубность подобного положения. Документы командования ВВС КА и командующих ВВС фронтов в 1941–1942 гг. содержат значительное количество сведений о неудовлетворительной подготовке и неопытности многих авиационных командиров.

Массовые репрессии в конце 30-х гг. отрицательно сказались и на работе оборонной промышленности. Многие конструкторы, директора заводов были арестованы. Новые образцы военной техники и вооружения создавались и внедрялись в производство медленно. В результате этого Красная армия стала отставать от немецкой не только в кадровом, но и в материальном отношении. Особенно отставала в выполнении государственных заказов авиационная промышленность. С 1938 по 1940 г. выпуск боевых самолетов увеличился всего на 19 %. При этом производили в основном самолеты старых конструкций.

По некоторым свидетельствам, И.В. Сталин в конце 1940 года высказывал серьезное недовольство разработкой новой авиационной техники. Так, согласно записям в дневнике Г.М. Димитрова, 7 ноября 1940 года после демонстрации на обеде у И.В. Сталина присутствовали Молотов, Калинин, Ворошилов, Буденный, Андреев, Каганович, Берия, Микоян, Шверник, Булганин, Маленков, Щербаков, командующий Московского округа генерал армии Тюленев, Димитров, после вызвали Тимошенко. Сталин заявил следующее:

«…Необходимо постоянно учиться и каждые 2–3 года переучиваться. Но у нас не любят учиться. Не изучают уроков войны с Финляндией, уроков войны в Европе. Мы победили японцев на Халхин-Голе. Но наши самолеты оказались ниже японских по скоростности и высотности. Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией.

Оказалось, что наши самолеты могут задерживаться только до 35 минут в воздухе, а немецкие и английские по несколько часов!

Если наши воздушные силы, транспорт и т. д. не будут на равной высоте наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикраишваются под наших друзей!), они нас сьедят.

Только при равных материальных силах мы можем победить, потому что опираемся на народ, народ с нами.

Но для этого надо учиться, надо знать, надо уметь.

Между тем, никто из военного ведомства не сигнализировал насчет самолетов. Никто из вас не думал об этом.

Я вызывал наших конструкторов и спрашивал их: можно ли сделать так, чтобы и наши самолеты. задерживались в воздухе дольше? Ответили: Можно, но никто нам какого задания не давал! И теперь этот недостаток исправляется. У нас теперь пехота перестраивается, кавалерия была всегда хорошая, надо заняться серьезно авиацией и противовоздушной обороной.

С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и, других специалистов.

Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один.

Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрачиваете наследство Ленина.

(Калинин. Нужно подумать насчет распределения времени, как-то времени не хватает!).

Нет, не в этом дело! Люди беспечные, не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. (Вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит»[146].

Г.М. Димитров описывает последующую реакцию присутствующих: «Все стояли прямо и слушали молчаливо, видимо никак не ожидали от Иосифа Виссарионовича такие Leviten [Наставления]. В глазах Ворошилова показались слезы. Во время своего выступления Иосиф Виссарионович особенно обращался к Кагановичу и к Берия. Никогда я не видел и не слышал Иосифа Виссарионовича таким, как в этот памятный вечер»[147].

Деятельность различных конструкторских бюро происходила в весьма непростых условиях как давления сверху, в том числе в виде репрессий, так и по горизонтальной линии, что выражалось в весьма жесткой конкуренции. Тем не менее, советский авиапром, несмотря на различные ошибки и просчеты, имевшие место в деятельности конструкторов, располагал талантливыми коллективами, как «старой школы», так и «новой генерации», которые напряженной работой в какой-то мере компенсировали

провалы и неудачи своих менее способных коллег и создавали вполне современные, а самое главное, доступные для массового выпуска промышленностью образцы авиационной техники[148].

По состоянию на 22 июня 1941 г ВВС военных округов европейской части СССР имели в своём составе семь разведывательных авиаполков (рап) и одну отдельную дальнюю разведывательную авиаэскадрилью (одраэ). В частях насчитывалось 269 разведывательных самолётов и 289 экипажей:

Ленинградский военный округ — 311 рап, 5 ˚СБ и Р-5;

Прибалтийский особый военный округ — 312 рап, 30 самолетов;

Западный особый военный округ — 313, 314 рап, 3 ˚СБ, 19 Як-2 и 34 Як-4;

Киевский особый военный округ — 315,3 16 рап, 51 СБ и Р-10, 31 Як-2 и Як-4;

Одесский военный округ — 317 рап, 38 СБ и 8 Р-Z;

Московский военный округ — 9-я одраэ, 8 Р-5, Р-Z и Р-10[149].

Накануне войны состояние разведывательной авиации западных особых военных округов было неудовлетворительным как в части авиационной техники, состоявшей на вооружении, включая аэрофотоаппараты и радиостанции, так и в части боевой подготовки экипажей и выглядело следующим образом.

Из годового отчета штаба 6-й воздушной армии от 21 июля 1942 г. «О боевой деятельности военно-воздушных сил Северо-Западного фронта за период с 22.6.41 г. по 1.7.42 г.»:

«… Состав и количество военно-воздушных сил противника перед Северо-Западным фронтом ввиду отсутствия систематической воздушной разведки аэродромной сети противника, а также недостаточных разведывательных данных перед войной точно определить невозможно. Предположительно, в начальный период войны перед Северо-Западным фронтом действовало около 600 самолетов сухопутной авиации и 50–70 самолетов морской авиации….

Следует отметить, что разведывательная авиация была совсем не подготовлена» (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) (Приложение 1).

Как следовало из доклада генерала Конрада в генеральном штабе сухопутных войск 22 февраля 1941 г., командование вермахта намеревалось выделить 380 самолетов для обеспечения действий группы армий «Север».

Из «Отчета о боевой деятельности военно-воздушных сил Западного фронта за 1941 г. (с 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г.)» командующего ВВС Западного фронта:

«… Разведывательной авиации округ не имел, так как

имеющиеся восемь корпусных авиаэскадрилий получили шесть самолетов Р-зет и приступили к переучиванию.

313-й и 314-й разведывательные полки были полностью укомплектованы молодым летным составом, но материальной части не имели.

314-й разведывательный авиационный полк начал получать самолеты ЯК-2 и ЯК-4 в апреле месяце и к началу войны имел лишь шесть экипажей, только что вылетавших на ЯК-4 (экипаж два человека. — *М.А.*)» (Приложение 2).

Из «Доклада о боевых действиях военно-воздушных сил Юго-Западного фронта за период с 22.6 по 10.8.41 г. (за пятьдесят дней войны)»:

«… 1. В состав Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта к началу войны входили:

…

и) 315-й и 316-й разведывательные авиационные полки.

2. Укомплектованность авиационных полков, входивших в состав Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта, самолетами, летным составом и их боевая готовность по состоянию на 22.6.41 г. (данные приведены в табличной форме: авиационные полки/наличие самолетов (тип; количество)/ наличие летного состава: летчиков; наблюдателей; /экипажей, подготовленных к боевым действиям. — *М.А.*).

…

315 авиационный разведывательный полк/наличие самолетов СБ — 20)/ летчиков -66, наблюдателей — 85/экипажей — 40.

316-й разведывательный авиационный полк/наличие самолетов ЯК–2–1 — 31/летчики, наблюдатели, отсутствуют; СБ — 2/летчиков — 45, наблюдателей — 82; экипажей — 20.

3. Всего по Военно-воздушным силам Юго-Западного фронта к 22.6.41 г. по видам авиации имелось:

…

г) Разведывательная авиация:

Самолетов: ЯК-4 31

СБ 22

Итого 53 (тип самолета Як отличается от вышеприведенных данных в п. 2.; кроме того, ошибочно указана несуществующая модификация самолета ЯК-2-1 — *М.А.*)» (Приложение 3).

60 экипажей разведывательной авиации ВВС Юго-Западного фронта исключительно на самолетах типа СБ были подготовлены к боевым действиям только днем и только в простых метеорологических условиях. **Ни один экипаж из состава разведывательной авиации не был подготовлен к боевым действиям днем в сложных метеорологических условиях, к**

боевым действиям ночью. Экипажи не были готовы и к боевым действиям на высотах более 6000 м. (Приложение 3).

Начальник аэрофото-службы ВВС КА полковник Баньковский, оценивая уровень подготовки экипажей для ведения воздушной разведки в начальный период войны, докладывал: «Из боевого опыта установлено, что лётный состав разведывательных частей не умеет производить разведку. Танковые колонны путают с мотомеханизированными, а иногда и с артиллерийскими, и наоборот. Лётный состав не знает демаскирующих признаков военной техники…».

«Вот как сложилась, например, судьба 317-го рап. 22 июня 1941 г часть встретила на аэродроме Вормс, что в ста км севернее Одессы. В тот же день 36 машин (четыре девятки) приняли участие в бомбардировочном налёте на Яссы. И в дальнейшем из-за катастрофической нехватки бомбардировщиков полк чаще использовался в качестве ударной силы, а вовсе не для ведения разведки. До конца июля 1941 г только в 172 из 603 боевых вылетов экипажам ставились разведывательные задачи. Боевые потери полка составили 16 СБ и 2 Пе-2 (последние прибыли в середине июля из 5-го сбап), кроме того, произошло несколько аварий и катастроф. Часть неисправных самолётов пришлось уничтожить при отступлении. Нередко интерпретация результатов разведывательных полётов оказывалась весьма далёкой от действительности. Так, 2 июля группировка противника в районе Стефанешты оценивалась в 9-10 дивизий с 900–960 танками, на самом же деле там было всего 5 дивизий, 5 бригад и лишь 60 танков! Командование Южного фронта, опираясь на эту информацию, приняло решение об отводе войск, хотя реальная угроза отсутствовала. Как отмечалось позднее в аналитических материалах штаба Южфронта, «разведка не проясняла, а искажала реальную обстановку».

В начале августа из-за больших потерь 317-й рап пришлось вывести из боев и отправить на переформирование. К этому времени полк имел всего 6 боеспособных экипажей и 9 СБ, которые он передал в 5-й сбап». /Медведь А.

Неожиданно высокие темпы наступления германских войск в сочетании с частыми случаями нарушения связи во всех звеньях армейской цепочки с первых дней войны поставили высшее командование Красной Армии в исключительно тяжёлое положение «информационного голода».

25 июня 1941 г генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, начальник Главного разведывательного управления Красной Армии, обратился к начальнику ГУ ВВС (в июле эта должность стала называться по-новому — командующий ВВС КА) генерал-

лейтенанту авиации П.Ф. Жигареву с предложением «организовать воздушную разведку средствами, имеющимися в Вашем распоряжении… и установить, производится ли подход новых сил противника, каких именно и какими средствами (жел/дор, авто, походом)…» на ряде направлений[150]. Достаточно общая формулировка.

Спустя неделю Генштаб КА конкретизировал задачу по организации воздушной разведки:

«Начальнику 2 отдела штаба ВВС КА генерал-майору авиации тов. Грендаль

Распоряжение по разведке № 2

1. В интересах Главного Командования КА с утра 3 июля с.г. организовать воздушную разведку с фотографированием на следующих направлениях:

а). Эльбинг — Кенигсберг — Ковно — Двинск;

б). Варшава — Седлец — Брест — Барановичи — Минск — Борисов;

в). Демблин — Люблин — Владимир-Волынский — Ровно;

г). Краков — Жешув — Львов.

2. Задача разведки — установить наличие и интенсивность подвоза резервов по железным дорогам и шоссейным путям на указанных направлениях.

3. Результаты разведки сообщить мне к 16.00 3.7.1941 г.

4. Ставлю Вас в известность о низких результатах предыдущих разведывательных полётов.

Заместитель начальника Генштаба КА

1.7.1941 г генерал-лейтенант Голиков»[151].

Выводы

Состояние отечественной разведывательной авиации накануне войны было крайне неудовлетворительно.

Как следует из приведенных документов, ЗапОВО разведывательной авиации вообще не имел, а там, где она была (КОВО) — ни один экипаж из состава разведывательной авиации не был подготовлен к боевым действиям днем в сложных метеорологических условиях и к боевым действиям ночью. Что же касается ПрибОВО, то там «разведывательная авиация была совсем не подготовлена».

Ведение воздушной разведки накануне войны ограничивалось визуальным наблюдением за противником. Воздушное фотографирование (по современным взглядам, инструментальные средства разведки) было реализовано только в ходе «зимней войны» 1939–1940 годов.

В последующем организация и проведение воздушного фотографирования, равно как и дешифровка полученного материала в разведывательных авиационных полках накануне войны не отрабатывались.

Подготовка фотолаборантов и фотограмметристов-дешифровщиков была прекращена после очередной реорганизации «Высшей аэрофотограмметрической школы Красного воздушного флота» в 1938 г. Младших авиационных специалистов — механиков и техников по фотооборудованию, фотолаборантов и фотограмметристов-дешифровщиков стали готовить только с созданием Военного аэрофотограмметрического училища в Гомеле (по Директиве НГШ от 12 августа 1940 г.), что было явно недостаточно, тем более, что формирование училища не произошло одномоментно.

Подготовка же начальников аэрофотослужбы и инженеров по фотооборудованию в Военных академиях Красной армии в довоенный период предусмотрены не были.

Лишь небольшая часть имевшихся самолётов-разведчиков была оборудована аэрофотоаппаратами, так как основные надежды возлагались на визуальное обнаружение объектов противника.

В первые месяцы войны фототехника использовалась только в одном вылете советского разведывательного самолёта из десяти. Далеко не все отечественные разведчики были оснащены радиостанциями, а передача по радио сведений о противнике с борта самолета-разведчика появилась позже, только после вторжения Германии на территорию СССР. В ряде случаев

написанные от руки донесения приходилось сбрасывать в районе штаба в специальных кассетах с вымпелами.

Среди самолётов, состоявших на вооружении отечественных разведполков, относительно современными могли считаться только Як-2 и Як-4, которые были сняты с производства в начале 1941 г. и могли считаться современными только по отношению к уже стоявшем на вооружении СБ, Р-5 и Р-Z. Яки обладали сравнительно неплохой скоростью и имели малые размеры, что способствовало скрытности действий. Однако эти машины отличались низкой надёжностью ряда агрегатов и слабым оборонительным вооружением (всего один пулемёт ШКАС на верхней турели у штурмана и ещё один неподвижный ШКАС в носу фюзеляжа). Тихоходные СБ, не говоря уж о совсем древних Р-5 и Р-Z, с первых дней боёв оказались непригодными для ведения разведки днём, особенно при ясной погоде, поскольку они немедленно уничтожались истребителями противника

Проведение воздушной разведки вдоль границы должно было проводиться ежедневно и ни одним экипажем (возможно было вскрыть развертывание пехотных дивизий на границе), но до 16–18 июня такая разведка была неэффективна в части обнаружения подвижных соединений вермахта.

Перед авиацией и, в первую очередь перед разведывательной должна была быть поставлена основная и первостепенная задача — повседневное наблюдение с воздуха за противником в ходе полетов вдоль границы с целью вскрыть развертывание группировки сухопутных войск вермахта на границе. В случае нехватки материальной части или отсутствия требуемого количества подготовленных экипажей разведывательной авиации, к организации воздушной разведки следовало широко привлекать и самолеты из состава истребительных и бомбардировочных авиационных полков.

Устаревшая материальная часть в совокупности с неудовлетворительной подготовкой личного состава привели к тому, что разведывательная авиация в первые недели войны понесла тяжёлые потери и уже к середине июля — началу августа оказалась небоеспособной. В немалой мере причиной тому было отсутствие современных самолетов-разведчиков.

Следовало более внимательно отнестись к предложению начальника ВВС РККА А. Д. Локтионова и члена Военного совета ВВС РККА В. Г. Кольцова, сделанному ими еще в феврале 1938 г. — отказаться от создания универсальных типов самолетов и идти по линии специализации (по крайней мере, в части создания самолетов-разведчиков). Предлагалось отказаться от вооружения самолета и, в первую очередь, от бомбовой нагрузки,

и не продолжать создавать и использовать легкие бомбардировщики, в качестве самолетов разведывательной авиации.

2
Агентурная и радиоразведка штабов особых военных округов

2.1 «Вот, обзавелись чудом техники … “Омега” именуется… одна на весь разведпункт, а надо по одной на каждого агента»

(из воспоминаний М.В. Березкина)

Приказом НКО СССР № 0184 «О реорганизации управлений военных округов и новая структура окружного аппарата»[152] от 13 августа 1940 г., устанавливалась структура управления для приграничных и внутренних округов. Структура управления приграничного округа (Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского, Забайкальского военных округов) и Дальневосточного фронта выглядела следующим образом:

1. Военный совет (военный совет стоял во главе округа и подчинялся непосредственного Народному комиссару обороны СССР; в состав военного совета входил командующий войсками округа, председательствовавший на заседаниях, и два члена совета)[153];

2. Штаб округа, состоявший из отделов («1) Оперативного; 2) **Разведывательного** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*); 3) Организационно-мобилизационного; 4) Военных сообщений; 5) Тыла, снабжения и дорожной службы; 6) По укомплектованию; 7) Топографической службы; 8) Укрепленных районов»);

3. Окружное управление политической пропаганды.

4. Окружное управление военно-воздушных сил.

5. Окружное артиллерийское управление.

6. Окружное автобронетанковое управление.

7. Окружное инженерное управление.

8. Окружное управление ПВО.

9. Окружное интендантское управление»:

10. Отделы (боевой подготовки, кадров, связи, химической защиты, санитарный, ветеринарный, снабжения горючим, финансовый, фондового имущества);

11. Инспекции (пехоты, артиллерии, военно-воздушных сил, автобронетанковых войск).

В мирное время (накануне войны) начальники штабов приграничных военных округов организовывали и вели оперативную разведку через разведывательные отделы штабов — агентурная разведка и радиоразведка.

Оперативная разведка с началом боевых действий, согласно

представлениям того времени, велась «авиацией, танковыми и механизированными соединениями, соединениями конницы, авиадесантными частями, средствами связи, агентурой … Танковые и механизированные соединения, соединения конницы и авиадесантные части, как правило, выполняют оперативную разведку одновременно с выполнением боевых задач всем соединением»[154]. Когда речь идет о «танковых и механизированных соединениях, соединениях конницы» имелось в виду «глубокое» проникновение в тыл противника вышеперечисленных соединений.

Глубина ведения оперативной разведки определялась глубиной наступательной операции фронта. В своем докладе «Характер современной наступательной операции» на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г. командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков обозначил: «В среднем глубина фронтовой операции, видимо, доходить будет до 200–300 км, а в отдельных случаях значительно глубже [от линии государственной границы СССР]»[155]. Глубина первой наступательной операции фронта была определена Жуковым в 150–200 км.

Главная задача оперативной разведки по представлениям кануна войны — вскрытие плана действий и намерений противника. Частными задачами являлись:

установление передвижения войск;

вскрытие характера перегруппировки войск противника;

вскрытие группировки противника во всей глубине его расположения;

установление районов сосредоточения мотомехсоединений и базирования авиационных сил противника;

определение материальной обеспеченности противника всеми видами довольствия;

определение мест оборонительных рубежей и укреплений противника в глубине.

В результате оперативной разведке следовало установить, как, где и чем противник угрожает или может угрожать войскам Красной Армии, а также где и в чём заключаются слабые и сильные стороны плана действий противника[156].

Разведывательный отдел штаба приграничного военного округа в предвоенные годы состоял из начальника РО, двух заместителей, помощника начальника РО по кадрам, начальника связи и шести отделений: агентурного, активной (диверсионной) разведки, информационного, радиоразведки, специальной службы, специальной службы по обработке метеошифроперехвата

(приказ № 0041 от 3 августа 1940 г. предписывал сформировать при разведывательных органах отделения и группы по перехвату и обработке зашифрованных метеорологических сводок). В состав РО штаба округа входили курсы переводчиков, формирование отделения войсковой разведки предусматривалось только с началом военных действий[157].

Предвоенный штат РО штаба приграничного военного округа насчитывал 85 человек[158].

Разведотделы штабов военных округов вели разведку через подчиненные им оперативные пункты на границе, «замыкаясь», в свою очередь, на 7-й отдел (приграничная разведка) Разведывательного управления Генерального штаба РККА. Однако, оперативное руководство отделами — постановка задач по добыванию и изучению сведений о вероятном противнике и районе предполагаемых военных действий в целях подготовки к успешному ведению операции войсками округа, а также контроль за выполнением поставленных задач — осуществляли начальники штабов округов и командующие войсками округа. Полномочия 7-го отдела Разведуправления были не маловажными, но вместе с тем имели и весьма существенные границы.

Именно об этом говорил в своем выступлении на совещания высшего руководящего состава РККА в конце декабря 1940 г. начальник Разведывательного управления Ф.И. Голиков, отстаивая тезис о решающей роли войсковой и приграничной агентурной разведки: «На опыте последних немецких операций (и французских), — мы видим всю решающую роль войсковой и пограничной агентурной разведки. Если немцам удалось с большим успехом решить свои операции, так они это делали при помощи войсковой и пограничной разведки, они при помощи этой разведки выявляли все до тонкости у противника. Но **судьбы войсковой и пограничной разведки находятся не в Москве, а прежде всего — в руках присутствующих здесь начальников, начиная от каждого командира дивизии, вплоть до каждого командующего войсками округа** (выделено мной. — *М.А.*)»[159].

Из воспоминаний генерал-майора Никольского В.А., к моменту описываемых событий старшего помощника начальника 1-го отделения 7-го отдела РУ ГШ РККА:

«С начала 1939 года мне довелось работать в центральном аппарате военной разведки на западном направлении в должности старшего помощника начальника отделения. До 1940 года отделение входило в состав отдела военно-технической разведки, которым руководил инженер 2-го ранга А.А. Коновалов. Отдел имел задачу подбирать, готовить, направлять за рубеж в официальный заграничный аппарат и на нелегальную работу

советских разведчиков и осуществлять весь комплекс мероприятий, связанных с получением информации о планах и намерениях наших вероятных противников в области развития военной техники.

В 1940 году, в связи с реорганизацией технического отдела, меня перевели в отдел приграничной разведки в отделение, ведавшее деятельностью разведорганов приграничных западных, особых, как их тогда называли, военных округов. **Отдел занимался укомплектованием кадрами, техникой, материальными средствами приграничных разведорганов и разработкой мобилизационных мероприятий для указанных структур. На него возлагалась также инспекция боевой готовности этих органов и анализ информации, поступающей от добывающего аппарата за рубежом** (выделено мной. — *М.А.*). Отделом руководил полковник И.В. Виноградов, а мое отделение возглавлял майор Н.В. Шерстнев[160]. …

Весной 1941 года (зимой — с 23 января по 22 февраля 1941 г. — *М.А.*) в разведуправлении было созвано совещание начальников разведотделов штабов приграничных военных округов, на котором была вскрыта вопиющая беспечность в подготовке к действиям в условиях войны. Участники выступали с дельными конкретными предложениями по повышению боевой готовности разведки в грядущем вооруженном столкновении с немцами. В том, что это произойдет, ни у кого из присутствующих не было сомнений. Предлагалось развернуть отделы по штатам военного времени, обеспечить техникой, экипировкой, подготовить соответствующие базы на своей территории на глубину до 400 километров на случай вынужденного отхода от границы и ряд других. Руководство разведуправления и Генштаба отнеслось к этому сбору, как к обычному плановому мероприятию. На таком важном совещании никто из руководства НКО и Генштаба не присутствовал, а начальник управления генерал-лейтенант Голиков прибыл лишь на заключительное заседание, на котором зачитал стандартную речь о повышении бдительности. И ни слова о серьезности предвоенной обстановки. Более того, нас, участников совещания, предупредили, чтобы мы не поддавались паническим слухам, поскольку воевать в соответствии с советской военной доктриной будем только на территории противника»[161].

Подготовка «соответствующих баз на своей территории на глубину до 400 километров» — явное преувеличение, результат *послезнания* Никольского отступления советских армий в первые месяцы войны.

В это же время РУ ГШ были подготовлены ряд важнейших

документов, таких как «Положение о Разведывательном отделе штаба приграничного военного округа», «Положение о разведывательном отделе не отдельной армии», «Положение об Оперативном разведывательном пункте». В этих документах, в том числе и на основе предложений участников сборов руководящего состава военной разведки, основное внимание было уделено вопросам организации и ведения разведки в условиях военного времени. В марте 1941 г. эти документы военной разведки были утверждены начальником Генерального штаба генералом армии Г. К. Жуковым[162].

Вероятнее всего, по результатам совещания, 15 мая 1941 года начальникам штабов ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО и ОдВО была направлена подготовленная Разведупром директива за подписью начальника Генерального штаба (не имея возможности, напрямую руководить РО штабов округов, Разведупр действовал окольными путями через НГШ, заместителем которого являлся Ф.И. Голиков):

«Для освещения агентурой в военное время важнейших направлений на нашей собственной территории на случай необходимости освещения неприятельских войск создать запасную сеть осведомителей в глубине 100–150 км от границы…

Практическое осуществление данных мероприятий возложить лично на начальников РО округов с одним из их заместителей и начальником связи, а в армиях на начальников РО армии, строго соблюдая меры конспирации…

План создания запасной сети по утверждению его Военным Советом округа представить мне 10 июня…»[163].

Директивой также предусматривалось следующее:

включение РО штабов приграничных армий в систему агентурной разведки в зоне их ответственности;

подготовка РО мобилизационных планов с целью использования существующих агентурных сетей в условиях военного времени, создание запасных — как за рубежом в своих зонах ответственности, так и резервной агентуры на своей территории;

выделение аппаратуры связи, вооружения, формы одежды и снаряжения иностранных образцов для работы агентурных сетей;

повышение мобилизационной готовности частей радиоразведки окружного подчинения, в т. ч. и по подготовке к развертыванию радиодивизионов по штатам военного времени, обеспечение их специальной техникой и автотранспортом.

Планы так и не были представлены до начала войны, равно как и не были проведены вышеперечисленные мероприятия.

Разведотделу штаба округа было подчинено от 3 до 10 оперативных пунктов.

29 апреля 1941 года была принята «Инструкция о взаимоотношениях разведывательных органов НКГБ[164], погранвойск НКВД, НКО и НК ВМФ по агентурно-оперативной работе». Документ подписали народный комиссар государственной безопасности СССР В. Меркулов, заместитель наркома внутренних дел Союза ССР И. Масленников, начальник Разведуправления Генштаба НКО Ф. Голиков и начальник Разведуправления наркомата ВМФ Н. Зуйков.

В Инструкции определялись основные направления взаимодействия, закреплявшие определенную зависимость органов военной разведки от НКВД и НКГБ:

— разведорганы НКГБ, РУ НКО, РУ НК ВМФ и пограничных войск НКВД обязаны оказывать друг другу помощь в практической работе;

— все разведведомства должны информировать Разведуправление пограничных войск НКВД о дислокации своих периферийных разведывательных органов в пограничной полосе;

— все разведведомства должны проверять и согласовывать в органах НКВД кандидатов на вербовку для разведывательной работы (выделено мной. — *М.А.*);

— разведывательные органы НКО, НК ВМФ, НКВД и НКГБ как в Центре, так и на местах должны в целях наиболее полного и своевременного использования разведывательных материалов осуществлять взаимный обмен этими материалами.

Был разработан также строгий порядок взаимоотношений по всем вопросам агентурно-оперативной работы:

— обмен важной политической, военной и военно-технической информацией о противнике;

— взаимосогласованная передача из ведомства в ведомство источников разведывательных сведений;

— объединение усилий двух разведывательных служб при проведении ответственных разведывательно-диверсионных операций;

— концентрация лучших сил внешней разведки на решение проблем, представлявших особую важность для безопасности государства[165].

Организация разведки оперативными пунктами через границу требовала неизбежного тесного сотрудничества с разведывательными отделениями погранотрядов ПВ НКВД, как информационного, так и организационного (что имело и свои отрицательные стороны, так как организация агентурной работы военной разведки находилась, по сути, под контролем разведки погранвойск). Это взаимодействие не могло быть иным, так как

оперативные пункты размещались в расположении штабов погранотрядов в соответствии с достигнутыми соглашениями между двумя ведомствами: НКВД и НКО.

Об особенностях обстановки в приграничной зоне собых военных округов СССР вспоминал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, к моменту описываемых событий генерал-майор, командующий 9-м механизированным корпусом:

«Для приграничных районов существовал и особый режим, ограничивавший посещение этих районов не проживавшими здесь лицами.

В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохождения через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятностей для нас.

В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих»[166].

Эти особенности обстановки в приграничной зоне широко использовали не только немецкие офицеры с разведывательными целями, но и сотрудники оперативных пунктов разведотделов штабов особых военных округов.

Разведка штабов округов носила «массовый характер» и в большинстве своем проводилась простыми людьми, имевшими низкое социальное происхождение и отличную от немецкой национальность (за редкими исключениями), что предопределяло в связи с этим их ограниченные возможности по добыванию разведывательной информации.

Большинство агентов оперативных пунктов (в первую очередь, речь идет о разведке штабов Западного и Киевского Особых военных округов) вербовалось из числа местных жителей, имевших родственников и знакомых на сопредельной территории, что могло оправдать нахождение на территории противника в случае задержания. Привлекались к сотрудничеству также задержанные на границе жители приграничных районов в полосе против соответствующего оперативного пункта.

Некоторые из агентов, оказавшись на сопредельной территории, сами выступали в качестве вербовщиков.

Весьма распространенным было направление агентов по заранее определенному маршруту — «маршагенты» (маршрутные агенты, агенты-маршрутники), который завершался на границе,

где их встречал отправлявший на задание офицер оперативного пункта.

Значительно реже, на сопредельной территории вербовались отдельные агенты-источники и создавались резидентуры. К сотрудничеству с разведкой привлекались поездные машинисты, стрелочники, продавцы, работники предприятий, обыватели приграничных городков… Уровень вербуемых соответствовал уровню вербовщиков. В этом случае информация передавалась связниками, которые чаще всего посылались с советской стороны. Нередко информацию доставляли сами агенты-источники или резиденты.

Вышеперечисленные категории агентов собирали информацию путем наблюдения, опроса и подслушивания.

Чаще всего сведения поступали в незначительных количествах, но, собранные воедино, они должны были дать объективную картину происходившего.

В своих воспоминаниях «Судьба разведчика»[167] генерал-майор М.В. Березкин[168] достаточно подробно освещает специфику и особенности агентурной работы молодого сотрудника разведки, получившего после окончания разведшколы в 1940 г. назначение в оперативный пункт в Рава-Русской Киевского Особого военного округа.

«У каждого разведпункта был свой начальник, сотрудники, а подчинялись мы напрямую начальнику разведки Киевского особого военного округа полковнику Бондареву. — Рассказывает Березкин. — субординационно никак не связанные с погранвойсками, мы тем не менее внешне ничем не отличались от пограничников: носили ту же форму, жили в тех же зданиях. И это было удачное решение: с одной стороны, обеспечивало нам легенду и прикрытие, с другой — позволяло моментально реагировать на любую информацию, поскольку наш офицер обязательно присутствовал при допросе всех пойманных при переходе границы контрабандистов и перебежчиков, поток которых хлынул после начатых немцами репрессий против евреев.

Я попал в 91-й погранотряд в г. Рава-Русская (корректнее сказать: в оперативный пункт в расположении штаба 91-го погранотряда. — *М.А.*), возглавлял разведпункт подполковник Копылов. Почти во всех соседних городках стояли погранотряды: 90-й — в Новоград— Волынском (начальник РП капитан Шпак); 92-й — под Перемышлем (возглавлял РП майор Зайцев), 94-й — в Сколе (начальник РП полковник Долгополов). В нашу задачу входила разведка генерал-губернаторства в своих полосах. Полоса 91-го погранотряда (оперативного пункта РО штаба КОВО

— М.А.) простиралась до Варшавы включительно. … В Рава-Русской я встретил настоящего разведчика, необыкновенной судьбы человека. Звали его Григорий Онуфриевич Пастух[169]. Он был зам. начальника разведпункта и ходил в капитанах (“вечный капитан”, как шутил он). Со временем Пастух рассказал мне свою историю. … В 36-м его нелегально заслали на территорию Польши. Проданный провокатором-связником, он был приговорен к смертной казни[170] …

— Нам против немцев в разведке тягаться трудно, — как-то объяснял мне Пастух по пути домой. — У них сейчас на руках все козыри. И не подкопаешься: предлог к нам сунуться всегда найдется. То рыскают по проселкам, якобы разыскивая для перезахоронения могилы немецких солдат. То нагрянут с комиссией по уточнению границ. А глазами “зырк” во все стороны, да исподтишка значки на карту в планшетке наносят. Я уж не говорю о том, какую агентурную базу они, уходя, за собою оставили. Здесь же у каждого пятого за кордоном брат-сват из числа оуновцев [ОУН — организация украинских националистов]. А у нас в Польше ни резидентур, ни толковой агентурной базы. Все это, Миша нам предстоит с тобой наладить. Лишь бы времени хватило…

В помещении разведпункта двое ребят, майор Луканкин и старлей Журавлев, завороженно разглядывали портативную радиостанцию — **такие нам показывали в разведшколе** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

— Вот, обзавелись чудом техники, откликнулся на наш приход Журавлев. — “Омега” именуется. — Она же и альфа, — невесело сострил Луканкин, — за неимением других. **Одна на весь разведпункт, а надо по одной на каждого агента. Вот у нас маршрутники и отстукивают каблуками морзянку — через границу и обратно. Только скорость передачи отстает — в среднем на неделю.**

— А работать кто на ней будет? — поинтересовался Пастух.

Офицера прислали, радиста»[171].

Коротковолновая радиостанция «Омега» была создана еще в 1939-40 гг. в Научно-исследовательском институте по технике связи Красной Армии (НИИТС КА) Б. А. Михалиным, В. Покровским и И. Мухачевым под руководством главного инженера НИИТС КА Б. П. Асеева[172]. К началу войны институт успел изготовить несколько десятков радиостанций и разослал их в военные округа для проверки технических характеристик в реальных условиях эксплуатации[173]. Серийное производство радиостанции было начато только в октябре 1941 года. НИИТС КА входил в структуру Разведупра ГШ КА[174].

Из рассказанного следует, что речь шла об опытных образцах радиостанции в количестве нескольких десятков, которые были «разбросаны» по оперативным пунктам разведотделов в единичных экземплярах и об удовлетворении нужд разведки в средствах агентурной связи речи не шло. Если бы и поступили в оперативный пункт не одна, а несколько радиостанций — то следовало бы сначала приступить к обучению самих сотрудников, а потом уже браться за агентов. Не понятно также предназначение поступившей в оперативный пункт радиостанции — принимать радиопередачи от агентуры, у которой не было станций.

До войны и в ходе ее разведывательная информация передавалась в телеграфном режиме при помощи азбуки Морзе исключительно в режимах ручной передачи на ключе и слухового приема в пункте назначения. Скорость передачи в зависимости от квалификации радистов была невысокой — 100–120 знаков в минуту.

М.В. Березкин описывает и вербовочную беседу, которая произошла на его глазах:

«Ну и ладно, даст Бог — не последняя [радиостанция], подытожил Григорий Онуфриевич. — Как у погранцов — есть улов сегодня?

— Пара контрабандистов, — махнул рукой Журавлев.

— Пойдем, Миша, посмотрим?

В небольшом кабинете перед присевшим на край стола капитаном-пограничником переминались с ноги на ногу двое дюжих мужиков.

— Ну что, Богдан, — офицер взял наугад пару из лежащих горкой зажигалок, подбросил их на ладони. — Опять за старое взялся. Гляди-ка, и ассортимент обновил. Что тут у нас? Часы. Шикарные. Хотя нет, штамповка. Парфюм. Ну, конечно, французский, разлито не дальше Познани. Сорочки мужские… А это, пардон, уже дамское… Будем изымать, граждане. Контрабанда карается законами нашего государства, впрочем, как и других тоже. Вам ли не знать?

Тот, кого он называл Богданом, — востроносый, вертлявый, с бегающими глазками, весь какой-то бесцветный и ускользающий — угодливо затараторил:

— Пан начальник, ну зачем же все и сразу? У пан, наверное, жинка дома — молодая и красивая. Я ей такой модный фасон в следующий раз привезу — закачаешься! Весь Париж сейчас так ходит.

— Ты, Богдан, не впервой нам попадаешься, а все старую песню заводишь, — нахмурился капитан. — Ты, выражаясь официальным языком, мелкий преступник-рецидивист,

предлагаешь взятку должностному, что вину твою безмерно утяжеляет. Поэтому незаконно переправленное через границу имущество подлежит конфискации, а сам ты ближайший месяц посидишь в кутузке, поразмыслишь над своей непутевой жизнью. А с подельником твоим сейчас разберемся, что-то я его не припомню.

Капитан кликнул конвойных, и Богдана увели, Тут державшийся прежде в тени Пастух, перехватив взгляд пограничника, сделал ему незаметный жест, и тот, пожав плечами, откинулся на спинку стула. Пастух подошел к оставшемуся контрабандисту и остановился в трех шагах от него. Лысоватый, с обвислыми черными усами мужик нервно сжал в пальцах картуз, но взгляд выдержал. Казалось, разведчику это понравилось.

— Капитан Овечкин, — представился он. — А вас как величать?

— Микола, — сказал тот, недоверчиво поглядывая на седого капитана.

— Микола, Богдан тебе кто будет?

— Кума моего, Михася сват.

— Которую ходку за кордон с ним делал?

— Первый раз, пан начальник, хотите верьте, хотите нет. Денег до зарезу надо было. Жинка хворает. Кабанчика прикончили, чтоб денег на товар хватило, — и он с глубокой тоской взглянул на кучу разбросанного на столе барахла.

— Вот что, Микола, — сказал Пастух. — Дело, за которое ты взялся, понятно, недостойное и даже преступное. Но, с другой стороны, мы люди, можем войти в твое положение. Предположим, выпустим тебя сейчас, и даже в следующий раз попадешься — отпустим, товар отбирать не станем. Но и ты окажи нам услугу. В тех местах, где в Польше бываешь, примечай, какие немецкие части там останавливаются, и нам передавай.

— Как же, пан офицер, я от немцев выведаю? Я ихнего говора не разумею…

— Ничего выспрашивать не надо. Просто запоминай, какие у них на форме нашивки, да на технике какие обозначения. Вот гляди сюда, — Пастух, достал из сумки альбом, в который мы заносили опознавательные знаки немецких дивизий: голубь, скворец, волк, лев. А эти обозначения они ставят на танках: желтый круг, ромб, треугольник. Все, что требуется, — прояви любопытство, запомни обозначения и нам в точности передай.

— Вам — это вам лично?

— Вижу, голова у тебя работает. О нашем разговоре никому ни слова. От Богдана рот на замок в первую очередь. Если снова

на границе попадешься, скажи только: Мне к майору Петрову — и нас вызовут. Все понятно? Ну, бывай, брат, еще свидимся. …

— Не боитесь доверять этой братии, Григорий Онуфриевич? — не удержавшись, спросил я.

— Среди них люди разные попадаются, не все одно отребье. И потом, что мы теряем? Ни сведений, ни явок, ни паролей мы им не даем. Данные, которые он принесет, перепроверят другие маршрутники. Иное дело — связник. Ему вручаешь судьбы человеческие.

Пастух поморщился, — в Польше его провалил именно связник»[175].

За рамками рассказа состоявшейся беседы с новоявленным агентом, остался его инструктаж в части того, что ему следует говорить, когда Богдан поинтересуется, о чем шла речь в его отсутствии и почему Миколу не арестовали. Представляется, что пронырливый и смышлёный Богдан был бы полезнее, при условии, что на его контрабандную деятельность будут «закрывать глаза» (мотив сотрудничества с разведкой лежал «на поверхности»), а не начинающий контрабандист тугодум Микола.

История с контрабандистами подтолкнула Пастуха к идее направлять через границу агентов под легендой занятия контрабандным промыслом:

«— Мне вот какая мысль пришла в голову, — внезапно оживился он. — Ты нашего связника Светлого скоро будешь через границу переправлять. Давай его выдадим за контрабандиста. Сунем в мешок все, что они обычно отсюда тащат: икру красную, черную, балычок, селедку. Такой легенде немцы скорее поверят, чем россказням о том, что ищет он родственников.

— А если схватят?

— Ну оштрафуют, прибьют, в худшем случае на месяц упрячут в лагерь. Не солить же их там — все равно выпустят. Это тебе не обвинение в шпионаже. …

В назначенный день я забрал Светлого из Староконстантинова, где он жил, и с первыми лучами солнца доставил в Раву-Русская. На границе тихо-тихо… Сколько мог видеть, я провожал фигуру связного, одетого простым крестьянином, потом вернулся в погранотряд. Пастух посылал Светлого к своему резиденту — женатому на немке польскому офицеру по фамилии Гишвельт. Осталось ждать от них известий…»[176].

По поводу агента Гишвельта Березкин дал следующее разъяснение:

«В конце 30-х годов нашим резидентом [нелегальным] на территории Польши фактически был Пастух. После его провала

вся разведывательная сеть рухнула. По крохам мы ее восстанавливали. … Пастух возобновил связь со своим бывшим агентом Гишвельтом, который, за неимением лучшего, выполнял обязанности резидента. У него был свой круг осведомителей»[177].

Работа М.В. Березкина в оперативном пункте перед войной состояла в, подготовке маршрутников перед отправлением их на сопредельную территорию, а это и выработка первоначальных навыков запоминания увиденного и подробный инструктаж: «… перед 22 июня 41-го наш разведпункт работал особенно напряженно. Я по-прежнему готовил «маршрутников» к переходу через границу. К их подбору относились взыскательно: одних находили через военкоматы, других брали из местного населения, отдавая предпочтение тем, у кого за границей были родственники и знакомые. Не гнушались брать контрабандистов — здоровый авантюризм часто идет разведке на пользу. Они очень рисковали, так как каждое сообщение вынуждены были приносить назад лично — радиосредств на границе не хватало.

Молодые, все как на подбор красивые… Буря, Сурин, Марат, Марьян… С каждым перед отправкой я проводил занятия.

— Чи не потшебуешь еще чего? — намотав круги вокруг Равы-Русской, кипятился Марьян, в сердцах переходя на родной польский. — Почекай, тржи годины [считай, три часа] бегаю тут. И цо я здесь не видел — речка, роща, хаты…

— Тогда ответь: какого цвета ставни у той хаты, что вторая слева при повороте с речки к майдану?

— Жартуешь [шутишь], пан лейтенант. Цо заспеваешь мне — окна, ставни! Черт видзел, ктура они цвета. Кому оно потребно?

— Слушай, Марьян, — я стал серьезен и суров. — Твои глаза теперь знаешь что? Два фотоаппарата. И каждый кадр должен храниться не час-другой, а неделю или две — сколько придется по немецким тылам лазить. Так что давай еще круг по тому же маршруту и все примечай: сколько яблонь у кого во дворе и горшков на плетне, о чем мужики в магазине толкуют. В 21.00 буду ждать тебя в сторожке у лесничества. Дорогой на деревьях отыщи 10 знаков, которые я оставил. В сторожке поговорим. Там и заночуешь.

— Отчего в сторожке? Я и до хаты ворочусь.

— Чтобы, когда в Польше на вокзалах ночевать будешь, выглядел привычным к долгим путешествиям. Схватят — отбрехаешься, что контрабандист. Ничего не записывай, все держи в уме. В гостиницы не лезь. В хатах ночуй только у родственников.

— Их бы перетащить на свою сторону!

— Ни в коем случае. Вербовка — не твоя задача. Держи рот

на замке. Если услышал что ценное — запомни, но не расспрашивай настойчиво. А нет — и ладно. Главное — глазами все схватывай и на ус наматывай. Понятно?

— Вроде все ясно.

— Ну и добже. Готовься, Марьян, дня через три буду тебя засылать.

Со временем Марьян стал классным маршрутником. Он по полмесяца пропадал в генерал-губернаторстве, обходя целые районы от Замостья до Варшавы, и всегда приносил сведения о том, какие прибыли войска, определяя их по значкам на технике, что у них за вооружение; а также, где располагаются штабы (иногда к ним вели указатели, а иногда можно было догадаться о местоположении штаба потому, что в него регулярно наведывались офицеры высокого ранга). Марьян первым сообщил нам о масштабной переброске немецких войск из Франции. Мы работали с ним и после войны. …»[178].

Марьян был не единственным поляком в числе «маршрутников», которых направлял на территорию бывшей Польши М.В. Березкин:

«В Варшаву я посылал Марата. Он был поляк и такой красавец, что ни одна девушка не могла перед ним устоять. Он же свои знакомства использовал на пользу дела. По-настоящему нам повезло, когда ему удалось познакомиться с полькой, которая в муниципалитете Варшавы работала в отделе по размещению прибывающих из Франции воинских частей вермахта. Однажды Марат пришел ко мне и признался:

— Знаешь, она хороший человек, по-настоящему ко мне привязана. Как-то стыдно ее морочить. Можно ли признаться, что я разведчик? Если она мне доверится, то сможет добывать куда больше информации.

Я глубоко задумался над его словами. Зерно истины в них было.

— Вот что, Марат, — решил я. Хочешь — признавайся, тебе виднее, что она за человек. Но скажи, что ты работаешь не от русских, а от поляков, тогда толку больше выйдет.

Так он и поступил»[179].

Пастух многому научил молодого лейтенанта.

«Маршрутник — рабочие лошадки разведки. — Вспоминал М.В. Березкин. — Как бы ни возрастала техническая оснащенность, там, где требуется решить внезапно возникшие задачи, маршрутники незаменимы. Радист должен таскать с собой рацию, его могут запеленговать, он вынужден прятаться и скрываться. Маршрутнику все дороги открыты. Конечно, сведения, добытые ими, необходимо перепроверять и

подтверждать: во-первых, они были чисто шапочные — нумерацию и численность частей маршрутники определить не могли, во-вторых, данные от них запаздывали и поступали нестабильно. Их прерогативой, исходя из визуального наблюдения, было установить, где сосредоточены войска, куда их передвигают, как и в каком объеме подвозят горючее. Более точную и полную информацию мог добыть только резидент»[180].

Под «резидентом» Березкин понимает агента, постоянно проживающего в каком-либо месте и имеющего возможность (сам или через свои связи) добывать информацию. Вряд ли следует противопоставлять «радиста» и «маршрутника». Березкин показал все плюсы и минусы использования «маршрутника» для получения сведений о противнике.

Он рисует картину, как решались разведывательные задачи оперативным пунктом, где он служил, исходя из существовавших реалий: «Мы все работали лихорадочно: спешили внедрить на вражеской территории своих резидентов (только я готовил двоих, но дело это тонкое, не терпящее спешки — года два требуется как минимум), наладить тайную сеть из явочных и конспиративных квартир, установить связь со своими агентами. Нам не хватало считанных недель…»[181].

Погранвойска вели разведку в 50-километровой зоне. Начальник разведывательного отделения погранотряда являлся заместителем начальника отряда по разведке. У РО погранотрядов была своя «закордонная», такая же массовая как у оперативных пунктов агентура, полученная информация от которой определялась как «закордонные агентурные данные», «закордонные данные». Сведения в разведывательные отделения погранотрядов поступали также путем проведения опросов нарушителей границы, дезертиров и задержанной германской агентуры, а также за счет организации наблюдения в пограничной полосе.

Серьезная агентура (наряду с массовой) — «зак. источники», «закордонные источники», «источники» — имелась у разведывательных органов наркоматов госбезопасности БССР, УССР, МолдССР, ЛитССР, ЛатвССР, ЭССР и собственно у НКГБ СССР.

Обмен военной информацией между спецслужбами происходил достаточно активно. Инструкция предполагала возможность обращаться за недостающими сведениями или уточнением имевшихся сведений от одного разведывательного органа к другому.

При анализе информации в разведотделах штабов округов и в Разведывательном управлении Генерального штаба возникали

проблемы с идентификацией немецких частей и соединений, связанных с их массовыми перебросками у границы и с проводимыми перемещениями в ходе учений. Данная информация, по мнению Разведупра, могла и должна была быть у разведорганов народного комиссариата государственной безопасности.

В этой связи была подготовлена Записка Разведуправления Генштаба Красной Армии в НКГБ СССР:

«№ 660533

21 мая 1941 г.

Германское командование усиливает группировку войск в пограничной с СССР полосе, производя массовые переброски войск из глубинных районов Германии, оккупированных стран Западной Европы и с Балкан. Это усиление не вызывает никакого сомнения. Однако наряду с действительным увеличением войск в пограничной полосе германское командование одновременно занимается и маневрированием, перебрасывая отдельные части в приграничном районе из одного населенного пункта в другой, с тем чтобы в случае их оценки у нас создалось нужное германскому командованию впечатление.

Кроме того, в последнее время германским командованием в пограничной с СССР полосе проводится ряд учений войсковых частей, которые также связаны с передвижением войск. Поэтому, для того чтобы не допустить ошибки в оценке группировки и легче разобраться, какие части, откуда и куда прибывают, убедительно прошу в ваших разведсводках указывать:

1) откуда идут войска (из Франции, Бельгии, Югославии, Германии и т. д.);

2) когда и через какие пункты проходят войска;

3) какие войска (пехота, артиллерия, танки и т. д.);

4) в каком количестве (полк, дивизия);

5) нумерацию этих частей (№ полка, дивизии);

6) в состав каких корпусов и армий входят обнаруженные войска;

7) когда и куда они прибывают.

Что же касается ваших данных о том, что якобы генеральный штаб по руководству войсками на советской границе расположен в м. Вавер (предместье Варшавы), то они вызывают сомнение, так как штаб Восточной группы, по данным других источников, расположен в Спала (юго-восточнее Лодзи), а в м. Вавер отмечается штаб 8-й армии. Наличие штаба 9-й армии в районе Люблина также вызывает сомнение, так как, по данным других источников, штаб 9-й армии дислоцируется в Алленштейне (Восточная Пруссия).

Наличие на аэродроме Раковицы бомбо— и бензохранилищ, а также авиамастерских подтверждается сообщениями, поступившими ранее из других источников. Подтверждаются также сведения о расширении аэродромов в Люблине и Модлине.

Данные других источников подтверждают наличие до 150 бараков, хранилищ боеприпасов и горючего в лесу, что в 5–6 км севернее г. Томашова, и в г. Замостье.

Сведения о строительстве нового аэродрома у дороги Бохня — Тарнув (25 км западнее Тарнува), так же, как и о строительстве бетонных бомбохранилищ в с. Пустково (16 км северо-восточнее Тарнува) и в д. Вишневицы (под Кросно), поступают впервые и требуют дополнительной проверки.

Данные о строительстве автострад в приграничной полосе также поступают впервые и нуждаются в проверке и уточнении, в частности:

1) какая ширина проезжей части автострады;

2) примерная толщина покрытия — бетона;

3) в какой степени применяются машины на строительстве автострад.

Желательно уточнить, через какие пункты проходит строящаяся узкоколейная железная дорога Краков — Розвадув.

Сведения о группировке 20 000 войск в Бельско-Бяла требуют уточнения. Желательно ориентировать и уточнить количество аэродромов вокруг Бельско-Бяла. По нашим данным, там имеется два аэродрома»[182].

Как такового «генерального штаба по руководству войсками на советской границе» не существовало, поэтому полемизировать о его дислокации бессмысленно. Штаб 8-й армии дислоцировался на Балканах, а не в предместьях Варшавы. Здесь мог находиться штаб 4-й армии. Штаб 9-й армии, действовавшей в полосе против ЗапОВО, дислоцировался в населенном пункте Гибы на территории Генерал-губернаторства (бывшей Польши).

В июне появляется подозрение в недостоверности информации, полученной с помощью визуального наблюдения за погонами немецких военнослужащих. Подобный вывод был связан с предположением, что немцы сняли или прикрыли всякие условные знаки и обозначения на петлицах и погонах (номер полка), подобная практика существовала в годы Первой мировой войны[183].

Разведсводка штаба ЗапОВО от 21 июня 1941 г подтвердила правомочность такого предположения: «… по последним проверенным данным, известно, что рядовому, унтер-офицерскому и офицерскому составу всей армии строго запрещается носить на погонах или разглашать действующие

номера частей и соединений». Однако, представляется маловероятным, что подобное указания в части удаления на униформе обозначений принадлежности к частям вермахта, было выполнено повсеместно. Вышесказанное не исключает неподготовленность агента к сбору информации или же о его не добропорядочности по отношению к своим работодателям.

Военной разведкой был вскрыт факт обмундирования немецким командованием своих солдат в форму вооруженных сил других государств и в штатское платье. Из спецсообщения РУ Генштаба Красной Армии от 10 мая 1941 г. (имеется помета: «НК доложено.12.05.41»):

«В целях сокрытия действительной численности немецких войск на нашей и турецких границах, а также как одно из мероприятий военной хитрости, могущее ввести в заблуждение противную сторону в распределении вооруженных сил по театрам военных действий, немецкое командование использует форму армий других государств и гражданскую одежду.

За последнее время об этом поступил ряд сведений, а именно:

1. 10.01.41 наши источники сообщали, что в Германии изготовляется 100 000 комплектов румынского обмундирования для немецких войск, направляемых в Румынию.

2. 28.02.41 военный атташе СССР в Болгарии донес о прохождении 25 000 чел. немецких войск в штатской форме.

3. 12.03.41 пресс-атташе в Румынии сообщил, что в Галац и его окрестностях находится около двух дивизий немецких войск, одетых в румынскую форму.

4. Он же 25.03.41 дополнительно сообщил, что швейные фабрики Шерга в Румынии получили большой заказ на изготовление румынского обмундирования для немецких солдат. Переодетые немцы будут отправлены в Молдавию на границу с СССР.

5. Им же 28.04.41 подтверждено о наличии в Галац немецких солдат, переодетых в румынскую форму.

6. 06.05.41 он же сообщил со слов капитана румынской армии Кырня, что 500 000 комплектов румынского обмундирования 15–17 апреля отправлено в Молдавию в распоряжение немецкого командования.

7. 07.05.41 из Софии помощник военного атташе донес о том, что на турецкой границе часть немецких войск одета в болгарскую форму.

Это подтверждается и двумя сообщениями НКГБ:

а) 30.04.41 сообщено, что в районе р. Прут и Галаца в течение апреля было зафиксировано наличие германских войск,

обмундированных в румынскую военную форму. Пошивочная мастерская в г. Галац выполняет заказ на пошивку румынского военного обмундирования для 8000 немецких солдат.

б) Немецкие войска, обмундированные в венгерскую форму, направляются к Карпатам в сторону нашей границы.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков»[184].

3 июня 1941 г. в адрес НКГБ СССР было направлено письмо Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии № 600818сс с просьбой проверить, уточнить, дополнить и установить ряд сведений военного характера:

«Просим средствами, имеющимися в Вашем распоряжении, помочь Разведывательному управлению Генерального штаба Красной Армии в проверке, выявлении и уточнении нижеследующих вопросов:

1. Общей численности взятого в германскую армию контингента и его возрастного состава с распределением по сухопутным войскам, войскам СС и СА, воздушным силам, резервной сухопутной армии и морскому флоту.

2. Организационно-штатной структуры германских войсковых соединений: пехотных дивизий, танковых дивизий, тяжелых танковых дивизий, моторизованных дивизий, горно-стрелковых дивизий, дивизий воздушной пехоты, парашютных дивизий, корпусной артиллерии, артиллерийских частей резерва главного командования, зенитных корпусов и зенитных дивизий, авиационных корпусов и авиационных дивизий, химических частей.

3. Общей численности у Германии танков, бронемашин, боевой авиации (по ее типам), транспортной авиации (по ее типам), артиллерии резерва главного командования.

4. Достигнутый производственной мощности в Германии по среднемесячному выпуску танков, броневиков, боевых самолетов, орудий (по типу полевых, противотанковых, тяжелых и зенитных), пулеметов (ручных, станковых и для ВВС), порохов, взрывчатых и отравляющих веществ. При этом по возможности указать заводы, выпускающие данные виды продукции, и их среднемесячную производительность.

5. Над какими опытными образцами танкового, авиационного и артиллерийского вооружения работают германские военная промышленность и военное ведомство; каковы основные показатели этих опытных образцов; что за вторую половину 1940 г. и в 1941 г. из новых образцов вооружения принято в серийное производство. При этом особенно важно выявить:

по танкам: максимальную толщину и силу сопротивления брони, типы танков с максимальным весом и вооружением и количество в Германии танков весом от 45 т и выше;

по ВВС максимальную скорость новых и модернизированных истребителей и бомбардировщиков; максимальные мощности моторов; максимальную дальность полета истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов; самолеты с максимальной бомбовой нагрузкой и самолеты с наиболее мощным пушечным вооружением.

6. Дислокации штабов немецких армий и штабов армейских групп на всех театрах военных действий Германии против СССР, в частности проверить наличие штабов армий и их нумерацию в Кенигсберге, Алленштейне, Варшаве, Люблине, в районе Замостье — Красныстав — Янков, в районе Тарнув — Дембица — Бохня, в районе Закопане — 75 км южнее Кракова.

Немецкие штабы армий на территории Румынии, штабы армейских групп (фронтов) в районах Лодзь — Спала (бывшая резиденция Мосьцицкого) и Краков.

7. Перепроверить количество немецких дивизий и корпусов к востоку от р. Одер, то есть от линии Моравска-Острава — Бреслау (Бреславь) — Штеттин.

При этом особенно важно выявить состав войск в наиболее слабо освещенных районах: Ченстохова, Катовице, Краков; Лодзь, Познань, Бреслау; Познань, Франкфурт-на-Одере, Бреслау и Данциг, Штеттин, Бромберг (Быдгощ).

8. Суммарных и наиболее детальных данных, накопленных по строительству укрепленных районов против СССР и аэродромных узлов, особенно подземных ангаров к востоку от р. Одер до нашей границы, на территории Словакии, Венгрии и Румынии. При этом особенно важно получить проверенные данные по состоянию укрепленных районов в пограничной полосе по р. Висла (Варшавский УР, Демблинский УР); по Восточной Пруссии и по р. Прут и Серет (Молдавия).

9. Что известно о планах военных операций против СССР (в любой форме — документальной, в высказываниях и т. д.).

10. Суточной пропускной способности железных дорог к востоку от р. Одер до нашей границы, от Мемеля до Карпатской Украины.

Начальник Разведывательного управления

Генерального штаба Красной Армии Голиков»[185].

Сама постановка вопросов свидетельствовала об уровне осведомленности военной разведки в части касавшейся. В боевых частях вермахта не существовало тяжелых танковых дивизий, дивизий воздушной пехоты, парашютных дивизий. Воздушно-

десантные войска вермахта состояли из одной дивизии, для десантирования парашютным способом — 7-я авиационная, и одной дивизии для десантирования посадочным способом — 22-й воздушно-десантной.

Просьба установить, что за вторую половину 1940 г. и в 1941 г. из новых образцов вооружения принято в серийное производство, вызывает недоумение, так как подобную информацию руководство вермахта в подавляющем большинстве случаев не «закрывало» перед советскими военными атташе в Германии, а также перед членами делегаций из СССР, посещавших страну. Более того, отдельные образцы техники и в первую очередь авиационной передавались (не безвозмездно) Советскому Союзу.

Из воспоминаний генерал-полковника Гудериана: «… как раз весной 1941 г. Гитлер разрешил русской военной комиссии осмотреть наши танковые училища и танковые заводы, приказав все показать русским. При этом русские, осматривая наш танк типа T-IV, не хотели верить, что это и есть наш самый тяжелый танк. Они неоднократно заявляли о том, что мы скрываем от них наши новейшие конструкции, которые Гитлер обещал им показать. Настойчивость комиссии была столь велика, что наши фабриканты и офицеры управления вооружения сделали вывод: “Кажется, сами русские уже обладают более тяжелыми и совершенными типами танков, чем мы”»[186].

«К началу Великой Отечественной войны было развернуто 28 приграничных разведывательных пунктов [оперативных пунктов]: в Ленинградском военном округе — 5, [Особом] Прибалтийском — 3, [Особом] Западном — 7, [Особом] Киевском — 10, Одесском — 3). **На сопредельных территориях создана значительная агентурная сеть, общее число агентов которой достигло 800** (выделено мной. — *М.А.*). От них [через РО штабов округов] регулярно в отдел приграничной разведки РУ РККА (с 1940 г. — 7-й отдел) поступали донесения об обстановке в сопредельных странах, о дислокации, состоянии, и направленности боевой подготовки их вооруженных сил, особенно Германии, Румынии, Польши и Финляндии. … При этом следует отметить, что … руководство разведывательных отделов приграничных военных округов на Западе было слабо информировано о планируемых мероприятиях собственного руководства страны. Так, решение о вводе советских войск в районы Западной Украины и Западной Белоруссии, а также заключение договора о дружбе СССР и Германии были для них полной неожиданностью. В результате органы агентурной разведки западных приграничных округов не смогли своевременно провести мероприятия по передислокации

наиболее ценной агентуры, которая в преддверии будущей войны оказалась в собственном глубоком тылу»[187].

Через несколько недель с началом войны ценная агентура вновь оказалась в тылу у противника и, в случае заранее обусловленной связи, могла добывать так необходимую информацию.

В этом же источнике в части агентурной сети сообщается следующее: «… к началу Великой Отечественной войны в органах агентурной разведки и в приграничных разведывательных [оперативных] пунктах остро ощущалась нехватка опытных оперативных кадров, вопрос радиофикации агентуры решен не был. **На 807 действовавших за рубежом агентов имелось только 34 радиостанции, с 22 из которых связь отсутствовала** (выделено мной. — *М.А.*)[188].

При столь внушительной цифре — 800 (или 807, расхождение в несколько человек не меняет общей картины) агентов, действовавших за рубежом, неизбежно возникает вопрос об их эффективности, которая во многом, если не во всем, зависела от наличия радиостанций, причем действовавших.

Именно эта проблема должна была явиться ключевой на весеннем совещании, наряду с проблемой подготовки сотрудников оперативных пунктов к привлечению к сотрудничеству с разведкой лиц, проживавшей на территории СССР и на сопредельных территориях, и последующему руководству этой категорией лиц. Рекомендации в этой части должны были быть разработаны в Разведупре и доведены до разведотделов. Разведупр должен был также решить вопрос снабжения имевшейся агентуры радиостанциями с предварительным обучением действующих сотрудников оперативных пунктов.

О неудовлетворительном состоянии средств радиосвязи говорилось в докладе о работе Разведотдела Штаба Юго-Западного фронта с 22 июня по 1 августа 1941 года:

«… **Основным недостатком в нашей спецработе остается вопрос связи** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Выброшенная аппаратура пока бездействует. Причина неизвестна.

Живая связь хотя и работает с некоторыми точками и группами, но получаемые сведения, благодаря их давности, теряют свою ценность.

Таким образом, в настоящее время обращено максимум внимания на отработку вопросов связи, используя все ее виды.

Отсутствие нужных типов самолетов, мы на сегодняшний день не имеем возможности установить связь с агентурой мирного времени, а если это и делаем, то с большими

потугами, используя для этого, как говорят, “акации” (такое написание в тексте. — *М.А.*)».

Общее количество оставленных и переброшенных через линию фронта людей на занятую территорию противником:

диверсионных групп — 268, в них — 1481 человек;

партизанских групп — 244, в них — 1838 человек;

радиоточек — 23, в них — 79 человек;

осведомительских точек — 209, в них — 513 человек;

связников — 25 человек;

маршагентов — 41 человек.

Всего на территории, занятой противником, — 3977 человек.

СПЕЦСВЯЗЬ:

Для радиофикации старой агентуры, для установления связи с агентурой запасной сети, с группами и отрядами активной разведки выброшено всего 29 радиостанций. К 1 августа результат спецрадиосвязи плохой. **Из старых 6 радиостанций, работающих до войны, в настоящее время регулярно работает одна, две работали до 20 июля и остальные три работу прекратили с началом войны**.

Из радиостанций, выброшенных в военное время, работающих пока еще нет. Сроки назначаемых первых работ истекли. Причина, почему не работают рации, пока еще точно не установлена… Делать предположение о неисправности и отказе радиоаппаратуры нет никаких оснований.

Все отправляемые рации укомплектовываются отечественным питанием, которое в работе неустойчиво и ненадежно (особенно элементы для накала) и, возможно, из некоторых раций, благодаря дождливой погоде, питание выбывает из строя в первые дни работы. Подготовку радистов… надо признать хорошей и нет оснований предполагать, что срывы связи идут за счет неподготовленности радистов. Вероятнее всего, главной причиной отсутствия связи будет являться необеспеченность рации соответственными условиями (крыша, среда, передвижение, тяжелый вес и габарит раций с питанием) и трудность условий работы на территории противника»[189].

Указание на «отсутствие нужных типов самолетов» и как следствие отсутствие «возможности установить связь с агентурой мирного времени» говорит о полном непонимании складывавшейся оперативной обстановки. Куда собирался отправлять самолеты начальник РО Штаба ЮЗФ?

Не эффективность широкомасштабной агентурной сети, развернутой окружными РО накануне войны, сохранилась и в первые ее месяцы. Ситуация усугублялась еще и тем, что агентура мирного времени была совершенно неподготовлена к ведению

разведки в условиях войны. И самое главное — не были отработаны условия связи с началом боевых действий. Уже в сентябре 1941 года Разведуправление ГШ вынуждено было констатировать, получив отчет РО Штаба Южного фронта: «Из присланного Вами отчета видно, что Разведотдел фронта, располагая большим количеством с/с [секретных сотрудников], не имеет до сего времени управляемой осведомительной сети, дающей необходимые разведданные…»[190].

Первые разведсводки Разведуправления и разведотделов штабов фронтов содержали мало конкретных сведений, часто носили общий характер, а в оценке сил и средств немецких войск допускались серьезные искажения в сторону преувеличения[191].

В последние мирные месяцы разведорганы приграничных военных округов и армий возглавляли:

— Ленинградский ВО: начальник РО штаба округа комбриг П.П. Евстигнеев, заместители — подполковник В.Е. Алексеев, майор Я.П. Горшков; начальники РО штабов армий округа: 7-й — подполковник В.И. Василенко; 14-й — подполковник Л.В. Рузов; 23-й — майор И.А. Телегин;

— Прибалтийский ОВО: начальник РО штаба округа полковник И.М. Сафронов, заместители — полковник К.Н. Деревянко, подполковник К.В. Кашников; начальники РО штабов армий округа: 11-й — подполковник А.А. Сошальский; 27-й — майор А.И. Парамонов;

— Западный ОВО: начальник РО штаба округа полковник С.В. Блохин, заместители — подполковники Я.Т. Ильницкий, А.П. Машков, С.Я. Ивченко; начальники РО штабов армий округа: 3-й — майор М.С. Кочетков, подполковник С.Я. Ивченко; 4-й — майор Д.Н. Петров; 10-й — полковник А.В. Смоляков; 13-й — полковник П.М. Волокитин;

— Киевский ОВО: начальник РО штаба округа полковник Г.И. Бондарев, заместители — полковники А.И. Каминский, Д.И. Пленков; начальники РО штабов армий округа: 5-й — полковник Ф.С. Сергиенко; 6-й — подполковник В.А. Новобранец; 12-й — полковник И.Е. Тимофеев; 26-й — майор Д.М. Баринов;

— Одесский ВО: начальник РО штаба округа полковник А.Ф. Васильев, заместители — полковник П.Г. Морозов, майор И.М. Курило; начальники РО штабов армий округа: 18-й — майор М.З. Герман; 9-й — полковник П.В. Гаев;

— Закавказский ВО: начальник РО штаба округа полковой комиссар В.М. Капалкин, заместитель — подполковник С.И. Сурин;

— Среднеазиатский ВО: начальник РО штаба округа подполковник Б.Г. Разин, заместитель — подполковник Ю.М.

Абдуллаев;

— Северо-Кавказский ВО: начальник РО штаба округа подполковник Потапов;

— Забайкальский ВО: начальник РО штаба округа полковник И.Г. Ленчик, заместитель — подполковник Г.Д. Гущин; начальники РО штабов армий округа: 16-й — майор М.М. Заикин; 17-й — майор Г.А. Рычков; — Дальневосточный фронт: начальники РО штаба фронта полковники Е.В. Алешин, П.Н. Чекмазов; начальники РО штабов армий фронта: 1-й Краснознаменной — майор А.К. Зюбченко; 2-й Краснознаменной — подполковник С.Ф. Корнилов; 15-й — майор М.Т. Анкудинов; 25-й — полковник К.А. Воронин[192].

2.2 «Сам по себе выход на исходные позиции не может остаться скрытым от противника. Тем самым оперативная внезапность невозможна»

(Из приказа командования 48 ТК [до 21 июня 1942 г. 48 моторизованного] корпуса от 13.06.41 г на подготовку к наступлению и действиям в начале нападения)

Чтобы оценить возможности разведки вскрыть наращивание группировки немецких войск, выделяемых для вторжения в Советский Союз, с последующим ее развертыванием на границах с СССР следует рассмотреть картину происходившего в части касающейся в первой половине 1941 г.

Организационно структура группировки, войск развернутых в полосах против соответствующих приграничных особых военных округов, определялась следующими образом: штабы групп армий, армий, танковых групп, штабы корпусов и моторизованных корпусов, а также дивизий (штабы и боевые части из состава дивизий)[193].

Основным стратегическим объединением Германии на важнейших направлениях планируемых ударов являлась группа армий. В ее состав включались 2–3 полевые армии и 1–2 танковые группы. Армия объединяла 3–5 армейских корпусов. Танковая группа состояла из 2–3 моторизованных корпусов, иногда в нее входили и 1–2 армейских корпуса. Армейские и моторизованные корпуса состояли из 2–5 дивизий.

Для нанесения удара по войскам Красной Армии были созданы три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг», а также армия «Норвегия» из состава войск вермахта.

Первый стратегический эшелон фашистского блока насчитывал от 121 до 127 дивизий и 2 бригад (до сих пор отсутствует однозначная и устоявшаяся цифра, она «дышит» в узком диапазоне[194]). Второй стратегический эшелон (стратегический резерв главного командования сухопутных войск Германии для войны против СССР) составлял 28 дивизий, в том числе 2 танковые дивизии. До 4 июля 14 дивизий должны были поступить в распоряжение командования групп армий. Остальные соединения предполагалось использовать позже в зависимости от обстановки на фронте[195].

Армия как оперативное объединение должна была наносить

удары на одном главном и одном — двух вспомогательных направлениях с последующим развитием наступления в сторону одного из флангов для окружения и уничтожения противника. Ширина полосы наступления группы армий устанавливалась от 150 до 250 километров, армии — от 50 до 60 километров. Общая ширина участков прорыва группы армий определялась от 80 до 100 километров, армии — 25–30 километров. Глубина операции для группы армий — 200–250 километров, для армии — 120–150 километров. При этом оперативная плотность должна была составлять 3–5 километров фронта на одну дивизию[196].

В германском оперативном искусстве зарождается новый подход оперативного построения войск. В этой связи отсутствует жесткая регламентации оперативного построения войск, а отсюда отсутствует и шаблон в оперативном построении. Принятие решения остается за командующими группами армий и танковыми группами.

Из заметок генерал-полковника Гальдера для доклада Гитлеру 3 февраля 1941 года:

«…Организация сражения — тремя эшелонами[сноска] (новый термин для определения глубины оперативного построения)»[197]. Комментарий немецкого издательства к сноске: «Вначале пехотные соединения, экономно используя выдвигаемые вперед танковые группы, осуществляют прорыв на направлениях главных ударов. Затем танковые группы, составляющие 1-й эшелон, устремляются вперед, достигая максимальной оперативной глубины вклинения. За ними следуют в качестве 2-го эшелона пехотные (армейские) корпуса, в то время как резервы, образуя 3-й эшелон в наступлении, идут непосредственно за пехотными корпусами»[198].

Генерал-полковник танковых войск вермахта Гейнц Гудериан выступал за использование танковых соединений с самого начала в первом эшелоне: «У верховного командования, несмотря на опыт западной кампании, не было единого мнения относительно использования танковых соединений. … Генералы, не имевшие отношения к танковым войскам, придерживались мнения, что первый удар следует нанести пехотными дивизиями, проведя предварительно сильную артиллерийскую подготовку, а танки ввести в бой лишь после того, как вклинение достигнет известной глубины и наметится возможность прорыва. Напротив, генералы танкисты придавали большое значение использованию танков с самого начала в первом эшелоне, потому что именно в этом роде войск они видели ударную силу наступления. Они считали, что танки могут быстро осуществить глубокое вклинение, а затем немедленно развить первоначальный успех, используя свою

скорость. Генералы сами видели результаты использования танков во втором эшелоне во Франции. В момент успеха дороги были запружены бесконечными, медленно двигающимися гужевыми колоннами пехотных дивизий, которые препятствовали движению танков. Генералы танкисты разрешали вопрос следующим образом: на участках прорыва использовать танки в первом эшелоне, впереди пехоты, а там, где решались другие задачи, например, взятие крепости, использовать пехотные дивизии»[199].

При этом вводу в бой танковых дивизий 2-й танковой группы Гудериана 22 июня предшествовала часовая артиллерийская подготовка, сопровождавшаяся налетом пикирующих бомбардировщиков[200]. Командование группы армий «Север» приняло решение о включении пехотных дивизий в полосу наступления танковой группы. «Совещание с генерал-полковником Гудерианом: Главной задачей танковых групп являются не действия в начале наступления, а действия в глубине. Для выполнения этой задачи силы должны быть сохранены. Поэтому в самом начале наступления необходимо использовать поддержку пехоты. 2-й танковой группе должны быть подчинены 267-я и 293-я пехотные дивизии. Их предполагается использовать не целиком, а отдельными полками (без обозов), которые будут подчинены отдельным танковым дивизиям». — Записал 6 июня 1941 года Гальдер в своем дневнике[201].

Руководству Красной Армии не были известны новые подходы командования вермахта к оперативному построению войск, изготовившемуся к нападению. В своем докладе «Характер современной наступательной операции» на совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. командующий Киевским Особым военным округом Г.К. Жуков, в частности отметил следующее:

«На основании опыта минувших войн можно сделать следующие выводы о порядке развертывания армии при наличии значительного времени на подготовку.

Под прикрытием войск первого эшелона сосредоточиваемые дивизии ночным маршем выводятся к рубежу развертывания и располагаются в укрытых местах в 10–15 км от линии фронта.

В исходное положение для атаки главные силы дивизии выводятся в ночь накануне атаки. Авангардные части могут быть выброшены за сутки.

Танковые части усиления, придаваемые стрелковым соединениям, занимают свои выжидательные районы в укрытых местах вне артиллерийского огня.

Артиллерия занимает огневые позиции до выдвижения пехоты и танков в исходное положение, т. е. не позднее, чем за одни сутки до начала атаки. Занятие огневых позиций артиллерией производится ночью. Развертывание артиллерии может потребовать несколько ночей. Требуется тщательная маскировка артиллерии, выдвинутой в течение ночи на огневые позиции.

Помимо сосредоточения и развертывания войск должна быть произведена работа по обеспечению прорыва и оборудованию района во всех отношениях. Исключительно большая работа будет развернута по материальному обеспечению операции»[202].

Немецкое командование, учитывая опыт кампаний в Польше и на Западе, а также особенности театра предстоящих военных действий, реорганизовало свои вооруженные силы, прежде всего сухопутные войска, увеличив их огневую мощь и подвижность. Пехотная дивизия несколько уменьшилась численно, но была усилена автоматическим оружием — пулеметами и автоматами. На ее вооружение поступили 47-мм противотанковые пушки и противотанковые ружья. **Пехотная дивизия** новой организации **состояла из трех пехотных полков, артиллерийского полка (на конной тяге)**, истребительно-противотанкового дивизиона (батальона), разведывательного батальона и частей обеспечения (в т. ч. батальон связи, саперный батальон, колонну мостоукладчиков). В состав артиллерийского полка входили три легких дивизиона (12 105-мм гаубиц в каждом) и один тяжёлый — (12 150-мм гаубиц).

Наряду с обычными пехотными дивизиями в состав сухопутных войск вермахта входили горнострелковые (горнопехотные), легкие пехотные и охранные дивизии. В отличие от обычной пехотной дивизии горно-стрелковая и легкая пехотная дивизия наряду с артиллерийским полком имели только по два пехотных полка. Состав охранной дивизии, предназначенной для охраны тыла действующей армии и поддержания оккупационного режима, был ограничен одним полком и одним дивизионом артиллерийского полка.

Насыщение пехотных дивизий транспортом и механизированными средствами артиллерийской тяги привело к появлению **моторизованных пехотных дивизий**. Организационная структура таких пехотных дивизий, в свою очередь, тоже претерпела существенные изменения. Штат моторизованной пехотной дивизии (далее моторизованной дивизии) включал два моторизованных и один артиллерийский полк (на мехтяге), а также разведывательный батальон, противотанковый дивизион, части и подразделения обеспечения

и обслуживания. Артиллерийский полк моторизованной дивизии состоял из двух легких и одного тяжелого дивизионов (всего 24 105-мм и 12 150-мм гаубиц). К июню 1941 года в составе сухопутных войск вермахта было 14 моторизованных пехотных дивизий, которые входили в состав моторизованных корпусов.

В танковых дивизиях также как и в обычных пехотных дивизиях увеличивалось количество автоматического пехотного оружия и минометов и более чем в полтора раза число пехотных и полевых артиллерийских орудий. Для придания дивизиям большей подвижности и маневренности количество танков в них уменьшалось почти вдвое. По новому штату **танковые дивизии вермахта в своем составе имели: один танковый, два моторизованных пехотных полка и один артиллерийский полк (на мехтяге)**, а также мотоциклетный, разведывательный, противотанковый, саперный, полевой запасный батальоны и батальон связи. Основной ударной силой танковой дивизии был танковый полк. Все части и подразделения танковой дивизии были моторизованы.

При этом **десять танковых дивизий** (1, 2, 4, 5, 9, 10, 11, 13, 14 и 16-я) **имели танковые полки 2-х батальонного состава** (в среднем по 147 танков в дивизии), оставшиеся **девять дивизий** (3, 6, 7, 8, 12, 17, 18, 19 и 20-я) — **3-х батальонного состава** (в среднем по 209 танков в дивизии). На вооружении танкового полка состояли следующие типы танков: Т-I, Т-II, Т-III, Т-IV, трофейные чешские танки Т-35(t) и Т-38(t), а также командирские танки на базе Т-I и Т-II[203].

Типичный артполк танковой дивизии имел два легких (всего 24 орудия 105-мм гаубиц) и один тяжёлый дивизион (12 150-мм гаубиц).

Организационный и количественный состав дивизий не был устоявшимся и менялся с течением времени.

К весне 1941 г. удалось закончить ремонт путей на территории Германии и Генерал-губернаторства, увеличить пропускную способность станций и разъездов на следующих шести основных железнодорожных магистралях: Штеттин — Мариенбург (Мальборк) — Кенигсберг, Берлин — Бромберг (Быдгощ) — Тильзит, Берлин — Познань — Варшава, Берлин — Лодзь — Варшава — Седлец (Седльце), Берлин — Бреслау (Вроцлав) — Катовице — Брест, Берлин — Краков — Ярослав — с общей пропускной способностью 600 пар поездов в сутки. К этому же времени был завершен ремонт рокадных железных дорог.

Большие работы велись по прокладке и ремонту автострад и шоссейных дорог. Уже к концу 1940 г. закончилось строительство четырех автострад внутри страны, а к лету 1941 г. были

построены новые автострады, соединившие Центральную Германию с Восточной Пруссией, Польшей и Австрией.

Особенно интенсивно в этот период проводились работы по расширению аэродромной сети. Только с лета 1940 г. по май 1941 г. в Германии было сооружено около 250 аэродромов и 160 посадочных площадок. За это же время в Польше немцы восстановили и построили около 100 аэродромов и 50 посадочных площадок. Одновременно расширялись военно-морские базы на Балтийском море и на севере Норвегии.

К началу мая 1941 г. Восточноевропейский театр военных действий был в основном подготовлен для нападения на СССР. Созданная дорожная сеть в целом обеспечивала как стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил, так и подвоз для них всего необходимого.

Большое число аэродромов и посадочных площадок позволяло рассредоточить авиацию и давало возможность проводить широкий маневр как по фронту, так и в глубину[204].

Для каждого из воздушных флотов, которые должны были принять участие в войне против СССР, в восточных районах были подготовлены две базы материально-технического обеспечения. Так, для 2-го воздушного флота, который взаимодействовал с группой армий «Центр», северная база располагалась в районе Сувалки (25 км до границы по прямой), а южная — в районе Бяла-Подляска (24 км до границы по прямой). На каждой из них имелись авиационные бомбы, боеприпасы для авиационных пушек, пулеметов и зенитных орудий, около 15 тыс. бочек горюче-смазочных материалов, а также продовольствие, запасные части для самолетов и зенитной артиллерии, средства маскировки, строительные материалы для сооружения аэродромов и дорог. Наличные запасы должны были обеспечить не менее чем пятидневную боевую потребность воздушного флота.

Одним из элементов подготовки Восточного ТВД явилось обеспечение войск топографическими и географическими картами, обзорами и описаниями предстоящих районов боевых действий, изучение этих материалов штабами и командным составом. К июню 1941 г. были подготовлены и изданы типографским способом описание рек на западной границе СССР, серия из восьми обзоров с картами под общим названием «Военно-географические данные о европейской части России», военно-географическое описание Кавказа и Черноморского побережья СССР и других районов[205].

В соответствии с Директивой главного командования сухопутных войск (ОКХ) от 31 января 1941 г., в первую очередь на

Восток (по отношению к территории Германии) перебрасывались «все рабочие штабы групп армий, армий и танковых групп на Восток для подготовки и проведения в жизнь необходимых мероприятий», материально-технические средства, и пехотные соединения. В последнюю очередь передислоцировались собственно боевые части танковых и моторизованных соединений сухопутных войск и летные части ВВС.

Переброска войск, предназначенных для нападения на СССР, осуществлялась шестью эшелонами. Пятью эшелонами перебрасывались войска, предназначенные в ударные группировки, шестым — выдвигался резерв ОКХ. Переброска войск велась в основном железнодорожным транспортом. Лишь на заключительном этапе некоторые танковые дивизии передислоцировались своим ходом. На переброску одной дивизии затрачивалось от 2 до 7 суток.

В первом эшелоне с 20 февраля по 15 марта 1941 г. на Восток было передислоцировано 7 пехотных дивизий. В это же время с Запада 3 пехотные дивизии были направлены на Балканы для участия в операции «Марита» (кодовое название операции по вторжение вермахта в Грецию) и 7 дивизий переброшены в Германию, а из Германии 15 дивизий были направлены на Запад, где они должны были совершенствовать свою боевую подготовку.

В период с 16 марта по 10 апреля 1941 г. в составе второго эшелона на Восток было переброшено 19 дивизий (18 пехотных и 1 танковая). Одновременно на Запад из Германии было направлено 9 пехотных дивизий, предназначенных для несения оккупационной службы, а в Германию прибыла пехотная дивизия из Дании[206].

24 марта 1941 г. командующий группой армий «Б» (с 22 июня 1941 г. — «Центр») генерал-фельдмаршал фон Бок отдал приказ о сооружении различных укреплений вдоль границы, предназначенных для обороны от возможного советского наступления. Было отдано распоряжение не препятствовать советской воздушной разведке вести наблюдение за производимыми работами. Оборонительные сооружения возводились так, чтобы затем их можно было использовать в качестве исходных позиций для наступления против СССР[207].

3 апреля 1941 г. начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил генерал-фельдмаршал В. Кейтель в своих указаниях по подготовке к операции «Барбаросса» счел необходимым отметить:

«4. При этом оборонительные приготовления, предпринимаемые против превентивных мероприятий русских в воздухе и на земле, должны продолжаться в увеличенном объеме

и с большей интенсивностью»[208].

7 апреля 1941 года Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Анализ группировки русских войск дает основание сделать следующий вывод: Если отказаться от избитого утверждения о том, что русские хотят мира и сами не нападут, то следует признать, что их группировка вполне допускает быстрый переход в наступление, которое было бы для нас крайне неприятным»[209].

После 22 июня 1941 г. оборонительные приготовления Германии на границе с СССР стали оцениваться как дезинформационные мероприятия, изначально направленные на введение в заблуждение командование Красной Армии.

С апреля до начала мая «командования групп армий и армий» принимали, предназначенные им, в соответствии с директивой на сосредоточение, полосы, соблюдая вначале меры маскировки. «В целях сохранения тайны размещение указанных штабов» производилось «в районах уже находящихся на Востоке штабов войск группы армий “Б” или армий»[210].

Сохранялась видимость присутствия штабов армий в тех пунктах, из которых они уже убыли. Одновременно присваивались условные наименования вновь прибывшим штабам соединений. Так, поддерживалась видимость присутствия в Замостье (Замосць) (Генерал-губернаторство — территория оккупированной Польши) штаба 2-й немецкой армии, убывшей в резерв ОКХ. Вновь прибывший в Замостье штаб 48-го моторизованного корпуса был замаскирован под организацию по строительству укреплений.

Из «Журнала боевых действий 48-го танкового корпуса» (с 21 июня 1942 г., до этого — 48-й моторизованный корпус):

«… Со времени прибытия в Замостье (на расстоянии до 60 км до границы) 22 апреля 1941 г. командование [48-го моторизованного корпуса] подчинено непосредственно 6-й Армии. По соображениям секретности командование [корпуса] называется “штаб 48-й строительной крепости”. Кроме корпусных частей и 2-го артдивизиона 64-го артполка у корпуса нет дивизий или частей армейского подчинения, которые должны быть подчинены корпусу в ходе операции “Барбаросса”. Такие соединения подчинены ответственному за данную территорию 3 ТК, а позже 55 АК. Также и к работам на театре будущих боевых действий — дорожные работы, строительство оборонительных укреплений у р. Буг одновременно для маскировки занятия исходных рубежей — командование 48 ТК не имеет непосредственного отношения [в связи с отсутствием подчиненных частей]»[211].

Вместе с тем в составе 6-й армии была создана специальная

строительная организация, деятельность которой соответствовала названию.

В том же «Журнале боевых действий 48-го танкового корпуса» отмечается о постройке дороги, специально для выдвижения моторизованного корпуса к границе:

«4 мая

Во время многочисленных поездок к Сокалю командир корпуса, начштаба и нач. оперативного отдела штаба корпуса ознакомились с местностью и с состоянием дорог. Состояние дорог на участке корпуса было особенно плохим и на всех совещаниях с вышестоящими инстанциями корпус особенно указывал на необходимость создания хотя бы одной принадлежащей ему одному сквозной дороги. В ответ на это командование 6-й Армии создало особый строительный штаб, который за следующие недели создал для корпуса вполне пригодную, местами бетонированную дорогу»[212].

Строительство дороги к границе на протяжении нескольких недель могло и должно было попасть в поле зрения агентуры.

В связи с Балканской кампанией количество дивизий, перебрасываемых в составе третьего и четвертого эшелонов, то сравнению с первоначальным планом было уменьшено, а в составе пятого — увеличено. Переброска третьего эшелона в составе 17 дивизий осуществлялась с 11 апреля по 21 мая. Большинство дивизий прибыло с Запада, а две — из Германии. Все 43 дивизии, прибывшие в составе трех первых эшелонов, в интересах оперативной маскировки располагались западнее рубежа Кенигсберг (122 км), Варшава (94 км), Тарнув (121 км) (указано приблизительное расстояние по прямой от указанных городов до границы).

С 22 мая 1941 г. железнодорожный транспорт Германии был переведен на ускоренный график движения, и сосредоточение войск на Востоке резко увеличилось. Переброска четвертого эшелона в составе 11 пехотных и 9 охранных дивизий была осуществлена с 22 мая по 5 июня. В конце мая на Запад из Германии для несения оккупационной служба было направлено 5 пехотных дивизий 15-й волны[213], созданных весной 1941 г.

На 5 нюня в трех группах армий насчитывалось 89 дивизий.

Пятый эшелон в составе 14 танковых, 12 моторизованных пехотных, 2 пехотных, 3 легких пехотных дивизий и 2 моторизованных бригад перебрасывался на Восток с 6 по 18 июня. Именно в этот промежуток времени была передислоцирована основная масса подвижных соединений.

Переброска шестого эшелона, включавшего 28 дивизий и 1 бригаду резерва ОКХ, началась 19 июня и продолжалась в течение

нескольких недель уже после начала войны[214].

Следует отметить, что приводимые даты начала и конца переброс, равно как и количество перебрасываемых дивизий разнятся, хотя и незначительно, от источника к источнику, не изменяя при этом общую картину[215].

Стратегическое развертывание и сосредоточение войск должно было производиться при строгом соблюдении секретности — с информацией в полном объеме подлежал ознакомлению ограниченный круг лиц, из числа командного состава, для остальных указания на выдвижение соединений и частей должна были доводиться только — «поэтапно». Из «Указаний по выдвижению “Барбаросса” (Aufmarscheinweisung)» командования 6-й Армии от 2 мая 1941 г.:

«13. Соблюдение секретности:

Руководством для поэтапного осведомления [командного состава] и включения в предварительные работы является основополагающий приказ фюрера № 1.

С приказами Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) можно в полном объеме ознакомить

а) командующего 1-й Танковой Группы

б) командиров корпусов армии и 1-й ТГр

в) начальников штабов, начальников оперативных отделов, начальников тыла корпусов.

Кроме них уже теперь знакомятся с документами:

г) командиры дивизий с их первыми и вторыми офицерами штаба

д) артиллерийские командиры (Arko)

Остальных сотрудников информировать как можно позже и только в пределах их обязанностей. Разъяснить им требования [по сохранению тайны].

Разрешение полного посвящения в дела более широкого круга лиц командование Армии оставляет за собой. Необходимые привлечения [военнослужащих] для разведки следует маскировать учениями и территориальными мероприятиями. Командование корпусов несет ответственность за то, чтобы разведка у границы велась только под маскировкой (ненаблюдаемой из-за границы). Для этого следует немедленно создать заграждения на всех дорогах и тропинках, ведущих к границе в зонах прикрытия, которые разрешается пересекать только тем офицерам (например, сапёрам), у которых есть специальный пропуск командования корпуса.

Любое привлечение гражданского населения запрещено.

Приказы на выдвижение войск нельзя выдавать полностью, а отрабатывать только выдержками (поэтапно)»[216].

Создание заграждений на всех дорогах и тропинках, ведущих к границе, введение специальных пропусков для маскировки ведения разведки сопредельной стороны, создавало трудности для организации разведки оперативными пунктами разведывательных отделов штабов военных округов.

Имевшаяся в распоряжении германского командования информация, о выдвижении советских войск к западным границам привела к выводам о возможности «внезапной атаки русских». Признание того факта, что «нападение [русских] представляется маловероятным», однако не воспрепятствовало принятию приказа о принятии мер «для безусловного прикрытия приграничной полосы».

Так, 5 июня штабом 4-й армии (группа армий «Центр») «по приказу Верховного командования сухопутных войск» был издан приказ «Относительно операции “Ахтунг Берта”»:

«Настоящий приказ (в новой редакции) отдан об окончательном порядке расположения войск в приграничном районе с 4.6.41 и относительно ранее отданного приказа [по армии] № 17 п.1., с выходом настоящего приказа, утратившего силу.

1. Положение противника:

По совпадающим данным, **русские и далее продолжают выдвигать свои войска в приграничную полосу. Несмотря на усиление находящихся вблизи границы русских соединений, нападение** [русских] **представляется маловероятным**.

Если же оно и произойдет, то следует ожидать внезапной атаки русских с применением ВВС, парашютных десантов и десантов на планерах (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

2. В связи с этим, по приказу Верховного командования сухопутных войск, должны быть предприняты все меры для безусловного прикрытия приграничной полосы и, прежде всего, армейских складов.

Следует избегать любого беспокойства [так в тексте] войск.

3. Задачи:

24-й танковый корпус (из состава 2-й ТГр Гудериана — *М.А.*), а также 13-й, 43-й, 9-й, 7-й Армейские корпуса обороняются на немецко-русской границе и немедленной контратакой отбрасывают вторгшегося противника назад за р. Буг или за “сухопутную границу” [на левом фланге 4-й Армии вермахта, в междуречье Буга и Нарева граница проходила по суше]. Границы участков [обороны, прикрытия] совпадают с окончательными границами [корпусных] районов дислокации.

Основная линия [центр сосредоточения усилий] обороны находится по обе стороны основных автомобильных и железных

дорог, проходящих через р. Буг, и по сухопутной границе, а также в районах складов, находящихся вблизи границы.

Боевой порядок частей — исходя из тактических соображений, однако таким образом, чтобы избегать любого ненужного скопления сил непосредственно на границе.

4. Соседи

Южнее 24 ТК вдоль реки Буг развертывается 17-й Армейский корпус (из состава ГА “Юг” — *М.А.*), штаб в г. Хелм (Холм). Севернее 7-го армейского корпуса 20-й АК (штаб в Ortelsburg) обороняет полосу р. Нарев и Писса северо-восточнее Остроленка.

С соседями следует установить связь и определить стыки (соединений) на местности и на карте.

5. Наблюдение за границей

Сплошным и тщательным наблюдением по всей границе устанавливать возможные приготовления русских к нападению и немедленно докладывать в штаб Армии. Вновь указывается на [необходимость] тесного сотрудничества с пограничной службой.

6. Время приведения в боевую готовность командование 4-й Армии не устанавливает. Полная готовность к обороне или готовность к выступлению — в случае атаки русских или, соответственно, по условному сигналу “Ахтунг Берта” — так быстро, насколько это возможно.

7. Командные пункты:

Командные пункты штаба корпуса и дивизий для [извещения согласно] плана “Внимание Берта” используют уже существующую сеть связи.

8. Подчиненность частей сухопутных войск

С поступлением условного сигнала “Ахтунг Берта” или с началом русского наступления все находящиеся в зоне военных действий части сухопутных войск, строительные подразделения, части обеспечения и подразделения R.A.D (“Имперская служба труда”, введенная с 26.6.1935 г. обязательная для всех трудоспособных немцев 19–25 лет трудовая повинность (2 раза в год, всего 6 месяцев); резерв перед призывом на службу в вермахте [не путать с военизированной “Организацией Тодта”]) поступают в непосредственное подчинение соответствующего командования корпусов.

9. Земляные работы

а) **Земляные работы повсюду продолжать вести следующим образом**:

Сооружение простых (полевых) укреплений в близкорасположенных к границе местах [производить] **там, где ожидается наступление русских, в особенности, вдоль проходящих** [через границу] **дорог и ж/д путей**.

Основные оборонительные районы:

— севернее Кодень,

— от района южнее Тересполя до района севернее Янув Подляский,

— с обеих сторон железнодорожной линии Седльце, Бельск,

— с обеих сторон шоссейной дороги Соколув, Дрогичин,

— южнее н.п. Нур,

— по обе стороны Острув Мазовецкий.

б) Исполнение:

оборудовать вспомогательными средствами стрелковые ячейки, оборудовать огневые позиции для тяжёлого оружия [пехоты], наблюдательные пункты, блиндажи, ниши для боеприпасов, места для наблюдения с деревьев и т. д.

10. Доклады:

До 10.6.41 (к совещанию у командующего Армией) командующие корпусов докладывают по п.3 настоящего приказа по карте 1:100000, а также о том, что еще не выполнено.

а) окончательное распределение участков.

б) пути отхода отступающих сражающихся войск.

в) положение главной линии обороны исходя из уже проведенных оборонительных мероприятий на основных дорогах, железнодорожных линиях и в районах складов обеспечения, расположенных в непосредственной близости к границе.

г) о предусмотренных планом “Берта” командных пунктах.

д) состояние и ход земляных работ.

За командование армии

Начальник штаба

(генерал-майор Блюментритт)»[217].

К числу «совпадающих данных», по которым «русские и далее продолжают выдвигать свои войска в приграничную полосу», следует отнести и доклад отдела разведки и контрразведки штаба 41-го танкового корпуса:

«Штаб [41-го танкового] корпуса

16.6.1941

отдел разведки и контрразведки

секретно, только для командования

8 экз., [передавать] только с офицером!

12.6.41 задержанный немецкой таможенной (пограничной) службой русский агент на допросе сообщил следующие военные сведения (выделено мной. — *М.А.*):

1. Занятие квартир военными: в Таурогене (ныне Таураге) находится много военных (пехота, артиллеристы, кавалеристы), частично размещены на частных квартирах; танки стоят за казармами пехоты (1 орудие,1 пулемет) [в Таураге

сосредотачивалась 125-я сд, танков “с пушкой”, т. е. Т-26 или БТ ей по штату не полагалось, но достаточно часто на вооружении разведбата стрелковых дивизий КА вместо (вместе с) плавающих танкеток Т-37/38 были танки Т-26].

В трехэтажном здании больничной кассы (белый дом) по показаниям одного красного солдата (так в тексте) находится штаб корпуса (примечание отдела разведки: “вероятно, штаб дивизии”). Южнее дороги Таураге, Шауляй в 3 км от Таураге в лесу — военные. Аналогично уплотняется [увеличивается концентрация войск] в Юрбаркас (многократно менявший название город на р. Неман, недалеко от границы, которая там тоже многократно менялась — *М.Солонин)* По сравнению с этим, как он сказал, лишь немного солдат в Расейняй, в [самом] городе.

2. Укрепления и огневые позиции:

У дороги от границы до Таураге, до пересечения железных дорог, 8-10 [рядов] проволочных заграждений по 4–5 м шириной каждая, по обе стороны дороги.

Противотанковый ров, отрытый по современным [требованиям], шириной ок. 5 м и глубиной ок. 1.7 м по обе стороны дороги близ Cejkiske (длиной 400–500 м). Строительство [рва] продолжается.

У Meldekwirze, северо-западнее, вырыты стрелковые траншеи, перед ними линии проволочных [заграждений].

Везде вокруг Таураге — земляные работы и строительство ДОТов. Цемент привозится из Таураге на юг. У дороги Таураге, граница — многочисленные позиции противотанковой артиллерии; такие же позиции батарей ПТО по обе стороны дороги в 1–2 км западнее Таураге.

Позиция у р. Дубиса — в [процессе] строительства. Строители вынуждены ездить [за] песком, цементом и камнем. Имеются в наличии бетономешалки, которые [используются] в строительстве полевой железной дороги (узкоколейка?). Строятся укрепления на восточном берегу. Пока ничего не готово, в наличии только котлованы.

3. Прочее:

Автомобильный мост (переезд) над железной дорогой (1,2 км сев. — вост. границы у Laugszargen) сгорел. Движение [по мосту] автотранспорта невозможно, только движение пешеходов.

В Таураге выгружаются трактора, артиллерия, много бензина (этот бензин большей частью на Kolpaki, 4 км зап. Таураге), много сена, соломы, боеприпасов. Он [агент] видел гаубицы с [длиной] ствола ок. 1,5 м и калибром ок. 15 см на конной тяге (легкая полевая 122-мм гаубица?) и орудия с [длиной] ствола ок. 4 м и калибром ок. 10 см (тяжелая 107-мм пушка?)

Большей частью войска сейчас [оснащаются] новыми винтовками со сменным магазином. Остальные — со старыми [винтовками]»[218].

Ожидание «внезапной атаки русских с применением ВВС, парашютных десантов и десантов на планерах» не в лучшую сторону характеризовало стратегов из германского генерального штаба сухопутных войск и военную разведку, на основании информации которой строились выводы, что «русские и далее продолжают выдвигать свои войска в приграничную полосу». И еще: германское командование не допускало возможность нанесения первого удара советскими войсками по образцу и подобию применения вермахта по плану «Барбаросса».

«Совпадающие данные», на основании которых был принят приказ, это — информация, полученная от своей агентуры и от захваченной агентуры оперативных пунктов военной разведки и пограничных отрядов НКВД, а также результат личных наблюдений за сопредельной стороной, выделяемых для этого немецких офицеров. Как следует из приказа, оборонительные мероприятия, проводившиеся на границе, не были направлены на то, чтобы дезинформировать противника, а предусматривали возможность, пусть даже самую незначительную, отражения нападения Советского Союза на Германию.

О том, что «следует считаться с возможностью внезапного русского нападения» и в этой связи необходимо усиливать проведение оборонительных мероприятий отмечалось в приказе командования 48-го моторизованного корпуса из состава 1-й танковой группы (группа армий «Юг»):

«Командование 48-го Танкового [моторизованного] корпуса
10.06.1941
5 экземпляров
4-й экземпляр
Вариант (план) “Берта” Постоянно усиливающиеся приготовления по плану “Барбаросса” с течением времени не могут остаться незамеченными русскими. **В связи с тем, что у русских есть обычай упреждать наступательные намерения противника, следует считаться с возможностью внезапного русского нападения.**

В связи с этим 75 пд с 12 июня усиливает свою оборону следующими мероприятиями (выделено мной. — *М.А.*):

а) Оборону вдоль Буга необходимо уплотнить, особенно ночью. В тех местах, в которых внезапный переход русских наиболее вероятен, поставить часовых. Быстрое занятие всех предусмотренных для обороны позиций должно быть гарантировано. Для этого обеспечить быструю передачу

донесений и приказов.

б) Две трети артиллерии, предусмотренной для “вариант Берта”, поставить на предусмотренные позиции. Определить территории заградительного огня, если это ещё не сделано, обеспечить открытие заградительного огня.

в) Резерв дивизии подвести как можно дальше вперёд, чтобы в любое время было возможно нанести контрудар.

После смены частями 57-й дивизии, она на своём участке должна провести такие же мероприятия»[219].

Войска перебрасывались в основном по железной дороге. Перемещение танковых и моторизованных дивизий (непосредственно к границе с Советским Союзом происходило в несколько этапов: первоначально в пункты временной дислокации для отдыха, куда соединения и части следовали из пункта выгрузки; затем — к исходному району и далее — к исходной позиции (исходному рубежу). В зависимости от даты прибытия танковые и моторизованные дивизии могли направляться в исходные районы, минуя пункты временной дислокации.

Вводятся **запретные линии**, за которые части не выводятся. Большое значение придается маскировке позиций, резервы отводятся далеко назад. Все делается для того, чтобы военная разведка штабов приграничных особых военных округов и пограничных войск НКВД не обнаружила боевые соединения и части сосредотачивающейся группировки.

С 10 июня 1941 г. соединения, предназначенные для вторжения, стали занимать исходные районы: пехотные дивизии — районы, удаленные от государственной границы на 7—20 километров, танковые и моторизованные — на 25–80 километров.

Выдвижение на исходные позиции (рубежи) начиналось за несколько дней — от одного до шести — до начала операции «Барбаросса» (самый ранний срок — с 16 июня). Исходные позиции выбирались обычно на таком удалении от переднего края обороны противника, которое обеспечило бы внезапность появления танков и преодоление пространства, обстреливаемого огнем противотанковых орудий, в наиболее короткое время. В зависимости от местности это удаление колебалось от 1 до 2 км. В случаях, когда танковые части действовали в качестве резерва пехотных дивизий, исходный порядок определялся дальше, на расстоянии 3–5 км от переднего края.

Из стенограммы совещания 21.05.41 в штабе 6-й Армии:

«… 11. Выход на исходные позиции. Не переходить запретных линий. Артиллерию вывести на позиции только в последние 3–4 ночи, а именно начиная с запада на восток. Выход на позиции

пехоты должен быть завершён за 2 часа до начала нападения. Маскировка исходных позиций! Вопрос материалов! Снабжение невозможно, самообеспечение (покрытия, накидки и т. п.).

Резервы далеко назад и закопать [окопаться?].

Защита с воздуха исходных позиций особенно важна, т. к. **возможно, что русские начнут войну в воздухе ещё до начала наступления** (выделено мной. — *М.А.*)»[220].

В первых числах июня началось выдвижение за линию Кенигсберг — Варшава — Тарнув главных сил ранее сосредоточенных войск, а также усиление войск первой линии.

Из приказа командования 20-го армейского корпуса вермахта [из состава 9-й армии] от 12 июня 1941 г.:

«Особые распоряжения по занятию исходных позиций и наступлению

I

1. 20АК располагается на исходных позициях так, чтобы быть способным при наступлении дня “В” в боевом порядке перейти границу под огневым прикрытием артиллерии и тяжёлого вооружения.

2. Для этого дивизии выдвигаются в своих районах согласно приказу командования 20АК № 465/41 от 07.06.41 и наставлению по ведению боевых действий таким образом, чтобы они могли на рассвете дня “В” начать наступление. При этом следует стремиться к тому, чтобы наиболее сильные по своим возможностям подразделения были выдвинуты на исходные позиции только в ночь со дня “В-1” на день “В”.

II

1. Подтягивание к границе следует произвести согласно приказа командования 20АК № 045/41 от 30.05.41 насколько это возможно поздно и незаметно. Оборону (защиту) исходных позиций следует ограничить самым необходимым; неоправданно высокие меры по защите позволят разведке противника преждевременно выявить наши намерения.

2. Командующий 9-й Армии приказал, что **19.06.41 в 0 часов дивизии** получают приказ (т. е. за 3 дня до запланированного начала вторжения. — *М.А.*) на своих **окончательных рубежах** [исходных рубежах, позициях].

3. Подразделения связи.

Прокладка линий связи в районе исходных позиций и оборудование командных пунктов требует всемерной маскировки, и вблизи границы должна быть осуществлена как можно позднее.

Заключительные распоряжения.

1. О завершении выхода частей на исходные позиции должно быть доложено в день “В” в 01:00 условной фразой “Резервы по

карте для учений поступили”.

2. Наступление начинается как единое на всём фронте в день “В” в час “Х”. **Приказ о дне “В” и часе “Х” последует позднее**.

a) Артиллерийская подготовка по пристрелке — только с часа “Х”.

b) Время начала атаки силами пехоты — с часа “Х” или позднее — остаётся произвольным.

c) Какого-либо особого приказа к переходу в наступление более не последует.

3. Приостановка наступления и запрет на переход границы — по условной фразе: “Лес для строительства бараков остаётся на месте”.

Должна быть обеспечена своевременная передача этого приказа вплоть до самых передовых подразделений. С 20.00 дня “В-1” телефонисты должны быть заменены офицерами. …»[221].

Как следует из приказа командования 20-го армейского корпуса от 12 июня 1941 г., на тот момент не исключалась возможность «приостановка наступления и запрет на переход границы»

С 16 июня дивизии начинали выдвижение на исходные позиции в темное время суток при строжайшем соблюдении маскировки[222]. Артиллерия в это же время побатарейно и поорудийно занимала огневые позиции, тщательно укрытые от наблюдения со стороны границы.

Требовалось обеспечить четкое разделение полос движения танковых и пехотных соединений, следовало обеспечить разделение боевых машин и следующего за ними транспорта и техники (в которую входили многочисленные понтонно-мостовые бригады), что не могло не внести в передислокацию определенную дезорганизацию. К тому же малочисленность и в большинстве случаев плохое состояние дорог, а также короткие ночи вызывали необходимость продолжения марша и в дневное время. Поэтому принимаемые меры для соблюдения секретности не всегда могли быть обеспечены. В ряде случаев отмечался «совершенно неудовлетворительный уровень маскировки во время марша войск на восток, а также биваков и стоянок автомашин».

Германское командование совершенно справедливо вынуждено было признать, что невозможно скрыть выдвижение частей на исходные позиции к границе. Отсюда напрашивался вывод, что «оперативная внезапность невозможна»:

«Командование 48 ТК [моторизованного корпуса]

13.06.41

Приказ корпуса на подготовку к наступлению и действиям в

начале нападения.

…

4. Подготовка

а) Общие положения: **Сам по себе выход на исходные позиции не может остаться скрытым от противника. Тем самым оперативная внезапность невозможна** (здесь и далее выделено мной — *М.А.*). Тем более необходимо держать противника в неведении относительно дня нападения. Поэтому следует категорически избегать любых необдуманных действий при занятии исходных позиций, складировании материала и боеприпасов, проводки средств связи и при инструктаже.

Любое пересечение Буга в целях разведки запрещено»[223].

Немецкий порядок — ordnung[224] давал сбои, что открывало определенные возможности для разведки для вскрытия происходивших сосредоточений германских войск.

15 июня командующий 4-й Армии фон Клюге подписал приказ, в котором, в том числе говорилось и о «грубых нарушениях» требований маскировки в частях и соединениях армии:

«VIII. Маскировка.

Я неоднократно приказывал, что с началом последних перемещений следует осуществлять маскировку [по требованиям] военного времени. **Проведённое наблюдение с воздуха выявило грубые нарушения** (например, транспортные средства расположены как в мирное время, [стоят] ровными рядами, в шеренгах). Никакого замаскированного и рассредоточенного расположения транспортных средств в местах привалов и т. д. Я обращаюсь к ответственным господам командующим корпусами [с требованием] сейчас же принять безотлагательные меры против небрежности в маскировке»[225].

Приказ по 57-му моторизованному корпусу конкретизировал, какие мероприятия необходимо провести, чтобы не допустить обнаружение частей корпуса с воздуха, изготовившихся к нападению, а также предписывал сохранять режим радиомолчания накануне вторжения:

«Совершенно секретно

Командование 57-го танкового [моторизованного] корпуса

Nikolaiken, 17.6.41 г. 14:00

всего 33 экз, экземпляр 3-й

№ 150/41 сов. секретно

Приказ по корпусу

о наступлении через русскую границу

…

14.) Организация связи между сухопутными войсками и

люфтваффе.

…

c)

…

Для того чтобы не выдать глубину районов операций противнику, опознавательные знаки [на машинах и боевой технике] **по эту сторону границы рейха нельзя показывать, но не забыть нанести (установить) их после перехода границы!** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Все органы регулирования движения вблизи границы рейха должны напоминать об этом всем проезжающим машинам.

…

15.) Связь. Подробности смотри «Особые распоряжения для связи».

…

c) **Готовность радиосвязи с 9 часов в день B-4 или в случае “Внимание Берта”** [этим условным сигналом в вермахте накануне операции «Барбаросса» обозначалась операция прикрытия развертывания в случае упреждающего удара со стороны Красной Армии].

Радиомолчание после начала нападения отменяется.

18.) Командный пункт корпуса 500 м севернее Сейны [на границе генерал-губернаторства и Литвы]. …

Дивизии сообщают по радиосвязи или телефону:

a) о переходе к наступлению — a g d …»[226].

Для непосредственного руководства войсками в операции по вторжению за один-три дня на базе в первую очередь оперативных (Отдел Ia) и разведывательных (Отдел Ic) отделов штабов групп армий, армий, корпусов, дивизий ближе к границе разворачивались передовые командные пункты (КП). Передовые командные пункты были высокомобильными и небольшими по составу. К средствам управления относилось все то, что обеспечивает управление войсками со стороны штабов и передовых КП — средства проводной связи, радиосвязи, различные посыльные (самолеты связи, офицеры связи и т. п.).

Из документов 57-го моторизованного корпуса вермахта [3-я танковая группа Гота, группа армий «Центр»]:

«14 июня 1941

Гусеничная техника 12-й танковой дивизии прибыла в пункт временной дислокации.

Первые части 19-й танковой дивизии разгружены и следуют маршем в назначенный пункт временной дислокации.

16 июня 1941

Колесная техника 18-й моторизованной дивизии прибыла в

пункт временной дислокации.

17 июня 1941

9:30

Командующий корпусом проводит совещание с командирами дивизий. Даны ответы на вопросы, касающиеся развертывания; командиры проинструктированы по различным вопросам дисциплины, поведения на вражеской территории.

Оповещение о дне “Д” и часе “Ч” для участников совещания. Одновременно раздается приказ о наступлении.

Все части 19 тд прибыли в пункт временной дислокации. Полевой госпиталь № 188 размещается в Гантен (Гант).

18 июня 1941

Половина 18 мд выходит из пункта временной дислокации и движется маршем на привал у Экерсберга (Окартово). Арьергард располагается там 19.6 к четырем утра. 210-й мостостроительный батальон всеми частями вошел в Сувалки.

19 июня 1941

Начальнику штаба корпуса приказано прибыть на совещание в 9-ю Армию. Содержание совещание у начальник штаба: начальник штаба Армии сначала проинформировал по различным аспектам о состоявшемся совещании начальника штаба Армии с начальником штаба Сухопутных сил. Определено что группа Ляйзера из состава 18 мтд выйдет из района Миколайки только тогда когда Армия даст на то определенное согласие. Группа Ляйзера (полковник Х-Г. Ляйзер командир 51-го мотопехотного полка, одного из двух в составе 18 мд, поэтому в дальнейшем используется оборот “половина 18 мтд” (т. е. 30-й мотопехотный полк + приданые части — *прим. перев.*) остается в готовности в района Миколайки, поддерживая 42-й армейский корпус для возможной обороны к югу и юго-западу от Йоханнисбурга (ныне Пиш, Польша).

… Причины, по которым примерно половина 18 мд задерживается, состоят прежде всего в том, что интервал между машинами был вдвое больше необходимого. Дивизия также имела слишком много машин, к тому же не вполне загруженных, без которых она, несомненно, могла изначально обойтись. С тем, чтобы избежать подобных причин задержки по времени в последующие ночи, командующий корпуса 19.6 обратился к командиру 18 мд и отдал соответствующие распоряжения.

На совещании Командующий 9-й Армии генерал-полковник Штраус обратился к начальникам штабов корпусов и еще раз коротко изложил предстоящие операции. Командующий обратил внимание на то, что первой задачей пехотных корпусов является помочь танковым корпусам переправиться через Неман. Затем

командующий ознакомил [участников совещания] с причинами, которые побудили Фюрера начать кампанию против России.

Начальник штаба корпуса по возвращении в штаб корпуса устно пересказал отдельные пункты доклада начальникам оперативных отделов штаба 12 тд и 18 мд. Для готовности половины 18 мд к поддержке 42-го армейского корпуса вечером выпущен соответствующий приказ. Начальник оперативного отдела 19 тд будет проинформирован по различным пунктам совещания начальников штабов в первой половине дня 20 июня.

Половина 18 мд в 16:00 закончила привал и выходит в предписанное исходное положение [исходную позицию].

12 тд выдвигается по предназначенному для танков маршруту (“танковая дорога”) № 1 в соответствии с графиком движения и находится на отдыхе вдоль трассы от Сувалки до Лыцк.

20 июня 1941

12 тд занимает предписанное исходное положение [исходную позицию] (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Танковый полк (29-й тп) дивизии вместе с другими частями с 16:00 возобновляет движение по установленному маршруту.

19 тд движется по маршруту из прежнего пункта временной дислокации с привалом по обеим сторонам маршрута движения танков (“танковая дорога”) № 1, начало у Экерсберга.

21 июня 1941

Около 7 утра начинается передислокация управления корпуса из Миколайки на новый командный пункт в районе Сейны [непосредственно у границы с СССР].

Приказ Фюрера [приказ-обращение Гитлера к солдатам Восточного фронта] получит в штабе 3-й Танковой группы офицер связи. Приказ будет разослан так чтобы около 20 часов с ним могли быть ознакомлены войска. Одновременно с этим передан приказ на следующий день командира корпуса. Группа по телексу передала, что час “Ч” перенесен на 25 минут вперед.

В течение второй половины дня командующий корпусом в ходе поездки в половину 18 мд и 12 тд удостоверился в занятии исходных районов (позиций. — *М.А.*).

Приказом по корпусу утверждены сроки подачи ежедневных донесений. Донесения корпуса в Группу с сегодняшнего дня должны прилагаться к сборнику приложений Журнала боевых действий корпуса.

В течение второй половины дня [командующему корпуса] представился лейтенант — командир (диверсионной) группы парашютистов (спецназа). Он ничего не знает о находящихся в его распоряжении транспортных машинах и необходимом

снаряжении. Запросы в адрес командования 3-й Танковой группы по телефону, сделанные начальником оперативного управления штаба корпуса, показали, что использование спецгруппы 22 июня вряд ли возможно, поскольку техническое имущество лишь по особому распоряжению Группы сперва надо заказывать из Варшавы.

Примерно в 20:00 из 19 тд сообщили по телефону, что ее запланированный марш на юго-запад от Ожиш из-за вклинивания двух соединений СС на дорогу, предназначенную для движения танков, становится под вопрос. Немедленные переговоры не привели к компромиссу, так что будет запрошены органы по организации движения Группы. Задержки марша прекратились после вмешательства патрульной службы [9-й] Армии. С 21:00 19 тд продолжила движение в районе Лыцк-Сувалки.

22 июня 1941

Командный пункт корпуса в Сейны.

03:05

Началось запланированное наступление в соответствии с приказом.

Пока русские отступают от слабых пограничных укреплений. …»[227].

«Журнал боевых действий 48-го Танкового [моторизованного] корпуса» фиксирует развертывание передового Командного пункта корпуса:

«19 июня 1941 г.

Оперативный отдел управления штаба корпуса переносится в усадьбу Usmierz (севернее Варяж), отдел тыла в Oszcsow, штаб-квартира, 2-й отдел Arko [Артиллерийского командования] 108, штаб 520-го сапёрного полка в Варяж (н.п. в 15 км западнее Сокаль — *М.А.*).

На КП корпуса весь день кипит работа, многие командиры прибывают на последние совещания. Отдельного приказа корпуса на наступление уже не последует, дивизиям будут только ещё раз даны уточненные задачи»[228].

Выход танковых и моторизованных дивизий в исходный район проходил с остановкой в промежуточных районах расквартирования для отдыха. Примечателен для иллюстрации вышесказанного журнал боевых действий 3-й танковой дивизии вермахта (из состава XXIV моторизованного корпуса, 2-й танковой группы, группа армий «Центр»), который отличает скрупулезность и дотошность:

«24.5.41

…

Дивизия выступит 06.06.41 (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*), подразделения на колесных машинах совершают марш своим ходом, гусеничные — по железной дороге. В новом месте расквартирования и районе исходных позиций дорожное сообщение очень плохое. В р. Буг сейчас воды больше, чем осенью 1939 года. Приказ о наступлении, в основном, составлен. Согласно ему, в ходе рекогносцировки проверяются исходные позиции [неразборчиво]. Выдаётся калька со схемой “Исходные позиции к наступлению” и к ней даются разъяснения. Особо указывается на важность маскировки. Командир дивизии задаёт последовательность занятия исходных рубежей и ещё раз указывает, в этой связи, на особо плохое состояние дорог. Далее он сообщает, что северная граница наступления дивизии в последний момент [приказом] 2-й Танковой группой перенесена к югу и населённый пункт Kopitow из полосы наступления исключён. Дивизия, однако, запросит у командования ТГр прежние границы.

Полковник Брайтх высказался против использования танков, приспособленных к движению под водой, на р. Буг, имея в виду [необходимость] сохранить специально подготовленные танки для использования в более поздних непредвиденных ситуациях; для этого следует добиться от командования 2-й ТГр решения о неиспользовании на начальной стадии операции «подводных танков».

Командир дивизии даёт указания по отдельным вопросам: использование почтовых голубей, группой Брайтха, дезинфекция воды, предупреждение мародёрства, загрузка машин, малярия, профилактическое применение хинина, сбрасывание вымпелов с донесениями штабов, офицеры для связи с соседними дивизиями, дисциплина при радиосвязи, боевые сводки только действующим частям, обеспечение безопасности в лесах перед отдыхом, разведывательные группы всегда без отмеченных карт и материалов о готовящихся операциях, использование линии движения.

25.5 41 Приказом по группе армий «Центр» (“B”), начиная с сегодняшнего дня снова вводятся Журналы боевых действий в соответствие с инструкцией военно-научного отдела штаба главного командования сухопутных войск № 1580/40 от 23.4.1940.

…

31.05.41 Дивизия отдаёт “Приказ о передислокации на восток”.

Подготовительная работа к операции в России состоит из множества исследований, рекогносцировок, приказов о

выдвижении на исходные позиции и приказов о готовности.

06.6.41 Дивизия перемещается на восток и идёт, согласно приказу по дивизии от 31.05, семью маршевыми группами вначале в район Reppen восточнее Frankfurt. Командование дивизии остаётся до 7.6.41 в Buckow.

07.06.41 Дивизия продолжает марш по указанному маршруту Schwiebus-Tirshtiegel в район Pinne. Уже в начале марша произошли существенные задержки движения, обусловленные, с одной стороны, недостатками в обучении водителей, которое из-за проблем с горючим значительно ухудшилось, с другой стороны, одноуровневыми железнодорожными переездами и напряжённой работой железной дороги. В этой связи, приказом по дивизии на следующий день вводится 20 минутный интервал между маршевыми группами, которым также рекомендовано при следующих расквартированиях без необходимости не пересекать железной дороги. Квартирмейстер штаба дивизии в Pinne.

08.06.41 Командир дивизии и первый офицер-ординарец едут вперёд в новый район расквартирования и осматривают там места размещения. Дивизия продолжает движение через Posen-Wreshen в новый район расквартирования. Маршевая дисциплина подразделений улучшилась, так что за исключением непредвиденных технических остановок, марш проходит гладко. Квартирмейстер штаба дивизии в Слупка.

09.06.41 Дивизия продолжает марш из старого в новый район расквартирования через Konin-Kolo-Krosniewice-Kutno-Lowicz. Маршевые группы IV–VII двигаются из Krosniewice-Leczica-Platek в свои места размещения. Когда дивизия уже была в движении, её догнало указание командира штаба передвижений войск генерал-майора Борнеманн о том, что части 4-й тд в районе Lowicz-Bochaczew с 18.00 будут на отдыхе. Возникает опасность того, что передовые части дивизии столкнутся с арьергардом 4-й тд. Первая маршевая группа была сейчас же остановлена. Она получила этот приказ в 18:30, в 8 км северо-западнее Лович [80 км западнее Варшавы].

После установления связи с 4-й тд выяснилось, однако, что её арьергардные части пройдут участок Lowicz-Bochaczew только в 2 часа. Тогда последовал новый приказ: маршевой группе I немедленно выступить и войти в предусмотренный район расквартирования, маршевым группам II и III сомкнувшись, отдыхать в Лович пока не проследуют последние части 4-й тд и сразу после этого двигаться в предназначенный район сосредоточения.

…

10.06.41 Дивизия отдыхает один день и вечером в 18.00

выступает из пункта выхода колонны через Варшаву в район Минск-Мазовецкий, Калушин. Марш проходит в основном гладко и показывает, что войска — в отличие от прошлых дней — в вопросе маршевой дисциплины сделали заметный шаг вперёд.

11.06.41 Согласно директиве “442-го штаба” по передвижению войск последние части дивизии 11.6.41 в 6:00 должны пройти Варшаву. Квартирмейстер штаба дивизии в Гоглов.

По приказу командира дивизия разделяется по маршевым группам таким образом, чтобы суметь без заминок выйти в последний район сосредоточения. В 13:00 командиры полков и отдельных батальонов дивизии устно инструктируются командиром дивизии в соответствие с приказом по дивизии о последней фазе маршрута. Он обращает особое внимание на энергичное и непрерывное движение внутри маршевой группы и соблюдение требуемых временных ориентиров. Кроме того, командиры уделить внимание организации съезда с трассы движения в места расквартирования.

Первые гусеничные части прибывают в новое месторасположение.

Дивизия вышла в 18:00 на трассу движения. При выходе дивизии с места стоянки возникли трудности в соблюдении маршевой дистанции, поскольку в колонну вклинились части 17 и 18 танковых дивизий. Посредством энергичного управления движением удалось избежать больших заторов и опозданий.

12.06.41 Дивизия достигает, двигаясь через Седльце, Лукув, своего нового месторасположения. Командир дивизии и начальник оперативного отдела вызваны в Варшаву, во 2-ю Танковую группу, где командующий приказал собрать всех командиров дивизий для информирования о предстоящей операции. Рассматриваемые вопросы: действия 2-й ТГр, дальнейшая рекогносцировка, действия авиации, управление дорожным движением, положение противника, снабжение (боеприпасы, горючее), ограничение обозов.

При вступлении дивизии в свой район сосредоточения [исходный район] ей приданы: 143 арт. штаб, 2-й дивизион 42-го артполка, 2-й дивизион 69-го артполка, 1-й дивизион 53-го полка реактивных минометов. Квартирмейстер штаба дивизии в Радзынь [64 км от границы].

13.06.41 Подразделения докладывают о прибытии в новый район сосредоточения [исходный район]. Начальник штаба 623-го моторизованного артполка подполковник Вергг докладывает начальнику оперативного отдела о прибытии своего штаба и указывает на очень плохое состояние машин.

…

Командиры 3-й мотострелковой бригады, 1-го батальона 3-го мотопехотного полка, 394-го мотопехотного полка, 1-го и 2-го батальона 394 мотопехотного полка, 75-го артполка и 5-й танковой бригады докладывают командиру дивизии результаты рекогносцировок исходных позиций и планы форсирования р. Буг. Они получают информацию о выявленных воздушной разведкой артиллерийских позициях, об увеличивающемся числе ДОТов и о вкопанных танковых башнях как бронированных огневых точках.

Части в лесных лагерях настойчиво жалуются от комаров, требуя срочной помощи. Действенным средством являются только накомарники.

14.06.41 Подразделениям отдан приказ о боевой подготовке, согласно которого ещё имеющееся в распоряжение время следует использовать для отработки тех методов ведения боя, которые, предположительно, будут использованы в первую очередь.

При переписке — как ранее уже было указано для телеграфной [телефонной] связи — внутри дивизии и с вышестоящими инстанциями приказано ввести условные наименования. В приказе о рекогносцировке подразделениям приказано провести рекогносцировку исходных позиций. **Восточнее запретительной линии предписана тщательная маскировка**.

15.6.41 Командир дивизии, начальники оперативного и тылового отделов, командиры групп прорыва и сапёрных батальонов принимают участие в командно-штабной игре в штабе 24 ТК, в ходе которой во всех деталях проигрывается предстоящая операция, и по завершению которой начальник штаба корпуса информирует о политическом положении. **Далее,**

16 июня объявлен днём “В минус 6” [т. е. до командиров частей фактически доведена дата начала операции].

…

Поскольку дивизия 16 июня в 0:00 ч. принимает на себя контроль на участке границы, 3-й и 394-й мотопехотные полки получают особый приказ о замене [пограничников]. Усиленные передовые команды высылаются вперёд.

604-й мортирный дивизион и 10-й артполк (из состава 10-й моторизованной дивизии) приданы дивизии.

16.6.41 Приказ по дивизии о занятии исходных рубежей [позиций] рассылается посредством офицеров-ординарцев в подразделения. В 4:00 дивизионный приказ о наступлении направлен в части.

Командир дивизии во время поездки в район исходных позиций [рубежей] вынужден был убедиться, что порядок

дорожного движения в ходе вступления туда зенитных дивизионов неудовлетворителен. Для расширения дорог введены дополнительные силы 83-го тылового батальона. В приказе о занятии исходных позиций для уточнения последовательности выхода в исходный район будет добавлена страница, ибо некоторые приданные части прибыли ещё не полностью.

В 17:00 проходит совещание командиров, на котором командир дивизии, как запланировано, говорит о предстоящих действиях и затем зачитывает приказ фюрера с добавлениями главнокомандующего сухопутными войсками об обращении с гражданским населением на территории противника….

В приказе об охране границы даются директивы об отношении к населению приграничных [польских] районов, чья свобода передвижения в ближайшие время резко ограничивается. **В 18:00** [16.06.] **дивизия продолжает развёртывание на исходных позициях**…

17.06.41 В приказе командования корпуса объявляются различные кодовые слова:

“Ziethen 330” означает “Днем В считать 22 июня, 3:30”; “**Belfort” до середины 18.6.41 означает “Остановить движение”**; **“Dortmund” после 13:00 21 июня означает “Наступление по плану, открытая отдача приказов”**; **“Altona” после 13:00 21 июня означает “Наступление отменяется”**.

Другим приказом командования корпуса — **о возможных атаках русских —** предписывается охрана на самом высоком уровне, днём и ночью, мест складирования боеприпасов и походных бензохранилищ, а также всех лесных лагерей, создание пунктов воздушного наблюдения. Зенитной артиллерии и истребителям дано право незамедлительно открывать огонь по русским самолётам над немецкой территорией. **Разрешена противовоздушная оборона подразделений против групп парашютистов и атакующих русских самолётов**.

Контроль маскировки, проведённый силами приданной 4-й Армии разведывательной авиации выявил совершенно неудовлетворительный уровень маскировки во время марша войск на восток, а также биваков и стоянок автомашин. Повторно обращается внимание подразделений на мероприятия по маскировке.

Дивизия продолжает развёртывание на исходных позициях, согласно приказу о выходе в исходный район, которое протекает по плану. Дивизии придаются: 10-й сапёрный батальон, 2 взвод 403-й мостостроительной колонны, 606-я мостостроительная колонна.

18.6.41 Командир дивизии проводит совещание с

командирами 143-го артиллерийского штаба и командиром 104-го зенитного полка по вопросам действий артиллерии и зениток, организации артогня и распределения целей. Затем происходит совещание оперативных групп “Линнарц” и “Корвин”, в котором принимают участие командиры 5-й тбр, 6-го тп, 3-го батальона 6-го тп, 1-го разведывательного батальона и 3-го мотоциклетного батальона. Уточнялись вопросы выдвижения и последовательности приоритетов при переходе моста. При этом вновь пришли к выводу об оставлении обоза в тылу ещё глубже, чем предполагалось ранее. Начальник разведотдела, днём ранее который был на совещании начальников разведотделов Танковой группы в Варшаве, делает доклад и называет операцию особой компанией.

Дивизионный штаб выходит в рамках перемещения в исходный район на Katy.

19.6.41 Командир дивизии беседует в 10:00 в лесу западнее Okczyn [приграничный населенный пункт в 15 км южнее Бреста] с командиром группы Audqrsh и командирами подчинённых ему войск и в 12:00 с аналогичными чинами группы “Клееманн”. Обговариваются прежде всего исходные позиции и боевые порядки вплоть до рот, затем — порядок проведение наступления. Исходя из планов переправы и системы огня, уточняются последние вопросы. В заключение устанавливается порядок перехода через р. Буг и рассредоточение восточнее Буга.

В 13:30 во время совещания в Кодень [приграничный населенный пункт в 15 км южнее Бреста] **пришло сообщение о том, что в городе горит церковь, оборудованная под наблюдательный пункт.** На тушение сейчас же был поднят 1-й батальон 3-го мотопехотного полка. С помощью всех собранных автомобильных огнетушителей пожар был вскоре потушен. 39-му саперному батальону приказано взять на себя инженерно-технический контроль за церковью. **Проведено расследование, пока арестованы церковный священник и обитатели близлежащего монастыря**. В корпус отправлен соответствующий доклад с запросом на разрешение очистить дома в определённом радиусе от церкви.

…

… **Адъютант 104-го зенитного полка** по поручению своего командира обсуждает с начальником оперативного отдела выход на позиции зенитной артиллерии и **выражает серьёзнейшие опасения командира в отношение занятия позиций в ночь с В-2 на В-1 [на 21 июня], так как вследствие а) создаваемого шума, а также б) недостаточной маскировки от обзора с воздуха и земли… может раскрыть день начала операции**…

[Зенитчики] выходят на окончательные перед наступлением позиции только в последнюю ночь.

Дивизионный приказ № 1 доводит до войск последние важные распоряжения (новая маркировка немецкой фронтовой авиации, разрешение зенитной артиллерии и истребителям на открытие огня по русским самолётам, действия у заградительной линии и при применении отравляющих веществ). По приказу командира дивизии происходят изменения в плане выдвижения, поскольку в ночь с В-3 на В-2, помимо ранее назначенных частей, на исходные позиции вышли также 3-й мотоциклетный батальон, 1-й разведывательный батальон, 543-й и 521-й истребительно-противотанковые дивизионы; в ночь с В-2 на В-1 за 3-м батальоном 6-го тп выступили 1 и 2 батальоны того же полка. Таким образом, в ночь с В-1 на В, только штаб 5-й танковой бригады и штаб 6-го тп с оставшимися подразделениями полка выходят из района Радзынь в район исходных позиций.

Из корпуса получена телефонограмма "Ziethen 315" [подтверждение начала операции **в 3:15 22 июня**].

20.6.41 Вышедшие из района Радзынь [64 км от советской границы] в соответствие с приказом командира дивизии части выходят, согласно плана, в район исходных позиций. Поступающие аэроснимки путей наступления дают хорошие сведения о состоянии дорог. Командование 4-й Армии похвально отзывается о проведении дивизией марша на восток.

…

21.6.41 В 12:10 из штаба корпуса получено кодовое слово "Дортмунд", что означает начало операции. В 15:30 все адъютанты собраны ещё раз и подробнейшим образом проинструктированы о передаче донесений. Одновременно им объявлено кодовое слово.

В 16:00 запасной батальон докладывает о возгорании леса вблизи склада горючего у Wolka Koscienniewicka, куда для тушения тотчас же направлены две роты запасного батальона, а после доклада начальнику отдела тыла — подразделения 39-го саперного батальона. **Вскоре после этого были замечены ещё два лесных пожара**, один в полосе 34-й пехотной дивизии, второй — на той же широте восточнее р. Буг. В 18:30 83-й батальон докладывает о ликвидации пожара.

Дивизия устанавливает окончательную очерёдность приоритетов на переправе для случая А — удачной операции и случая В — неудачная операция.

В 22:00 дивизия получает письменное обращение фюрера к войскам на Восточном фронте, которое зачитывается командованию начальником оперативного отдела, а личному

составу — командирами рот. Таким образом, поход против России начнётся 22 июня 1941 в 3:15 на всём фронте от Финляндии до Чёрного моря. В 23:30 части докладывают о готовности и занятии последних исходных позиций»[229].

В «Журнале боевых действий 3-й танковой дивизии» говорится о передвижениях войск в вечернее и ночное время, о размещении частей в лесных массивах. 17 июня говорится о неудовлетворительном уровне маскировки во время марша войск на восток — речь не идет о размещении войск у границы. Происходит замена подразделений пехотной дивизии двумя батальонами мотострелков и двумя дивизионами артиллерии. 20 июня части 3-й танковой дивизии выходят, согласно плану, в район исходных позиций — в десятках километров от госграницы. Чтобы не насторожить советских военных выход зенитных подразделений осуществляется в последнюю мирную ночь. На исходных позициях для нападения на СССР части 3-й танковой дивизии вермахта окончательно сосредотачиваются в 23–30 21-го июня.

Не исключено, что это агентура, в ситуации тотального отсутствия радиостанций поджогами подавала знаки о завершившемся развертывании немецких войск у советских границ. В тех условиях это была, наверное, единственная возможность передать сообщение, если это было заранее оговорено условиями связи.

Из «Журнала боевых действий 3-й Танковой группы вермахта»:

«

21.06.41

0:00

39-й и 57-й танковые корпуса приняли свои участки (фронта) и сменили охранение пехотных дивизий на границе (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

11:15

Совещание по обсуждению боевой задачи у командующего и начальника штаба с командиром 8-го авиакорпуса (генерал бароном фон Рихтгофен). Предусматривается: 2 группы пикирующих бомбардировщиков атакуют Кальварию, затем разрушения сетей (Leitungsnetzes), удары по аэродромам и штабам (операция «Великое пробуждение»).

Вторая боевая задача будет известна в 05:00.

Командующий просит подавить подход сил противника из вильнюсского направления к реке Неман.

Генерал фон Рихтгофен просит передавать сообщения разведывательных отрядов прежде всего в 8-й авиакорпус.

Соответствующий приказ командующего передан командующему воздушными силами.

16:00

Оперативный отдел готов к работе на новом КП «Hünersdorff». Приказ на передислокацию и размещение см. в приложении.

18:00

Командир 39-го танкового корпуса сообщает, что немецкий мотоциклист — связной 51-го минометного полка (реактивные минометы Nebelwerfer) — пересек границу в 5 км на севере от Punsk и был захвачен в плен.

20:20

57-й армейский корпус сообщает, что **две бригады СС остановились на участке Lyck — Treuburg и блокируют продвижение 19-й танковой дивизии**. Командование 9-й армии отдает приказ освободить дорогу. Задействованы патрули армии для отвода подразделений СС в северном направлении.

…

Оперативные отделы штабов 39-го и 57-го танковых корпусов в течение дня прибыли на передовые КП. Выдвижение Танковой группы происходило согласно плану. **Возникшая ввиду малочисленности дорог и краткости ночей необходимость продолжения марша также и в дневное время**, не помешала соблюдению секретности. Четкое разделение боевых машин и следующего за ними транспорта показало особенную эффективность. Вся техника, необходимая для ведения боевых действий, в которую входили многочисленные понтонно-мостовые бригады, по плохим дорогам вовремя прибыли на предписанные участки. Четкое разделение полос движения танкового и пехотного корпуса, которого всегда требовало командование Группы, еще при выступлении принесло хорошие результаты.

Дивизии встали под прикрытие артиллерии, тяжелых орудий и зенитных пушек, превосходно замаскированные и готовые к наступлению. Задача Танковой группы заключалась в броске впереди левого фланга группы армий “Центр” через Неман, Вильнюс и далее на юг, первоначально до линии Молодечно-озеро Нарочь.

…

22.06.41

02:00

Дивизии заняли исходные позиции»[230].

Представляется, что изложенный порядок выхода пехотных и подвижных соединений вермахта в исходные районы, а в последующем — на исходные позиции не был

известен в разведотделах штабов военных округов и доведен до агентуры в ходе инструктажа.

Сосредоточение немецкой авиации у границ СССР проходило в два этапа. На первом (с февраля по май) выдвигались служба тыла, а на втором (с 22 мая по 21 июня) — перемещались летные части. Истребительная авиация разместилась в 40–60 км от границы, бомбардировочная — на расстоянии до 180 км. К полудню 21 июня соединения ВВС первого удара были сосредоточены на аэродромах западнее р. Висла. К вечеру того же дня они одиночными самолетами на малой высоте перебазировались на оперативные аэродромы, расположенные в непосредственной близости от границы СССР[231].

Одновременно с немецкими войсками осуществлялось развертывание вооруженных сил союзников Германии.

Из первого издания воспоминаний предвоенного начальника Генерального штаба:

«**Могло ли военное руководство самостоятельно и своевременно** (выделено мной. — *М.А.*) вскрыть выход вражеских войск непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня?

В тех условиях, сделать это было крайне затруднительно.

К тому же, как стало известно из трофейных карт и документов, командование немецких войск произвело сосредоточение собственно на границах в самый последний момент, а его бронетанковые войска, находившиеся на значительном удалении, были переброшены в исходные районы только в ночь на 22 июня»[232]. Следует обратить внимание на то, что речь должна вестись не об исходных районах, а **об исходных позициях (о выходах в исходное положение)**.

В 10-м доработанном анонимными соавторами Г.К. Жукова, были сделана доработка и этого текста: снято наречие «самостоятельно» и произведена корректировка последующего текста с определенными добавлениями. После этого фраза из «воспоминаний» зазвучала следующим образом:

«Могло ли руководство Наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было трудно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали»[233].

Тезис о том, что вскрыть выход вражеских войск непосредственно на исходные позиции (а не в исходные районы) «крайне затруднительно» или «трудно» в последующей редакции,

безусловно, правилен, также же как и, безусловно, верно утверждение о том, что «категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали».

О запаздывании агентурных данных в данном контексте следует говорить в первую очередь применительно к разведке штабов особых военных округов, которая не была поставлена соответствующим образом и которую должны были организовывать начальники штабов и командующие войсками округа.

Доля ответственности и не малая в том, что своевременно не удалось вскрыть выход вражеских войск на границу СССР, лежит и на Разведывательном управлении ГШ КА, которое должно было обеспечивать разведывательные отделы штабов округов кадрами, техникой (а это значит и агентурными радиостанциями), материальными средствами, разрабатывать мобилизационные мероприятия для РО и инспектировать состояние их боевой готовности.

Действительно, немецкое командование стремилось осуществить выход основных сил на исходные позиции (особенно танковых и моторизованных) в последний момент, однако осуществить подобное было невозможно. И в первую очередь, в силу огромного количества войск в составе армий вторжения, с одной стороны, и недостаточного количества дорог, ведущих к границе, с другой. Выдвижение отдельных подвижных соединений на исходные позиции происходило не только за несколько часов до вторжения, но и в интервал времени от суток до нескольких дней.

Как следовало из вышеприведенных записей в Журналах боевых действий соединений вермахта, пехотные дивизии 9-й армии находились на исходных позициях уже в 19.06.41 в 00 часов. 3-я танковая дивизия получила приказ о занятии исходных рубежей еще 16 июня, которое завершилось в ночь с 21-го на 22-го июня. 12-я танковая дивизия уже 20 июня была развернута на исходных позициях.

Могла ли разведка штабов военных округов через оперативные пункты на границе, вскрыть развертывание сухопутных сил вермахта в приграничной полосе — на исходных позициях (в исходных положениях)?

Оперативные пункты должны были установить через агентуру выдвижение, и в первую очередь танковых дивизий из исходных районов на исходные позиции (в исходное положение) у границы. И не только вскрыть, но и своевременно доложить об этом, чем раньше, тем лучше.

Штабы приграничных округов, исходя из указаний наркома

обороны и начальника Генерального штаба, разрабатывали планы прикрытия — «детальные планы обороны государственной границы» в зоне ответственности округа «для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа». План прикрытия должен был вводиться в действие при получении командующим войсками приграничного округа шифрованной телеграммы за подписями наркома обороны СССР, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба Красной Армии следующего содержания: **«Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года»** (Приложение 4).

По этим планам, которые должны были быть подготовлены к концу мая 1941 г., из состава западных приграничных округов выделялась часть сил, образующих войска прикрытия государственной границы. Эти войска состояли из общевойсковых армий первых эшелонов каждого приграничного округа и располагались в непосредственной близости от государственной границы. Группировка советских войск накануне войны была такова, что до двух третей сил приграничных военных округов были включены в состав армий прикрытия и сравнительно равномерно размещались вдоль всей государственной границы на глубину до 100–150 километров. Остальные силы находились примерно в 500 километрах от границы. В случае войны в задачу армий, дислоцированных вдоль границы, входило прикрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания главных сил Красной Армии путем упорной обороны укрепленных районов и полевых укреплений.

В соответствии с планом прикрытия вдоль государственной границы от Паланги до устья Дуная на фронте протяжением в 2000 километров развертывалось 9 армий прикрытия, а в их первой линии — 40 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии. При таком расположении войск на одну дивизию первой линии приходилось в среднем около 50 километров фронта. На отдельных участках государственной границы, где имелись выгодные для обороны естественные рубежи (лесистые Карпаты, реки Прут и Дунай), ширина фронта обороны стрелковых дивизий достигала 100–120 километров. На остальном протяжении государственной границы ширина дивизионных полос обороны колебалась от 25 до 50 километров, в то время как советская военная наука определяла полосу обороны дивизии в 8—12 километров. На самых важных операционных направлениях стрелковые дивизии, опираясь на укрепленные районы и полевые укрепления, должны были оборонять фронт в 25–30 километров. Но строительство укрепленных районов вблизи границы еще не закончилось, а полевые укрепления были вытянуты вдоль

границы в одну линию батальонных районов.

Задачи войск прикрытия заключались в том, чтобы оградить территорию и воздушное пространство СССР от вражеского вторжения, а также обеспечить охрану важных военных и государственных объектов. Первый эшелон армий прикрытия должен был непосредственно оборонять границу, второй — уничтожать прорвавшегся противника. Войска, не вошедшие в состав армий прикрытия, располагались в глубине территории округа.

Дивизии войск прикрытия в мирное время располагались в лагерях и казармах на различном удалении от государственной границы (от нескольких километров до 50–60 и даже более). В случае угрозы нападения со стороны врага они должны были по специальному сигналу вышестоящих штабов занять оборонительные позиции вдоль пограничной линии, которые войска готовили заблаговременно. Развертывание войск прикрытия требовало времени[234].

Расположение войск прикрытия и поставленные им задачи не отвечали требованиям оперативной обстановки. Прежде всего, вся организация обороны государственной границы исходила из предположения, что внезапное нападение противника исключено, что решительному наступлению с его стороны будет предшествовать либо объявление войны, либо фактическое начало военных действий ограниченными силами, после чего советские войска смогут выдвинуться к своим оборонительным позициям и занять их. Войска прикрытия растягивались вдоль границы, занимая даже ее выступы, обращенные к западу, где их фланги оставались необеспеченными. В резерв выделялись небольшие силы, которые не могли нанести мощный удар по прорвавшемуся противнику, а расположенные вдоль границы войска были не в состоянии поспеть за ним, так как не располагали необходимым механическим транспортом.

Дислокация наших войск в приграничных округах не отвечала задаче отражения внезапного нападения немецко-фашистской армии. Пользуясь этим, противник создал на главных направлениях действий своих войск компактные группировки, которыми и обрушился на наши передовые эшелоны, растянутые вдоль границы[235].

К 22 июня вблизи границы располагались лишь отдельные батальоны тех дивизий, которым по плану прикрытия предстояло занимать оборонительные рубежи вдоль границы. Главные силы этих дивизий находились в учебных лагерях, удаленных от границы на 20–80 километров, и занимались боевой подготовкой по планам мирного времени.

Многие артиллерийские части приграничных соединений проходили боевую подготовку в специальных лагерях, отстоявших от границы еще дальше. На значительном расстоянии от границы находились и вторые эшелоны войск приграничных округов[236].

План прикрытия состоял согласно Директиве наркома обороны СССР и начальника Генштаба КА из целого ряда документов, в том числе:

«а) Записки по плану действий войск в прикрытии, с приложенной к ней картой решения и группировки войск до полка и отдельной части включительно.

б) Ведомости боевого состава.

в) Таблицы выхода и сосредоточения частей прикрытия к госгранице» (Приложение 4).

Соединения и части, расположенные в непосредственной близости от государственной границы, **с объявлением боевой тревоги** должны были занять районы обороны, намеченные им по плану. Первыми, через 45 мин после объявления тревоги, занимали оборону специально выделенные от дивизий первого эшелона отряды в составе усиленного стрелкового батальона. Они имели задачу поддержать боевые действия подразделений пограничных войск и подразделений укрепленных районов. Далее, под прикрытием боевого охранения, должны были выдвигаться части дивизий первого эшелона армий прикрытия. **Первый эшелон этих дивизий должен был занять оборону через 6–9 часов — время приведения в постоянную боевую готовность**. Сроки готовности частей определялись временем, необходимым для сбора по тревоге, выхода в назначенные районы и организации обороны[237].

Военно-политическое руководство государства лишь в 23.30 21 июня приняло решение, направленное на частичное приведение пяти приграничных военных округов «в полную боевую готовность». Директива не содержала прямого указания на введение в действие плана прикрытия:

«1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов **быть в полной боевой готовности** (выделено мной. — *М.А.*) встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников»[238].

Неоднозначность Директивы в части возможной внезапности нападения немцев и провокационных действий с их стороны

вызывали недоумение, последовали запросы в Москву, в то время как до начала войны оставались уже считанные минуты. Требование приведения войск в «полную боевую готовность» было абсурдным и невыполнимым.

Приведение войск (сил флота) в **полную боевую готовность** включает в себя не только их подъем по боевой тревоге, выход в установленные районы, приведение оружия и военной техники к бою, вывоз из пунктов постоянной дислокации запасов материальных средств, занятие командованием и штабами защищенных пунктов управления, усиление боевого дежурства, рассредоточение (переход на рассредоточенное базирование) и другие мероприятия, но и обязательное **отмобилизование войск** (сил флота) с переводом их на штаты военного времени[239].

«Соединения, входящие в состав армий прикрытия, планировалось отмобилизовать в два эшелона. Сроки готовности первого эшелона к выступлению в поход определялись в пределах от 2 до 6 ч. Время отмобилизования второго эшелона — на 2-3-и сутки мобилизации. Отмобилизование первого эшелона являлось наиболее сложным. За несколько часов планировалось отмобилизовать прежде всего 114 дивизий армии прикрытия, укрепленные районы первой линии, 85 % Войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75 % Военно-воздушных сил, 34 артиллерийских полка РГК. Стрелковые, танковые (моторизованные) соединения армии прикрытия при переходе на штаты военного времени должны были получить до 25–30 % личного состава. Сокращение сроков отмобилизования, и прежде всего войск армий прикрытия, достигалось призывом основной массы личного состава запаса по территориальному принципу. В то же время для некоторых соединений первого оперативного эшелона транспорт подавался из тыловых районов страны только на 2-4-е сутки мобилизации. Понятно, что при внезапном начале войны отмобилизование войск, расположенных у границ, может быть сорвано и они будут вынуждены вступить в бой неукомплектованными и небоеготовыми»[240].

Соединения, входившие в состав первого эшелона армий прикрытия, могли быть переведены в полную боевую готовность только абстрактно, только «на бумаге».

Военно-воздушные силы находились в облегченных условиях отмобилизования, так как летный состав частей в основном содержался по штатам военного времени. С объявлением мобилизации требовалось призвать только определенное количество административно-технического и обслуживающего персонала. Поэтому сроки боевой готовности авиаполков были не

более 2–4 ч. Батальоны аэродромного обслуживания и авиационные базы отмобилизовывались двумя эшелонами. Первый эшелон имел сроки готовности, соответствующие срокам обслуживаемой части, а второй укомплектовывался на 3—4-е сутки мобилизации. Отмобилизование войск ПВО планировалось также поэшелонно. Первый эшелон имел постоянную боевую готовность сроком до 2 ч. Второй эшелон имел сроки готовности на 1-2-е сутки мобилизации. Вновь формируемые части предусматривалось развернуть на 3-5-е сутки мобилизации[241].

Приказом Командующего ПрибОВО № 00229 от 18 июня 1941 г. Управлению и войскам округа о проведении мероприятий «с целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа» начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. предписывалось «привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа, для чего:

а) организовать круглосуточное дежурство на всех постах воздушного наблюдения, оповещения и связи и обеспечить их непрерывной связью;

б) изготовить всю зенитную артиллерию и прожекторные батареи, назначив круглосуточное дежурство на батареях, организовав бесперебойную связь их с постами, тщательно подготовив в инженерном отношении и обеспечив огнеприпасами;

в) организовать взаимодействие истребительной авиации с зенитными частями;

г) организовать бесперебойную связь постов воздушного наблюдения, оповещения и связи с аэродромами истребительной авиации;

д) к 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района»[242].

Исходя из содержания приказа, вся противовоздушная оборона округа была уже или отмобилизована, т. е. содержалась по штатам военного времени, или командование округа по своему разумению трактовало понятие *полной боевой подготовки.*

Время с 10 по 15 июня являлось тем последним критическим рубежом, когда советские войска приграничных округов в случае принятия решения успевали перейти в состояние *полной боевой готовности* с отмобилизованном и развертыванием соединений на театре военных действий[243].

Поэтому выполнить требование Директивы от 21 июня войскам быть «в полной боевой готовности» было не реально и не выполнимо.

На военно-морском флоте приказом наркома ВМФ СССР Н.Г. Кузнецова от 23 июня 1939 г. были установлены 3 оперативные готовности:

«а) Оперативная готовность № 3 (повседневная).

Боевое ядро флота в готовности согласно директиве. Состав флота мирного времени в готовности, определенной схемой мобразвертывания. Ремонт кораблей производится нормально. Несется дозор у Главной базы и периодическая воздушная разведка в море.

б) Оперативная готовность № 2.

Боевое ядро флота в 4-часовой готовности к выходу. Состав мирного времени, находящийся в строю, в 6-часовой готовности. Ремонт кораблей форсируется. Войсковые тылы развернуты в пределах необходимого. Несется дозор у баз и воздушная разведка в море. Авиация рассредоточена на оперативных аэродромах.

в) Оперативная готовность № 1.

Боевое ядро флота в часовой готовности к выходу в море. Весь состав флота мирного времени в 4-часовой готовности. Зенитная артиллерия изготовлена к действию. Ремонт кораблей форсированно заканчивается. Войсковые тылы развернуты, флотские — в пределах необходимого. Усиленная воздушная разведка. Подводные лодки рассредоточены и готовы к выходу в море.

Усиленный дозор у баз. Авиация рассредоточена на оперативных аэродромах.

По готовностям № 1, № 2, № 3 никаких военных действий не открывать. Дальнейшее развертывание флота может быть либо по мобилизации, объявляемой в общем порядке, либо распоряжением народного комиссара ВМФ без объявления общей мобилизации в составе мирного времени по следующим сигналам:

а) “ЗАРЯД” — производится развертывание флота состава мирного времени по оперативному плану.

б) “ВЫСТРЕЛ” — начало военных действий» (Приложение 5).

19 июня 1941 года Балтийский и Северный флоты были переведены в оперативную готовность № 2. 20 июня Черноморский флот завершил учение и вернулся из района Одессы в Севастополь. Флоту был дан приказ оставаться в *оперативной готовности № 2*. Сводками Главного морского штаба нарком обороны и начальник Генерального штаба были поставлены в известность о переводе сил флотов с 19 июня 1941 года в оперативную готовность № 2.

И только в конце суток 21 июня на флоты и флотилии была

отправлена директива о переходе на *оперативную готовность № 1*:

«зн/87 21 июня 1941 г. 23.50

Немедленно перейти на оперативную готовность № 1

КУЗНЕЦОВ»[244].

Однако, даже *оперативная готовость № 1* не предполагала дальнейшее развертывание флота из мест постоянной дислокации и открытие военных действий.

Помимо *полной боевой готовности* в Красной армии была установлена еще одна степень боевой готовности — *постоянная боевая готовность*, перевод в которую должен был производиться по объявлению боевой тревоги (вариант № 2 — «с выводом в полном составе»).

С учетом временных сроков требование Директивы войскам округов «быть в полной боевой готовности» могло рассматриваться только как перевод войск военных округов в постоянную боевую готовность.

Однако и здесь присутствовали временные рамки, измеряемые часами применительно к первому эшелону армий прикрытия.

«На оповещение войск для приведения их в боевую готовность вместо 25–30 мин ушло в среднем 2 ч 30 мин. … В этих условиях **даже соединения и части первого эшелона армий прикрытия, имевшие постоянную боевую готовность в пределах 6–9 ч (2–3 ч — на подъем по тревоге и сбор, 4–6 ч — на выдвижение и организацию обороны), не получили этого времени** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Вместо указанного срока они располагали не более чем 30 мин, а некоторые соединения вообще не были оповещены. Сказались также слабая подготовка и сколоченность органов управления. Задержка, а в ряде случаев и срыв передачи команды были обусловлены и тем, что противнику удалось в значительной степени нарушить проводную связь с войсками в приграничных районах. В результате штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Поэтому для многих частей сигналом боевой тревоги явились разрывы бомб и снарядов противника в их расположении. В результате запоздалого принятия решения обстановка для оперативного развертывания войск приграничных округов сложилась трагическая»[245].

В Военно-воздушных силах в зависимости от оперативного предназначения частей и состояния аэродромов на летний период для полков бомбардировочной авиации устанавливались сроки постоянной боевой готовности после объявления боевой тревоги

до 1 ч 30 мин, истребительной — 25–30 мин, штурмовой — от 30 мин до 1 ч. Авиацию планировалось передислоцировать на полевые аэродромы не позже чем через 4 ч после объявления боевой тревоги. Сроки боевой готовности дежурных подразделений ПВО составляли 5 — 10 мин, части в целом — 2–4 ч[246].

Соединениям и частям армий прикрытия, расположенным в непосредственной близости от государственной границы, с объявлением боевой тревоги для занятия районов обороны, намеченные им по плану, требовалось, как уже отмечалось, от 6 до 9 часов. Для исключения неоднозначности в трактовке содержания Директивы в ней должно было присутствовать четкое указание: «Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года».

Поступление Директивы в войска даже в том виде, в каком она была отправлена, должно было произойти не позднее 19.00 часов 21 июня.

Перемещение немецких войск к границе на исходные позиции для вторжения происходило как минимум за часы до назначенного времени, максимум — за несколько суток. Именно этим временем располагал разведывательный отдел штаб округа, чтобы выявить сам факт массированной концентрации на границе немецких войск и главное танковых соединений (что позволяло судить о завершении развертывания боевых частей вермахта) и, возможно, по местам их сосредоточения установить и направления главных ударов.

Информация о массовом выдвижении немецких войск к границе, должна была пройти без задержек от оперативных пунктов через разведотдел штаба приграничного военного округа начальнику штаба округа — командующему округом — начальнику Генерального штаба и наркому обороны. Параллельно информации от разведотдела штаба округа должна быть направлена начальнику Разведупра (такие сведения должны были поступить от РО всех трех штабов особых военных округов; угрожающих сведений одного округа могло оказаться недостаточно), который безотлагательно должен был доложить об этом НГШ и НКО с учетом имевшейся у него зарубежной агентурной информации. Больше времени на принятие решения было у командующих особыми военными округами при получении информации такого рода, если они могли себе это позволить без указаний Центра.

Могла ли быть формулировка Директивы иной? Могла ли она быть отдана ранее? Это во многом зависело и от разведки штабов особых военных округов.

2.3 «1. Продолжается сосредоточение немецких войск к государственной границе. 2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах. …»

(Разведывательная сводка штаба Прибалтийского особого военного округа № 02 от 22 июня 1941 г. о группировке войск противника к 20 часам 21 июня 1941 г.)

Против войск Прибалтийского Особого военного округа к 22 июня 1941 года были развернуты:

— на участке от Мемеля до Гольдапа протяженностью 230 км развернулась **группа армий «Север»** (под командованием генерал-полковника (генерал-оберста) фон Лееба) в составе 18-й полевой армии [I-й, XXVI-й и XXXVIII-й армейские корпуса, семь пехотных дивизий — 291-я, 61-я, 217-я, 58-я, 11-я,1-я, 21-я]; 16-й полевой армии [II-й, X-й и XXVIII-й армейские корпуса, восемь пехотных (30-я, 126-я, 122-я, 123-я, 121-я, 12-я, 32-я, 253-я) дивизий]; 4-й танковой группы [XXXXI (м) — й и LVI(м) — й моторизованные корпуса, две пехотные (269-я, 290-я), три танковые (1-я, 6-я, 8-я) и три моторизованные дивизии (36-я, 3-я, мпд СС «Totenkopf»] и резерва ГА «Север» [XXIII-й армейский корпус и 101-е командование тыловым районом — три пехотные дивизии (206-я, 251-я и 254-я) и три охранные дивизии (207-я, 281-я, 285-я)]; **всего: 29 дивизий (3 танковых, 3 моторизованных, 20 пехотных и 3 охранных дивизии)**[247].

— на левом фланге ПрибОВО, в районе от Гольдапа до Сувалок, на 70-километровом участке сосредоточились входившие в группу армий «Центр» соединения 3-й танковой группы [XXXIX-й моторизованный корпус в составе (7-й и 20-й тд, 14-й и 20-й мд)]. LVII-й моторизованный корпус — 12-я и 19-я тд, 18-я мд), а также два переданных в оперативное подчинение 3-й ТГр армейских корпуса: V-й (5-я и 35-я пд) и VI-й (6-я и 26-я пд); **всего: 4 танковых, 3 моторизованных и 4 пехотных дивизии.**

Итого против войск Прибалтийского особого военного округа к началу войны была развернута **самая мощная группировки немецких войск: 7 танковых. 6 моторизованных, 24 пехотных и 3 охранных дивизии, всего 40 дивизий**[248].

Для поддержки действий группы армий выделялся 1-й

воздушный флот, имевший 750 самолетов всех типов, в том числе 270 бомбардировщиков, 148 истребителей, а также 104 дальних и ближних разведчиков, соответственно[249].

В ходе первой наступательной операции перед группой армий «Север» стояла задача прорвать фронт войск ПрибОВО, нанося главный удар в направлении на Двинск, как можно быстрее продвигаться своим сильным правым флангом, выслав вперед подвижные войска для форсирования р. Западная Двина, в район северо-восточнее Опочки с целью не допустить отступления боеспособных русских сил из Прибалтики на восток и создать предпосылки для дальнейшего успешного продвижения на Ленинград.

В соответствии с этой задачей 18-й полевой армией предстояло прорвать фронт обороны частей Прибалтийского Особого Военного Округа, нанося главный удар вдоль дороги **Тильзит — Рига** и восточнее, форсировать Западную Двину у Плявинаса и южнее, окружить и уничтожить советские войска, сосредоточенные юго-западнее Риги.

16-я полевая армия во взаимодействии с 4-й танковой группой должна была прорвать фронт обороны приграничных войск ПрибОВО, и, нанося главный удар по обеим сторонам дороги **Эбенроде — Каунас**, в направлении Каунас — Двинск (Даугавпилс) и выйти в район Опочки, чтобы окружить и уничтожить советские войска, не допустив их отхода за Западную Двину.

Соединениям 4-й танковой группы предстояло совместно с 16-й и 18-й армиями прорвать оборону приграничных войск ПрибОВО между Виштитисским озером (Виштынецкое озеро) и дорогой **Тильзит — Шяуляй**, продвигаясь к Двине в район Двинска (Даугавпилс) и южнее, захватить плацдарм на восточном берегу Двины.

В задачу 3-й танковой группы входило во взаимодействии с 9-й армией, прорвав оборону приграничных частей Красной Армии севернее Гродно — в направлении **Сувалки — Вильнюс**, стремительно продвигаться в район севернее Минска и во взаимодействии с наступающей с юго-запада на Минск 2-й танковой группой (из состава группы армий «Центр»), создавая тем самым условия для окружения группировки войск между Белостоком и Минском.

По направлениям Тильзит — Шяуляй и Сувалки — Вильнюс наносились главные удары войск вермахта[250].

Разведывательная сводка № 11 Разведотдела штаба Прибалтийского Особого военного округа по состоянию на начало мая 1941 года содержала вывод: «Немцы продолжают стягивать

войска непосредственно к границе с СССР»:

Секретно

Экз. № 54

I.

О дислокации и передвижении немецких войск в Восточной Пруссии Карта 100 000 — 28 г.

За период с 25.4 по 4.5.41 г. значительных изменений в составе немецких войск в Восточной Пруссии не произошло. Отмечено появление новых частей и подразделений в ряде гарнизонов (Клайпеда, Пилькаллен, Сувалки, Сэйны), передислоцирование отдельных частей некоторых гарнизонов (Кенигсберг, Сувалки). Установлено интенсивное передвижение частей и подразделений (главным образом моторизованных) в Клайпедской области и Сувальском уезде.

<…>

Выводы:

1. За март и апрель месяцы произошло увеличение численности немецких войск на территории Восточной Пруссии на две пехотных и две моторизованные дивизии.

Прибыли войска:

а) В район — Клайпеда, Приекуле — пех. дивизия;

б) В район Тильзит — до пех. дивизии;

в) В район Сувалки, Сейны — две моторизованных дивизии.

2. Интенсивные передвижения в Сувалкской области следует отнести главным образом за счет окончательного сосредоточения 17 и 37 мд.

3. Немцы продолжают стягивать войска непосредственно к границе с СССР.

II.

Подготовка театра военных действий (агентурные данные) А. Оборонительные сооружения

<… >

Вывод: Немцы продолжают форсирование строительства новых оборонительных сооружений, заканчивают начатые. Строительство идет главным образом вдоль границы.

III.

Данные радиоразведки

1. Военно-полевые радиостанции Германии на территории Восточной Пруссии продолжали работу в следующих радиосетях:

а) Радиосеть главного Командования — Берлин; подчиненные: Кенигсберг, Данциг, Штеттин, Познань, Бреслау.

б) Радиосеть армейской группировки Восточной Пруссии. Главная Кенигсберг; подчиненные: Инстербург, Ортельсбург. Радиостанции в Летцен и Шталлупенен в работе не отмечены.

в) Радиосеть 12 ак с главной рацией в г. Инстербург за отчетный период в работе не отмечена.

г) Радиосеть 20 ак на прежней волне в 970 мт не работала. Работу вела главная — Данциг с подчиненными в Хойнице и Косьцежина на волне 133 метра и с радиостанцией в Эльбинг на волне 64 мт.

д) Радиосеть корпусной группировки Штеттин работала в составе: главная — Штеттин; подчиненные: Нойштаттин (на волне 258 мт.), Штральзунд, Шпюлп (на волне 133 мт);

е) Радиосеть 7 корпуса. Главная радиостанция — Тильзит; подчиненная Шилутэ.

ж) Радиосеть в районе Летцен. Главная — Летцен; подчиненные: Алленштейн, Ангебург, Сувалки.

з) Радиосеть района Варшава. Главная — Варшава; подчиненные: Прасныш, Радом, Дзялдово.

<… >

IV.

Отдельные данные по немецкой армии

По данным, заслуживающим доверия, но требующим дополнительной проверки, установлено:

<… >

800 учебный полк особого командования из Хетингер и Кнорхе срочно перебазируется на Баден у Вены (приказ штаба 2А, Берлин).

6) За март м-ц из в. — частей дезертировало 20 человек; из них солдат 12 человек, младшего комсостава — 8 человек.

За этот же период из различных лагерей военнопленных сбежали 151 чел. (главным образом французы).

V.

Некоторые данные о 337 отд. караульном батальоне

Данные перебежчика

1. 337 отдельный караульный б-н до последнего времени дислоцируется в г. Инстербург.

2. Б-н состоит из 5 рот, рота из 3-х взводов, взвод из 9-12 групп (отделений).

Б-н организационно входит в состав 401 пд, штаб которой, якобы, расположен в г. Клайпеда. Командир 401 пд — генерал Улекс. ПРИМЕЧАНИЕ: По нашим данным, штаб 401 пд не отмечался, нами отмечен 401 пп.

<… >

7. Отдельные вопросы.

а) Комендант г. Кенигсберг — генерал Бранд.

б) Начальник гарнизона г. Кенигсберг — генерал фон Нинденбург.

в) В Клайпеда дислоцирована 213 караульная рота (по нашим данным, б-н 213 пп). Данные требуют проверки.

г) В период с 1 О — 16.4.41 г. в Клайпеда прибывали войска и различные военные грузы.

VI.

Разное

1. В период с 3–6.4 в Пилькалленском уезде проведена мобилизация 1910, 1911, 1912, 1904 и 1903 гг. Большинство из мобилизованных отправлено в Румынию.

2. В Лыкк прибыло 520 ж.-д. служащих (причины прибытия неизвестны).

Зам. нач. РО штаба ПрибОВО

полковник ДЕРЕВЯНКО

Зам. нач. 3 отд. РО штаба ПрибОВО

майор КОРЕНЕВСКИЙ»[251].

17-й и 37-й моторизованных дивизий не было в боевом составе сухопутных войск вермахта. 17-я пехотная дивизия (XIII-1 корпус 4-я А) входила в состав группы армий «Центр» и не могла находиться в Сувалкской области.

Радиоразведка определяла местонахождения передатчиков (радиостанций) с привязкой их технических параметров к возможному объекту управления (штабам). В большинстве случаев такая привязка была анонимна, а информация о вскрытых штабах была единична и далеко не всегда была достоверна. Так, штаб группы армий «Север», о котором, видимо, идет речь — «Радиосеть армейской группировки Восточной Пруссии» — дислоцировался в Эльбинге (а не в Кенигсберге) и только к началу наступления в Инстербурге. Штаб VII-го ак входил в состав 4-й А Группы армий «Центр» и его «радиосеть» с главной рацией не могла быть в г. Инстербург.

Достоверный вывод Разведсводки — «Немцы продолжают форсирование строительства новых оборонительных сооружений, заканчивают начатые. Строительство идет главным образом вдоль границы» — свидетельствовал о том, что германское командование не исключало возможность нанесения упреждающего удара советскими войсками и одновременно дезориентировал руководство Красной армии насчет агрессивных намерений Германии.

Подтверждение этому факту находим в дневнике Франца Гальдера от 5 мая 1941 г.: «Эшелоны с материалами для строительства укреплений направляются к границе»[252].

Вечером 18 июня генерал-майор П.П. Богайчук, командир 125-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась по границе с Восточной Пруссией, основываясь на данных, полученных от

агентов и перебежчиков, попросил командующего ПрибОВО дать указания провести мероприятия, «гарантирующие от неожиданного вторжения мотомех[анизированных] частей немцев».

«Донесение командира 125-й стрелковой дивизии командующему Прибалтийским Особым военным округом:

18 июня 1941 г.

20 ч 10 мин

По агентурным данным и данным перебежчиков (выделено мной. — *М.А.*), последние дни в р-не Тильзит [около 25 км до границы] немцами сосредоточено до семи дивизий, не считая войск, расположенных в р-не Шилуте и с. з.

Часть войск непосредственно подтянута к границе.

Имеются мотомех[анизированные] дивизии.

[С] нашей стороны [мероприятий] противооборонительного характера, гарантирующих от нападения мотомех[анизированных] частей, не предпринято, и достаточно немцам пустить один танковый батальон, как удерживающий гарнизон может остаться захваченным врасплох.

Внутренний наряд и патрули могут только предупредить части, но не обеспечить.

Полоса предполья без гарнизонов, войск наступления немцев не задержит, а погранчасти могут своевременно полевые войска и не предупредить.

Полоса предполья дивизии находится к госграницe ближе, чем к частям дивизии, и без предварительных мероприятий по расчету времени немцами будет захвачена ранее вывода туда наших частей.

Докладывая о создавшейся обстановке на границе, прошу:

1. Дать указание, какие мероприятия сейчас я могу провести в жизнь, гарантирующие от неожиданного вторжения мотомех[анизированных] частей немцев, или дать мне право самому разработать план мероприятий, но средств дивизии для этого мало.

2. Для сокращения срока боевой готовности частей разрешить иметь у бойца на руках укомплектованный ранец, плащ-палатку, каску и 60 боевых патронов. В этом случае боевая готовность подразделений может быть доведена через 10–15 минут.

3. Ускорить решение вопроса о семьях начсостава, так как последние могут дезорганизовать работу командиров.

4. Разрешить мне вывести для работы на полосу предполья не два батальона, а четыре.

5. Прикажите УНС ускорить постройку противотанковых и

противопехотных препятствий на рубеже УР.

6. Было бы желательным иметь танковую часть и противотанковую дивизию, артиллерию кроме дивизионной в р-не ст. Янишки и Стргутышки, как на одном из вероятных направлений наступления мотомеханизированных] частей.

Командир 125 сд генерал-майор БОГАЙЧУК»[253].

В предвоенное время, равно как и во время войны, штабы дивизий не занимались агентурной разведкой, поэтому «агентурные данные» могли поступить от пограничного отряда или оперативного пункта, находившихся в полосе стрелкового соединения.

В Директиве штаба Прибалтийского Особого военного округа, последовавшей на следующий день — 19 июня 1941 г. командующий войсками округа генерал-полковник Кузнецов ограничился тем, что приказал командирам вверенных ему частей «руководить оборудованием полосы обороны», с «упором на подготовку позиций на основной полосе УР», работу на которой следовало «усилить». Однако «позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы». При этом «особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, усилить контроль боевой готовности».

Директива штаба Прибалтийского Особого военного округа:

«19 июня 1941 г.

1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР, работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и [в] основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности.

В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи с погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для пр[отивни]ка и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану командующего армией— тоже по плану оборонительного строительства.

5. Штарм, корпусу и дивизии — на своих КП, которые обеспечить ПТО по решению соответствующего командира.

6. Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия. Учитывать участившиеся случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

7. Продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения.

Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте.

Командующий войсками ПрибОВО

генерал-

полковник…… КУЗНЕЦОВ

Начальник управления политпропаганды…… РЯБЧИЙ

Начальник штаба генерал-лейтенант…… КЛЕНОВ»

В 23–46 20 июня начальником штаба 11-й армии генерал-майором Шлеминым была направлена «Шифровка» (расшифрована в 9.00 21 июня) начальнику штаба округа следующего содержания:

«НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ФРОНТА

Задержанный в ночь на 20.6.41 перебежчик 13-й роты 58 ПП 6 ПД показал, что их рота стоит в ПШЕРОСЛЬ (рота 150-мм тяжелых орудий). 6 пд переброшена эшелонами в район СУВАЛКИ [до 25 км до границы] в конце мая из ПАРИЖА и разгрузилась в 180 км от ПШЕРОСЛЬ.

Будучи в СУВАЛКИ, сообщает перебежчик, в СУВАЛКИ большое количество войск, в данное время все войска из СУВАЛКИ переброшены к границе.

Пехота располагается в 5 км от границы, артиллерия на позициях, крупные танковые (здесь и далее подчеркивание документа. — *М.А.*) части перебежчик не видел.

Перебежчик показал, что немецкие части у границы окопы не копают, имея в виду переход в наступление. По словам перебежчика, **военные действия начнутся через 8—10 дней** (выделено мной. — *М.А.*). Вот уже 2 месяца, как солдат агитируют офицеры, говоря, что СССР — главный враг Германии. Солдаты 50 проц. настроены против войны.

№ 1019/ш ШЛЕМИН».

Копия оригинала документа размещена в интернете[254].

Судя по всему, подчеркивание сделано начальником штаба ПрибОВО Кленовым П.С. Стрелка от первого подчеркивания направлена на комментарий: «Это вранье».

На документе имеется резолюция:

«Нач РО
На учет. Донести в РУ
[подпись]»
И помета о выполнении указания:
«Донесено Москву т. Кореневскому
[подпись]
21.6.41 г.».

В связи с чем такой комментарий начальника штаба округа генерал-лейтенанта Кленова? Перебежчик (58-й пехотный полк 6-я пехотная дивизия VI-й АК 3-я ТГр группы армий «Центр») не мог видеть на границе «крупные танковые части» за восемь-10 дней до перехода в наступления, как он утверждал. К этому моменту подвижные части все еще могли находиться в 25–80 км за местом расположения пехоты в исходных районах. Что же касается момента перехода немецкого солдата за два дня до начала войны, Кленов, не без оснований, мог считать, что перебежчик должен был видеть танковые части. Действительно, 58-й полк, в котором служил перебежчик, входил в состав 6-й пд VI-го АК, переданного в оперативное подчинение 3-й танковой группы. 21 июня, из танковых соединений 3-й ТГр 20-я, 7-я и 12-я тд были развернуты непосредственно на границе, причем 20-я тд дислоцировалась на правом фланге 6-й пехотной дивизии. Отсюда не следует, что в ночь на 20-е 20-я тд уже занимала исходную позицию. Что же касается 19-й танковой дивизии, то 21 июня она находились еще в исходном районе на расстоянии приблизительно 75 км по прямой от границы.

Если же отнести комментарий и ко второму подчеркиванию («Солдаты 50 % настроены против войны»), то однозначно, что начальник штаба округа не сомневался в том, что это «вранье».

В части выполнения резолюции на документе «Донести в РУ», имеется помета: «Донесено Москву т. Кореневскому». Судя по всему, майор Н.А. Кореневский, назначенный в мае начальником 3-го (информационного) отделения РО штаба ПрибОВО, находился в Москве в командировке. Однозначного ответа, удалось ли Кореневскому «донести в РУ» содержание ШТ начальника штаба 11-й армии, а если удалось, то на каком уровне, не существует. Не исключено, что он принял поступившую из разведотдела информацию к сведению.

И еще, «шифровка» из штаба 11-й армии от 20 июня 1941 г., адресована «НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ФРОНТА», в то время как Северо-Западный фронт был образован только 22 июня 1941 года на базе войск Прибалтийского Особого военного округа. В то же время в публикации военно-исторического журнала «Первые дни войны в документах» приводится «Донесение штаба 11-й армии

начальнику штаба Прибалтийского Особого военного округа» (ВИЖ. 1989. № 5. С. 48 со ссылкой на ЦАМО, ф. 221. оп. 1394, д. 2. л. 76.).

Рассмотрим, как вскрыл противостоявшую группировку германских войск разведотдел штаба ПрибОВО в трех последних предвоенных документах.

«Разведывательная сводка
штаба Прибалтийского особого военного округа
от 18 июня 1941 г.
о группировке войск противника против войск округа
на 17 июня 1941 г.
СОВ. СЕКРЕТНО
Командующим армиями, командирам
корпусов, дивизий
и бригад

На 17.6.41 г. против Прибалтийского особого военного округа в полосе: слева — Сувалки, Ликк [Элк, Польша], Алленштайн [Ольштын, Польша] и по глубине — Кенигсберг, Алленштайн установлено: штабов армий — 2, штабов армейских корпусов — 6, пехотных дивизий — 12, моторизованных дивизий — 5**, бронетанковых дивизий — 1**, **танковых полков — 5 и до девяти отдельных танковых батальонов — всего не менее танковой дивизии** (здесь и далее выделено мной. — *М.А*), кавалерийских полков — 6–7, саперных батальонов — 17, самолетов — свыше 500.

Группировка и дислокация частей (карта 100 000):

в районе Мемель — штаб 291-й пехотной дивизии, 401-й и 610-й пехотные полки, два батальона 337-го пехотного полка, учебный батальон 213-го пехотного полка, 33, 61, 63-й артиллерийские дивизионы, **до двух танковых батальонов,** батальон тяжелых пулеметов, 48, 541-й саперные батальоны, 7-й полк морской пехоты, училище подводного плавания;

в Мелльнерагген (7804) — зенитно-артиллерийский дивизион;

в Бахман (7610) — до артиллерийского дивизиона;

в Швеппельн (7212) — **танковый батальон**;

в Роокен (6420) — батальон 660-го пехотного полка;

в Шилутэ — штаб 5-й пехотной дивизии, штаб 161-й моторизованной дивизии, штабы 660-го, 22-го пехотных полков, один пехотный полк, дивизион противотанковых орудий, 208-й строительный батальон;

в Матцикен (3432) — артиллерийский дивизион 206-го *артиллерийского полка*;

в Лауджен (3638) — 520-й саперный батальон;

в Рус (3024) — батальон 14-го пехотного полка, саперная рота;

в Вилляйкен (3030) — батальон 660-го пехотного полка;

в Ужлекнен (2632) — батальон 660-го пехотного полка;

в Клокен (1834) — батальон 14-го пехотного полка, саперная рота;

в Каукемен (1634) — штаб и батальон 14-го пехотного полка, саперная рота;

в Тильзит — штабы 7-го армейского корпуса, 1-й пехотной дивизии, 290-й пехотной дивизии, 8-й моторизованной дивизии, 1-й кавалерийской бригады; 43, 45, 216, 213, 94, 501, 502, 503-й пехотные полки; штаб 469-го пехотного полка, батальон горнострелкового полка, 202, 204, 227, 206 и 210-й моторизованные полки, батальон 272-го моторизованного полка, 1-й и 2-й кавалерийские полки, 22-й тяжелый артиллерийский полк, 21-й легкий артиллерийский полк, 290-й артиллерийский полк, 61-й артиллерийский полк, артиллерийский дивизион 1-й кавалерийской бригады, **212-й танковый батальон, 101-й танковый батальон**, батальон связи 7-го армейского корпуса, 610-й отдельный батальон связи, 52-й понтонный батальон, 552-й и 557-й моторизованные обозные батальоны;

в Погеген — 291-й моторизованный полк, батальон 350-го моторизованного полка, **116-й танковый батальон**;

в Пиктупенен (1262) — штаб 350-го моторизованного полка, пехотный батальон, 511-й дивизион противотанковых орудий;

в Грежпелкен (1668) — до роты средних танков;

в Лаугжарген (2074) — батальон 214-го пехотного полка, *до артиллерийского полка*, штаб строительного участка;

в Веллкишкен (1072) — пехотный батальон;

в Хайнрихсвальде (0042) — 44-й моторизованный полк;

в Ломпенен (0866) — 31-й артиллерийский дивизион противотанковых орудий;

в г. дв. Эристаль (1264) — штаб и артиллерийский дивизион 67-го *артиллерийского полка*;

в Рагнит (0062) — 3-й и 414-й саперные батальоны, артиллерийская батарея, мотоциклетная рота, 41-й запасный батальон;

в Куршен (9662) — 405-й пехотный полк;

в Шмалленингкен (0698) — пехотный батальон, саперная рота;

в Нойкирх (0442) — штаб 217-й пехотной дивизии; 9.6.41 г., кроме того, по данным Разведывательного управления [Генерального Штаба Красной Армии], от Тильзит прибыло **три**

танковых полка, три тяжелых артиллерийских полка и два моторизованных полка. По данным Разведывательного отдела, отмечены **части** 205-й пехотной дивизии и **20-й бронетанковой дивизии,** два пехотных полка неустановленной нумерации, последние в лесу 1 км северо-западнее.

В районе Лазденен, Инстербург, Гольдап, Шталлупенен:

в Лазденен (9094) — батальон 41-го пехотного полка;

в Пилькаллен (7296) — штаб и два батальона 41-го пехотного полка, зенитно-артиллерийский полк, военный госпиталь, кавалерийский эскадрон;

в Шталлупенен — 214-й пехотный полк (без батальона), штаб строительного участка;

в Эйдткунен — два пехотных полка, батальон 214-го пехотного полка;

в Ширвиндт — пехотный полк;

в Гумбинен [около 60 км по прямой до границы] штабы 12-го и 22-го армейских корпусов (требуют проверки), 16-й пехотной дивизии; конвойная дивизия, 27-й и 29-й пехотные полки, 6-й минометный полк, 206, 570, 113 и 32-й артиллерийские полки, 4-й полк противотанковых орудий, **25-й танковый полк**, 206-й кавалерийский полк, 217-я разведывательная часть, 337-й караульный батальон, 46, 10, 501-й пехотные батальоны, 43-й запасный батальон, 16-я авиационная группа (70-100 самолетов);

в районе Сувалки, Сейны:

в Сувалки — штабы 34-й пехотной дивизии, 17-й и 37-й моторизованных дивизий; 254, 70, 103, 104, 134, 135 и 136-й пехотные полки, штаб и батальон 115-го пехотного полка, 70-й минометный полк, 241-й артиллерийский полк, зенитно-артиллерийский полк (дан первично), 311-й полк СА, 18-й батальон связи, 608-й резервный батальон, до авиационной эскадрильи, три саперных батальона, штаб строительного участка;

в Сейны — штаб 26-й пехотной дивизии, 12-й пехотный полк, батальон 103-го пехотного полка, **до одного танкового полка**, 420-й минометный полк, до дивизиона противотанковых орудий, 110-й кавалерийский полк, самокатный батальон.

В Маргробово — штаб пехотной дивизии, пехотный полк, саперный батальон;

в Рачки (8416) — саперный батальон;

в лесу юго-западнее Плоцично (8428) — до пехотного полка;

в Новинка (7830) — батальон 176-го пехотного полка;

в Краснополь (0044) — до дивизиона противотанковых орудий, саперный батальон;

в Постовела (2020) — кавалерийский полк;

в Шиплишки (1634) — пехотный батальон, дивизион противотанковых орудий;

в Пуньск (1442) — 412-й моторизованный полк, пехотный батальон;

в Филипув (0506) — пехотный батальон, саперный батальон;

в Вижайны (2620) — 422-й моторизованный полк, 408-й саперный батальон;

в Бакалажево (9608) — саперный батальон;

в Гибы (9254) — пехотный батальон, **до танкового батальона**.

В районе Кенигсберг, Велау, Пиллау:

в Кенигсберг — штабы 18-й армии, 8-го армейского корпуса, 4-й и 43-й пехотных дивизий, 1-го воздушного округа; 201, 217, 110, 21 и 623-й пехотные полки; 1, 4 и 19-й артиллерийские полки, 47, 511 и 536-й артиллерийские полки (последние 3 требуют проверки), **танковый полк**;

в Пиллау — 231-й и 215-й полки морской зенитной артиллерии (данные требуют проверки), пехотный полк, 150 самолетов.

В районе Летцен, Алленштайн, Иоганнисбург **(данные Разведывательного отдела Западного особого военного округа**):

в Летцен — штаб армейского корпуса, **21-й танковый полк**, 115-й пехотный полк, артиллерийский полк, кавалерийский полк;

в Ликк — штаб 14-й пехотной дивизии, 215-й пехотный полк, 37-й артиллерийский полк (по 14-й пехотной дивизии данные Разведывательного отдела Прибалтийского особого военного округа);

в Арис — штаб пехотной дивизии, 143-й и 151-й пехотные полки, 14-й артиллерийский полк;

в Растенбург — 56-й и 665-й пехотные полки;

в Бишофсбург — пехотный полк;

в Алленштайн — **штаб 9-й армии**, штабы армейского корпуса и 7-й пехотной дивизии; 301-й и 413-й пехотные полки, полк противотанковых орудий, 206-й артиллерийский полк.

Данные инженерной подготовки, аэродромной сети и другое — почтой.

Начальник Разведывательного отдела

полковник Сафронов»[255].

В подавляющем большинстве случаев приведенные в разведсводке данные о боевом составе группировки войск вермахта, развернутой в полосе против ПрибОВО, не соответствовали действительности.

Штаб 18-й армии до 19 июня дислоцировался в Кенигсберге,

а с 21 июня находился в Хейдекруг. Штаб 9-й армии (ГА «Центр») с 23.4 по 27.5.41 дислоцировался в Видминнен (20 км северо-восточнее г. Арис). 16–19 июня он находился в Шлагакруг (10 км южнее Арис), а 21 июня — в населенном пункте Гибы (на территории бывшей Польши) на Сувалкинском выступе. 7-й армейский корпус, штаб которого был установлен в Тильзите, входил в состав 4 — й армии группы армий «Центр» и не мог находиться в указанном месте. В Тильзите дислоцировалась 8-я танковая дивизия, а не 8-я моторизованная, такой дивизии не существовало в сухопутных войсках вермахта.

Установленные в Гумбинен штабы 12-го (дислокация штаба также указана в Инстербург), 22-го армейских корпусов и штаба 8-го ак в Кенигсберге входили в состав армий группы «Центр» и не могли находиться в вышеуказанных населенных пунктах. К 21 июня в Гумбинен должен был прибыть штаб 16-й армии, дислоцировавшийся с 23.4 по 19.6.41 в Бартенштейн.

Не существовало 17-й и 37-й моторизованных дивизий, в состав группы армий «Центр» входил 17-я пд. 205-я пехотная дивизия дислоцировалась на Западе, 16-я пехотная дивизия (с 1 октября 1940 года 16-я моторизованная дивизия) входила в состав резерва группы армий «Юг» и не могла дислоцироваться в полосе против ПрибОВО.

Достоверно установленные 20-я танковая дивизия (21 тп; 59, 112 мсп; 92 ап) (XXXIX мк), 26-я пехотная дивизия (VI ак), штаб которой был выявлен в Сейны, 5-я пехотная дивизия (V ак), штаб которой был выявлен в Шилутэ, 25 танковый полк (7 тд XXXIX мк) входили в состав 3 ТГр ГА «Центр», которой предстояло действовать в полосе против ПрибОВО.

В состав 291-й дивизии, штаб которой был достоверно установлен в районе Мемель, входили 504-й, 505-й, 506-й пп; 291-й ап, а не те части, которые были приведены в сводке — 401-й, 610-й, 337-й, 213-й пехотные полки. 401-й пехотный полк входил в состав 170-й дивизии, дислоцированной в Румынии; 213-й пехотный полк входил в состав 73-й пехотной дивизии из резерва Главного командования сухопутных войск; 610-й и 337-й пехотные полки не значились в составе сухопутных войск вермахта, развернутых на Востоке.

В числе указанных в разведсводке двух моторизованных дивизий отмечается 161-я мд — такая дивизия в вермахте не значилась. Судя по всему, речь идет о 161-й пехотной дивизии из состава VIII-го корпуса 9-й армии группы армий «Центр», дислоцировавшейся в Сувалки.

Большинство из перечисленных в разведсводке моторизованных полков (202-й, 204-й, 227-й, 206-й, 210-й, 272-й,

291-й, 350-й) не существовало в сухопутных войсках вермахта, развернутых на Востоке.

Не значится в боевом составе сухопутных войск вермахта на Востоке и целый ряд пехотных полков: 12-й, 27-й, 29-й, 45-й, 56-й, 104-й, 115-й, 134-й, 143-й, 214-й, 665-й, а также 206-й кавалерийский полк.

Ряд упоминаемых пехотных полков не могли быть развернуты в указанных в сводке местах, так как относились к составу дивизий, корпусов, армий и групп армий, развернутых против войск ЗапОВО, КОВО ОдВО, ЛВО: 70-й (111 пд, XXIX ак 1ТГр ГА «Юг», 135-й (45 пд XII ак 2ТГр ГА «Центр»), 136-й (2 горнострелковая дивизия XXXVI ак Армия «Норвегия»), 254-й (110 пд XXXXII ак Резерв ГА «Центр»),

Упомянутые в разведсводке 29-й и 41-й пехотные полки являлись моторизованными пехотными полками: 29 мп (3мд LVIIмк 4ТГр ГА «Север»), 41 мп (10 мд, XII, 2ТГр ГА «Центр»).

Недостоверные сведения разведсводки сохраняются в основном и в части «установленных» артиллерийских полков. В боевом составе сухопутных войск вермахта, развернутых на Востоке, не существовало следующих артиллерийских полков, приведенных в сводке: 37-й. 47-й, 53-й, 511-й ап. 4-й ап значился в составе 14 тд III мк 1ТГр ГА «Юг».

14-й и 19-й ап входили в состав 14 мд XXXIX мк и 19 тп LVII мк, соответственно, 3ТГр ГА «Центр», действовавший в первые дни войны в полосе против войск ПрибОВО.

Часть артиллерийских полков, приведенных в разведсводке, имеют названия «минометный полк», «полк противотанковых орудий», «зенитно-артиллерийский полк», «тяжелый артиллерийский полк», «легкий артиллерийский полк». Частей с подобными названиями в сухопутных войсках вермахта не отмечалось; судя по всему, речь шла о дивизионах из состава артиллерийских полков, в том числе легких и тяжелых гаубичных дивизионах и батальонах истребителей танков, а также 231-й и 215-й полки морской зенитной артиллерии (возможно, речь идет об артиллерийских полках береговой обороны).

Утверждать об угрозе неминуемого нападения, исходя из количества выявленных штабов дивизий и, в первую очередь подвижных — один штаб «бронетанковой» дивизии и два штаба моторизованных дивизий, не возможно. Тем более, что сражаются не штабы, а их боевые части, по вскрытому количеству которых следует говорить существует угроза нападения или нет. Разведотдел штаба ПрибОВО установил до 7 танковых полков и до 7 танковых батальонов. Семь танковых полков, это — 7 танковых дивизий, по одному танковому полку в дивизии, а 7

танковых батальонов, это — от 2-х до 3-х дивизий. Это уже — реальная угроза. Однако в Разведуправлении ГШ РККА существовал другой пересчет танковых полков в танковые дивизии — от 2 до 3 танковых полков в дивизии.

Из Разведывательной сводки № 5 (по Западу) Разведуправления ГШ РККА от 15 июня 1941 г.:

«… а) в Восточной Пруссии двадцать три-двадцать четыре дивизии, в том числе: восемнадцать-девятнадцать пехотных и три моторизованные дивизии, **пять танковых полков (две танковые дивизии)** (выделено мной. — *М.А.*) и семь кавалерийских полков»[256].

21 июня разведотдел штаба ПрибОВО выпускает «Сведения о группировке сил и средств немецких войск в Восточной Пруссии к 18.00 21.6.41 г.» за подписью зам. начальника РО полковника Кашникова и начальника 3-го отделения РО майора Кореневского[257].

Итоговая информация документа разведотдела штаба округа приведена в таблице.

Показатели	Батальоны	Батареи			Орудия				Минометы	Танки	Бронемашины	Самолеты	На фронте — километраж
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
По Восточной Пруссии													
Соединения	До девятнадцати пехотных дивизий, до пяти моторизованных дивизий, одна бронетанковая дивизия, пять танковых полков, до девяти отдельных танковых батальонов, до шести-семи кавалерийских полков												Немержара, Калеты — 358 км
Состав и вооружение	193	165	374	192	660	1505	2312	764	1218	2473	1743	465	
На 1 км фронта	0,5	0,5	1,0	0,5	1,8	4.2	6,5	2,1	3,4	6,9	4,9	1,3	

Разведотдел штаба округа дает увеличение количества пехотных дивизий на семь единиц (повторяет информацию РУ ГШ РККА в части пехотных дивизий от 15 июня), сохраняя количество подвижных соединений, указанных в разведсводке РО штаба ПрибОВО от 18 июня, и добавляет до 6–7 кавалерийских полков.

Из приведенной информации не просматривается явной концентрации немецких войск в Восточной Пруссии на границе с Советским Союзом и отсутствует вывод о направлениях возможных ударов. В информации РО немецкая группировка равномерно распределена по фронту, т. е. приводится на 1 км фронта. 193 батальона распределены по 0,5 батальона на 1 км фронта, тем самым устраняется даже тот выявленный небольшой разброс в количестве войск на различных участках границы. В равной степени «размазана» по фронту и военная техника

немецкой группировки: танки, бронемашины, орудия и самолеты. Вместе с тем, чрезвычайно завышено количество танков — 2473 единицы, что не соответствовало количеству указанных танковых частей и соединений и должно было вызвать серьезные опасения у командования.

21 июня непосредственно на границе с СССР были развернуты все три танковые дивизии из состава группы армий «Север»: 1 — я, 6-я и 8-я тд (около 565 единиц).

Разведсводка № 02 от 22 июня 1941 года к 20.00 21 июня 1941 г. (датирована 22 июня 1941 г. 0.25) ненамного отличается от разведсводки от 18 июня, но противоречит сведениям РО, поданным по состоянию на 18. 00 21 июня.

«СОВ. СЕКРЕТНО
Серия «Г»
Копии:
Начальнику Генерального Штаба Красной Армии
Начальнику Разведывательного управления
Генерального Штаба Красной Армии,
Начальникам штабов 8, 11 и 27-й армий,
Начальнику штаба Западного особого военного округа

РАЗВЕДСВОДКА № 02 К 20.00 21.6.41 ШТАБ ПРИБВО ПАНЕВЕЖИС

22.6.41 0.25 (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*)
Карты 100 000 и 500 000

По данным, заслуживающим доверия, продолжается сосредоточение немецких войск в Восточную Пруссию. 20.6.41 г. на участке железной дороги Кенигсберг — Тильзит — усиленное движение воинских эшелонов. Выдвижение частей к государственной границе продолжается.

Закончено строительство понтонных мостов через р. Неман в районах: Рус, Таттамишкен (2426) [координаты карты], Клокен (1834), Тильзит, Винкел; продолжается в районе Вишвилл и усиленно в районе [г. дв.] Винге (1048).

Охрана границы и наблюдение за нашей территорией возложены на полевые части.

В Клайпедской области гражданскому населению (главным образом преклонного возраста) предложено эвакуироваться вглубь от границы на 20 км

В Сувалкском уезде жителя выселены вглубь от границы на 5 км.

12.6.41 г. в районе Сувалки производился учет лошадей,

которые должны быть взяты 20.6.41 г. в армию.

Среди военнослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления.

Первое. Шауляйское направление

а) Данными нашей разведки подтверждена и установлена следующая дислокация:

В Клайпеда: штаб 291-й пехотной дивизии, 504-й, 505-й и 506-й пехотные полки, 291-й артиллерийский полк, 291-й танковый батальон, 291-й саперный батальон, 291-й батальон связи, 7-й полк береговой обороны в составе артиллерийского дивизиона и двух пехотных батальонов, тяжелый артиллерийский полк, батальон 20-й бронетанковой дивизии; отряд штурмовиков в составе трех рот.

В Приккуле: запасный батальон 348-го пехотного полка 217-й пехотной дивизии.

В Шилутэ: 161-я моторизованная дивизия в полном составе, танковый батальон 20-й бронетанковой дивизии.

В Тильзит: штаб 7-го армейского корпуса, штаб 1-й пехотной дивизии, 216, 43, 45-й пехотные полки, 213-й запасный батальон, 21-й легкий артиллерийский полк, 22-й тяжелый артиллерийский полк, 101-й танковый батальон. Штаб 8-й моторизованной дивизии, 202, 204, 227-й моторизованные полки, 505-й моторизованный тяжелый артиллерийский полк. Штаб 290-й пехотной дивизии, 501-й, 502-й и 503-й пехотные полки, 290-й артиллерийский полк. Штаб 20-й бронетанковой дивизии (нумерация частей, организационно входящих в состав дивизии, точно не установлена). Штаб 1-й кавалерийской бригады, 1-й и 2-й кавалерийские полки, 1-й артиллерийский дивизион. Авиационная группа до 63 самолетов.

В Нойкирх: штаб 217-й пехотной дивизии, 348-й пехотный полк (нумерация остальных частей, организационно входящих в состав дивизии, не установлена).

В Кенигсберг: штаб 1-й армии, штаб 8-го армейского корпуса, штабы 4-й и 43-й пехотных дивизий, штаб 3-го армейского корпуса (данные требуют проверки). 21, 207, 201-й и 210-й пехотные полки, 25-й моторизованный полк, 4-й и 19-й артиллерийские полки, бронетанковый полк, штаб 1-го воздушного округа; на аэродромах Кенигсберг до 300 самолетов неустановленных типов.

В Пиллау: 215-й полк морской зенитной артиллерии, тяжелый артиллерийский полк, авиационная часть до 100 гидросамолетов и до 50 Ю-87.

В Тапилау: штаб 205-й пехотной дивизии (ранее, в сводке № 15, нами отмечались части, входящие в состав 205-й пехотной дивизии, в Мемельской области).

В Натткишкен и Коадиутен: танковый батальон 20-й бронетанковой дивизии и артиллерийский дивизион 511-го тяжелого артиллерийского полка;

б) по данным 105-го пограничного отряда в Клайпеда отмечается штаб 61-й пехотной дивизии, в лесу (7220) — до батальона пехоты и кавалерийский эскадрон, в лесу (7218) — до батальона танков с артиллерией, в лесу (7416) — до двух батальонов танков (данные требуют проверки).

Примечание. Данными нашей разведки штаб 61-й пехотной дивизии в Клайпеда не отмечался.

Второе. Каунасско-вильнюсское направление

а) Продолжается выдвижение немецких частей непосредственно к государственной границе. В районе фл. Судавске (2824) окапывается до батальона пехоты с 6 пушками, выдвинувшимися из Вижайны;

б) в районе Брызголь (8436), Лясь-Подсерский — части 5-й пехотной дивизии.

Примечание. Ранее, по нашим данным, 5-я пехотная дивизия отмечалась в районе Шилутэ, убытие [ее] из района Шилутэ нами не отмечено;

в) данными нашей разведки подтверждена и установлена на направлении Каунас, Вильнюс следующая дислокация.

В Инстербург: штаб 12-го армейского корпуса, штаб 16-й пехотной дивизии, штаб 22-й пехотной дивизии (нами в сводке № 15, по непроверенным данным, отмечался штаб 22-го армейского корпуса, очевидно, это был штаб 22-й пехотной дивизии). 27, 29, 69-й пехотные полки, 10-й, 43-й запасные пехотные батальоны, 61-й, 206-й артиллерийские полки, 4-й артиллерийский полк противотанковых орудий, 206-й кавалерийский полк, 25-й танковый батальон, 337-й конвойный батальон.

16-я авиационная группа — до 170 самолетов.

В Гумбинен [около 30 км до границы]: штаб 120-й пехотной дивизии (нами в сводке № 15 ранее отмечался штаб пехотной дивизии неустановленной нумерации), 222, 203, 204-й пехотные полки, 317-й артиллерийский дивизион противовоздушной обороны, 494-й запасный пехотный батальон.

В Шталлупенен: штаб 405-го пехотного полка (1-й, 2-й и 3-й батальоны 405-го пехотного полка расположены у границы в районе Эйдткунен).

Выводы

1. Продолжается сосредоточение немецких войск к государственной границе.

2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах.

3. Требуется установить:

достоверность дислокации в Кенигсберг штаба 3-го армейского корпуса, **штаба 1-й армии** (нашими данными в течение продолжительного времени отмечался штаб 18-й армии; данных о его убытии не поступало);

продолжают ли оставаться части, не указанные в этой сводке, ранее нами отмечаемые (наша разведсводка № 15).

Начальник штаба
Прибалтийского особого военного округа
генерал-лейтенант Кленов
Заместитель начальника Разведывательного отдела
штаба Прибалтийского особого военного округа
полковник Кашников»[258].

В отличие от обилия недостоверных сведений в разведсводке РО штаба ПрибОВО от 18 июня в данной сводке часть данных отвечала реальному положению вещей в том, что касается боевых частей, развернутых против ПрибОВО, в их числе:

— в Клайпеда: штаб 291-й пехотной дивизии, 504-й, 505-й и 506-й пехотные полки, 291-й артиллерийский полк;

— в Тильзит: штаб 1-й пехотной дивизии, 216, 43, 45-й пехотные полки;

— в Тильзит: штаб 290-й пехотной дивизии, 501-й, 502-й и 503-й пехотные полки, 290-й артиллерийский полк;

— в районе Брызголь, Лясь-Подсерский — части 5-й пехотной дивизии (5 пд (14, 58, 75пп; 5 ап) V ак 3ТГр ГА «Центр») действовали в полосе против ПрибОВО;

— в Тильзит: 216-й и 43-й пехотные полки; 4-й ап,

— в Инстербург: 4-й и 206-й артиллерийские полки.

Одновременно в сводке, по-прежнему, были сохранены соединения и части, которые не значились в боевом составе сухопутных войск вермахта на Востоке, а также были внесены дополнительные искажения. Так, 1-я армия, о штабе которой упоминается в сводке, от начала и до конца Второй мировой войны находилась на Западном фронте. В боевом составе вермахта не существовало перечисленных моторизованных пехотных дивизий: 8-й и 161-й (как уже отмечалось), равно как и приведенных в сводке моторизованных пехотных полков из состава 8 мд.

22-я пехотная дивизия входила в состав XI армии ГА «Юг» в Румынии. В боевом составе сухопутных войск вермахта не существовали 4-я и 43-я пехотные дивизии вермахта. Не существовало также 27-го, 29-го, 69-го пехотных полков в группировке войск, развернутых на Востоке.

Согласно Разведсводки № 02 к 20.00 21.6.41, если не принимать во внимание указанную нумерацию несуществующих подвижных соединений количественный состав германских дивизий выглядел следующим образом: **12 штабов пехотных дивизий с частями и без них, 2 мд и 1 тд** (плюс танковые части «россыпью»), т. е. по сравнению с предыдущей разведсводкой было откорректировано только число моторизованных дивизий в сторону уменьшения (на три единицы).

Таким образом, с 18-го по 20.00 21-го июня группировка германских войск, согласно разведсводке, изменилась в сторону уменьшения. Отсюда и очевидный вывод: «2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах».

Вместе с тем, приведенные данные существенно противоречат в части числа развернутых пехотных дивизий (в сторону уменьшения на семь дивизий) сведениям разведотдела, которые были поданы им по состоянию на 16 часов 21 июня — до 19 пехотных дивизий, до 5 моторизованных дивизий, 1 бронетанковая дивизия, до 5 танковых полков и до 9 отдельных танковых батальонов и до 5–7 кавалерийских полков».

Разведка штаба ПрибОВО не вскрыла ни концентрацию германских войск у границы, ни их состав: было установлено наличие отдельных танковых батальонов и обнаружена всего одна полноценная танковая и две моторизованных дивизии. И не выявлено ни одного штаба моторизованных корпусов, танковых групп и штаба группы армий «Север». Отдельные танковые части (полки и батальоны) могут использоваться только для поддержки пехотных дивизий и армейских корпусов.

Сообщая неоднократно о концентрации войск и штабов в Тильзите, РО штаба ПрибОВО не удалось установить дислокацию к началу наступления штаба 4-й ТГр в этом городе. Исключение составляет возможное расположение штаба 61-й пд в 10 км от границы. Ближайший штаб АК размещается в 20 км.

И вместе с тем в сводке внятно утверждалось, что противник изготовился к нападению:

«По данным, заслуживающим доверия, продолжается сосредоточение немецких войск в Восточную Пруссию. 20.6.41 г. на участке железной дороги Кенигсберг — Тильзит — усиленное движение воинских эшелонов. Выдвижение частей к государственной границе продолжается.

Закончено строительство понтонных мостов через р. Неман в районах: Рус, Таттамишкен (2426), Клокен (1834), Тильзит, Винкел; продолжается в районе Вишвилл и усиленно в районе [г. дв.] Винге (1048).

…

В Клайпедской области гражданскому населению (главным образом преклонного возраста) предложено эвакуироваться вглубь от границы на 20 км

В Сувалкском уезде жителя выселены вглубь от границы на 5 км.

12.6.41 г. в районе Сувалки производился учет лошадей, которые должны быть взяты 20.6.41 г. в армию.

Среди военнослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления».

Однако эта, действительно, достоверная, очень тревожная агентурная информация перечеркивалась отсутствием вскрытых штабов подвижных соединений, равно как и самих дивизий, только при наличии которых можно было говорить о развитии наступления на большую глубину и окружении крупных группировок советских войск. Установленные танковые части (полки и батальоны), хотя они должны были рассматриваться как костяк танковых дивизий, а не как отдельные части для поддержки пехотных соединений. 1 танковая дивизия, отдельные танковые части, 2 моторизованных и 12 пехотных дивизий угрозы в своей совокупности не представляли.

Тем не менее, РО штаба ПрибОВО удалось в какой-то степени вскрыть группировку войск группы армий «Север», если брать во внимание не данные Разведсводки № 02 к 20.00 21.6.41 г., а противоречившие им в сторону увеличения числа соединений «Сведения о группировке сил и средств немецких войск в Восточной Пруссии к 18.00 21.6.41 г.» от — «до девятнадцати пехотных дивизий, до пяти моторизованных дивизий, одна бронетанковая дивизия, пять танковых полков, до девяти отдельных танковых батальонов, до шести-семи кавалерийских полков».

В действительности — 20 пд, 3 тд, 3 мд и 3 охранных дивизии из состава группы армий «Север». Однако это количество было увеличено за счет соединений из состава группы армий «Центр» (4 пд, 4 тд и 3 мд), наносивших удар в полосе против ПрибОВО, что явилось полной неожиданностью для командования округа.

Отсюда полное неведение насчет общей группировки **(всего**

40 дивизий, в том числе 7 тд и 6 мд), направлений главных ударов, сосредоточения моторизованных и танковых соединений.

Из разведсводки № 04 к 18.00 22.6.41 штаба Северо-Западного фронта:

«Противник в течение дня продолжал наступление на всем фронте силой до 16–17 пехотных дивизий, двух бронетанковых дивизий, около четырех моторизованных дивизий, проявляя наибольшую активность на шауляйском направлении на участке Таураге, Юрбург и на каунасско-вильнюсском направлении на участке Виштынец, Лозьдзее.

Авиация противника группами продолжала действовать по объектам и аэродромам на нашей территории.

В район Россиены, Видукле и район Вильнюс, Алитус сброшены авиационные десанты силой 100–200 человек.

…

Выводы

1. Противник при поддержке авиации, танков и во взаимодействии с авиационными десантами продолжает наступление на всем фронте, имея главные группировки на направлениях Шяуляй. Вильнюс.

2. В ночь на 23.6.41 г. возможны высадки авиационных десантов в районах Кейданы, Паневежис и с утра 23.6.41 г. решительные и массированные действия.

3. **Необходимо установить:**

а) общую группировку; б) направление главного удара; в) расположение резервов; г) сосредоточение мотомеханизированных и танковых частей (выделено мной. — М.А.)

[Заместитель] начальника штаба
Северо-Западного фронта
(подпись)
Начальник Разведывательного
отдела штаба фронта
полковник Сафронов»[259].

Сведения, которые было «необходимо установить», свидетельствовали о неведении командования Северо-Западного фронта о противнике, развязавшем против него боевые действия.

В 1952 году в Военно-историческом управлении Генерального штаба Советской Армии была создана группа под руководством генерал-полковника А.П. Покровского, которая приступила к разработке описания Великой Отечественной войны 1941–1945

годов. Для более полного и объективного изложения событий начального периода Великой Отечественной войны были сформулированы вопросы, относившиеся к периоду развертывания войск Прибалтийского, Киевского и Белорусского особых военных округов по «Плану обороны государственной границы 1941 года» накануне войны.

Было выделено пять основных вопросов:

«1. Был ли доведен до войск в части их касающейся план обороны государственной границы. Если этот план был доведен до войск, то когда и что было сделано командованием и войсками по обеспечению выполнения этого плана.

2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий.

3. Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидающимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня. Какие и когда были отданы войскам указания во исполнение этого распоряжения и что было сделано.

4. Почему большая часть артиллерии корпусов и дивизий находилась в учебных лагерях.

5. Насколько штаб части был подготовлен к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны»[260].

Эти вопросы были заданы участникам указанных событий, занимавшим в начальный период различные должности в войсках военных округов.

Среди респондентов, отвечавших на вопросы «комиссии Покровского» был и генерал-лейтенант К.Н. Деревянко, накануне войны занимавший должность заместителя начальника РО штаба ПрибОВО:

«Министерство обороны Союза ССР
Высшая ордена Суворова 1 степени
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ имени К.Е. Ворошилова
“28” апреля 1953 г.
№ 02361
Москва, 302, 5-й Донской проезд, д. 7
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ тов. ПОКРОВСКОМУ А.П.
На № 679361

Ввиду того, что Ваше письменное указание адресовано мне как якобы бывшему начальнику разведывательного отдела штаба

Прибалтийского Особого военного округа, необходимо прежде всего сказать, что в действительности таковым я не был. Начальником разведывательного отдела штаба округа был полковник Сафронов А.И., числившийся погибшим 28.6.41 г. при выполнении задания командующего фронтом в войсках. Мне было приказано вступить в исполнение обязанностей начальника разведывательного отдела штаба Северо-западного фронта 29.6.41 г. В период с 20 по 29.6.41 г. мне, как одному из заместителей начальника разведотдела, пришлось выполнять задания начальника штаба округа (фронта) в г.г. Таурогене, Риге и других местах, в связи с чем в эти особенно напряженные дни я находился вне штаба округа (фронта) и, следовательно, не мог непосредственно принимать участие в его работе.

Все это не позволяло мне быть достаточно осведомленным в вопросах деятельности командования и штаба округа (фронта) в последние предвоенные и первые дни военных действий. Необходимо добавить, что бывший начальник штаба округа генерал-лейтенант Кленов требовал только личных докладов начальника разведывательного отдела и поэтому мне до вступления в должность начальника разведотдела фронта пришлось быть у него с докладом не более 2–3 раз. Бывшему командующему округом генерал-полковнику Кузнецову мне пришлось делать доклад только один раз. Поэтому, в частности, мне трудно ответить на такие вопросы, как, например, вопрос об оценке командованием войсками округа выводов штаба округа по разведданным. Кроме того, не считаю возможным говорить с полной уверенностью по памяти о подробностях событий двенадцатилетней давности.

Таким образом, дать исчерпывающие и вполне обоснованные ответы на все поставленные Вами вопросы не могу. Остановлюсь лишь кратко на том, что может относиться к ответам на требующие освещения вопросы и что более прочно сохранилось в памяти.

1. **Группировка немецко-фашистских войск накануне войны** в Мемельской области, в Восточной Пруссии и в Сувалкской области, особенно в приграничных районах, в последние дни перед войной, **была известна штабу округа достаточно полно и в значительной её части и подробно** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Чтобы убедиться в этом, **достаточно ознакомиться с последней предвоенной итоговой разведсводкой разведотдела штаба** от 19 или 20.6.41 года (точно даты не помню). Эта сводка и другие материалы того периода вероятно хранятся в архиве Северо-западного фронта и в архиве Второго Главного Управления.

Данные этой разведсводки полностью подтвердились последующими данными, полученными после начала боевых действий.

Командование и штаб округа располагали достоверными данными об усиленной и непосредственной подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза за 2–3 месяца до начала военных действий.

Помимо информации, получаемой разведотделом из различных источников, начальником разведотдела и мною докладывались командованию округом в марте-апреле 1941 года данные личных наблюдений, полученных в результате нашей работы в этот период в Мемельской области, Восточной Пруссии и в Сувалкской области.

В частности, мною докладывалось о наблюдаемом лично сосредоточении немецко-фашистских войск в приграничных районах, начиная с конца февраля месяца, о проводимых немецкими офицерами рекогносцировках вдоль границы, о подготовке немцами артиллерийских позиций, в частности, в полосе шоссе Тильзит, Таур[о]ген, об усилении строительства долговременных оборонительных сооружений в приграничной полосе, а также газо— и бомбоубежищ в городах б. Восточной Пруссии, о значительном усилении авиации в районах Кенигсберга, Инстербурга, западнее Сувалки и в других районах.

В результате этих докладов мне не приходилось слышать от бывшего командующего округом генерал-полковника Кузнецова и бывшего начальника штаба округа генерал-лейтенанта Кленова их оценки полученных разведданных. Однако **у меня сложилось убежденное мнение в том, что командование округом недооценивало надвигающейся угрозы и ко многим разведданным относилось с некоторым недоверием. В большей степени это проявлялось у Кленова.**

2. **Вскрытая группировка немецко-фашистских войск** накануне военных действий **расценивалось разведотделом как наступательная группировка с значительным насыщением танками и моторизованными частями**. Вероятными направлениями ожидаемых ударов немцев разведотдел считал направления: **Эйдкунен, Каунас** и **Туроген** [Таураге]**, Шауляй**.

3. Данные о времени начала военных действий со стороны гитлеровской Германии, добываемые разведотделом, начали поступать в штаб округа по крайней мере в первых числах июня. **В последнюю предвоенную неделю эти сведения поступали почти ежедневно, причем за 3–4 дня в них указывалось довольно точно не только о дне, но и о**

вероятном часе начала боевых действий. Все эти сведения вне очереди докладывались разведотделом начальнику штаба округа и доносились в Разведуправление шифром.

4. В штабе округа существовал следующий порядок в отношении использования разведданных: полученные сведения докладывались начальником разведотдела начальнику штаба, причем более важные данные — немедленно, а другие после обработки; кроме того, о всех сведениях, касающихся передвижений и сосредоточения немецко-фашистских войск, вероятных сроков начала военных действий, дислокации войск и штабов, установления новых частей и соединений немедленно сообщалось шифром в Разведуправление. Разведданные оформлялись в виде разведсводок, которые направлялись в центр и в войска.

5. В первый месяц войны, особенно в первую неделю, разведданные от войск поступали нерегулярно, с запаздыванием, носили общий характер и давали лишь представление о линии фронта, характеристике действий противника, направлениях его главных усилий и отрывочные сведения о нумерации частей и соединений, находившихся в непосредственном соприкосновении с нашими войсками. Что касается глубины боевых порядков и тем более оперативного построения войск противника, то такие данные были весьма скудными. Это объяснялось тем, что, во-первых, не было средств воздушной разведки, во-вторых частое перемещение линии фронта на восток почти исключало письменную и устную информацию от оставляемых в тылу немцев разведчиков и не позволяло создавать достаточное количество радиоточек на оставляемой с тяжелыми боями территории. Заблаговременная же организация их на нашей территории до начала военных действий и в первые недели войны не предусматривалась и не была обеспечена подготовленными людьми и радиосредствами. Значительно затруднялось своевременное получение разведданных от войск неустойчивой связью штаба фронта с войсками, особенно в первые 10–15 дней. Несмотря на тяжелую обстановку, поступление разведданных от войск примерно с конца второй недели значительно улучшилось. Особенно это стало заметно с приходом на должность начальника штаба фронта генерал-лейтенанта (в то время) Ватутина, организовавшего с первых шагов работу штаба и добившегося значительного улучшения связи и управления войсками. До прибытия Ватутина (1 июля), штаб фронта не был в состоянии справляться со своими функциями, так как его отделы были лишь обозначены отдельными офицерами и техническими работниками. Основная часть офицеров штаба выполняла

поручения командования фронтом в войсках. Прибыв 29.6 в разведотдел в штаб фронта я застал в нем лишь одного офицера, командование фронтом в первые дни войны недооценило роли штаба, не принимало мер к его укреплению и использовало его не как орган управления войсками, а как группу офицеров для поручений. Одной из причин этого была неустойчивая техническая связь с войсками.

6. Касаясь характеристики работы разведотдела фронта в первый месяц войны, необходимо заметить, что с конца второй недели военных действий, в связи с коренной перестройкой работы всего штаба, благодаря усилиям Ватутина, она значительно улучшилась. Если в первые 8-10 дней войны разведотдел, как указывалось выше, был обозначен лишь одним-двумя офицерами, которые могли обеспечить выполнение лишь некоторой части функций разведотдела, то позднее отдел был собран и работал как укомплектованный и в основном сколоченный аппарат. Во всяком случае во второй половине первого месяца войны работа отдела значительно улучшилась по сравнению с первыми двумя неделями и велась бесперебойно. Разведотдел в целом с задачами справлялся. Основными недочетами работы отдела в течение первого месяца являлись: отсутствие средств разведки глубины боевых порядков и оперативного построения противника, а, следовательно, несвоевременное вскрытие и недостаточное знание намерений и возможностей противника; отсутствие пленных, которые могли бы быть опрошенными разведотделом фронта; недостаточное количество документальных данных, добываемых войсками, и позволяющих с одинаковой полнотой оценить противника на всех участках фронта; слабая организация разведки в частях и соединениях войск; использование последними разведподразделений не по назначению, вследствие чего эти подразделения были в значительном некомплекте. Все эти недостатки настойчиво преодолевались и по мере того, как усиливались средства разведки, в частности воздушной и радиоразведки, приобретался опыт, изживалась недооценка разведорганов в войсках, результаты работы разведотдела повышались.

В целях улучшения войсковой разведки особое внимание разведотдела и штаба фронта было уделено укомплектованию разведорганов, активизации их боевой деятельности.

Начиная со второй недели войны большое внимание уделялось организации отрядов, направляемых в тыл противника с целью разведки и диверсий, а также организации разведывательных радиофицированных групп в тылу противника

и радиофицированных точек на территории, занимаемой нашими войсками, на случай вынужденного их отхода. Эффект этих мероприятий в первый месяц войны был незначительным. Однако в последующие месяцы информация, получаемая от наших групп и отрядов, работающих в тылу противника, все время улучшалась и представляла большую ценность. Наиболее регулярно поступала ценная информация от групп и отрядов, действовавших в районах Порхов, Дно, Дедовичи, Холм, Андреаполь, Пено.

Таковы краткие ответы, которые мне представляется возможным дать на поставленные вопросы.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

(подпись) (ДЕРЕВЯНКО)

“28” апреля 1953 г.»[261].

Начальник штаба ПрибОВО генерал-лейтенант П.С Кленов 1 июля 1941 года был отстранён от должности. Арестован 11 июля 1941. По данным НКВД СССР, «уличался показаниями ДЫБЕНКО, КОЧЕРГИНА и ЕГОРОВА, как участник право-троцкистской организации, во вредительской деятельности уличается показаниями свидетелей РУБЦОВА, ДЕРЕВЯНКО, КАШИРСКОГО и КОРЕНОВСКОГО [КОРЕНЕВСКОГО]. Сознался в проявлении бездеятельности в руководстве войсками округа». 13 февраля 1942 постановлением Особого совещания при НКВД СССР с санкции И. В. Сталина приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 23 февраля 1942. Реабилитирован Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 9 июня 1956[262].

Следует учитывать, что на ответы участников событий, предшествовавших вторжению Германию в СССР, могли накладываться *послезнания* — послевоенные знания или существовать другие причины, по которым воспоминания оказывались искаженными, в том числе целенаправленно с тем, чтобы избежать ответственности за допущенные ошибки и переложить ответственность за свои ошибочные действия на плечи других начальников. Ответы на вопросы генерал-полковника Покровского начали собирать еще при жизни Сталина. Последствия за правдивые ответы заранее трудно было спрогнозировать.

К числу таких послевоенных знаний относится, в том числе и следующее утверждение К.Н. Деревянко: «Вскрытая группировка немецко-фашистских войск накануне военных действий расценивалось разведотделом как наступательная группировка с значительным насыщением танками и моторизованными частями. Вероятными направлениями ожидаемых ударов немцев разведотдел считал направления: Эйдкунен, Каунас и Туроген [Таураге], Шауляй».

В последней довоенной разведсводке штаба ПрибОВО в качестве направлений возможных ударов немецких войск выделены два: Шауляйское и Каунасско-вильнюсское направление. Последнее, в действительности не являлось таковым.

К.Н. Деревянко перечисляет совершенно верно направления главных ударов вермахта: [Тильзит] — Туроген [Таураге] — Шауляй и [Эбенроде] — Эйдкунен — Каунас. Последнее направление, это — уже *послезнание* генерал-лейтенанта. При этом он упускает еще два имевших место направления ударов по войскам ПрибВО: Тильзит — Рига, Сувалки — Вильнюс, в последнем направлении наносился один из главных ударов.

В годовом отчете «О боевой деятельности военно-воздушных сил Северо-Западного фронта за период с 22.6.41 г. по 1.7.42 г.» в разделе «Уровень боевой подготовки» отмечалось, в частности, следующее:

«По линии наземных войск с начала 1941 г. и до возникновения войны проводилось много учений с выездами штабов со средствами связи в поле. Несколько учений было проведено во взаимодействии наземных войск с авиацией. В разработках и практических учениях наиболее часто отрабатывался вариант: “оборона и разгром противника **на шауляйском, митавско-рижском направлениях** (выделено мной. — *М.А.*)”. О том, что противник мог избрать другое направление, считалось маловероятным, так как все строилось на опыте империалистической войны 1914 г. Этим, очевидно, и объясняется стянутость всех наших войск на относительно узкую полосу сплошного фронта, не имея в тылу ни одной быстроподвижной маневренной группировки по уничтожению или задержке прорвавшегося противника. Опыт же войны на западе настоятельно требовал иметь такие быстроподвижные части на вероятных направлениях противника». Митавско-рижское направление не фигурировало в планах германского командования (Митава — историческое русское название населенного пункта, на немецких картах обозначена как Jelgava (латыш.) — Елгава)[263].

За основу (если не в целом) подсчета количества дивизий, развернутых на границах Советского Союза, Разведывательное управление ГШ КА должно было брать данные разведотделов штабов приграничных особых военных округов. При этом привлекались данные управлений пограничных войск НКВД и НКГБ приграничных республик. Однако, решающими должны были быть данные РО штабов ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО. Тем не менее, Разведупр вел свой счет немецких войск, развернутых

против приграничных особых военных округов, не одергивая и не поправляя РО штабов округов.

Так, в Спецсообщении Разведуправления Генштаба Красной Армии от 26 апреля 1941 г. «распределение вооруженных сил Германии» на 25.4 представляется в следующем виде: «а) на Восточно-Прусском направлении (против ПрибОВО) 21–22 дивизии, из них: 17–18 пехотных дивизий, 3 моторизованных одна танковая дивизия и семь кав. полков»[264].

Проходит больше месяца и Разведупр отмечает лишь незначительное увеличение войск против СССР. Спецсообщение Разведупра от 15 мая констатирует, что «перегруппировка немецких войск за первую половину мая характеризуется продолжающимся усилением группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая и Румынию». Однако при этом фиксируется лишь незначительное увеличение войск против ПрибОВО: «а) в Восточной Пруссии — 23–24 дивизии, в том числе 18–19 пехотных, 3 моторизованных, 2 танковых и 7 кав. полков»[265].

Согласно Спецсообщения от 31 мая 1941 г. Разведупр не меняет количество немецкий дивизий развернутых во второй половине мая в Восточной Пруссии исчислял «а) в Восточной Пруссии — 23–24 дивизии, в том числе 18–19 пехотных, 3 моторизованных, 2 танковых и 7 кав. полков»[266]. «Выше» нечего отмечено не было.

В Разведывательной сводке № 5 (ПО ЗАПАДУ) Разведуправления ГШ КА от 15 июня повторяются данные месячной давности, с той только разницей, что 2 танковых дивизии «разложили» на танковые полки (видимо, не были вскрыты штабы этих дивизий): «а) в Восточной Пруссии — двадцать три — двадцать четыре дивизии, в том числе: восемнадцать — девятнадцать пехотных и три моторизованных, пять танковых полков (две танковые дивизии) и семь кав. полков»[267].

Складывается впечатление, что Разведупр и РО штаба ПрибОВО, равно как и разведотделы штабов ЗапОВО, КОВО, существовали в параллельных плоскостях: в Разведупре не воспринимали данные разведывательного отдела штаба округа и не считали нужным их корректировать, а РО штаба ПрибОВО и разведотделы штабов других особых военных округов, в свою очередь, не пытались оспорить цифры Разведывательного управления, оставаясь (за редким исключением) при своих оценках.

В «Разведсводке № 1 Разведывательного Управления Генштаба Красной Армии на 20 час. 00 мин. 22 июня 1941 г.»

численность группировки немецких войск в Восточной Пруссии по сравнению с предшествовавшими разведсводками и спецсообщениями была увеличена за счет увеличения числа моторизованных и танковых дивизий — «29 дивизий, из них: моторизованных — 5-ть, танковых — 4–5»[268]. Число же пехотных дивизий не изменилось, что не отвечало реальному положению вещей.

2.4 «1. Подтверждаются ранее поступившие данные об интенсивных перебросках немецких войск к границам СССР, главным образом в р-ны Сувалки и Седлец»

(Из спецсообщения от 21 июня 1941 г. разведотдела штаба Западного Особого военного округа по данным на 20 июня 1941 г.)

Боевые действия против войск Западного Особого военного округа от Гольдапа до Влодавы протяженностью 550 км должны были вести соединения **группы армий «Центр»** под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока.

Организационно в состав группы армий «Центр» входило две армии и две танковых группы:

— 4-я армия [VII-й, XIII-й, IX-й, XXXXIII-й корпуса, 11 пехотных дивизий (258-я, 23-я, 7-я, 268-я, 17-я, 78-я, 263-я, 292-я, 252-я, 134-я, 131-я)];

— 9-я армия [VIII-й, XX-й, XXXXII-й корпуса, 8 пехотных дивизий (161-я, 28-я, 8-я, 256-я, 162-я, 129-я, 107-я, 87-я)];

— 2-я танковая группа [XXXXVI-й, XXXXVII-й, XXIV-й моторизованные и XII-й армейский корпуса, 5 танковых дивизий (10-я, 17-я, 18-я, 3-я, 4-я), 3 моторизованных дивизии (мпд СС «Das Reich», 29-я, 10-я) и один моторизованный полк «Grossdeutschland»), 6 пехотных дивизий (167-я, 31-я, 45-я, 34-я, 10-я, 45-я), 1-я кавалерийская дивизия];

— 3-я танковая группа [VI-й, V-й, XXXIX-й и LVII-й моторизованные корпуса, 4 танковые дивизии (7-я, 12-я, 19-я, 20-я), 3 моторизованные дивизии (1-я,14-я, 20-я), 4 пехотных дивизии (5-я, 6-я, 26-я, 35-я)];

— резерв Группы армий «Центр» одна пехотная дивизия (293-я) и 3 охранные дивизии (221-я, 286-я и 403-я)[269].

Всего: 49 дивизий, в том числе 9 танковых, 6 моторизованных, 30 пехотных, одна кавалерийская, 3 охранных дивизии и один моторизованный полк «Grossdeutschland») (В отдельных источниках общее число дивизий отличается от приведенного: «Всего 50 дивизий, в том числе 9 танковых, 6 моторизованных и 1 кавалерийская и 2 бригады»)[270].

До 25 июня 4 танковых (7-я, 12-я, 19-я, 20-я), **3 моторизованных** (14-я, 18-я, 20-я) и **4 пехотных** (5-я, 6-я, 26-я, 35-я) **дивизии** из состава XXXIX-го и LVII-го моторизованных

корпусов 3-й танковой группы, а также V-го и VI-го армейских корпусов, были переданы в оперативное подчинение 3-й ТГр.

Таким образом, группа армий «Центр» 22-го июня 1941 г. в полосе против Западного Особого военного округа (Северо-Западного фронта) насчитывала **38 дивизий, в том числе 5 танковых, 3 моторизованных, 26 пехотных, одна кавалерийская, 3 охранных дивизии, и один моторизованный полк.**

Наступление группы армий «Центр» поддерживалось 2-м воздушным флотом в количестве 1588 самолетов всех типов, в том числе 591 бомбардировщика, 572 истребителей, а также 91 дальнего и 180 ближнего разведчиков, соответственно.[271].

Перед группой армий «Центр» стояла задача, сосредоточив свои главные силы на флангах, расколоть войска ЗапОВО в Белоруссии. Подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, должны были своевременно соединиться в районе Смоленска и таким образом создать предпосылки для взаимодействия крупных сил подвижных войск с войсками группы армий «Север» с целью уничтожения сил противника, находящихся в Прибалтике и в районе Ленинграда.

3-я танковая группа во взаимодействии с 9-й армией должна была прорвать пограничные укрепления севернее Гродно, стремительно продвигаться в район севернее Минска и во взаимодействии с наступающей с юго-запада на Минск 2-й танковой группой создать предпосылки для уничтожения войск Западного особого Военного Округа, находящихся между Белостоком и Минском.

9-й армии во взаимодействии с 3-й танковой группой предстояло нанести главный удар северным крылом по группировке советских войск, расположенной западнее и севернее Гродно; используя успех танковых групп, стремительно продвигаться в направлении Лиды, Вильнюса и уничтожить совместно с 4-й армией соединения и части советских войск, находящиеся между Белостоком и Минском.

2-я танковая группа, взаимодействуя с 4-й армией, должна была прорвать пограничные укрепления в районе Кобрина и севернее и, быстро продвигаясь на Слуцк и Минск, во взаимодействии с 3-й танковой группой, наступающей в районе севернее Минска, создать предпосылки для уничтожения войск ЗапОВО, находящихся между Белостоком и Минском.

4-й армии предстояло, нанося главный удар но обе стороны Брест-Литовска, форсировать р. Буг и тем самым открыть дорогу на Минск 2-й танковой группе. В дальнейшем 4-й армии ставилась задача основными силами развивать наступление через

р. Шара у Слонима и южнее, используя успех танковых групп, во взаимодействии с 9-й армией уничтожать части и соединения советских войск, находящиеся между Белостоком и Минском[272].

Разведотдел штаба ЗапОВО, начиная с середины февраля, вскрыв факт переброс, дает завышенное число дивизий, развернутых в полосе округа.

«Из разведсводки № 4

по состоянию на 14 февраля 1941 г.

г. Минск Секретно

<…>

Вывод

1. Общая группировка немецких войск в полосе против ЗапОВО на 14 февраля — составляет 23, 24 пд, свыше одной мотодивизии, свыше двух танковых дивизий, одна кав. див. и две кав. бригады, и два авиаполка.

2. Во второй половине января и начале февраля отмечено значительное передвижение немецких войск в районах: Сувалки, Варшава, Бяла-Подляска, Быдгощ.

В Варшава прибывает большое количество грузов.

3. За этот период немецкое командование усилило группировку войск Брестского направления на одну мотодивизию, (которая предположительно дислоцировалась — Варшава) и два пехотных полка. Замена частей в районе Быдгощ связана с прибытием войск с запада.

4. Убытие из Сувалки штаба 3 АК (Марграбово), 82, 93, 112 пп не подтверждение 2 штабов 5 и 59 пд и прибытие в Сувалки частей 11 пд (2, 21, 70 пп, 1 ап), видимо, связано со стремлением скрыть от Советской комиссии по переселению постоянные гарнизоны Сувальского выступа.

5. Подтверждаются данные о дислокации штабов: Вост. группы — Спала; 8 армии — Варшава, 3А — Люблин, 20 АК — Данциг, 12 АК — Инстербург, 21 АК — Познань, 8 АК — Межиречье. Прибытие штаба 18А в Кенигсберг требует проверки.

6. После пребывания генерал-фельдмаршала [фон] Браухича на советско-германской границе строительство складов боеприпасов, автобаз, баз горючего, значительно ускорилось.

7. Заслуживает внимания факт производства немцами газовых снарядов в Скаржиско.

8. Политико-моральное состояние солдат в отдельных германских частях на территории генерал-губернаторства слабеет. Усталость от войны и опасение за то, что Германия намерена воевать против СССР, расшатывает дисциплину не только среди солдат, но и среди унтер-офицерского состава.

9. Рост цен на продукты питания и предметы широкого

потребления сильно сказывается на положении трудящихся. Облавы в погоне за дармовой рабочей силой, аресты и переселение местного населения с конфискацией имущества у последнего — обостряет отношение немецких властей с местным населением.

Зам. начальника разведотдела штаба ЗапОВО
подполковник Ивченко[273]
Начальник 3 отд. РО штаба ЗапОВО
майор Самойлович»[274].

В 1941-м году в составе сухопутных войск вермахта не было ни 8-й (была переформирована во 2-ю армию в 1939 году), ни 3-й (была расформирована в 1939 году) армии. В Варшаве находился штаб 4-й армии, данные о дислокации которого не были подтверждены. Разведка не смогла обнаружить штаб 2-й танковой группы, дислоцировавшейся также в Варшаве.

21-й армейский корпус был переформирован 1 марта 1940 года в группу 21 (предназначенную для захвата Норвегии).

Информация о прибытии штаба 18-й армии в Кенигсберг, а также штабов 8-го, 12-го и 20-го армейских корпусов являлась достоверной.

Общая численность всех германских войск в Восточной Пруссии и на территории Генерал-губернаторства (бывшая Польша) на февраль месяц 1941 г. составила всего 26 дивизий, в то время как РО штаба ЗапОВО числил только в полосе против округа «23, 24 пд, свыше одной мотодивизии, свыше двух танковых дивизий, одна кав. див. и две кав. бригады, и два авиаполка»[275].

Спустя два месяца РО штаба ЗапОВО увеличил число пехотных дивизий, равно как и моторизованных дивизий, что же касается танковых дивизий, то свыше двух танковых дивизий были превращены в 7–8 танковых полков, исходя из неверного расчета, что в состав танковой дивизии вермахта входили 2–3 танковых полка, а не один!

Из разведсводки № 11 по состоянию на 20 апреля 1941 г.:

«г. Минск
Секретно
…
Вывод

1. Общая группировка немецких войск в полосе против ЗапОВО на 20.4. составляет: 28–29 пех. дивизий, 7–8 танковых полков, 3–4 мотодивизии, до 5 саперных полков, 4 авиаполка, тяжелый артполк, полк ПТО, мотоциклетный батальон.

2. Немецкое командование произвело значительную перегруппировку войск против ЗапОВО, подтянув войска с

меридиана Млава — Варшава непосредственно к линии госграницы, усилив группировку преимущественно моторизованными и танковыми частями, особенно районы: Сувалки — одна усиленная пех. дивизия, до одной моторизованной дивизии; Остроленка, Остров — до двух пех. дивизий, два мотополка (91 и 615) и танками; Седлец, Бяла-Подляска— 16 и 282 пп и танковой бригадой.

3. Усиленным темпом продолжается подготовка театра путем увеличения пропускной способности ж. д. Варшава — Малкиня, Варшава, Луков, Седлец; постройки и расширения погрузочных и разгрузочных площадок; строительства, ремонта и расширения шоссейных дорог, строительства укреплений полевого типа в приграничной зоне Остроленка, Малкиня. Создание баз боеприпасов, горючего, фуража на направлениях Сувалки, Остров, Седлец.

Усиление рекогносцировки на границе офицерским составом».

Зам. начальника РО штаба ЗапОВО
подполковник Ильницкий[276]
Начальник 3 отделения РО
майор Самойлович»[277].

Разведотдел штаба ЗапОВО в отличие от РО штаба ПрибОВО более осторожен в перечислении нумерации выявленных частей, но даже та информация о немногих вскрытых частях, которая приводится в разведсводках, чаще всего не достоверна: в сухопутных войсках вермахта не существовало 91-го и 615-го ни мотопехотных (моторизованных), ни пехотных полков в группировке немецких войск, развернутых в северной части Генерал-губернаторства. Равным образом как не существовало 16-го и 282-го пехотных полков.

Как и в предыдущей разведсводке РО штаба округа завышает число дивизий развернутых в полосе ЗапОВО: до 35 расчетных дивизий против 33 дивизий (по состоянию на 15.03. 1941), в реальности развернутых на Востоке[278].

Начиная с 20 апреля Разведотдел штаба ЗапОВО перестает «замечать» происходящие переброски и «замораживают» группировку в полосе против округа, несмотря на продолжавшиеся переброски войск, предназначенных для нападения на Советский Союз.

Из разведсводки № 12 по состоянию на 1 мая 1941 г.

«г. Минск
Секретно
…
Вывод

1. Общая группировка немецких войск в полосе против ЗапОВО на 1.5. составляет: 28–29 пд, 7–8 танк, полков, 3–4 мд, до трех кавдивизий, до пяти сап. полков, три авиаполка.

2. Усиление группировки войск пограничной полосы преимущественно моторизованными, танковыми частями и бронепоездами, подвоз и установка зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы подтверждаются несколькими источниками (войсковое наблюдение, агентура, частично радиоразведка).

3. Предположительно, в период передвижения войск (март — апрель) отдельные части и соединения убыли из полосы против ЗапОВО, и поэтому дислокация частей в гарнизонах Сувалки, Седлец, Бяла-Подляска, Варшава требует тщательной перепроверки.

4. Продолжается форсированная подготовка восточного театра путем: усиления оборонительных сооружений как в пограничных районах, так и в глубине (Варшавский УР), ремонта, расширения и строительства шоссейных дорог, увеличения количества путей на ж.-д. станциях, ремонта телефонно-телеграфных линий, завоза горючего, боеприпасов и продфуража.

5. Немецкие власти Генерал-губернаторства продолжают мобилизацию местного населения на выполнение работ по подготовке театра.

Возрастает недовольство солдат немецкой армии, особенно старших возрастов, в связи с затянувшейся войной и ухудшением материального положения, вызванного войной.

Начальник разведотдела штаба ЗапОВО
полковник Блохин
Начальник 3 отделения РО
майор Самойлович»[279].

Из разведсводки № 13 по состоянию на 15 мая 1941 г.

«г. Минск
Секретно
…
Вывод

1. Общая группировка германских войск в полосе против ЗапОВО по состоянию на 15 мая, по сравнению с данными на 1 мая с.г., остается без существенных изменений.

2. Данные о передислокации штаба 8 армии из Варшава в Вавер и о наличии крупного штаба в Сбрудборув требуют дополнительной проверки.

3. Подтверждаются данные разведсводок № 9, 10,12 о значительном передвижении войск немецкой армии, произведенном в марте — апреле к нашим границам.

4. Германское командование для ускорения строительства оборонительных сооружений на восточных границах не ограничивается саперными и полевыми частями, а привлекает для этого рабочие полки и фашистскую молодежь.

5. Подтверждаются сведения разведсводки № 10 о получении железнодорожными чиновниками генерал-губернаторства секретных мобилизационных предписаний с назначением по мобилизации в города и узловые пункты на территории западных областей СССР.

6. Увеличиваются размеры денежных, натуральных налогов и повинностей на трудящихся генерал-губернаторства и Восточной Пруссии.

7. Растут антивоенные настроения среди трудящихся и солдат генерал-губернаторства.

8. Политико-моральное состояние войск продолжает ухудшаться. Возрастает число дезертиров в германской армии.

Начальник РО штаба ЗапОВО
полковник Блохин
Начальник 3 отделения РО
майор Самойлович»[280].

Не мог не существовавший штаб 8-й армии передислоцироваться из Варшавы.

Из разведсводки № 14 по состоянию на 25 мая 1941 г.:

«г. Минск
Секретно
…
Вывод

1. Существенных изменений в группировке германских войск за время с 15 по 25 мая не произошло.

2. Данные о дислокации 302 пд в Рожан, 215 пд в Рембертов проверяются.

3. Части гарнизона Варшава [—] 82, 126, 128 («128» дописано над строчкой от руки. — *Прим. составителей сборника документов*) 562, 610 пех. полки, не отмечающиеся с февраля, вероятно убыли.

4. Передвижения и перевозки германских войск за этот период отмечались главным образом в пограничных районах и, видимо, связаны с тактическими учениями.

Начальник разведотдела штаба ЗапОВО
полковник Блохин[281]
Начальник 3 отд. РО штаба ЗапОВО
майор Самойлович»[282].

Таким образом, по состоянию на 25 мая в полосе против ЗапОВО разведотдел штаба округа в течение месяца по-прежнему

числит «28–29 пд, 7–8 танк, полков, 3–4 мд, до трех кавдивизий, до пяти сап. полков, три авиаполка», т. е. до 38 расчетных дивизий. В действительности против Западного Особого военного округа к 15 мая было в целом развернуто 30 дивизий вермахта, в том числе одна танковая и одна моторизованная дивизии[283].

У Ломжинского оперативного пункта разведывательного отдела штаба Западного Особого военного округа был ценнейший резидент «Арнольд», поляк, бывший военный (судя по передаваемой информации, артиллерист). «Арнольд» владел немецким языком и имел широкий круг знакомых, в том числе среди польского антигерманского подполья, польских разведчиков, связанных с эмигрантским правительством Сикорского в Лондоне (со вторым отделом («Двуйка» по польски) Генштаба польской армии), и английских разведчиков, работавших в Польше, а также среди сотрудников местной администрации из числа поляков, среди русских, белорусских и украинских эмигрантов (не следует исключать, что часть из перечисленных лиц были завербованы им и включены в состав резидентуры). При этом существовала вероятность того, что сам «Арнольд» являлся сотрудником польской или английской разведки, или обеих спецслужб одновременно. Однако, тот факт, что он, возможно, являлся «двойником» не умалял ценность его информации. У него имелась своя мотивация сотрудничества с советской военной разведкой и не только материальная.

28 мая 1941 года резидент «Арнольд» без вызова прибыл на границу, откуда он был доставлен на пограничную заставу, где и встретился со своим руководителем — начальником Ломжинского оперативного пункта капитаном Кравцовым. Свое появление, не предусмотренное заранее обговоренными условиями связи, «Арнольд» объяснил наличием важной информации, на основании которой им были подготовлены два сообщения, оформленных как агентурные сообщения источника РО штаба ЗапОВО «Арнольда».

Из агентурного сообщения источника «Арнольда» от 30 мая 1941 г.:

«О дислокации немецких войск в районе Млава, Прасныш, Цеханув, Остроленка и Рожан

Млава: в Вулька у Млавы, рядом с жел. вокзалом в жел. дор. здании помещается комендатура гарнизона и административная рота; в самой Млаве 1 батальон штурмовых отрядов «СА» и батальон полиции, который размещается в здании городской гимназии около парка; в военный госпиталь (раньше был пустой) на ул. 3 мая угол ул. Огродова прибыло из глубины Германии 200 санитарок — пожилые женщины в возрасте 35–45 лет. В Клюшево

— 9 км от Млава, у шоссе Млава-Грудуск войска — около 20 тысяч чел., преимущественно пехота 4, 6, 11, 13 пехотные полки, 103 арт. полк, полк кавалерии (не мог установить номера) 2 роты танков, 4 роты ПТО, 3 роты зенитной артиллерии, 2 больших прожектора силой 2000, батальон летчиков, полевой аэродром, большие склады горючего — бочки присыпаны землей.

Эти сведения получены от СЛИГИЦКОГО (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) **и на основании разговора с местными немцами и теми, которые имеют с ними контакт, а также на основании моих собственных наблюдений**.

Прасныш: 2 полка артиллерии — 108 и 109-й — размещаются в военных казармах и рядом построенных бараках, орудия замаскированы и стоят на дворе; 2 эскадрона кавалерии, рота танков размещается в центре города, в здании гимназии, по кл. 3 мая. 2 км воет. города — стационарный аэродром; у дороги Прасныш-Карвач и в близлежащем лесу — 30 бараков для солдат, 2 барака в лесу у дороги, идущей из имения Карвач к шоссе Макув-Прасныш. 1 0 ангаров, около 20 учебных самолетов, посредством которых происходит обучение около 700 солдат на летчиков. Под землей вдоль аэродрома расположены огромные бетонные бензохранилища, также и далее провозятся бочки с бензином и присыпаются землей. На аэродроме расположены 3 роты зенитной артиллерии. Из города к аэродрому построено асфальтовое шоссе. **Эти сведения получены от офицера б. польской армии, проживающего в Прасныш, от моей старой знакомой М. Шульц, которая работает в немецком магазине**, **и мои собственные наблюдения**.

Цеханув: Батальон штурмовых отрядов СА, 239 пех. полк, 104 арт. полк, 2 роты танков, 2 роты кавалерии. Эти части размещаются в военных казармах и рядом построенных бараках, а также в постройках, которые построены по направлению к станции. Около 300 летчиков в здании неполной средней школы по ул. Варшавска и Колеева; автоколонна — около 300 больших грузовых автомобилей. Кроме того, во многих деревнях уездов: Голымин, Осташево, Регимин, Опиногуре, Грудуск, Чернице, Хойново, Шыдлово, Дембск, Журомин, Шреньск и др. дислоцируются роты пехоты и артиллерии. В Голытчызна находится полевой аэродром, самолетов нет, пилоты помещаются в здании сельскохозяйственной школы. **Эти сведения получил от Эльзы и Слигицкого.**

Остроленка — В самом Остроленка 108, 903 пехотные полки и полк артиллерии. В районе Остроленка **около трех дивизий пехоты**, батальон танков. **Солдаты размещены частично по деревням, а преимущественно скрыты в лесах. Много войск в**

Восточной Пруссии. Артиллерия стоит на позициях. В приграничных деревнях солдаты, которые ходят на работы, — в касках, имеют при себе винтовки, на работы ходят не по дорогам, а рвами и межами. **Сведения получены от старого знакомого и товарища по школе — инженера, работающего в Остроленка, в немецкой фирме**.

Рожан — в военных казармах в 2 км воет. города размещаются 203 полк пехоты, 7 полк артиллерии, рота танков, В щавинских лесах у шоссе Рожан-Острув Маз[овецкий] от 6 до 10 км громадные склады боеприпасов, — будто бы 6 тысяч жел. дор. вагонов и 2 полка пехоты — 512 и 513. На 10-м км от Рожан по этому самому шоссе — противотанковые козлы, а рядом в деревне Паникев Дужа 3 роты тяжелой артиллерии на позициях. От границы Германии и Генерал-губернаторства, которая здесь проходит вдоль реки Лож в направлении к советско-немецкой границе, во всех городах, более крупных деревнях и лесах дислоцируются войсковые части, преимущественно артиллерия. На жел. дор. станции Пасеки огромные магазины (склады) с продуктами. В приграничных деревнях, как Малиново (?), Залесе, Еленки, Елене, Пшыймы (?), расположены войсковые части, которые одновременно охраняют границу, погранохрана тоже есть и служит как знающая местность. На расстоянии 0,5 км от границы каждые 500 метров сделаны позиции (точки?) для пулеметов, и постоянно там находится по 5 человек.

В Еленки, 1,5 км от границы, в каменной стене кладбища установлено 8 противотанковых орудий, у которых днем и ночью стоят солдаты. Гражданскому населению подходить запрещено.

На холме в 1 км от Еленки у дер. Пшиборове — несколько противотанковых орудий на позициях. Полевые аэродромы: имение Збжежно — 3 км от Говорова, Рыбно — 3 км от Вышкув, стационарный и хорошо оборудованный аэродром в Завишин, около Лохув. На основании сведений, полученных из двух источников: 1) **работницы уездного управления (ландрат) в Млава, пребывающей постоянно в среде немецких военных**; 2) **офицера бывш. польской армии, имеющего связь с немцами, немцы сконцентрировали в окрестностях Сувалки 2 отборных бронедивизии отрядов СС, которые должны ударить на Ковно, Вильно и Гродно, а также 2 бронедивизии тех же отрядов в окрестностях Перемышля, а их направление на Львов, Киев. В Варшаве, Малкиня, Остроленка находится несколько тысяч немецких железнодорожников, взятых из Франции, Бельгии и Германии, которые сейчас же после вступления немецких войск на советскую территорию должны стать на работу в тех городах, в которые они уже**

назначены. Также в этих районах находится много санитарок, которые, как в Варшаве, ходят целыми толпами по улицам. Их можно видеть всюду, так как они носят специальное обмундирование и получается такое впечатление, как будто город ими только и заселен. Костелы в Млава, Шидлув, Грудуск, Чернице, Павжон (?), Венгров (?), Прасныш заняты немцами и должны быть предназначены на магазины (склады) боеприпасов. Между Клюшево и Вулька через Дембск и около Млава построен ряд бетонных позиций (точек?) для артиллерии и пулеметов.

Политические сведения

7 мая в Варшаве состоялось собрание русских эмигрантов под председательством главы православной церкви в б. Польше, а в настоящее время в Генерал-губернаторстве — Дионисия, при участии представителей германского правительства по делам образования украинского государства и определения его границ. На этом собрании решили Кавказ отдать немцам. Украина в хозяйственном отношении была бы связана с Германией. Протокол написан в 2 экземплярах по-немецки и по-русски.

Разговаривал с человеком, который имеет доступ к этим актам, чтобы снял копию или сделал фотоснимки — просит 100 долларов. **Разговаривал в Варшаве с одним знакомым, он мне сказал, что разговаривал с одним украинцем и тот ему сказал, что скоро будет война с СССР, так как в Варшаве уже готовы украинские деньги и приготовлены тысячи флагов, которые будут вывешены сейчас же после вступления немецких войск** и правительства, которое находится в чешской Праге. Мой знакомый просил этого украинца, чтобы он, как имеющий доступ, показал ему эти деньги, а если бы мог, то чтобы и подарил ему одну штуку, так как он собирает коллекцию иностранных денег. Украинец сказал, что постарается ему показать. Я просил своего знакомого сделать снимок, если украинец покажет ему эту ассигнацию, а получить ее не удастся.

От этого самого знакомого узнал, что в Варшаве есть группа польских инженеров, которая получила предложение приготовить планы строительства мостов на Днепре. Эти планы как будто готовы и приняты немецкими властями.

В связи с побегом Гесса в Англию группа молодых немцев называет Гесса предателем немецкого народа, старшее поколение об этом судит иначе.

Так как он был заместителем Гитлера и его правой рукой, а значит, знал действительное положение Германии и понимал, что немцы этой войны не выиграют, и, чтобы спасти что-нибудь для немецкого народа, решился на этот рискованный шаг. Вторая версия, которая исходит также от немцев, гласит, что немцам

начинает не хватать самого важного сырья для строительства самолетов; Гитлер за то, чтобы сегодня ударить по Советскому Союзу и там достать это сырье, а Гесс не советовал этого делать. На этой почве между ними произошел раздор. С этого момента Гесс был настороже. Он был предупрежден, что его должны арестовать, и удрал.

Конспиративная польская пресса, после установления контакта с Лондоном, выпустила коммюнике, в котором говорится, что в мире есть 3 поджигателя войны — Гитлер, Гесс, Геринг, из которых один уже лишен свободы действий. **О войне теперь говорят все,** тем более что были полтора месяцев очевидцами передвижения немецкой армии к советской границе, а также люди, приезжающие из приграничных районов в Варшаву или ее окрестности**, рассказывают о том, что происходит у границы и что немцы говорят о том, что в дни с 6 по 10 июня совершат нападение на СССР. Общее мнение таково, что сразу как пойдут, то в скором времени очутятся у Днепра**, тем более что все белорусы и украинцы об этом говорят, об образовании этих государств, связанных с Германией, и сотрудничестве белорусских и украинских эмигрантов. **В настоящий момент в чешской Праге закончились курсы по обучению парашютистов, где занималось 100 белорусов из Варшавы, которые должны быть сброшены на Виленщине, Новогрудчине и Полесье с целью распространения диверсии в тылу. На этих курсах занимался один из наших людей.** Перед отъездом на курсы эти люди дали присягу, что никому об этом не скажут. Поляки ожидают этой войны как спасения, так как понимают, что с поражением врага, которым является для нас немец, улучшатся условия жизни и существования, хотя превалирует убеждение, что немцы сначала пойдут вперед, но потом Советы их побьют, потому что втянут их в западню. Поляки так ненавидят немцев, как только человек может кого-нибудь ненавидеть, и приложат все усилия к тому, чтобы только немцы эту войну проиграли.

Только небольшая группа поляков боится прихода Советов, а так все ожидают. Многие люди не видят выхода в дальнейшей жизни. Все имеющие работу получают зарплату по довоенным ставкам, тогда как все хозяйственные продукты и продовольствие вздорожало в 60, а то и в 100 раз. По продуктовым карточкам отпускают только хлеб, в более крупных городах ежедневно по 120 грамм на человека, по цене 50 грошей килограмм, в более мелких и в деревнях не дают совершенно. Кто что имел — продал, и призрак голода встает перед глазами. <… >

ПРИЛОЖЕНИЕ 1: фотография места расположения 9 армии в

Алленштейн. 2 военных билета. Разрешение на переход границы. Разрешение на проезд по железной дороге. Перевел: (ГРОМЫКО)

Имеется помета: «Копия передана майору Самойлович 10.6.41»[284].

Как следует из агентурного сообщения, часть информации добывалась лично «Арнольдом» путем наблюдения и осведомления.

В сообщении Слигицкого о сосредоточении у «шоссе Млава-Грудуск войска — около 20 тысяч чел., преимущественно пехота 4, 6, 11, 13 пехотные полки, 103 арт. полк», достоверные сведения соседствуют с ложными. Так, 103-й ап входил в состав 4-й тд (35тп; 12, 33 мсп; 103 ап), а 6-й танковый полк из состава 3-й тд (6 тп; 3, 394 мсп; 75 ап) мог быть принят за 6-й пехотный полк. 4-я и 3-я тд входили в состав XII-го ак 2-й ТГр ГА «Центр» и не могли находиться в указанном месте.

Выявленный в Цеханув 104-й артиллерийский полк, действительно, входил в состава107 пд (232, 233, 235 пп; 104 ап) XXXXII ак 9А ГА «Центр». Установленный здесь же 239-й пп не значился в боевом составе сухопутных войск вермахта, развернутых на Востоке.

Из упоминаемых 512-м и 513-м пехотных полках в «щавинских лесах у шоссе Рожан-Острув Маз[овецкий]» 512-й пп, действительно входил в Резерв ГА «Центр» — 293 пд (510, 511, 512 пп; 293 ап) LIII-й ак. 510-й или 511-й пп могли быть ошибочно приняты за 513-й пехотный полк, который не значился в боевом составе немецких войск, развернутых на Востоке.

31 мая 1941 г. было подготовлено еще одно «Агентурное сообщение источника разведотдела штаба ЗапОВО “Арнольда”», большая часть которого посвящена аэродромной сети, развернутой в полосе против ЗапОВО:

«О немецких аэродромах, расположенных вблизи советско-немецкой границы

Недалеко от границы немцами построены полевые и стационарные аэродромы. Аэродромы расположены двумя поясами:

1) Первый пояс — это аэродром в Остроленка, имение Збжежно — в трех километрах восточнее Говорово, населенный пункт Рыбно в 3 км от Вышкова, дер. Завишин около Лохув.

2) Второй пояс — это аэродромы: в Клюшево — 9 км южнее Млава, Прасныш, Голотчызна — 10 км южнее Цеханув, Хщынно — 6 км юго-восточнее Насельск, Модлин.

Некоторые аэродромы я видел сам, о некоторых слышал (выделено мной. — *М.А.*).

1. Аэродром в Остроленка — полевой, расположен по другую

сторону р. Нарев, около дер. Грабово. Бараков и ангаров нет. Имеется небольшое количество горючего, замаскированного (присыпанного) землей.

2. Аэродром в имении Збжежно — полевой, нет ни ангаров, ни бараков; около 300 летчиков размещены в постройках имения; самолетов нет, но неоднократно их было по 10 штук. Горючее находится в Щавинских (?)лесах, в расстоянии около 5 км. Аэродром видел сам.

3. Аэродром в Рыбно над Бугом — полевой, ангаров и бараков нет, солдаты размещаются в Рыбенка, в 2 км от него, в домах и построенных бараках. Сам аэродрома не видел.

4. Аэродром в Завишин — стационарный (постоянный); много бараков для войск и ангаров для самолетов; склады горючего. У аэродрома размещена артиллерия (артиллерийская часть?).

Около бараков, построенных у самого шоссе Лохув-Минск Маз[овецкий], я проходил. Аэродром находится в расстоянии 1 км от шоссе.

5. Аэродром в Клюшево — стационарный, имеются бараки для солдат, ангаров пока нет; у аэродрома зенитная артиллерия, склады горючего. Аэродром видел издали, проезжая по железной дороге из Млава в Прасныш. Самолетов нет, но иногда прилетают.

6. Прасныш — стационарный аэродром, бараки для солдат, ангары для самолетов, около 20 учебных самолетов. Происходит обучение солдат на пилотов, имеются огромные подземные бетонные бензохранилища, зенитная артиллерия. Аэродром видел.

7. Голотчызна — полевой аэродром, пилоты размещаются в постройках сельскохозяйственной школы, бараков, как и ангаров, нет; небольшие склады горючего присыпаны землей; аэродрома я не видел.

8. Хщынно — стационарный аэродром, бараки для солдат, ангары для самолетов; на аэродроме постоянно находится около 20 самолетов разного типа, зенитная артиллерия, имеются склады горючего. Аэродрома я не видел.

9. Модлин — стационарный аэродром в 3 км от Модлин, у шоссе Модлин-Насельск бараки для солдат, ангары для самолетов, большие подземные бензохранилища. Когда я проходил около аэродрома, то видел 10 самолетов, готовых к старту. Бараков, как и ангаров, много. Стоят много часовых, так что трудно присматриваться. Имеется зенитная артиллерия. Аэродром я видел сам 27 апреля 1941 г.

Экономические сведения

1. В Германии население хлеб получает только на 6 дней, то

есть на воскресенье хлеб не выдается. Свежий хлеб продавать запрещается. На территориях, присоединенных к Германии, в Цехановской области, крестьянам запрещается без разрешения продажа или убой свиней, коров и т. п. Виновных в нарушении этого постановления судит военный трибунал. Крестьянам и другим лицам запрещается что-либо солдатам продавать. На рынке отсутствует сахар и сахарин. Польскому населению не разрешается продавать пиво и водку. Все продукты питания нужно сдавать в немецкие кооперативы. Нет папирос и табака.

2. На территории Генерал-губернаторства, во многих городах и селениях, население хлеба не получает. Польскому населению запрещается продавать папиросы, табак, пиво, а водка подорожала на 50 %.

3. С 1.5.41 в Германии приостановлена продажа текстильных материалов (на карточки).

4. Текстильные материалы, выдаваемые по карточкам, состоят из бумаги и хлопка и весьма низкого качества. Такой материал служит только до первого дождя, после которого моментально разлазится.

5. На территории Радзиминского уезда владельцы лошадей должны три раза в неделю работать на аэродроме в Завишине, что возле Лахова, с 5 до 21 часа.

6. Немецкие власти издали распоряжение, чтобы во всех населенных пунктах имелась пожарная охрана, а мужчины, входящие в состав пожарной команды, освобождаются от выезда на работы в Германию.

7. Вследствие того, что объявленный набор на работы в Германию не дал положительных результатов, немцы распорядились, чтобы польская полиция проводила облавы и всех пойманных отвозили в посред. бюро.

8. В еврейском районе в Варшаве свирепствует тиф и сильно распространяется туберкулез. Соотношение смертности к довоенному уровню равняется 1 к 30.

9. В больницах питание для больных готовится без жиров и более чем 2 недели держать больного не разрешается.

10. В связи с перегруппировкой войск шоссейные дороги, несмотря на постоянный ремонт, в очень плохом состоянии.

11. Все мосты, как деревянные, так и железные, полностью уже отремонтированы, а ж.д. мосты и шоссейные над Бугом, Вислой и Нарев, а также и других реках — охраняются солдатами. Ж.д. мост в Варшаве охраняется 4 солдатами.

18 [пп. 12–17 в документе отсутствуют] **Примерно 26.5.41 немцы выселили с погран. полосы гражданское население, находившееся на хуторах.** Все предметы домашнего обихода и

другие сельскохозяйственные орудия находятся за постройками хуторов. Вещи и с/х орудия, предположительно, удалены от пожаров.

В это же время в районе границы установлены орудия (гаубицы, противотанковые пушки, зенитные орудия и пулеметы).

На тригонометрических пунктах и других удобных местах для наблюдений постоянно находятся офицеры артиллерии. К этим пунктам проведены телефонные линии.

В приграничном районе телефонные линии лежат на земле и в большом количестве.

В пограничной полосе движение весьма ограничено. Немцы проверяют документы и опрашивают: откуда, куда, к кому и зачем.

В уезде Острув Мазов[ецкий] движение разрешается только от 4 до 21 часа. Никакие ночные пропуска сейчас не действительны.

19. В последние дни все артиллерийские войска проводят стрельбу боевыми снарядами. Во время стрельбы гражданское население с угрожаемого района удаляется. Стрельба производится не на полигонах, а на местах расположения подразделений. Посевы уничтожаются, так как немцы их не охраняют.

20. Все гражданские больницы сейчас заняты немцами. Все большие здания занимаются под госпиталя, куда завозятся кровати, операционные столы и другие хирургические предметы.

В Варшаве наблюдается очень много немецких санитарок.

21. В Рожан лично видел мобилизованные крестьянские подводы, сопровождаемые солдатами с Бяла-Подляска.

В районе Остроленка и Демблин людской и конский состав состоит на военном довольствии.

22. С 22.4.41 гражданское население очень часто выгоняется с поездов, а вагоны отдаются в распоряжение войск.

23. На восток от Варшавы и в Варшаве, а также, по всей вероятности, на территории всей Польши — вокзальные перроны, ступеньки при вагонах, углы и карнизы станционных зданий и т. п. покрашены в белый цвет — для лучшей видимости ночью во время светозатемнения.

24. На шоссе Минск Мазов. — Седльце-Венгров-Соколув-Лохув заметно большое движение автомашин технических отрядов.

25. Вдоль шоссе Минск Мазов. — Седльце идет строительство специальной телефонной линии. Работы производятся местным составом.

26. Солдаты получают 1 кг мяса в неделю, хлеба 500 грамм

ежедневно. Папирос получают очень мало. У гражданского населения солдатам запрещается что-либо покупать, но если есть возможность, то втихомолку охотно покупают.

27. Моральное состояние войск: «СС» и молодежь такого мнения, что немцы войну выиграют. Состав войск старшего возраста, особенно те, которые брали непосредственное участие в войне 1914–1918 гг, и хотя бы даже те, которые помнят ее, как то: австрийцы, баварцы и поляки (мазуры) с Восточной Пруссии, убеждены и крепко верят, что немцы войну проиграют. Они утверждают: если только Гитлер получит одно-другое поражение, тогда немецкий народ откажет ему повиноваться. Но в настоящий момент нет оснований, чтобы ему не верить, ибо до сих пор что сказал, то и выполнил, за исключением окончания войны, так как неоднократно давал обещание войну закончить в ближайшее время.

Для характеристики следует отметить, что немцы опасаются сообщать сведения таких фактов, которые бы для них не имели пользы.

Бои на о-ве Крит начались 20.5.41, а немцы сообщили об этом в печати только 26.5.41, значит, тогда только, когда получили определенные победы.

Среди солдат чувствуется желание к дезертирству, но для этого у них пока нет возможностей и определенных условий. Поэтому немцы ведут разговоры и обрабатывают себе поляков, которые бы им помогли в соответствующий момент дезертировать.

Разные сведения

l. Моральное состояние немецкого гражданского населения

Партия и молодежь верят в победу Германии. Наоборот, те, которые помнят войну 1914–1918 гг. утверждают, что они не могут выиграть войну, хотя даже потому, что против немцев выступил весь мир. Нехватка сырья, хлеба, сильная бомбардировка немецких городов — все это поколебало веру в победу Германии.

2. Моральное состояние польского населения

Поляки крепко убеждены, что немцы войну не выиграют. Имеются мнения, что война между Германией и Советским Союзом наступит в ближайшее время и военные действия немцы начнут первые, так как многие поляки получили указания для занятия разных постов на территории Советского Союза.

3. Моральное состояние украинских, белорусских и русских фашистских организаций

Утверждают, что будет «Вильна Украина», «Вольная Беларусь» и «Белая Россия», но более подробного определения,

почему должна быть «Вильна Украина» и из каких территорий будет образована — ответа не могут дать. Только одно утверждают, что им это сделают немцы.

4. Моральное состояние еврейского населения

Говорят, что немцы войны не выиграют. Утверждают, что война между Германией и Советским Союзом в недалеком будущем. Что Америка скоро приступит к войне, но какой конец будет, пока от ответа уклоняются.

Перевел: (И. ГРОМЫКО)»[285].

Информация «Арнольда» была оценена по достоинству и большая ее часть вошла в Спецсообщение разведотдела штаба ЗапОВО командующему войсками ЗапОВО с говорящим за себя названием «О подготовке Германией войны против СССР»:

«4 июня 1941 г. [Документ зарегистрирован
в секретариате Военного совета ЗапОВО 6 июня 1941 г.]
№ 5995 Сов. секретно
Экз. № 1
Командующему войсками ЗапОВО
генералу армии — тов. Павлову

Представляю спецсообщение о подготовке Германией войны против СССР.

Приложение: Спецсообщение на 7-ми листах — только адресату.

Начальник разведотдела штаба ЗапОВО
полковник (БЛОХИН)
Начальник 3 отд. РО штаба ЗапОВО
майор (САМОЙЛОВИЧ)

Приложение

СПЕЦСООБЩЕНИЕ
«О подготовке Германией войны против СССР»

На основании ряда проверенных агентурных данных, военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно и характеризуется следующими данными:

В течение второй половины мая немцы увеличили свою группировку войск на 2–3 пд, две бронетанковые дивизии «СС», главным образом в районе Остроленка, Прасныш, Млава, Цеханов. Дивизии «СС» — в Сувалки (данные требуют проверки).

Особенно характерно прибытие артиллерийских частей, танковых подразделений и бронеавтомашин.

Одновременно отмечается прибытие средств ПВО, ПТО. Так, например, в районе Варшава — 130 орудий ПТО, 51 зенитный артполк; Млава — зенитный дивизион и дивизион ПТО.

17.4 в направлении Остров (к линии госграницы)

проследовало 165 орудий ПТО, калибра 37 мм.

Зенитные противотанковые средства отмечены рядом источников непосредственно на линии госграницы, на огневых позициях в районах: Сувалки, Ольшанка, Малкиня, Соколов и в глубине — Варшава, Лодзь, Гродиск, Демблин.

Завоз боеприпасов: 25.4 на аэродром «Окенце» (Варшава) выгружено 63 вагона авиабомб. В конце апреля на аэродром Сохачев доставлено 15 вагонов авиабомб, часть из них предположительно по 1000 кг.

13.4. в Варшаву прибыло 59 вагонов пороха, в Рембертов — 16 вагонов, Радом — 12 вагонов, Сохачев — 2 вагона.

За период с 9 по 14.5. на варшавском аэродроме отмечено более 200 самолетов.

По курсу Калиш, Лодзь, Варшава установлено прибытие 86 самолетов. В Варшаве сосредоточивается крупное авиасоединение. В Кенигсберг 118 самолетов, часть из них — пикирующие бомбардировщики.

С 29.4. по 21.5. отмечено учебных полетов: Алленштейн — 317, Данциг 50, Пилау — 51.

С 12.5. в районе Данциг проводились учения по ПВО, с участием самолетов, береговой артиллерии и кораблей.

10.5. из Берлина в Кенигсберг прибыл нач. штаба 1-го воздушного флота генерал фон ВУЛИХ.

16.5. он прилетел в Инстербург.

17.5. вылетел в Берлин.

15.5. из Варшавы в Кенигсберг приезжали генералы.

17.5. отмечалось прибытие генералов в Лодзь. Цель поездки не установлена.

На всех железнодорожных станциях по перронам проведены белые полосы; железные столбы, на которых держатся навесы к входам в ж.д. здания, на 1–2 метра от основания, окрашены белой краской. Все ступеньки вагонов также окрашены в белый цвет. Все это сделано для предотвращения паники при посадке и высадке во время затемнения. (По белым столбам можно находить двери). [На полях этого абзаца имеются пометы: «Блохину. Подготовить предложения. Павлов», «Доложить НШ и сделать выписку для ВОСО. Блохин», «Исполнено. Самойлович. 18.6.41».]

С наступлением темноты погранохрана передается полевым частям, которые ее несут до утра. Передвижение гражданских лиц в погран. полосе сведено к минимуму. Вся полоса в непосредственной близости от границы усилена артиллерийскими и пулеметными позициями, с законченной организацией телефонной связи между батареями, командными, наблюдательными пунктами.

За последнее время участились артиллерийские учения с боевой стрельбой.

Население погран. полосы, проживавшее на хуторах Малые Рачки, Пажиха (ю.-в. Збойна), Руда-Осовецкая и др. (всех национальностей) выселено в глубинные районы.

Хутора используются для маскировки позиций и огневых точек. Население деревень и городов получило официальные инструкции о том, что если кто-либо во время войны будет поддаваться панике — тот будет расстреливаться на месте.

Все гражданские лечебные заведения в крупных и мелких населенных пунктах Генерал-губернаторства заняты под госпитали. Госпитали обеспечены как соответствующим количеством коек, так и германским медперсоналом (Варшава). Заканчивается подготовка всех гражданских объектов к мерам ПВО и ПХО (затемнение, противопожарные мероприятия, дегазационные камеры и т. д.)* [Здесь и далее абзацы, обозначенные «звездочкой», отчеркнуты на полях.]

К настоящему времени ж.д. мосты и мосты на шоссейных дорогах восточнее Варшавы — восстановлены и частично вновь построены*.

Все мосты через рр. Висла, Буг, Нарев — охраняются полевыми частями*.

Заканчивается скрытая мобилизация чиновников на будущие должности в западных районах СССР, о чем имелись документы и сообщалось в разведсводках № 10 и 13. Эти чиновники во всем предупреждены и ждут только начала военных действий.

Многие церкви и кладбища всех вероисповеданий используются для складов, огневых позиций и наблюдательных пунктов (пулеметные и арт. точки у кладбищенских оград, склады боеприпасов — под костелами) — Сувалки, Остров, Седлец.

Очевидно, в будущей войне против СССР германское командование намеревается распространять сообщения о том, что красные бомбят храмы и кладбища. Этой тактикой неплохо можно сыграть на религиозных чувствах, главным образом поляков.

В чешской Праге функционируют курсы парашютистов, на которые мобилизованы члены белорусского комитета из Варшавы. В начале военных действий парашютисты будут забрасываться в тылы советской Белоруссии для выполнения диверсионных задач. Мобилизованные приняли присягу о хранении тайны*.

На станции Пасеки (11 км ю.-в. Рожан) 24.5.1941 г. специальная комиссия во главе с генералом исследовала вопрос о возможной среднесуточной выгрузке воинских эшелонов на этой

станции. Первые эшелоны, которые сейчас следуют с балканского театра в Генерал-губернаторство, 2–3 июня, предположительно, будут выгружаться на ст. Пасеки.

О том, что возможность начала военных действий немцами против СССР не исключается в июне м-це, свидетельствует следующий факт.

По сведениям, требующим проверки, 24.5.1941 г. филиал германской разведки в г. Цеханов выслал на территорию СССР пять агентов с установкой: вернуться не позже 5. 6.1941 г.

Один из агентов сказал, что к этому сроку из Белостока и Гродно он возвратиться не успеет. **Майор — нач. разведпункта** на это **ответил: после 5.6.41 г. возможно начало военных действий с СССР, потому он не может вне этих сроков гарантировать жизнь агента; поэтому посещение Белостока и Гродно ему исключили** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

Агенты пошли в районы: Кольно, Ломжа, Червоный Бор (ст. 13 км ю.-в. Ломжа) и Замбров.

Все агенты получили следующие задачи:

а) Установить процент офицеров бывшей царской армии, состоящих сейчас на службе в Красной Армии и их отношение к советской власти;

б) Какой процент в армии насчитывается советских офицеров, получивших подготовку от офицеров бывшей царской армии; их отношение к большевикам и их моральный облик;

в) Какой имеется процент офицеров-выходцев из большевистских училищ и подготовленных только большевистскими офицерами;

г) Призываются ли в Красную Армию офицеры бывшей польской армии, если да, то каково их отношение к этому мероприятию и их моральный облик;

д) Настроение гражданского населения: что говорят поляки, белорусы и особенно евреи, поддерживающие контакт с англо-американскими евреями. Считают ли они возможным, что СССР будет в состоянии оказать сопротивление немцам.

Польское население, по опыту подготовки войны Германии с Польшей в 1939 г., и германские солдаты, по существующему опыту ведения войны, также считают неизбежным начало военных действий с СССР в ближайшее время.

К настоящему времени подавляющая масса рабочего класса Генерал-губернаторства явно симпатизирует СССР. Численно и экономически преобладающее польское маломощное крестьянство (4–5 га) в крайнем случае останется нейтральным (во время военных событий) и во многих случаях будет оказывать

активную помощь Красной Армии.

Польская крупная буржуазия, так же как и большая часть офицерского состава германских армий, сосредоточенных в полосе против ЗапОВО, верят, что их успех в войне с СССР будет обеспечен. Главнейшими аргументами, по их мнению, являются: «Неудача» СССР в финской операции и рост, якобы, внутреннего недовольства в СССР, особенно во вновь присоединенных районах.

Бывшая польская, наиболее привилегированная буржуазная интеллигенция (адвокаты, врачи, лица свободных профессий) — настроена антисоветски. Эта социальная категория сейчас находится на службе у немцев.

Следует также учитывать, что в последние недели политический и национальный пресс в отношении негерманских национальностей несколько ослабляется, но рост цен и экономический грабеж этих национальностей продолжает возрастать еще в больших размерах, чем раньше.

Вывод:

Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе против ЗапОВО — заслуживают доверия.

Данные о прибытии двух бронетанковых дивизий дивизий «СС» в Сувалки — требуют дополнительной проверки.

Начальник Разведотдела Штаба ЗапОВО
полковник (БЛОХИН)
Начальник 3 отд. РО Штаба ЗапОВО
майор (САМОЙЛОВИЧ)

Указана рассылка: «Отпеч. 9 экз. Экз. № 1–8 — по особому списку. Экз. № 9 — в дело РО. Исполнит. Самойлович»[286].

Невзирая на всю тревожность приведенной в Спецсообщении информации, в нем отсутствует очень немаловажная и определяющая часть — сведения о дивизиях развернутых в полосе ЗапОВО (сообщается всего лишь об увеличении группировки на 2–3 пд и 2 «бронетанковые дивизии» «СС», и то с оговоркой, что эти сведения подлежат проверке) и, в первую очередь, подвижных, которые к тому времени должны были находиться во временных пунктах дислокации или уже в исходных районах. А без выявлении штабов этих дивизий и самих танковых полков и танковых батальонов из состава дивизий говорить о скором нападении на Советский Союз было преждевременно. К тому же к 22 июня в составе сухопутных войск вермахта не было танковых дивизий «СС», а имелись моторизованные дивизии «СС», которые позднее были переформированы и переименованы в танковые дивизии «СС».

Безусловный интерес представляет информация о филиале германской разведки в г. Цеханов. Не ясно только, это — разовая информация, или получена возможность добывать сведения на постоянной основе.

4 января 1942 г. бывший начальник Ломжинского оперативного пункта разведывательного отдела штаба ЗапОВО капитан Кравцов представил Докладную записку на имя уполномоченного особого отдела НКВД Западного фронта о работе этого пункта перед началом войны. В записке Кравцов высказал свое убеждение, что важная информация, поступавшая от агентуры, о скором начале войны не использовалась вышестоящим руководством разведотдела штаба округа и более того, сама работа РО была организована не эффективно:

«С марта 1941 года агентура пункта стала доносить о концентрации германских войск на территории Восточной Пруссии и бывшей Польши вдоль советской границы.

По данным секретного сотрудника “Феликса” в марте 1941 года в Польше и Восточной Пруссии было сосредоточено больше 100 пехотных и 8-10 танковых дивизий.

Данные агентом получены от германского офицера, работавшего в комендатуре г. Варшавы. За эти данные офицер попросил 1000 американских долларов и обещал дать полную дислокацию германской армии (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

Материал “Феликса” был доложен РО штаба ЗапОВО, после чего был вызван “Феликс” к начальнику РО — полковнику Блохину.

На беседе присутствовали начальник РО — полковник Блохин, заместител[и] начальника РО — подполковник[и] Ивченко и Ильницкнй и начальник отделения информации майор Самойлович. После беседы данные “Феликса” были названы дезинформацией, а пункту было указано, что немцы на этом фронте имеют 25–40 дивизий.

“Феликс” был назван аферистом, в результате ему уплатили 100 злотых и отправили в Варшаву. Больше “Феликс” на пункт не возвращался.

Отдел часто упрекал пункт за разведдонесения, в которых, по мнению отдела, преувеличена численность германских войск.

В апреле 1941 года на пункт поступили данные от двух резидеитур — “Арнольд” и “Висла” — о том, что немцы сосредоточивают свои войска на территории Польши и Восточной Пруссии, а немецкие офицеры открыто стали заявлять, что скоро будут воевать с русскими. Особенно развернулась большая агитация за войну против СССР белогвардейскими организациями

в Варшаве, Лодзи, Праге (Русский, Белорусский и Украинский национальные комитеты).

Резидент “Арнольд” принес нам карту, изданную в Германии, на которой в состав Германии включалась вся Прибалтика, вся Украина, Белоруссия и западная область до Можайска. Карта немедленно была направлена в РО. В апреле 1941 года, по данным резидентов “Арнольда”, “Вислы” и “Почтового”, вдоль советской границы было сосредоточено до 1,5 млн. войск, о чем было немедленно доложено РО, но на нашем донесении была наложена резолюция заместителем начальника РО подполковником Ильницким следующего содержания: “Такую глупость можно ожидать только от Ломжинского пункта”. По данным РО, немцы в это время имели 25–40 дивизий. Эта стандартная цифра фигурировала в разведсводках отдела больше года.

Пункту были даны указания доносить только о тех войсковых частях, номер которых установлен.

28 мая 1941 года без вызова прибыл резидент “Арнольд”, я выехал на встречу, на заставе спросил его, почему прибыл раньше срока (срок его был 20 июня), он ответил, что есть важное сообщение, и доложил следующее:

1. Немцы готовят наступление, и в середине июня начнется война против СССР. О наступлении ему удалось узнать от разведцентра Сикорского и от некоторых английских разведчиков, а также личного наблюдения.

2. Немцы сосредоточили от 1,5 до 2 млн. войск на восточном фронте.

3. В Праге закончена подготовка белогвардейцев-диверсантов в количестве 10 тыс. человек, которые перед началом и в момент войны будут выбрасываться небольшими десантными группами для взрыва мостов, дорог, [совершения] тер[рористических] актов и указания целей для авиации и т. д.

4. План немецкого нападения: решительный удар на Белоруссию и на 8-й день должен быть занят Минск, а на 21-й день Москва.

Резидентом было указано несколько аэродромов, на которые прибыли самолеты и подтягивались к границе танки и артиллерия.

На мой вопрос, не паника ли это, “Арнольд” ответил, что за эти данные он отвечает головой. После такого категорического заявления утром 28 мая я донес шифровкой РО содержание доклада “Арнольда” и попросил разрешения командировать “Арнольда” в РО.

Ответ получил 29 мая, в котором было приказано доставить

“Арнольда” в Минск к вечеру 29 мая, что мною и было выполнено. С “Арнольдом” беседовали Блохин, Ильницкий и Самойлович — в заключении отметили: Ломжа всегда преподносит сенсации, лучше бы давали номера частей. “Арнольду” прямо было сказано, что материал неправдоподобен, что это выдумка английской разведки. “Арнольд” ответил: **“Вы можете меня расстрелять, но за правдоподобность информации я отвечаю головой. Я выполнил свой долг перед Советским государством, а вы можете мне верить или не верить, дело ваше. Война начнется в середине июня”** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). 4 июня я его проводил через границу, и больше “Арнольд” не появлялся. Можно ли было верить “Арнольду”? Исходя из следующих данных, ему можно было верить.

1. За 2 месяца до занятия немцами Румынии он предупредил нас, что немцы в Румынию направляют свои войска и Румыния будет оккупирована. Также за месяц-полтора он сообщил, что немцы направляют в Югославию 12 пехотных и 6 бронетанковых дивизий и что в ближайшее время Югославия и Греция будут заняты.

2. “Арнольд” дал полные данные о наличии белогвардейских организаций, комитетов и войсковых организаций.

3. В подтверждение своей информации о дислокации воинских частей он приносил документы: приказы и фотоснимки.

4. По его данным, было арестовано органами НКВД несколько немецких шпионов и диверсантов. В последнее время он работал над планом раскрытия белогвардейского центра в Вильно. Центр находился иод руководством германской разведки и ставил своей задачей поднять восстание в Прибалтике. Восстание должно было быть поддержано прусскими гарнизонами.

5. Данные “Арнольда” перепроверялись несколькими источниками и подтверждались. Об этом хорошо знал РО Западного ОВО.

После отправки “Арнольда” за рубеж 8 и 9 июня я был в Минске в РО. Подполковник Ильницкий спросил: “Ну как, успел уйти “Арнольд”, не застала его война в Ломже?” Я ответил, что [он] послан за рубеж, а насчет войны — вам виднее, но обстановка на границе не спокойная. Ильницкий улыбнулся н говорит: “**И ты попал на удочку английской разведки**”. Я ничего не ответил, и он дальше продолжал, что информация “Арнольда” неверная, что нет никаких данных о подготовке к наступлению. В этот же день я встретил из отделения информации старшего лейтенанта Чубакова, который мне сказал: “Такого агента, как “Арнольд”, я вижу впервые, очень способный

и серьезный разведчик, но наше начальство боится смелой информации, и поэтому всякое сообщение долго залеживается в отделе, а в худшем случае совсем никуда не посылается. Данные “Арнольда” редактировались в отделе пять дней, а потом выхолощенная сводка была направлена в Москву”. После беседы с “Арнольдом” пункт от РО особых указаний не получил и продолжал работать обычно.

В начале июня на участках 87-го и 88-го погранотрядов немцы начали перебрасывать диверсионные группы по 3–5 человек со взрыввеществами. О каждой задержанной группе немедленно докладывалось в РО с выводами: поскольку противник пустил в ход активную разведку, видимо, готовится наступление.

Прибывающая агентура из-за рубежа сигнализировала о готовящемся наступлении. Все это своевременно докладывалось в РО, но какие меры принимал отдел, не знаю, но пункт особых заданий не получал, даже по активной разведке пункту особых указаний не было.

Стиль работы РО перед войной. С 1941 года на агентурную работу отпускалось очень мало средств ин[остранной] валюты. Дело дошло до того, что мы вынуждены были у польского населения покупать злотые, мелочь, для того, чтобы дать 20–30 злотых посылаемому агенту. В 1940 году мной через агентуру было обменено в варшавском банке более 100 тыс. злотых, но эти средства были забраны в РО, и мы оказались без средств. Способные агенты от нас уходили потому, что мы их не могли обеспечить. В феврале 1941 года был послан резидент “Шульц” с радиостанцией, и на 2 месяца ему выдали только 250 марок, за это время он задолжал и вернулся назад в СССР. Резидент “Глушко” задолжал несколько сот марок и, не уплатив долга, вернулся в СССР.

В отделе все внимание было сосредоточено на том, чтобы каждый пункт ежедневно присылал разведдонесение.

В апреле 1941 года заместитель начальника РО подполковник Ивченко советовал мне не посылать большие сводки, а разбивать данные на несколько частей н ежедневно малыми частями посылать в РО. Я возразил ему, заявив, что это очковтирательство и я на это не пойду. Он мне ответил, что начальник Брестского пункта майор Романов так делает и его пункт стоит на первом месте. По моему мнению, в РО процветали карьеризм, подхалимство, а не деловая работа.

Капитан Кравцов»[287].

Далеко не во всех своих утверждениях и выводах был справедлив бывший начальник Ломжинского оперативного

пункта. Группировка германских войск на Востоке на 10 апреля 1941 г. насчитывала 52 дивизии, а по состоянию на 15 марта — всего 33 дивизии. (1941 год — уроки и выводы. Указ. соч. Приложение № 2) Капитан Кравцов же был искренне уверен, что немецких дивизий в Восточной Пруссии и Польше было до 108–110. Неправ он был и насчет замалчивания и выхолащивания информации, поступавшей от «Арнольда». Его последние сообщения от 30 и 31 мая практически полностью вошли в Спецсообщение разведотдела штаба ЗапОВО командующему войсками округа «О подготовке Германией войны против СССР» от 4 июня 1941 г.

Самому же капитану Кравцову можно и нужно поставить в упрек отсутствие инструктажа «Арнольда» в столь взрывоопасной ситуации, ведь сотрудничество с ним не было прервано (даже при неудовлетворительном финансировании). Кравцов должен был обусловить способ передачи информации «Арнольдом» о завершении развертывания германских войск и выходе их на исходные позиции на границе с Советским Союзом в полосе ЗапОВО. Более того, следовало ориентировать «Арнольда» на продолжение сотрудничества с разведцентром Сикорского и сотрудниками английской разведки (безусловно тесно связанных между собой) с целью выявления точного срока нападения на СССР. Наличие такой связи было известно руководству разведотдела штаба ЗапОВО и не воспрещалось ее поддержание. «Арнольду» следовало поручить попытаться привлечь польских, а, возможно, и английских разведчиков для разработки германского офицера, работавшего в комендатуре г. Варшавы и обещавшего дать полную дислокацию германской армии за деньги (полную информацию об офицере получить от агента «Феликс»).

Столь эффективная резидентура должна была быть обязательно обеспечена подготовленным радистом и радиостанцией. При отсутствии таковых следовало проработать с «Арнольдом» возможности разового использования радиостанции разведцентра Сикорского для связи со штабом ЗапОВО и передачи зашифрованного сигнала о ставшем известным сроке нападения (если не точную дату, то о начале вторжения через один-два дня).

Вызов сотрудниками оперативных пунктов резидентов с территории генерал-губернаторства на советскую территорию с учетом трудности дважды пересечения границы не являлся оправданным и грозил арестами — следовало направлять связников.

Фраза заместителя начальника РО подполковника Ильницкого «И ты попал на удочку английской разведки»,

которую процитировал Кравцов, свидетельствует также об насаждаемом «сверху» негативном отношении к информации, поступавшей из английских источников (пример тому, Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.).

К счастью, Докладная записка бывшего начальника Ломжинского оперативного пункта не сказалась на судьбе упоминаемых им руководителей РО штаба ЗапОВО.

Разведывательные отделы штабов армий агентурной работой не занимались и ограничивались организацией войскового наблюдения за границей. Из «Сводки войскового наблюдения за госграницей разведотдела штаба 10-й армии (Белосток) по состоянию на 25 мая 1941 г.»

«2 июня 1941 г.1

[Документ датирован по дате его
регистрации в штабе ЗапОВО]

Секретно

Экз. № 1

Начальнику РО штаба ЗАПОВО

< … >

4. Вывод:

а) В течение мая месяца немцы продолжали вести усиленное наблюдение за нашей границей.

б) По ж.д. с 5.5 по 14.5 со ст. МАЛКИНЯ-ГУРНА прибыло 17 товарных поездов с грузом (917 вагонов) и 24 пассажирских (217 вагонов). Со ст. КОМАРОВО на ст. МАЛКИНЯ-ГУРНА пришло 8 товарных поездов (318 вагонов) и 10 пассажирских (93 вагона), груз в большинстве покрыт брезентом.

в) Подтверждается продолжение работ по дооборудованию и сооружению огневых точек в районах ШВИДДЕРН, ст. ГЕСЭН, ПОТАСЕ, ОСТРУВ, ДАНИЛОВО.

г) В р-н ОСТРУВ немцы продолжают завозить строительный материал, продовольствие, связанное со строительством узла сопротивления в р-не ОСТРУВ, накапливая запасы продовольствия, огнеприпасы на случай войны.

Начальник РО штарма 10

полковник (СМОЛЯКОВ)

Имеется помета: «Т. Самойлович. Доложите ваши выводы по поводу данной сводки. 12.6». Имеются отметки об исполнении. Указана рассылка: «Отпечатано 2 экз. Экз. № 1 — адресату, экз. № 2 — в дело РО»[288].

Данная достоверная информация об оборудовании в оборонительном отношении пограничной с СССР полосы не могла не вступить в противоречии с докладами разведки о непрерывном усилении группировки немецких войск в полосе против ЗапОВО,

что не могло не дезориентировать командование.

5 июня РО штаба ЗапОВО в разведсводке доложил «О сосредоточении немецких войск в приграничных с СССР районах», в которую включил две бронедивизии «СС» из агентурного сообщения «Арнольда»:

«5 июня 1941 г.

Совершенно секретно

…

О войсковых частях

По данным агентуры и других источников, за период с 25 мая по 5 июня группировка германских войск в полосе против ЗапОВО увеличилась на 2–3 пехотные дивизии и на 5 июня 1941 г. **определяется в 29–30 пехотных дивизий, 2–4 мотодивизии, одна кавдивизия и две кавбригады, 3–4 зенитных артполка, 2–3 тяжелых артполка, три авиаполка, до 4 саперных полков и, предположительно, две бронедивизии СС** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

Во второй половине мая вновь отмечаются переброски войск с запада к нашим границам, главным образом артиллерии, танков и автотранспорта.

Агентурными и другими данными, поступившими за указанный период, подтверждается дислокация: в Остроленка — 903-го пехотного полка и до полка артиллерии; в Рожан — 203, 512-го и 513-го пехотных полков; в Цеханов и Млава — батальонов штурмовых отрядов; в Седлец — 537-го кавполка, в Варшаве — 44-го пехотного полка.

За этот же период отмечено прибытие новых частей: в Сувалки — две отборные бронедивизии СС (требует проверки); в район Рундфлис — один пехотный полк; Иоганесбург — предположительно 48-й танковый полк и два артполка; в Мышинец —345-й и 365-й пехотные полки; в район Збойно, Добры Ляс — до полка тяжелых орудий и до полка конницы; Остроленка — 108-го пехотного полка и до 500 человек летчиков; Рожан —7-й артполк; Прасныш —108, 109-й артполки, два эскадрона конницы и одна рота танков; в Цеханов — 239-й пехотный полк и 104-й артполк, две роты танков, два эскадрона конницы; Млава — 4, 5, 11, 13-й пехотные полки, 103-й артполк, кавполк, две роты танков, 4 батареи ПТО, дивизион зенитной артиллерии и батальон летчиков; Тересполь — до полка летчиков; Бяла Подляска —3 артполка (предположительно тяжелой артиллерии)

…

Воинские перевозки и передвижения

По данным перебежчика, солдата кав[алерийского] эскадрона

478-й дивизии, дислоцирующейся в Влоцлавек, переброски немецких войск к нашим границам продолжаются. Из Варшавы по шоссе на Вышков, Остров, Брок ночью ежедневно движется пехота, артиллерия и танки.

В Бяла Подляска прибыло 5 бронепоездов. На ст. Остроленка выгружено 1500 велосипедов, назначение их не установлено.

В первых числах мая из Варшавы в направлении Седлец проследовало 12 тяжелых орудий большого калибра. Орудия перебрасывались тракторными тягачами.

Из Кутно в направлении Сувалки 5 мая прошло 14 танков тяжелого типа.

13 мая из Варшавы через Бяла Подляска в направлении Тересполь прошло 50 автомашин с боеприпасами. В ночь на 28 мая отмечено большое движение автомашин в направлении Янув Подляски, Тересполь.

7 мая на ст. Хотылов выгружались два воинских эшелона. Солдаты (видимо, до батальона) разместились в построенных бараках.

…

Наблюдение за советской территорией

(по данным войскового наблюдения)

24 апреля в районе Гуттен (10 км западнее Граево) две группы офицеров в составе 3–5 человек, с картами, ходили вдоль границы и вели наблюдение за нашей территорией.

5 мая с водонапорной башни ст. Прошткен вели наблюдение 15 офицеров за нашей территорией.

На линии Новогруд, Малкиня, Дрогичин немцы систематически ведут наблюдение за нашей территорией как одиночными лицами, так и группами.

15 апреля в районе Червин (19 км юго-восточнее Остроленка) 3 офицера и 2 гражданских лица производили фотосъемку местности.

14 апреля из дер. Угнево (4 км восточнее Остров) двое военных и один гражданский вели наблюдение за нашей территорией, затем наблюдение продолжали вести 9 человек солдат.

17 апреля из этой же деревни в течение двух часов производили наблюдение с помощью стереотрубы 4 офицера.

19 апреля в течение целого дня наблюдалось усиленное движение солдат и офицеров по границе группами 8 — 15 человек на линии дер. Гродзиск, Гржинки (14–16 км восточнее Малкиня по р. Буг).

…

Интенсивная подготовка театра

На основании ряда проведенных агентурных и других данных подготовка театра в полосе против ЗапОВО, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно и характеризуется следующим:

Непосредственно на линии госграницы, на огневых позициях, в районах: Сувалки, Ольшанка, Малкиня, Соколов и в глубине — Варшава, Лодзь, Гродиск, Демблин — отмечены зенитные противотанковые средства.

Завоз боеприпасов: 25 апреля на аэродром “Окенце” (Варшава) выгружено 63 вагона авиабомб. В конце апреля на аэродром Сохачев доставлено 15 вагонов авиабомб, часть из них, предположительно, по 1000 кг.

13 апреля в Варшаву прибыло 59 вагонов пороха, в Рембертов —16 вагонов, Радом —12 вагонов, Сохачев — 2 вагона.

По данным радиоразведки, за период с 9 по 14 мая на варшавском аэродроме отмечено более 200 самолетов.

…

По агентурным данным, на всех железнодорожных станциях по перронам проведены белые полосы; железные столбы, на которых держатся навесы ко входам в железнодорожные здания, на 1–2 метра от основания окрашены белой краской. Все ступеньки вагонов также окрашены в белый цвет. Все это сделано для предотвращения паники при посадке и высадке во время затемнения (по белым столбам можно находить двери).

С наступлением темноты погранохрана передается полевым частям, которые несут ее до утра.

Передвижение гражданских лиц в погранполосе сведено к минимуму. Вся полоса в непосредственной близости от границы усилена артиллерийскими и пулеметными позициями, с законченной организацией телефонной связи между батареями и командно-наблюдательными пунктами.

За последнее время участились артиллерийские учения с боевой стрельбой.

Население погранполосы, проживавшее на хуторах Малые Рачки, Пажиха (юго-восточнее Збоина), Руда Осавецкая и других (всех национальностей), выселено в глубинные районы.

Хутора используются для маскировки позиции и огневых точек.

Население деревень и городов получило официальные инструкции о том, что если кто-либо во время войны будет поддаваться панике, то будет расстреливаться на месте.

Все гражданские лечебные заведения в крупных и мелких населенных пунктах генерал-губернаторства заняты под госпитали. Госпитали обеспечены как соответствующим количеством коек, так и германским медперсоналом (Варшава).

Заканчивается подготовка всех гражданских объектов к мерам П[ротиво] В[оздушной] О[бороны] и П[ротиво] Х[имической] О[бороны] (затемнение, противопожарные мероприятия, дегазационные камеры и т. д.).

К настоящему времени железнодорожные мосты и мосты на шоссейных дорогах восточнее Варшавы восстановлены и частично вновь построены. Все мосты через реки Висла, Буг, Нарев охраняются полевыми частями.

Заканчивается скрытая мобилизация чиновников на будущие должности в западных районах СССР.

Многие церкви и кладбища всех вероисповеданий используются для складов, огневых позиций и наблюдательных пунктов (пулеметные и артиллерийские точки у кладбищенских оград, склады боеприпасов — под костелами): Сувалки, Остров, Седлец.

На станции Пасеки (11 км юго-восточнее Рожан) 24 мая 1941 г. специальная комиссия во главе с генералом исследовала вопрос о возможной среднесуточной выгрузке воинских эшелонов на этой станции. Первые эшелоны, которые сейчас следуют с балканского театра в генерал-губернаторство, 2–3 июня, предположительно, будут выгружаться на ст. Пасеки.

Разное

…

Костелы в Млава, Шидлув, Грудуск, Чернице, Венгров, Прасныш предназначены под склады боеприпасов. Данные поступают впервые.

В Варшаве, Малкиня, Остроленка находятся несколько тысяч немецких железнодорожников, присланных из Франции, Бельгии и Германии, которые после вступления немецких войск на советскую территорию предназначены на работу в различные города и железнодорожные станции.

В этих же пунктах наблюдается большое скопление санитаров. Данные поступают в третий раз и заслуживают доверия.

Между Клюшево и Вулька через Дембовск и около Млава построен ряд бетонных позиций для артиллерийских орудий и пулеметов.

Вывод:

1. **За последнее время немецкое командование непрерывно усиливает группировку войск в полосе против ЗапОВО, особенно с 25 мая, преимущественно артиллерийскими и авиационными частями, главным образом в районах: Иоганесбург, Прасныш, Млава, Цеханов, Варшава.**

Одновременно форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов, завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО (выделено мной. — *М.А.*).

2. Данные о прибытии дивизии СС в Сувалки требуют проверки.

3. Заметно усиливается проведение ряда новых экономических и политических мероприятий германских властей для обеспечения системы военной подготовки плацдарма генерал-губернаторства.

4. Антивоенные настроения в германской армии принимают более широкие размеры по сравнению с предыдущим периодом.

Зам. начальника р[азведывательного]
о[тдела] штаба ЗапОВО
подполковник МАШКОВ
Начальник 3-го отделения
р[азведывательного] о[тдела]
майор САМОЙЛОВИЧ»[289].

В разведсводке сохраняются недостоверные данные из предыдущих докладов РО и появляются новые: 345-й и 365-й пп, установленные в Мышинец; 239 — й пп, установленный в Цеханов; 4-й, 5-й, 11-й и 13-й пп — в Млава, не входили в состав сухопутных войск вермахта, развернутых на Востоке.

Приведенные цифры в разведсводке «О сосредоточении немецких войск в приграничных с СССР районах», как раз не говорят о непрерывном усилении группировки немецких войск. В целом повторяются с небольшими изменениями в обе стороны данные по состоянию на 1 мая: «28–29 пд, 7–8 танк, полков, 3–4 мд, до трех кавдивизий, до пяти сап. полков, три авиаполка». Вместе с тем присутствует и исключение — исчезает 7–8 танковых полков. Возможно, что они превращены в две бронедивизии «СС», прибытие которых еще «требует проверки», не говоря уже о том, что к 22 июня в сухопутных войсках вермахта еще не было танковых дивизий «СС». Немецкие танковые батальоны и полки «россыпью», достаточно просто превращаются окружными разведотделами в танковые дивизии без штабов, специальных частей, артиллерии, связи, частей обеспечения.

Из донесений оперативных пунктов разведотдела штаба ЗапОВО следовало, что они располагали обширной агентурной сетью, однако не всегда из поступившей информации делались

адекватные выводы.

Из разведывательного донесения № 33 Брестского оперативного пункта по состоянию на 7 июня 1941 г.:

«9 июня 1941 г.

[Документ зарегистрирован в Разведотделе
штаба ЗапОВО 11 июня 1941 г.] Секретно
Экз. № 1

…

Об укрепленном районе на линии д. Вензовка — г. Гарволин

По данным источника № 213 (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*), линия укреплений, проходящая на участке дер. Вензовка, 18 км зап. Минск-Мазовецкий, и до гор. Гарволин, представляет из себя укрепления в следующем виде.

Дер. Бжезины, 5 км сев. — вост. Вензовка, в 400 метрах от деревни к востоку начинается линия противотанковых козлов и тянется в общем направлении на юг, в дальнейшем линия козлов проходит в 800 метрах вост. дер. Вензовка и далее идет параллельно шоссейной дороге Варшава-Гарволин, эта линия проходит в 50 метрах воет. дер. Рудка, в 1 км воет. дер. Волька Млендзка и входит южней этой деревни в реку Свидер около моста.

Мост на шоссейной дороге у дер. Волька Млендзка с обеих сторон огорожен колючей проволокой, оставлен только проезд через мост. На сев. окраине дер. Волька Млендзка, на правом берегу реки Свидер в районе моста, на площади 1,5 х 1,5 отрыты рвы в пять рядов, идущих перпендикулярно шоссейной дороге, эти рвы представляют собой зигзагообразные окопы глубиной до 2-х метров и шириной 1,5 метра, каждый ров огорожен проволочным заграждением на металлических кольях с оттяжками в обе стороны. Земля во время отрывки этих рвов убиралась, а не насыпалась в виде брустверов. С воет. стороны этих рвов и проходит линия противотанковых козлов.

На сев. — зап. окраине дер. Волька Млендзка, на левом берегу реки Свидер, против вышеописанной площади рвов, в 150 метрах от шоссейной дороги ведутся земляные работы — роется ров глубиною 3 метра и шириной около 20 метров.

На левом берегу реки Свидер, в том месте, где линия противотанковых козлов опускается к реке, начинается проволочное заграждение на металлических кольях с оттяжками и тянется в направлении дер. Луковец на протяжении 1,5 км, а далее начинается опять линия противотанковых козлов, которая проходит в 20 метрах зап. дер. Луковец и далее идет до м. Осецк, проходя с восточной стороны его, и продолжается в направлении на г. Гарволин.

Линия противотанковых козлов, проходящая на участке Бжезина-Волька Млендзна, переплетена колючей проволокой, а линия, проходящая на участке Волька Млендхна-Осецк, еще не оплетена, но проволока приготовлена и находится вдоль линии на протяжении всего участка.

Работы по строительству укрепленного района по линии реки Висла продолжаются и в настоящее время. Бетонированных точек на этом участке не установлено.

[*Примечание*: разведка указанного участка расположения препятствия будет произведена дополнительно в конце июня месяца с. г.]

О передвижении воинских частей

…

Вывод: несколькими источниками подтверждается о том, что немцы большое количество войск группируют к границе СССР. Можно полагать, что или эти части прибывают с английского и других фронтов на отдых и отдыхают за счет польского крестьянства на территории Генерал-губернаторства, а также может быть, что Гитлер желает испытать, насколько крепко обеспечивается граница СССР. Может быть и третий вывод — это то, что немцы перекидывают несколько частей с одного места на другое и этим показывают, что они действительно группируют части (подчеркивание документа. — *М.А.*).

О строительстве аэродромов и баз

Источником № 154 подтверждаются данные о расширении аэродрома в Беляны и о строительстве 2-х новых аэродромов в районе Беляны. На аэродромах выстроены ангары и подземные хранилища для авиабомб. Этим же источником подтверждаются данные о расположении в Варшаве в районе Новонски, около еврейского кладбища, шести крупных бензохранилищ, замаскированных постройкой на них домиков.

О настроениях в германской армии

По данным источника № 166, 27-го мая с.г. в варшавском гарнизоне арестован один офицер и несколько человек солдат за политическую деятельность и антивоенную агитацию.

[*Примечание*: данные получены источником из беседы с германским солдатом].

По тем же данным, питание солдат в германской армии значительно ухудшилось. Об этом свидетельствуют следующие факты: солдаты воинских частей, прибывающие в деревни на территории Генерал-губернаторства, идут покупать хлеб к крестьянам. Солдаты старших возрастов на приветствие молодых солдат «Хайль Гитлер» не отвечают, в результате этого

происходят скандалы между солдатами, где старые солдаты высказывают недовольство в политике Гитлера о продолжении войны.

Источник № 204 спросил одного солдата из войсковой части, расположенной в дер. Липница, 20 км зап. Тересполь: «Правда ли, что вы будете скоро в Москве?» Солдат вместо ответа повернул фуражку козырьком назад и больше ничего не ответил, боясь, по-видимому, стоявшей поблизости группы солдат.

По данным **источника № 210 и № 201**, установлено, что в воинской части, распложенной в дер. Кжевица, 10 км сев. зап. Межиречье, два солдата изнасиловали девушку-еврейку и дезертировали, после были пойманы и осуждены военным судом на три года тюремного заключения. Из той же части 5 человек солдат напились пьяные и избили офицера, после этого тоже дезертировали, были также найдены одетыми в гражданское платье.

Многие солдаты приграничных гарнизонов говорят: «Как только большевики закричат ура, то мы штык в землю и цурик нахаузе».

Источник № 213 во время ночлега в одной из деревень, куда зашел подофицер, спросил этого подофицера: «Куда Вы идете?» — подофицер ответил: «Через Россию на Турцию», а другой офицер ответил: «Идем на Россию». По тем же данным, в районе дер. Немойки, Седлецкого повята, 2-го июня с.г. произошел большой взрыв, в результате которого было убито до 80 человек солдат.

Настроения и экономическое положение населения

Источник № 201 присутствовал при беседе группы жителей Варшавы, которые говорили: «Если нас большевики не освободят, то никто больше не освободит, на Англию надежды тоже нет». Один рабочий из Варшавы, участник войны 1914-17 года говорил: «Если большевиков все государства вместе не разбили в 1917-20 году, когда они были босые и голодные, то теперь их сам черт не разобьет, не только что немцы. Немцы не выдержат большевистского напора».

Среди населения в районах зап. Варшавы распространяются слухи, что война между Советским Союзом и Германией уже идет.

На территории Генерал-губернаторства отдано распоряжение о сдаче с каждого крестьянского хозяйства по 5 центнеров картофеля, в результате этого многие крестьяне до настоящего времени не засеяли картофеля. Кроме того, осталось много не засеянной до сих пор земли другими культурами, не хватает семян для весеннего сева.

Цены на продукты питания продолжают возрастать: картофель — 1 центнер стоит 390 злотых, рожь — за центнер 700

злотых.

Многие из жителей городов переезжают на жительство в деревни восточных районов территории Генерал-губернаторства потому, что в городах большой недостаток продуктов питания, в гор. Варшава и особенно в еврейских кварталах увеличивается смертность населения. Начальник Брестского ОП майор (РОМАНОВ)

Указана рассылка: «Отп. в 5-ти экз. № 1 — РО Зап. ОВО, № 2 — РО 4 А, № 3 — РО ПВФ, № 4 — ПО 17 и № 5 — в дело. 9.6.41 исп. Романов»[290].

Успокаивающе на адресата могла подействовать информация о строительстве укрепленного района, что не являлось дезинформацией, а являлось ответом на маловероятную возможность нанесения превентивного удара Советским Союзом. Однако наряду с этим докладывалась информация о строительстве аэродромов и баз.

Совершенно неадекватные выводы из того подтвержденного несколькими источниками факта, что «немцы большое количество войск группируют к границе СССР» — «эти части прибывают с английского и других фронтов на отдых… а также может быть, что Гитлер желает испытать, насколько крепко обеспечивается граница СССР».

В выводах присутствует и следующее умозаключение — «немцы перекидывают несколько частей с одного места на другое и этим показывают, что они действительно группируют части». Показывают зачем? Наоборот, надо «закрывать» происходившую концентрацию на границе войск. Иначе можно прийти к единственно правильному выводу.

Как бы то ни было оперативные пункты РО штаба ЗапОВО в каждом своем донесении докладывали о подготовке Германии к войне с Советским Союзом.

Из разведывательного донесения № 18 начальника Бельского оперативного пункта РО штаба ЗапОВО по состоянию на 25 мая 1941 г., доложившем, что «в основном сосредоточение войск на восточных границах закончено»:

«9 июня 1941 г.1
[Документ зарегистрирован в Разведотделе
штаба ЗапОВО 12 июня 1941 г.]
Секретно
Экз. № 1
Начальнику РО штаба ЗапОВО полковнику т. Блохину
Начальнику РО штаба 10 Армии
Начальнику 88 ПО [пограничного отряда]
…

По данным № 721 (здесь и далее подчеркивание документа. — *М.А.*) **через работников польской организации** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) и личным наблюдением установлено.

О передвижении немецких войск

… В течение 12–25 мая через Варшаву-Прагу в восточном и ю.-в. направлениях по ж.д. прошло до 17 5 воинских эшелонов по 70-120 вагонов и платформ в каждом с боеприпасами, танками, артиллерией и другими вооружениями.

Из разговора с майором немецкой армии Вендель, работающим в одном из штабов, установлено, что 28 мая немцы закончили сосредоточение своих войск на востоке и что общая численность армии, включая войска в Австрии, Чехословакии, Греции, Румынии и на восток от Берлина определяется в 4,5 миллиона чел. И дальше майор Вендель говорит, что эта армия полностью готова к войне с СССР.

О дислокации войск

В конце апреля м-ца оперативный отдел штаба восточной группы дислоцировавшийся в Спала, прибыл в Отвоцк. Разместился по Варшавской улице. Командование отдела штаба группы заняло дом, ранее занимавшийся магистратом. [Абзац на полях отчеркнут, имеется помета от руки: «Св/8»].

В Варшаве в палаце Бриля продолжает дислоцироваться штаб 4 армии, продолжает дислоцироваться штаб 9 АК во главе с генералом Доненсмарк и штаб 4 танковой дивизии, носящей № армии. Командует 4 танковой дивизией генерал Раухер Оскар, его начальник штаба — майор Фриц. 4 танковая дивизия имеет в своем составе до 6000 различных машин, из которых до 2000 танков легких и тяжелых, до 2000 мотоциклов и до 2000 других машин как бронеавтомобилей, грузовиков и прочих. Этой дивизии на переход по хорошей дороге на расстояние 100 км потребуется до 15 цистерн горючего по 15 тонн в каждой. В состав каждой немецкой армии обязательно входит такая дивизия, которая носит № этой армии и обозначается через арабскую цифру, дробь и римская цифра армии, пример — 4/IV.

Части 4 танковой дивизии размещаются в трех пунктах — в Варшаве, Рембертов, Отвоцк. Таких танковых дивизий во всей немецкой армии имеется 20.

В Варшаве по ул. Вавельской, № 54 помещается управление по строительству укреплений территории Генерал-губернаторства, также в предместье Краковское в доме совета министров б. Польши размешается штаб 12 пех. дивизии и штаб ВВС восточной группы. Дислоцировавшиеся ранее пять штабов пех. дивизий в Варшаве все убыли в направлении на восток и в

данное время остался лишь штаб 12 пех. дивизии. [Этот и предыдущие два абзаца отчеркнуты на полях, имеется помета от руки: «Св/8»].

Прибывший 3 мая во Блохи пех. полк, по данным № 703, 27 мая убыл в направлении на Раков. Полевая почта этого полка имеет № 27523. Квартиры, освободившиеся от 719 пп, по распоряжению немецких властей не занимаются, в них в ближайшее время ожидается прибытие новых частей.

По тем же данным, в Сохачев продолжает дислоцироваться 1 пп и авиаполк (номер не установлен), расположенный в 11 построенных казармах размером 15 х 40 м.

В Соколов в помещении начальной школы размещается штаб 24 пех. дивизии (подчеркивание документа. — М.А.), дивизией командует генерал-майор Хенссель, кроме того, здесь дислоцируется арт. полк, имеющий № 6/22 и пех. полк с № 50/7, один полк пд размешается в 16 км вост. Соколов по шоссе на Яблонна. С 1 мая немцы взяли в свои руки полностью ж. д, почты и телеграф. [Этот и предыдущие два абзацы отчеркнуты на полях, имеется помета от руки: «Учет»].

О строительстве и сооружениях

Данные № 712: Западнее М. Мазовецкий на рубеже деревень Маркушев, м. Отвоцк, Рудка, Вензовна, Милосна и далее на запад до р. Висла проходят противотанковые препятствия — железные козлы.

Данные № 703: В Сохачев расширяется ж.д. станция. Раньше на станции было три пути, сейчас их имеется десять.

От ст. Сохачев к аэродрому прокладывается ж.д. ветка. На аэродроме в д. Чисте с 20 мая приступлено к строительству ангара.

Данные № 721: В Варшаве в настоящее время над всеми скверами строятся препятствия против воздушного десанта из колючей проволоки и железных прутьев с острыми концами. [Абзац на полях отчеркнут].

Отмечен аэродром в Карчев — построен немцами в 1941 г. и аэродром в Малашевичи (7 км ю.-з. Тересполь) — также построен в 1941 г. 22 мая издано распоряжение о восстановлении авиационного института в г. Варшава по ул. 6 Августа. Руководство работой взял на себя инженер Высоцкий, проживающий по ул. Нимцевичи, № 4.

О складах

Данные № 712: В д. Негловец около Ясло расположен бензосклад, на котором хранится до 500 000 тонн горючего, в д. Горлица на бензоскладе хранится до 800 000 тонн горючего, в д. Едличе — до 800 000 тонн, в Ясло до 600 000 тонн. [11 Абзац на

полях отчеркнут, поставлен вопросительный знак].

О заводах

Данные № 703: Завод «Липси» в Варшаве продолжает вырабатывать морские мины и с 25 мая приступил к выработке арт. снарядов калибра 100 мм. Завод «Урсус» продолжает выпускать по три легких танка в неделю. Завод «Герлях», вырабатывающий станковые пулеметы системы «Макс», переключается на выработку легкой артиллерии, один цех этого завода уже переконструирован для выпуска таковых. Данные № 712: В м. Скоржиско (между Кельце и Радом) — завод ружейных и артиллерийских боеприпасов. Его производительная мощность 1 миллион 200 000 штук патронов в день и 100 000 шт. арт. снарядов в м-ц калибра 105 и 150 мм.

О работе контрразведывательных органов Гестапо

Данные № 721: В Варшаве по ул. Олеандра, № 6, кв. 6 проживает русский генерал Новицкий, с ним живет его сын, также офицер, и некий Бруммер Николай с сыном Теодор. Николай Бруммер имеет 52 года, учитель и одновременно является агентом Гестапо и имеет задание выслеживать коммунистов и советских разведчиков в Варшаве. Им разработан коммунист Ян Смолянский, проживающий в Варшаве, ул. Мазовецкого, № 8, кв. 2а. Бруммер специально интересуется отыскиванием советских радиостанций в Варшаве, он тесно связан с Ломакиным (см. разведдонесение № 14), их руководителем является капитан немецкой армии Гуроль и капитан немецкой разведки Грим. В бюро Ломакина с апреля м-ца и по сей день находится младший командир Красной Армии. На вид 22 лет, среднего роста, который дает ряд информаций о войсковых частях, командовании, укреплениях р-ов Белосток, Брест, а также данные важнейших опорных пунктов Гродно, Мосты, Брест и р-ов Минск, Белосток, Киев. Бюро Ломакина находится на ул. Олеандры, № 2, вход с ул. Маршалковской, № 31.

Разное

В Берлине был раскрыт заговор против Гитлера и его ближайших помощников, в котором участвовал и Гесс. В результате раскрытия заговора начальник Гестапо Гиммер [Так в тексте] был не известно кем застрелен, он числился в списке заговорщиков, а Гесс в это время улетел в Англию. За последнее время Гесс из Англии три раза по радио произносил речь к германскому народу, в которой призывает народ опомниться и говорит, что Гитлер приведет народ к гибели. В связи с этим в немецкой армии происходит деморализация, аресты и смена высшего командования.

В мае м-це английские самолеты сбросили в Познань листовки с воззванием, что Гитлер обещал уже несколько сроков окончания войны, но конца ее не видно, и что немецких солдат еще ожидает война с СССР.

16 мая в Константинув (6 км сев. Варшавы) за дезертирство расстреляно 5 офицеров, 7 подофицеров и 39 солдат. Отмечается массовое дезертирство во всей армии.

24 мая в Варшаве по ул. Пулавской бросился под трамвай сержант немецкой армии. Продолжается преследование людей не немецкой национальности (расстрелы, ссылка в концентрационные лагеря и т. п.), из-за недостатка продуктов отмечается большая смертность населения, например, в Гетто ежедневно умирает до 400 чел., в Варшаве — до 40 человек. Все продукты в деревнях реквизируются для армии.

Цены на продукты в Варшаве

Картофель — 5 зл. кг, хлеб — 22 зл. кг, сало — 50 зл. кг, масло — 60 зл., мука пшеничная — 30 зл., крупа — 28 зл., мясо говяжье — 23 зл., свинина 36 зл., сахар — 40 зл., мука ржаная — 20 зл. за кг.

Вывод 1. В течение марта, апреля и мая м-ца немцы производили перегруппировку и сосредоточение своих войск на востоке и 28 мая, **согласно данных № 721, заслуживающих доверия, в основном сосредоточение войск на восточных границах закончено**. Данные о передислокации оперативного отдела штаба восточной группы в Отвоцк также заслуживают доверия, можно полагать, что остальные отделы этого штаба в ближайшее время переедут в Отвоцк.

Подтверждаю данные о дислокации штаба 4 армии, штаба 9 АК, штаба 4 танковой дивизии и штаба 12 пех. дивизии в Варшаве. Других штабов дивизий в Варшаве нет — по состоянию на 5 июня.

Гарнизон в Соколов состоит из штаба 24 пех. дивизии, одного арт. полка и одного пехотного полка, других войск там нет.

Данные о наличии складов заслуживают внимания [на полях напротив поставлен вопросительный знак]

Начальник Бельского ОП РО штаба ЗапОВО

Капитан (РУССКИХ)

На препроводительной имеется помета: «Инф[ормационный отдел]. Блохин. 12.6.41». Указана рассылка: «Отп. 4 экз. Экз. № 1 — Нач. РО штаба ЗапОВО, экз. № 2 — Нач. РО штаба 10 армии, экз. № 3 — Нач. 88 ПО, экз. № 4 — в дело ОП № 13. Исполнитель Русских. 9.6.41»[291].

24-й пехотной дивизией (IV ак 17 А), входившей в состав группы армий «Юг», командовал генерал-майор Ганс фон Теттау.

Дислоцированные, якобы, в Соколов «арт. полк, имеющий № 6/22 и пех. полк с № 50/7» не существовали в боевом составе сухопутных войск вермахта, равно как 622 ап и 507 пп (если допустить ошибку при печатании документа) в составе войск, развернутых на Востоке для нападения на СССР.

Агент № 721 был, безусловно ценным источником. Обращает на себя внимание его сотрудничество с «работниками польской организации» — нелегальной антигитлеровской организации, которая имела выход на немецких офицеров. Указанное число «20» «танковых дивизий во всей немецкой армии» совпадает с реальным числом танковых дивизий в сухопутных войсках — из которых 19 тд, предназначались для операции «Барбаросса», а 17 соединений из них были развернуты 22 июня 1941 г. на границах СССР. В силу того, что агент № 721 имел возможность получения ценной информации, его следовало включить в состав радиофицированной резидентуры, или создать агентурную группу из него и радиста, снабженного рацией.

21 июня 1941 г. разведотдел штаба Западного Особого военного округа выпускает спецсообщение **по данным на 20 июня 1941 г.** В приведенном документе практически не содержится информации, из которой можно сделать вывод о начале войны через 1,5–2 суток, более того приведены устаревшие данные по состоянию на вторую половину мая — первую половину июня:

«Немецкое командование за последние дни производит усиленные переброски войск — пехоты, артиллерии и танков к границам СССР.

1. (АГ [по агентурным данным]) В конце мая 3 и 9 артполки из Бяла-Подляска и 27 кавполк из Межиречье убыли к границам СССР.

17 мая в Бяла-Подляска прибыло пять бронепоездов. В течение 1–8.6.41. через Варшаву в направлении Тересполь отмечено движение 18 танковой дивизии, в авангарде следовал 11 танкполк.

4—10.6. в район Варшава, Прага сосредотачивалась 38 танкдивизия.

На р. Висла отмечены части флотилии с №№ 60, 300, 500, 600. Номера не расшифрованы.

С 4 по 6 июня через ст. Рембертов в восточном направлении (конечный пункт не установлен) проследовало до 10 воинских эшелонов с пехотой, артиллерией и тыловыми подразделениями.

По непроверенным данным, штаб восточной группы в конце апреля передислоцировался в Отвоцк (4 км с-в. Карчев).

В районе Кодень отмечено до 100 танков.

18 мая на аэродроме Беляны установлено до 125 истребителей. На аэродроме Пулавы — 50 бомбардировщиков.

В конце мая из Пулавы на Люблин проследовало до пехотной дивизии.

В Рожанка (10 км сев. Влодава) прибыл 475 пехполк.

С 6 по 12 июня через Минск Мазовецки на Седлец проследовало:

280 машин с пехотой (по 20–22 чел. на машине); 900 машин с пехотой, часть из них проследовала на Люблин;

15 пушек более 150 мм, 12 пушек — 150 мм и 12 пушек 105 мм; 75 орудий ПТО — 37 мм; зенитных орудий: 17–37 мм и 60 — 105 мм; 100 танков.

В районе Янув-Подляски доставлено до 35 самолетов, якобы в разобранном виде.

По непроверенным данным, в Соколов приезжал генерал фон КЛЮК [видимо, фон Клюге] для укомплектования армии из частей, прибывающих из Югославии и Франции.

2. По агентурным и радиоданным, штабы корпусов установлены в следующих пунктах: Радин, Луков, Межиречье.

По данным радиоразведки, в районе Варшава установлены две крупные радиостанции, самостоятельно поддерживающие связь со штабом главного командования — Берлин.

Возможно, одна из радиостанций принадлежит штабу восточной группы, передислоцировавшегося в Отвоцк, вторая — штабу 8 армии.

За период с 8 по 14 июня отмечены наиболее интенсивные полеты самолетов в пунктах: Кенигсберг — 41; Данциг — 35; Варшава — 51; Бреслау — 99.

3. По данным РО ПрибОВО на 16.6, в Клайпеда дислоцируется 291 пд, Шилуте — 161 мд, Нейкрих — 217 пд, Тильзит — 158 и 290 пд и 8 мд.

С 11.6. началась эвакуация семей офицеров из Клайпеда и Шилуте.

В конце мая в Сейны прибыли — штаб 26 пд, 12 пп, 110 кп, танкбат и самокатный батальон.

4. По данным НКГБ БССР, над аэродромом Варшава отмечено появление двухмоторных самолетов, у которых два фюзеляжа, соединенных одной плоскостью. Кабина расположена на середине плоскости. Предположительно, это ближний разведчик Фокке-Вульф-189.

Политико-моральное состояние германской армии
и населения Генерал-губернаторства

Официальные источники германских властей до сих пор замалчивают продолжающееся усиление восточного плацдарма и

армейских группировок в полосе против СССР.

В Германии и Генерал-губернаторстве солдаты и население рассматривают эти события как «затишье перед бурей между Германией и СССР», которая изо дня в день должна неизбежно разразиться.

Германские власти не указывают также цели своей форсированной подготовки к войне на востоке, наоборот, все мероприятия, по возможности, производятся скрыто от общественного мнения.

Так, например, по последним проверенным данным, известно, что рядовому, унтер-офицерскому и офицерскому составу всей армии строго запрещается носить на погонах или разглашать действующие номера частей и соединений.

Военные власти совместно с органами гестапо продолжают очистку погран. полосы от «нежелательных элементов».

Местные власти угрожают гражданскому населению Генерал-губернаторства тюремным заключением в случае, если последнее будет разглашать производимые немцами военные мероприятия против СССР.

Но отмеченные угрозы и приказы дают обратные результаты. Города и села Генерал-губернаторства переполнены самыми чудовищными слухами. Наибольшую активность по изобретению этих слухов и предположений проявляют проанглийские элементы, подогреваемые радиопередачами из Лондона.

Паническое состояние трудящихся всех слоев населения Генерал-губернаторства особенно наглядно отражается сейчас на экономическом состоянии настроения вообще и рыночной конъюнктуре в особенности.

По данным на 15.6.41, на варшавских рынках цены поднялись до следующих размеров:

Ржаной хлеб, 1 кг 24 зл. или 50 руб.

Мука 1 кг 30 зл. «70 руб.

Сахар 1 кг 38 зл. «170 руб.

Конфеты 1 кг 80 зл. «170 руб.

Масло слив. 1 кг 70 зл. «140 руб.

Картофель 1 кг 6 зл. «20 руб.

Пачка папирос (20 шт.), сред. сорта 10–17 зл. «30 руб.

1 пара шелк. чулок 110 зл. «250 руб.

Январь — июнь 1941 697

Ежедневная смертность польского населения в Варшаве составляет 40—403 чел., еврейского — 200–300 чел.

В последние дни крестьяне отказываются брать у покупателя деньги. Скрытый рынок переключился только на товарообмен. Германский солдат покупает в батальонном ларьке водку и табак

для обмена их на с/х продукты крестьянина.

Возрастает тревога и в армии. Недавно на стенах вагонов, в которых германская в/часть перебрасывалась с балканского театра в Генерал-губернаторство, было написано мелом:

«Вир фарен гин унд гер —

Вир габен кайне гаймат мер», —

что означает: «Мы ездим с места на место. Мы не имеем родины». Это куплет из нелегальной песни, которую составили солдаты.

Солдаты, как и все германские трудящиеся, не знают тайны, в которой германский фашизм готовит войну на востоке. Они «не могут сметь свое суждение иметь», поэтому многие предпочитают дезертировать в СССР. Количество дезертиров возрастает ежедневно.

«Почему вы не хотите воевать за фюрера?» — спрашивали дезертира РИХТЕРА Р.

«Надоело, — говорит РИХТЕР. — И за что воевать? Нам говорят: «За фюрера, империю и родину». Но за эту святую тройку наши отцы воевали в 1918 году, тогда только она называлась: «За бога, кайзера и родину».

(Фюр гот, кайзер унд фатерланд).

Отмеченные настроения сейчас являются весьма типичными в армии, они являются главной причиной открытых антивоенных возмущений солдат и унтер-офицеров в ряде гарнизонов. (Межиречье, Константинов — 6 км сев. Варшава).

Эти настроения с каждым днем усиливают симпатию трудящихся всех национальностей Генерал-губернаторства к СССР.

Так, например, польское население, проживающее в населенных пунктах зап. Варшава, 10.6.41 рассуждало так: «Если начнется война Германии с СССР и если большевики высадят десант около Мелянувек, то в одном Мелянувек за два часа соберется около 2000 человек и оружие найдется».

В г. Варшава в районе парка Падревского недавно были перерезаны провода связи. Немцы арестовали несколько поляков в качестве заложников и объявили населению, что в случае повторения подобных явлений заложники будут расстреляны.

Вывод:

1. **Подтверждаются ранее поступившие данные об интенсивных перебросках немецких войск к границам СССР, главным образом в р-ны Сувалки и Седлец** (выделено мной. — *М.А.*)

2. Данные о передислокации штаба Восточной группы в Отвоцк и о 18 и 38-й танковых дивизиях требуют дополнительной

проверки.

3. За последние дни в армии наблюдаются многочисленные случаи дезертирства и невыполнения приказов, но армия в целом представляет из себя мощный оплот германского фашизма.

Отборные части армии верят, что они будут побеждать и в новых войнах.

Начальник РО Штаба ЗапОВО
полковник (БЛОХИН)
Начальник 3 Отделения РО
майор (САМОЙЛОВИЧ)

Указана рассылка: «Отпеч. 9 экз. Послано по списку. Отп. т. Самойлович. 21.6.41 г.»[292].

3-й артиллерийский полк из состава 3 мд LVII моторизованного корпуса 4ТГр ГА «Север», не мог дислоцироваться в полосе против КОВО и ОдВО. Информация насчет убывшего к границе СССР 9 ап (9пд XXXXIV ак 6А ГА «Юг») также не являлась достоверной. 38-я танковая дивизия, данные о которой требовали проверки, не существовала в сухопутных войсках вермахта, равно как и 38-я моторизованная (38 пд была сформирована в июле 1942 г.). Что же касается 18-й танковой дивизии (XII ак 2 ТГр), то она в составе группы армий «Центр» участвовала во вторжении в СССР. Не значился в составе боевых частей сухопутных войск, развернутых на Востоке, 475-й пехотный полк.

Судя по подписям над спецсообщением, документ не вышел за пределы округа (в лучшем случае был направлен в РО штаба ПрибОВО) и был разослан командующему войсками ЗапОВО, начальнику штаба округа, а также в штабы армий из состава войск округа.

Обнадеживающе для адресата должно звучать пространное повествование об антивоенных настроениях в армии и антигитлеровские — среди польского населения.

Уже спустя сутки отмечается резкое наращивание группировки немецких войск, занявших исходные районы (исходное положение) в полосе против Западного особого военного округа.

Разведывательная сводка штаба Западного особого военного округа о группировке немецких войск на 21 июня 1941 г. (на документе отметка: «Отправлен 22 июня 1941 г. в 15 часов 20 минут» — уже 11 часов идет война):

«Сов. секретно
Заместителю начальника Генерального штаба Красной
Армии генерал-лейтенанту тов. Голикову
Начальникам разведывательных отделов армий: 3, 10, 13, 4

Группировка немецкой армии на 21.6.41 г. определяется:

1. Восточно-прусское направление. В границах справа — Сувалки, Хайльсберг; слева — Шучин, Найденбург: штаб 9-й армии Алленштайн, четыре штаба армейских корпусов — Элк (Лыкк), Летцен, Ортельсбург, Алленштайн; девять штабов пехотных дивизий — Сейны, Брызгел, Сувалки, Олецко (Тройбург, Маргрaбово), Элк (Лыкк), Арис и в глубине — Алленштайн, Любава (Лебау), Лидзбарк; до двух пехотных дивизий, две моторизованные дивизии (данные Прибалтийского особого военного округа), десять артиллерийских полков (до двух тяжелых артиллерийских полков: **предположительно две дивизии «СС»**, зенитный артиллерийский полк, до четырех кавалерийских полков).

2. Млавское направление. Граница слева — Остров Мазовецкий (Остров), Закрочим: штаб 4-й армии (предположительно) — Цеханув (Цеханов); штабов корпусов (установленных) два — в районе западнее Остроленка, Цеханув (Цеханов); штабов пехотных дивизий — шесть; артиллерийских полков — десять; до одной моторизованной дивизии; **до танковой дивизии**; зенитных артиллерийских дивизионов — два; дивизионов противотанковых орудий — два; Пшасныш (Прасныш) — 700 летчиков; Цеханув (Цеханов) — 500 летчиков; Остров Мазовецкий (Остров) — 300 летчиков, кавалерийских полков — три.

3. Варшавское направление. Штаб 8-й армии — Варшава; армейских корпусов установлен — один; девять пехотных дивизий; **две танковые дивизии** (в районе Минск — Мазовецкий — Варшава); одна моторизованная дивизия; одна кавалерийская дивизия; до одиннадцати артиллерийских полков (из них два тяжелых артиллерийских полка); три зенитных артиллерийских полка; три авиационных полка; два железнодорожных полка; четыре бронеполка; до двух саперных полков; химический полк.

4. Демблинское направление. Граница слева — Влодава, Демблин: три штаба армейских корпусов, шесть — семь пехотных дивизий, **до двух танковых дивизий**, одна авиационная дивизия, десантная группа, до трех кавалерийских дивизий, до десяти артиллерийских полков (из них два тяжелых), до двух авиационных полков, пять бронеполков, два-три саперных полка, до двух моторизованных дивизий.

5. **Основная часть войск находится в тридцатикилометровой полосе от границы** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Районе Сувалки, Арис продолжается подтягивание войск и тылов к границе. Артиллерия находится на огневых позициях. В районе Ольшанка (южнее Сувалки)

установлена тяжелая и зенитная артиллерия. Там же сосредоточены тяжелые и средние танки.

На посадочных авиаплощадках Городки (8420)1, Крушник (8838), Рачки Мале находятся по 10–15 самолетов. На аэродромах Сувалки расположены одномоторные и трехмоторные самолеты.

В районе Остроленка, Острув-Мазовецкий ночное время слышен шум моторов.

Войсковым наблюдением систематически отмечается большое передвижение войск группами районе Терасполь, Янув-Подляски, Соколув Подляски. преимущественно восточном направлении, а также окопные работы на западном берегу р. Зап. Буг.

Бяла-Подляска прибыло 40 эшелонов переправочных средств (деревянные фермы, железные понтоны) и боеприпасов. 20.6.41 г. группа самолетов (10–15) прилетела из Остроленка в Сувалки.

ВЫВОД:

1) По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе против Западного особого военного округа заняла исходное положение.

3) (так в документе. — *М.А.*) **На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления границе.**

3) Всеми средствами разведки проверяется расположение войск у границы и глубине.

Начальник штаба Западного особого военного округа

генерал-майор Климовских

Начальник Разведывательного отдела штаба

Западного особого военного округа полковник Блохин»

На документе отметка: «**Отправлен 22 июня 1941 г. в 15 часов 20 минут**»[293].

Как уже отмечалось, штаб 9-й армии, действовавшей в полосе против ЗапОВО, дислоцировался в населенном пункте Гибы, а не Алленштайн. Штаб 4-й армии — в Мендзыжеч, а не Цеханув. В предместье Варшавы до 16 июня дислоцировался не установленный штаб 2-й танковой группы, который с 19 июня отмечается в Бяла-Подляска.

Констатация документа о том, что «основная часть войск находится в тридцатикилометровой полосе от границы», не соответствовала действительному положению вещей. Из пяти танковых дивизий, действовавших в полосе против ЗапВО, четыре — 2-я, 4-я, 17-я, 18-я тд 21-го июня были уже развернуты непосредственно на границе и только 10-я тд находилась на расстоянии от границы около 90 км по прямой.

Итого, согласно разведывательной сводке (**отправлена 22 июня 1941 г. в 15 часов 20 минут**), войска группы армий

Центр», которые должны были занять исходное положение, как говориться в выводах сводки, и изготовиться к нападению (а не находиться в 30 км от границы), по состоянию на 21 июня насчитывали до 14–15 пехотных дивизий + 15 штабов пд; до 5 танковых дивизий + предположительно две дивизии «СС» + 9 бронеполков; до 6 моторизованных дивизий; до 4 кавалерийских дивизий и 1 авиадивизия. Установить общее количество дивизий не возможно, так как указаны и пехотные штабы, и пехотные дивизии. Опять появились бронеполки — возможно, это часть от тех ранее выявленных и потом исчезнувших 7–8 танковых полков. Если же пренебречь логикой и посчитать штабы пехотных дивизий, то получится **47 дивизий**, 9 бронеполков и 1 авиадивизия.

Как уже отмечалось, в сухопутных войсках вермахта еще не было танковых дивизий «СС», так же как и тяжелых танков.

2-я танковая группа, действовавшая в полосе против ЗапОВО, на 21.6.41 состояла из XXXXVI (м) [10 тд (7 тп)], XXXXVII (м) [17 тд (39 тп), 18 тд (18 тп;], XXIV (м) [3 тд (6 тп); 4 тд (35тп)] моторизованных корпусов, всего 5 танковых дивизий и 5 танковых полков (по одному танковому полку в каждой тд), а по данным РО штаба ЗапОВО их должно было быть не менее 16 (если учитывать по одному тп в каждой дивизии).

Группировка армий «Центр» включала в себя **49 дивизий, в том числе 9 танковых, 6 моторизованных, 30 пехотных, одна кавалерийская, 3 охранных дивизии и один моторизованный полк «Grossdeutschland»).** Первые несколько дней 11 дивизий группы армий «Центр» были переданы группе армий «Север» и сражались в ее составе против войск Северо-Западного фронта.

Таким образом, войска группы армий «Центр», вторгшиеся 22 июня в СССР насчитывали в полосе против ЗапВО всего **38 дивизий, в том числе 5 танковых, 3 моторизованных, 26 пехотных, одна кавалерийская, 3 охранных дивизии, и один моторизованный полк.**

Получается, что РО штаба ЗапОВО выявил (судя по всему, «задним» числом) постарался увеличить численность немецких соединений с 38 расчетных дивизий (фигурировавших в разведсводках в течении двух месяцев) до 47 условных дивизий + 5 бронеполков и 1 авиадивизия к 20–00 21.6.41, что не соответствовало действительности.

Разведсводкой не были установлены штабы группы армий «Центр», танковых групп (штаб 2 ТГр находился в Бяла-Подляска, населенный пункт, который значился во многих докладах РО), и моторизованных корпусов.

8-я армия, штаб которой был «выявлен» разведкой округа,

была реорганизована в 1939 г. во 2-ю армию, которая к моменту вторжения не была развернута в полосе против ЗапОВО.

Разведотдел штаба округа не установил направления главных ударов по войскам Западного особого военного округа, а ограничился тем, что дал группировки немецкой армии по направлениям: восточно-прусское, млавское, варшавское и демблинское, из чего не следует по каким направлениям предполагается нанесение главных ударов.

Вместе с тем были вскрыты места сосредоточения немецких войск в районах Седлец и Сувалки, откуда были нанесены удары в направлениях Седлец — Бяла-Подляска — Брест — Кобрин и Сувалки — Гродно, соответственно.

Однако, возникает вопрос, была ли информация, о которой идет речь в разведсводке, получена 21 июня? Или сводка была составлена с учетом вновь поступивших сведений уже с началом боевых действий 22 июня? Однозначность выводов сводки, скорее всего, говорит в пользу последнего предположения. Ведь, если информация, о которой идет речь в сводке, поступила еще 21 июня, то начальник разведки был обязан «бить в колокола» и безотлагательно доложить по команде начальнику штаба, а последний — командующему. И еще: выводы последней разведсводки ЗапОВО разительно отличаются от выводов спецсообщения Разведывательного отдела Западного Особого военного округа по данным на 20 июня 1941 г.:

«1. Подтверждаются ранее поступившие данные об интенсивных перебросках немецких войск к границам СССР, главным образом в р-ны Сувалки и Седлец».

Пролить в какой-то степени свет на данную проблему может протокол допроса арестованного Павлова Д.Г. 07.07.1941:

«… Вопрос: У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

Ответ: Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было.

Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

Вопрос: Как же в таком случае это произошло?

Ответ: Я вначале изложу обстановку, при которой начались военные действия немецких войск против Красной Армии.

В час ночи 22 июня с.г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских.

Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: “Ну, как у вас, спокойно?” **Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли беспрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта я доложил, что меня особенно беспокоит группировка “Бялоподляска”** [Бяла-Подляска].

На мой доклад народный комиссар ответил: “Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните” (выделено мной. — *М.А.*). На этом разговор закончился»[294].

Удивительно, а если бы нарком не позвонил, командующий округом так бы и отмалчивался?

Подтвердить, равно, как и опровергнуть слова бывшего командующего ЗапОВО некому. В своем ответе наркому Павлов приводит известные ему данные из спецсообщения РО ЗапОВО по данным на 20 июня 1941 г. и донесения штаба Западного особого военного округа начальнику Генерального штаба о нарушении государственной границы германскими самолетами и о снятии немцами проволочных заграждений от 21 июня. Единственно, что взято из последней сводки это — «группировка “Бялоподляска”». Предположить, что Д.Г. Павлов мог умолчать о том «кричащем» массиве данных о неминуемом нападении Германии, если бы он ему был известен 21 июня или к часу ночи 22 июня, не представляется возможным.

В соответствии со спецсообщениями и разведсводками РУ Генштаба Красной Армии на фоне докладов о происходящих перебросках войск на Восток количество германских дивизий в группе армий «Центр» (против ЗапОВО) около двух месяцев практически оставалось неизменным (равно как и в спецсообщениях и разведсводках штаба ЗапОВО):

— на 25 апреля — «б) На Варшавском направлении (против ЗапОВО — 28 дивизий, из них: 23 пехотных, 1 моторизованная и 4 танковых. Кроме того, одна мотокавдивизия»[295] (спецсообщение от 26 апреля);

— на 5 мая — 29 дивизий (спецсообщение от 5 мая)[296];

— на 15 мая (спецсообщение от 15 мая) — 30 дивизий (в том числе, 4 тд, 1мд, 1 кавалерийская и 8 кавалерийских полков)[297];

— на 1 июня (спецсообщение от 31 мая) — 30 дивизий (в том

числе, 24 пд, 4 тд и 1 мд, 1 кд и 8 кав. полков)[298];

— на 1 июня (разведсводка от 15 июня) — 30 дивизий (в том числе, 1 тд и 6 танковых полков, 1 мд)[299].

Происходят удивительные вещи с танковыми дивизиями: количество их меняется от 4-х до одной с танковыми полками, и вновь и вновь появляется 4 дивизии.

Судя по всему, как и в случае с данными РО штаба ПрибОВО, Разведупр не счел нужным принимать в расчет цифры, приводимые разведотделом штаба Западного Особого военного округа и которые должны были быть положены в основу расчета. Два месяца Разведывательное управление ГШ РККА не меняло численность германских войск в полосе округа, оставаясь при своих оценках. Зеркальную позицию занимал и РО штаба ЗапОВО, упорно указывая в своих документах цифру — до 38 расчетных единиц. Объяснение разницы в цифрах, пожалуй, состоит в том, что в Разведуправлении выделяли в отдельную позицию во всех разведсводках и спецсообщениях немецкие войска «в районе Данциг, Познань, Торн (обозначая их в «Дислокации германских частей и соединений по группировкам в пограничной полосе с СССР на 1 июня 1941 г.» следующим образом — «в глубине») — шесть пехотных дивизий, один кавалерийский полк», причем это количество оставалось неизменным в течение трех последних предвоенных месяцев.

В «Разведсводке № 1 Разведывательного Управления Генштаба Красной Армии на 20 час. 00 мин. 22 июня 1941 г.» приводятся все те же манипуляции с цифрами, превращая одну танковую дивизию и 6 танковых полков в четыре танковых дивизии: «Общая численность группировки перед западным фронтом в Варшавском районе 31 дивизия, из них 21 пехотная, 1 моторизованная, 4 танковых и 1 кавалерийская дивизия»[300].

2.5 «5. Крупное движение всех родов войск и транспорта южнее Томашов преследует какую-то демонстративную цель или связано с проводимыми учениями»

(Разведывательная сводка штаба КОВО № 3 от 20 июня 1941 года)

От Влодавы до устья Дуная протяженностью 780 км перед Киевским Особым военным округом (КОВО) и Одесским военным округом (ОдВО) развернулась **группа армий «Юг»** под командованием фельдмаршала Рундштедта в составе немецких 6-й полевой армии [XVII-й, XXXXIV-й, XV-й армейские корпуса, пять пехотных дивизий (56-я, 62-я, 297-я, 9-я и 168-я)], 17-й полевой армии [IV-й, XXXXIX (горный) — й, LII (52) — й армейский корпуса, семь пехотных дивизий (24-я, 68-я, 71-я, 257-я, 262-я, 295-я, 296-я), одна горно-стрелковая (1-я гсд) и три легкие пехотные (97-я лпд, 100-я лпд, 101-я лпд) дивизии], 11-й полевой армии [Военная миссия в Румынии, XI-й, XXX-й и LIV (54) — й армейские корпуса, семь пехотных дивизий (22-я (резерв), 50-я, 72-я, 76-я, 170-я, 198-я, 239-я)] и 1-й танковой группы [XIV-й моторизованный, II-й моторизованный, XXXXVIII-й моторизованный и XXIX-й армейский корпуса, пять танковых дивизий (9-я, 11-я, 13-я (резерв), 14-я, 16-я), три моторизованных дивизии — мпд СС «Viking», 16-я (резерв), 25-я (резерв) и одна моторизованная бригада (мпбр СС «Leibstandart Adolf Hitler»), шесть пехотных (44-я, 57-я, 75-я, 111-я, 298-я, 299-я)]; резерв группы армий «Юг» [три охранных дивизии (213-я, 444-я, 454-я) и одна легкая пехотная (99-я лпд)]; **всего: 41 немецкая дивизия и одна бригада, в том числе пять танковых дивизий, три моторизованных дивизии и одна моторизованная бригада, 25 пехотных, одна горно-стрелковая, четыре легких пехотных и три охранных дивизии**[301].

В состав группы армий «Юг» также вошли 3-я и 4-я румынские армии (13 дивизий и девять бригад) и венгерская «карпатская группа» (две пехотные, одна кавалерийская и две моторизованные бригады). Румынские войска вместе с германскими вторглись на территорию СССР 22-го июня. Венгрия объявила войну СССР 27 июня 1941 года и 1 июля венгерские войска завязали бои с советской 12-й армией, форсировав Днестр.

Группу армий «Юг» поддерживал 4-й воздушный флот в

количестве 1140 самолетов всех типов, в том числе 355 бомбардировщиков, 380 истребителей, а также 91 дальнего и 138 ближних разведчиков[302].

Группе армий «Юг» была поставлена задача наступать своим усиленным левым флангом в общем направлении на Киев, имея впереди подвижные части. Общая задача — уничтожить советские войска в Галиции и Западной Украине к западу от р. Днепр и захватить своевременно переправы на Днепре в районе Киева и южнее, создав тем самым предпосылки для продолжения операций восточнее Днепра.

В соответствии с этой задачей 1-я танковая группа во взаимодействии с войсками 17-й и 6-й армий прорывает оборону войск Киевского Особого военного округа, сосредоточенных близ границы между Равой-Русской и Ковелем, продвигаясь через Бердичев — Житомир, своевременно выходит на р. Днепр в районе Киева и южнее.

17-й армии предстояло прорвать оборону КОВО на границе северо-западнее Львова. Быстро продвигаясь своим сильным левым флангом, она должна была отбросить противника в юго-восточном направлении и уничтожить его. В дальнейшем эта армия, используя успешное продвижение войск танковой группы, без промедления выходит в район Винницы, Бердичева и, смотря по обстановке, продолжает наступление в южном или юго-восточном направлении.

6-я армия во взаимодействии с соединениями 1-й танковой группы прорывает фронт в районе Луцка, прикрывая северный фланг группы армий от возможных атак со стороны Припятских болот, своими главными силами по возможности с максимальной быстротой следует на Житомир вслед за войсками танковой группы.

11-я армия должна была обеспечивать прикрытие румынской территории от вторжения советских войск, имея в виду жизненно важное значение Румынии для ведения войны. В ходе наступления войск группы армий «Юг» 11-й армии предстояло сковать противостоящие ей войска КОВО, создавая ложное впечатление стратегического развертывания крупных сил, и по мере дальнейшего развития обстановки путем нанесения во взаимодействии с авиацией ряда ударов по отходящим войскам КОВО препятствовать организованному отходу советских войск за Днестр[303].

В Докладе начальника Разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанта Голикова в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий германской армии против СССР» от 20 марта 1941 г.

отмечается, что «из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР», заслуживает внимание один из трех:

«2. Вариант № 2 по данным КОВО от декабря 1940 г. (приложение № 2): "…Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет те преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того, Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и в[ойск] из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у нее территорию.

Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Мало-Польше. На остальном участке наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с целью очищения всей остальной территории"»[304].

Невнятное, оборванное и неполное изложение варианта действий, намечаемых против Советского Союза — потеряно направление третьего главного удара «в». Обозначение в «Варианте № 2» одно их из главных направлений «б) через Галицию и Волынь» никоим образом не свидетельствует о том, что основные силы Германии будут нацелены на КОВО, как это стараются представить отдельные исследователи. К тому же источник ставших вариантом № 2 сведений в тексте доклада ГРУ обозначен весьма расплывчато — «По данным из КОВО». Такие сведения могли поступить только от разведки штаба округа и поступили в РУ ГШ РККА до 18 декабря 1940 года в виде разведывательной сводки штаба КОВО за подписью начальника штаба Пуркаева и начальника РО Бондарева. Командующим КОВО в тот период был генерал армии Жуков. Разведсводка была направлена в тот момент, когда еще не был подписан план операции «Барбаросса». Не исключено, что это отголоски обсуждения одного из вариантов нападения на Советский Союз, дошедшие до РО штаба КОВО.

Разведотдел штаба КОВО выпускал разведывательные сводки раз в 10 дней. Из декадной разведывательной сводки № 14 разведотдела штаба КОВО за период с 1 по 10 мая 1941 г.:

«1. Германия

О войсковых частях

«Агентурными данными подтверждается дислокация в г. **Холм** (здесь и далее выделение документа. — *М.А.*) штаба 62 пех. дивизии; командир дивизии — генерал-лейтенант **Кайнер**. Там же отмечается 164 пех. полк (командир полка — полковник **Фрибель**, его заместитель — подполковник

фон **Лебен**; командир 1-го батальона — майор Фридрих, командир 2-го батальона — майор Файен); 121 арт. полк (большинство подразделений этого полка выдвинуто к границе с СССР). По данным, требующим дополнительной проверки, 164 пп и 121 ап входя т в состав 62 пд. …

По данным агентуры, поступившим впервые, в Кельце со штабами прибыли 44 и 111 пех. дивизии. …

Подтверждаются данные о дислокации в Белжец (8 км. южн. Томащов) 559 пех. полка … По имеющимся данным 12 армия, штаб которой отмечался в конце февраля и марте в Закопане (21 км южн. Новы Торг), действовал в военных операциях против Югославии и Греции…

Данными агентуры и другими источниками подтверждаются ранее имевшиеся сведения о прибытии в р-н Замостье германских войск. … Среди прибывших частей преобладает пехота и артиллерия, причем, в большинстве на конной тяге, меньше на мехтяге. … в конце марта в Замостье прибыли мотобатальон связи и понтонный батальон. … Этими же данными в Замостье подтверждается крупный штаб. По данным, требующим проверки, в самом городе находится 5 генералов пехоты, 2 генерала авиации и генерал артиллерии.

Одновременно отмечается, что из Замостья ранее дислоцировавшиеся войска, кроме штаба 175 пд, тыловых учреждений и войск гестапо, убыли в восточное и юго-восточное направление м направлении — данные требуют проверки»[305].

В этой, как и в последовавших разведсводках отмечается присутствие рядом с достоверными данными, неточных и дезинформационных. Так, командующим 62-пехотной дивизии (XVII ак 6А), входившей в группу армий «Юг», являлся генерал-лейтенант Walter Keiner. **В состав 62 пд** входили **164**, 183, 190 пехотные полки и 162 артиллерийский полк. Фамилии командиров 164 полка и батальонов из его состава установить не удалось. Подобную информацию невозможно было получить путем наблюдения или простого осведомления у солдат дивизии. Речь может и должна идти о серьезной агентуре.

В апреле 1941 года 12-я армия вермахта участвовала в захвате Югославии, затем — кампания в Греции против греческих и британских войск. Затем выполняла оккупационные функции на Балканах.

44-я (III мк) и 111-я (XXIX ак) пехотные дивизии, действительно, входили в состав 1-й ТГр группы армий «Юг», развернутой против КОВО.

559-го пехотного полка не существовало в составе сухопутных войск вермахта, развернутых на Востоке. Речь могла идти о 559-м

истребительно-противотанковом артиллерийском дивизионе или 559-м дорожно-строительном батальоне. Равно не существовало и 175-й пехотной дивизии — в состав XXXXVIII-го моторизованного корпуса войск группы армий «Юг» входила 75-й пехотная дивизия с 175-м артиллерийским полком. Штаб корпуса прибыл в Замостье 22 апреля.

В разделе «Выдвижение частей к границе с СССР» отмечалось следующее: «**По данным войскового наблюдения и агентуры** (выделено мной. — *М.А.*) установлено, что германское командование продолжает выдвигать небольшие подразделения и группы частей непосредственно к границе с СССР. Так например в приграничных населенных пунктах зап. р. Буг установлено, что на участке Угруск, Дорогуск и Дубенко сосредоточилось до двух пех. полков и одного арт. полка, в частности, в Березно отмечено 80 солдат и саперная часть; в Сверж количество не установлено».

Из сводки следовало, что происходит достаточно интенсивное развитие инфраструктуры на сопредельной территории — «постройка и ремонт дорог» и одновременно проводятся «Р**аботы по оборонительным сооружениям**»:

«По данным агентуры, поступившим впервые, на всех пограничных станциях по линии **Холм-Люблин** (здесь и далее выделение документа. — *М.А.*) отрыты зигзагообразные рвы, глубиной 1,5 м и шириной 1 м, которые, вероятно создаются для прикрытия жел. дор. станций и могущие служить отсечными позициями.

По этим же данным, такие рвы уже отрыты в г. Холм вокруг зданий бывш. польской жел. дорожной дирекции. В главном здании, в подвальном помещении сделано цементированное убежище с телефонной и электропроводкой. Кроме того, вокруг этих зданий, вдоль Грубешовской улицы, построены 11 бетонированных убежищ, в виде погребов с вентиляцией. Данные убежища: размер 5 х 5 м, глубина 1,5 м, толщина потолка до 1 м. Эти убежища, якобы построены против воздушных налетов для немецких служащих.

Вост. г. Холм на рубеже **Окшов** (сев. вост.) и Камень (юго-вост.) производится отрывка окопов, длиной 25–30 м. Стенки окопов обшиваются жердями, а в некоторых местах цементируются, толщиной 10 см. Сверху окопы закрываются и засыпаются землей.

По этим же данным производится отрывка окопов на отделения на участке **Дорогуск**, **Бердыще** (вост. Холм) на границе и далее по высотам на **Сверж**.

Вдоль границы, по р. Зап. Буг, ведется постройка вышек высотой до 35 м. Материал для строительства заготовляется в

Холм; к месту строительства подвозится цемент для площадок вышек. Такие вышки строятся в с. Бердыще и на стыке дорог **Сверж Вулька** и **Дорогуск Сверж**. Вышки размером 10 м устанавливаются в лесу 3 км сев. вост. (данные поступили впервые).

По данным войскового наблюдения, в р-не **Гузеле** на зап. берегу р. Сан против Лиско (на нашей стороне) немцы закончили строительство двух ДОТов и начато строительство третьего ДОТа. На северной окр. Гузеле установлены противотанковые препятствия (раки). Там же севернее Гузеле отрыт противотанковый ров (см. схему)

По данным УПВ НКВД УССР отмечена работа оборонительного характера в р-не **Бабице**, **Куньковцы**, **Русска-Весь** (сев. и зап. Перемышль). В ночь на 23 апреля в этот район подвозился строительный материал на 10 автомашинах. В этом же районе установлено проволочное заграждение в 3 кола (колья железные).

По этим же данным, в последних числах марта, на ст. **Стары Загуж** (р-н Санок) прибыли металлические колпаки, якобы, с линии Мажино для строительства оборонительных сооружений в приграничной полосе.

Об усилении подготовки театра свидетельствует и сообщение газеты «Гонец Краковски» от 16 апреля 1941 г., в котором указывается, что германскому ведомственному учреждению требуются техники, знающие строительство подземных сооружений, владеющие немецким языком, нужные, якобы, для строительства дорог и сельского хозяйства».

Все вышеизложенное соответствовало действительности, и должно было успокаивающе воздействовать на командование Киевского Особого военного округа и руководство Генштаба КА.

РО штаба КОВО пришел к следующим выводам:

«Германия

1. Усиление германских войск и проводимые мероприятия по ускоренной подготовке театра в приграничной полосе против КОВО как качественно, так и количественно началось с 10–15 апреля.

2. Наряду с действительным увеличением войск в полосе против КОВО, германское командование одновременно занимается маневренностью, перебрасывая отдельные части в приграничном районе из одного населенного пункта в другой с тем, чтобы создать туманность в оценке действительного наличия войск.

3. С учетом новоприбывших войск, в полосе против КОВО группировка германских войск составляет: 24–25 пехотных

дивизий (две из которых требуют проверки), 5 моторизованных дивизий, 4–5 танковых дивизий (три из них требуют проверки), 2 кавполка и свыше 800 самолетов».

Разведсводка была составлена по состоянию на 10 мая по данным, в основном, на середину апреля (последняя дата агентурных сообщений — 24 апреля), когда еще возможна была переброска частей с одного места на другое с целью введения в заблуждение. Но к 10 мая эта информация запоздала на три недели и ситуация коренным образом изменилась. Германскому командованию уже следовало, «создавая туманность в оценке действительного наличия войск», не преувеличивать за счет переброс в приграничном районе состав развернутых войск, а, наоборот, преуменьшать, маскировать происходившие переброски. Поэтому п. 2 Выводов не отвечал реальному положению вещей.

В п. 3 «Выводов» содержится дезинформация в части наличия подвижных соединений в полосе против КОВО. В действительности по состоянию на 15 мая 1941 г. было развернуто 22 пехотные дивизии. И ни одной танковой и моторизованной.

Вывод п. 3 предопределил и содержание не соответствовавшего действительности п. 1 об «усилении германских войск», которое началось с 10–15 апреля «как качественно, так и количественно».

В декадной разведывательной сводке РО штаба КОВО за период с 10 мая по 20 мая 1941 года приводятся данные, поступившие от НКГБ УССР и УПВ НКВД УССР, и присутствуют те же недостатки, что и в предыдущей сводке: ошибочно смешивается нумерация дивизий и отдельных частей германских войск:

«На 20 мая 1941 г. Секретно

Экз. № 68

1. ГЕРМАНИЯ

О дислокации войсковых частей (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*)

(По агентурным данным)

В г. Замостье в казармах Пилсудского отмечается дислокация мотодивизии с входящими в нее 542, 549 и 619 мотополками. Солдаты этих полков в возрасте от 18 до 25 лет.

По этим же данным, в Замостье дислоцируется еще одна мотодивизия, штаб которой размещается по ул. Желяского. В эту дивизию входят 560, 562, 569 мотополки, расположенные в различных домах города. Кроме того, в окрестных селах отмечаются 314 артполк, 533 мотополк и 565 пехполк (этот

пехполк в конце 1940 года отмечался в Краков, а в марте в Белжец).

В с. Лабуне (8 км южн. Замостье) размещается 3000 солдат. Вероятно, это один из полков мотодивизий, дислоцирующихся в Замостье.

В с. Криница (16 км южн. Замостье) расположен армейский госпиталь, насчитывающий 50 санитарных автомашин.

Подтверждается дислокация в Томашов [Томашув (-Любельский) до 20 км до границы] штаба пехдивизии неустановленной нумерации. По этим же данным, из районов в направлении Грубешов убыли 639 и 652 пехполки. Вместо 639 пп прибыл другой пехполк неустановленной нумерации, а вместо 652 пп — гестаповцы и полиция.

Данными агентуры отмечается установка артиллерии на огневых позициях в пунктах, расположенных у границы с СССР. Так, на вост. окр. Томашов установлено 9 тяжелых орудий; в лесу, 4 км южн. Томашов, на безымянной реке — 10 тяжелых орудий; 0,5 км сев. (3 км сев. Белжец) — 3 тяжелых орудия; в лесу (l км зап. Белжец) — 3 тяжелых орудия. Все орудия хорошо замаскированы.

По данным агентуры, требующим проверки, в австрийских фортах в Перемышль, Липовица, Лэнтовне и Острув установлены орудия; туда же завезены боеприпасы. 1 км сев. — зап. Перемышль, на восточных скатах выс. 315, установлено на огневых позициях 6 зенитных орудий.

Отмечается дислокация артиллерийских подразделений в с. Подлясина (4 км сев. — зап. Белжец) и в с. Езерян (сев. Белжец).

Подтверждается дислокация в г. Кельце:

— штаб 2 армкорпуса (номер корпуса требует проверки);

— 44 пехдивизии. В состав дивизии входят 70, 72 полки, 74 и 82 артполки;

— 111 пехдивизии. В состав дивизии входят 542, 544 пехполки, 564 и 614 арт. полки.

Подтверждается дислокация в Журавица (3 км от Перемышль) пехполка неустановленной нумерации. Батальон этого полка дислоцируется в с. Липовица (сев. — зап. Перемышль). Там же отмечается артчасть неустановленной нумерации.

В гор. Санок отмечаются следующие войсковые части:

— Штаб 257 пехдивизии по ул. Собецкого, 16. Командир дивизии ген. фон Вебецкер; начальник артиллерии дивизии подполковник Флябих:

— 257 пехполк. Командир полка полковник Фуцих. Подразделения этого полка размещены: Санок — пехбатальон и

две пуль. роты, Загуж — пехбатальон и по одной пехроте в се. Саночек, Юровце, Костаровце, Фалеювка (все в р-не Санок);

— 457 пехполк, штаб полка в Санок. Его подразделения размещены: Санок — две пехроты, Строгув — пехбатальон, Трепча — две пехроты и по одной пехроте в Коньска, Рагозина, Гломча (все пункты в р-не Санок);

— 55 легкий артполк. Подразделения полка размещены: Рыманув — 2 артдивизиона, по одной батарее в Санок, Беско, Вздув, Загуж.

15 тяжелый артполк — командир полка майор Шуберт. Подразделения размещены: Рыманув — 2 артдивизиона, по одной батарее в Беско, Врублик, Рыманув, Збрув;

442 рабочий полк (ранее отмечался как пехполк). Полк подчинен командиру 257 пехдивизии, хотя организационно в состав этой дивизии не входит. Командир полка майор Рудзатц. Полк дислоцируется поротно в селах в районе Санок.

В селах Уйковице, Мацковице, Ракетница (все в р-не Перемышль) дислоцируется пехполк неустановленной нумерации.

В Прухник (24 км сев. — зап. Перемышль) дислоцируется зенитный артдивизион (12 зенитных орудий).

О передвижении войсковых частей

По данным агентуры и других источников, во второй половине апреля в районах Люблин, Красныстав, Замостье, Томашов, Белжец происходила интенсивная переброска войск в течение всех суток. В первой половине мая перевозка войск в этих районах несколько сократилась, но зато значительно возросли перевозки боеприпасов и военного имущества.

По этим же данным, с 15 по 28 апреля со станции через Замостье на Томашов проследовало: 200–220 полевых орудий, 50–60 зенитных орудий и до 200 орудий ПТО. Вся эта масса артиллерии проходила побатарейно (данные проверяются).

27 апреля через Замостье на Томашов прошла саперная часть, которая в своем составе имела до 100 автомашин с разобранными деревянными мостами; с 15 по 29 апреля на Замостье проследовали три пехотных части.

По данным агентуры, через ж. д. станции Жешов (жел. дорога Краков— Ярослав) и Кросно (жел. дорога Новы Сонч-Санок) за вторую половину апреля прошло 150 эшелонов с войсками.

По данным НКГБ УССР, в Жешов в конце апреля было большое количество немецких войск, которые после выгрузки на автомашинах перевозились в Ярослав, а отсюда погрузка происходила в жел. дор. эшелоны; дальнейшее продвижение этих частей не установлено.

Перевозка военных материалов

По агентурным данным, на аэродром в с. Мокре Замостье ежедневно завозятся авиабомбы крупного калибра, на одной автомашине перевозятся две авиабомбы. (Сведения требуют проверки.)

По данным НКГБ УССР, на ст. Белжец ежедневно прибывают 2–3 эшелона с амуницией, боеприпасами, горючим и цементом. После разгрузки эти материалы на автомашинах перевозятся в различные приграничные пункты.

Инспекционная поездка д-ра Франк в полосе против КОВО

По данным агентуры и УПВ НКВД УССР, 25 апреля в Нем. Перемышль специальным поездом прибыл генерал-губернатор д-р Франк в сопровождении офицеров высшего командования германской армии. Объехав линии границы по р. Сан, Франк с сопровождавшими его офицерами убыл в тот же день в Ярослав. Предположительно, д-р Франк приезжал с целью инспектирования германских войск юго-восточной части Генерал-губернаторства.

По сообщению газеты «Гонец Краковски» от 1 мая 1941 года, Франк в течение последней недели апреля завершил инспекционную поездку вдоль германо-советской границы от Перемышль до Санок.

Франк посетил нефтяной и газовый район в Ясло.

Строительство оборонительных сооружений

По данным НКГБ УССР, вокруг ж. д. ст. Белжец вырыты глубокие ямы для бомбоубежищ.

Агентурными данными подтверждается наличие двух построенных ДОТ у Гузеле, южнее Санок (см. декадную разведсводку № 14). Этими же данными отмечается строительство ДОТов в Санок (в парке — 1) и между Мжиглод и Гломча на юго-воет. скатах вые. 449-1. По данным УПВ НКВД УССР, в районе Санок продолжается строительство оборонительных сооружений. Так, 25 апреля с 7.00 до 12.50 два саперных взвода производили установку противотанковых препятствий — надолб; 29 апреля в районе Вара (21 км сев. Санок) производилась отрывка противотанкового рва. Этими же данными подтверждается строительство тоннеля в горах между Стжишев и Жарнов (воет. Стжишев); в работах занято 600 итальянцев (о наличии итальянцев сведения требуют проверки).

Строительство казарм и бараков

По данным агентуры и др. источников, в полосе против КОВО продолжается строительство казарм и бараков стандартного типа. Такое строительство производится в Замостье, Ясло, Кросно, ст. Пшеворск, Рыманув. В Замостье, по ул. Щебржешинской (зап. окр.

города), ускоренным темпом строится 7 каменных двухэтажных гаражей, размером 40 м длины и 15–20 м ширины; первый этаж предназначен для стоянок машин, а второй этаж — для размещения личного состава и классных занятий. Строительство производит фирма «Бауляйрунг». В лесу сев. — вост. Пулавы закончено строительство бараков. Крыши и стены этих бараков, в целях маскировки, камуфлированы. На ст. Журавице закончено строительство воинской погрузочной площадки, шириной 8 м.

Строительство дорог

По данным агентуры, ускоренным темпом производятся работы по ремонту и улучшению дороги Томашов-Юзефов-Белгорай, шириной 4 м. Полотно дороги покрывается настилом из жердей, толщиной около 12 см. На строительстве занято 1500 чел. и 200 подвод. По данным НКГБ УССР, ускоренным темпом строится шоссе от с. Жуков (юго-зап. Белжец) до Ярослав. Шоссе проходит вдоль границы.

Выводы

1. Переброска войск из глубины Германии непосредственно к границе с СССР в первой половине мая продолжается, но менее интенсивно, чем во второй половине апреля.

2. Наряду с продвижением германских войск к нашей границе немцы стараются показать большее количество прибывших частей, чем в действительности, применяя для этого переброску одних и тех же частей в различные направления.

2. РУМЫНИЯ

Дислокация румынской армии по достоверным данным радиоразведки и РО ОдВО, подтверждается дислокация следующих частей и соединений:

Бакэу — штаб 4 армии

Крайова — штаб l ак

Кымпулунг — штаб 4 горно-стрелковой бригады …

Зачисление в кадры ВВС

По данным радиоразведки, авиамастера и радиотелеграфисты из состава коммерческой авиации зачисляются в кадры ВВС.

Группировка немецких войск в Румынии.

По данным РО ОдВО, на 30 апреля установлена следующая группировка немецких войск в Румынии: В районе Рэдэуть, Михайлени, Серат — одна пехотная дивизия. В районе Ботошань, Стефанешти — более пехотной дивизии и понтонная часть. В районе Сучава — одна мотомехдивизия и до 100 самолетов (требует уточнения). В районе Бузэу — одна мотомехдивизия. В районе Пашкани — более пехотной дивизии. В районе Роман — мотомехчасть и авиачасть. В районе Бухарест — находится до 30

000 немецких войск (моторизованная пехота, танковые части, авиация, полевая и зенитная артиллерия). В районе Брашов дислоцируется 525 зенитный полк. Штаб немецких войск в Румынии — в гор. Бухарест. По данным радиоразведки, 27.4 на станции Браила выгружалась немецкая моторизованная часть.

Вывод

Подвоз строительного материала и строительство оборонительных сооружений на границе с СССР продолжается.

3. ВЕНГРИЯ

Сосредоточение войск к границе СССР. По данным агентуры, с 15.4 по 6.5.41 г. в район Торун, Валове, Воловец установлено прибытие из глубины Венгрии до одного гсп и одного отдельного горно-стрелкового батальона и в район Н. Верецки, Свалява, Пудполозье, В.-Березне, Ужак — до трех горно-стрелковых полков и одного отдельного горно-стрелкового батальона. Прибывающие войска расквартировываются в казармах, частных квартирах и бивуаком. В указанных районах эти войска строят оборонительные сооружения и одновременно проводят учения. 28.4. из г. Севлюш в направлении Хуст прошла колонна пехоты и артиллерии, длиной до 3 км. Туда же проследовало до 15 автомашин с боеприпасами. В венгерской низменности — Сотмат-Нешети, Мукачево, Ужгород, Кашице, Дебрецен — сосредоточено до 2 армейских корпусов, 2 пограничных бригад, 2 мехбригад и до 4 батальонов спецвойск.

Строительство оборонительных сооружений по тем же данным, вдоль советской границы происходит интенсивное строительство оборонительных сооружений. Работа проводится под руководством немецких инженеров. Особенно напряженное строительство оборонительных сооружений отмечается в районе Валове, Н-Верецки, Свалява и в районе Воловец, Н-Верецки, Льюта, Ставна, Жорнова, Ужак.

…

Выводы

1. Сосредоточение войск к границе с СССР продолжается.

2. Строительство оборонительных сооружений, а также подготовка театра военных действий в других отношениях проводится форсированными темпами.

Начальник РО Штаба КОВО

полковник БОНДАРЕВ

Зам. начальника 3 Отделения РО Штаба КОВО

капитан ЗУБКОВ»[306].

В составе войск вермахта на Востоке не было 542-го, 549-го и 619-го полков, которые якобы дислоцировались в Замостье. Здесь находился 549 армейский полк связи, а также могла идти речь о

619-м артиллерийском полке особого назначения. Недостоверной являлась информация о 560-м, 562-м, 569-м мотополках, входивших, по утверждению РО штаба КОВО, в состав еще одной мотодивизии, дислоцировавшейся в Замостье. Полков с такой нумерацией также не было в составе сухопутных войск вермахта, развернутых на Востоке. Агентура могла ошибочно принять 560-й полк за 560-ю комендатуру армейского тылового района или 560-й мостостроительный батальон. Речь также могла идти о 567-м моторизованном батальоне снабжения. Недостоверными являлись и данные о «314 артполке, 533 мотополке и 565 пехполке», которые отмечались в окрестных селах с Замостье — таких частей не было в составе сухопутных войск вермахта на Востоке.

Состав, вскрытых разведкой 44-й и 111-й пехотных дивизий в полосе против КОВО, уже проходивших в предыдущей разведсводке, не соответствовал действительности. Так, в 44-ю пд входили 131, 132, 134 пп и 96 ап, а не указанные 70, 72 пп, 74 и 82 ап. То же самое касается и состава 111 пд: 50, 70, 117 пп; 117 ап, а не — 542, 544 пп, 564 и 614 ап. Ни в одной дивизии после проведенной реорганизации сухопутных войск вермахта не было по два артиллерийских полка.

«15 тяжелый артполк — командир полка майор Шуберт», о котором сообщается в сводке, не значится в составе артиллерии вермахта: существовал 15 артиллерийский полк из состава 15 пехотной дивизии резерва ОКХ при ГА «Центр». Не исключено, что речь идет о дивизионе тяжелых полевых гаубиц, который входил в состав любого артиллерийского полка независимо от классификации дивизии — пехотной, моторизованной или танковой.

До 27 мая 1941 года штаб 11-й немецкой армии («штаб немецких войск в Румынии») находился в Германии.

Сомнительным представляется 1-й вывод по разделу «Германия», констатировавший уменьшение интенсивности переброс к границе с СССР. 21 мая завершилась переброска на Восток третьего эшелона в составе 17 дивизий, начатая 11 апреля.

2-й же вывод, повторявший вывод предшествовавшей разведсводки, о стремлении немецкого командования показать большее число прибывших частей за счет переброс отдельных частей из одного населенного пункта в другой, является откровенной дезинформацией.

В части установленной по данным РО штаба ОдВО на 30 апреля группировки немецких войск в Румынии: на территории страны из числа развернутых «мотомехдивизий», «мотомехчастей» и «моторизованной» части, как утверждалось в разведсводке, имелись только пехотные дивизии. и одна из двух

находившихся в Румынии с конца 40-го — начала 41 — го танковых дивизий — 13-я тд, которая в мае была направлена в Силезию, 16-я тд с апреля находилась в Болгарии.

Выводы по разделам «2. Румыния» («Подвоз строительного материала и строительство оборонительных сооружений на границе с СССР продолжается») и «3. Венгрия» («Строительство оборонительных сооружений, а также подготовка театра военных действий в других отношениях проводится форсированными темпами») соответствовал действительности и способен был ввести в заблуждение командование КОВО и руководство Разведупра.

В соответствии со спецсообщениями и разведсводками РУ Генштаба Красной Армии количество германских дивизий в группе армий «Юг» против КОВО (в Люблинско-Краковском районе) с середины мая не меняется и отмечается увеличение соединений против ОдВО:

— на 25 апреля:

— против КОВО — «в) в Люблинско-Краковском районе (против КОВО) 29–32 дивизии, из них: 22–25 пехотных, 3 моторизованных, 4 танковых дивизии и три кав. полка. …д) На Ужгородском направлении (против КОВО) — общее количество немецких войск в районе Прикарпатской Украины составляет три дивизии, предположительно, в районе Ужгород, Мукачев, из них две пехотных и одна горнострелковая.

— против ОдВО — «е) На молдавском направлении (против ОдВО) — 8–9 дивизий, из них: 7–8 пехотных и одна горнострелковая»[307].

— на 5 мая:

— против КОВО — «31–34 дивизии; в Прикарпатской Украине — 4 дивизии»;

— против ОдВО — «в Молдавии и Северной Добрудже — 10–11 дивизий. (Ряд поступивших сведений о наличии в одной лишь Молдавии 18 немецких дивизий не имеет должного подтверждения и требует проверки.)»[308]. Молдавия — не корректное название, способное привести к путанице. Молдова и Северная Добруджа являлись историческими областями Румынии; составная часть Молдовы — Бессарабия в 1940 г. была возвращена СССР, часть территорий отошла УССР, а на другой части территорий была образована Молдавская ССР;

— на 15 мая:

— против КОВО — «в) в Люблинско-Краковском районе против КОВО — 33–36 дивизий, в том числе 22–25 пехотных, 5 моторизованных, 6 танковых дивизий и 5 кавалерийских полков; … д) в Словакии (район Зборов, Прешов, Вранов) — пять горных

дивизий; е) в Прикарпатской Украине — 4 дивизии»;

— против ОдВО — «ж) в Молдавии и Северной Добрудже — 13–14 дивизий, в том числе 3 моторизованные, 1 горная, 1 танковая»[309].

Разведуправление практически полностью воспроизвело завышенные данные РО штаба КОВО «в Люблинско-Краковском районе» по состоянию на 10 мая, увеличив количество танковых дивизий и кавалерийских полков на 1 и 3 единицы соответственно:

— на 1 июня (спецсообщение от 31 мая):

— против КОВО — «в) в Люблинско-Краковском районе против КОВО — 35–36 дивизий, в том числе 24–25 пехотных, 6 танковых, 5 моторизованных и 5 кав. полков; г) в Словакии (район Зборов, Прешов, Вранов) — 5 горных дивизий; д) в Прикарпатской Украине — 4 дивизии;

— против ОдВО — «е) в Молдавии и Северной Добрудже — 17 дивизий, в том числе 10 пехотных, 4 моторизованных, одна горная и две танковых дивизии». «В результате немецких переброс за май месяц против СССР необходимо отметить: … 2) перебросив значительные силы из Югославии, Греции и Болгарии на территорию Румынии, немцы в значительной степени усилили свое правое крыло против СССР, повысив его удельный вес в общей структуре своего восточного фронта против СССР (к настоящему времени в Румынии вместе с Молдавией насчитывается **28 дивизий** (выделено мной. — *М.А.*)». Авторы сводки ошибаются: Молдова, которая во всех разведсводках и спецсообщениях называется Молдавией, является составной частью Румынии[310].

— на 1 июня (разведсводка от 15 июня):

— против КОВО — «в) в Люблинско-Краковском районе (против КОВО) тридцать пять-тридцать шесть дивизий, в том числе: двадцать четыре-двадцать пять пехотных, пять моторизованных, до шести танковых дивизий и пять кавалерийских полков; … д) в Словакии (в районе Дуплин, Прешов, Михальовце) — пять дивизий (по последним данным, часть из них, якобы, выбыла в б. Польшу); е) в Прикарпатской Украине — четыре дивизии;

— против ОдВО — «ж) в Молдавии и Северной Добрудже — семнадцать дивизий, в том числе: четыре моторизованные, одна горная и две танковые»[311]. Неведомым образом исчезают 11 дивизий, которые в подсчете спецсообщения от 31 мая составили вместе с соединениями «в Молдавии и Северной Добрудже» 28 дивизий;

Разведсводки и спецсообщения с завидным постоянством

указывали в Словакии 5 горных (в последней сводке просто пехотных) дивизий и 4 дивизии в Прикарпатской Украине (Венгрии), которых на самом деле там не было. Чрезмерно показано увеличение числа дивизий в «Молдавии и Северной Добрудже» (Румынии) — число этих дивизий к 22 июня составило не 17 единиц, а всего семь соединений, часть из которых была переброшена только в июне месяце.

Всего к 1-му июня в полосе против КОВО и ОдВО было развернуто 22 дивизии из состава группы армий «Юг» и ни одной танковой и моторизованной!

7 июня было подготовлено «Спецсообщением Разведуправления Генштаба Красной Армии»:

«7 июня 1941 г.

№ 660606

Мобилизация в Румынии подтверждается многими источниками. Призываются возрастные контингенты от 19 до 42 лет. Вызов производится по телеграммам. Одновременно мобилизуется конский состав и обозы.

В результате мобилизации румынская армия будет доведена до одного миллиона человек и сможет быть развернуто до 30 дивизий.

Железные дороги, сократив пассажирское и обычное товарное движение, выполняют перевозки в Молдавию и Северную Добруджу немецких войск, идущих из Югославии и Болгарии, а также вооружения (артиллерия, танки, прожектора и т. д.) и военное снаряжение.

Что касается самой Германии, то там с 4 июня возобновились интенсивные перевозки по железной дороге и автострадам через Кюстрин и Франкфурт (оба пункта на р. Одер восточнее Берлина) на восток.

Перевозится людской состав, танки, тяжелая, зенитная и полевая артиллерия, автотранспорт, прожектора и горючее.

Район Познань представляет из себя буквально военный лагерь. Одновременно с этим наблюдается дальнейшее усиление немецких войск на границе за счет оттяжки ряда соединений из-за Вислы, так, 168-я и 111-я пд из района Кельцы — в направлении Ярослав. В Холм прибыла 183-я пд, а из района Холм передвинулась непосредственно к границе 62-я пд.

Вывод:

Учитывая соответствующим образом румынскую мобилизацию как средство дальнейшего усиления немецкого правого фланга в Европе, ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ необходимо уделить продолжающемуся усилению немецких войск на территории Польши.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной Армии
генерал-лейтенант ГОЛИКОВ

Указана рассылка: Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Жданову, Маленкову, Жукову, Кузнецову, Берия»[312].

Как следует из выводов, Ф.И. Голиков хотел обратить «ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ» руководства страны на продолжавшееся усиление немецких войск в Польше. Три (62-я, 111-я и 168-я) из перечисленных в спецсообщении четырех пехотных дивизий вошли в состав группы армий «Юг».

Штабы стрелковых дивизий РККА, развернутых у границы организовывали ведение войсковой разведки — визуальное наблюдение за противоположной стороной. Из воспоминаний бывшего начальника штаба 41-й стрелковой дивизии генерал-майора Н.В. Еремина (41-я сд, укреплённый район и пограничный отряд были теми силами, должны были прикрывать государственную границу на фронте до 50 км на операционном направлении Томашув — Львов):

В начале июня среди населения стали возникать и распространяться слухи о якобы скорой войне Германии с Советским Союзом. Естественно, что эти слухи сразу же проникли в семьи начальствующего состава, квартировавшие у местных жителей, а также быстро дошли до воинских частей. …

Мы получили сверху строгие указания, сводившиеся в основном к тому, чтобы ни в коем случае не вызвать какими-либо неуместными действиями конфликта на границе. Категорически предписывалось не ввязываться в могущие быть на границе провокационные инциденты со стороны немцев, не проводить на стрельбищах, расположенных недалеко от границы, занятия с боевой стрельбой, дабы избежать случайных выстрелов в сторону немцев. Более того, запрещалось открывать огонь по самолетам с немецкими опознавательными знаками, если даже они нарушат государственную границу и появятся в воздушном пространстве над нашей территорией…

Начальник разведывательного отделения капитан Усыченко ежедневно докладывал мне данные визуального наблюдения нашего передового поста на границе и более полные сведения, получаемые от штаба погранотряда. На основе этих данных выявилось, что на львовском направлении значительно увеличилось количество немецких войск и боевой техники в населенных пунктах и в лесах около самой государственной границы. При этом отмечалось прибытие двух новых дивизий. Непосредственно перед нами было установлено наличие более трех пехотных дивизий с танками, артиллерией, многочисленным

автотранспортом и другой боевой техникой. Участились случаи нарушения воздушной границы немецкой авиацией. Небольшие самолеты типа «Шторх» на высоте не более 200–300 м появлялись над районом расположения дивизии, а потом углублялись в направлении Львова. Кажется дня за три — четыре до начала войны наша армейская истребительная авиация вынудила к посадке несколько таких самолетов в районе Жолквы (Нестерова). Информацию о начале нападения приносили еще и перебежчики»[313].

Сложно утверждать, что визуальное наблюдение и информация, поступившая от пограничников, позволила вскрыть противостоявшие стрелковой дивизии РККА немецкие войска. Скорее всего это, как и в ряде других случаев *послезнание*.

Из воспоминаний генерала армии И. Федюнинского (на тот момент командира 15-го стрелкового корпуса 5-й армии):

«Вечером 18 июня мне позвонил начальник пограничного отряда.

— Товарищ полковник, — взволнованно доложил он, — только что на нашу сторону перешел немецкий солдат. Он сообщает очень важные данные. Не знаю, можно ли ему верить, но то, что он говорит, очень и очень важно…

— Ждите меня, — ответил я и немедленно выехал к пограничникам.

Пройдя в кабинет начальника отряда, я попросил, чтобы привели немца. Тот вошел и, привычно вытянувшись, застыл у двери.

С минуту, я рассматривал его, первого гитлеровского солдата, которого видел так близко и с которым мне предстояло разговаривать. Это был молодой, высокий, довольно нескладный парень в кургузом, мышиного цвета мундирчике с тусклыми оловянными пуговицами. На ногах у него тяжелые запыленные сапоги с широкими голенищами. Из-под пилотки выбивался клок светлых волос. Немец смотрел на меня настороженно, выжидающе. Кисти его больших красных рук чуть заметно дрожали. Я разрешил ему сесть. Он опустился на табурет, поставленный посередине комнаты, и снова выжидательно уставился на меня своими бесцветными глазами.

— Спросите его, почему он перешел к нам, — обратился я к переводчику.

Немец ждал этого вопроса и ответил не задумываясь, с готовностью. В пьяном виде он ударил офицера. Ему грозил расстрел. Вот он и решил перебежать границу. Он всегда сочувствовал русским, а его отец был коммунистам. Это последнее обстоятельство немец особенно подчеркивал.

— Мне будет сохранена жизнь? — спросил он.

— Разумеется. Но почему вы сомневаетесь в этом?

— Скоро начнется война, и немецкая армия будет противником русской.

Фельдфебель повторил мне то, что уже сообщил начальнику погранотряда: в четыре часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы.

— Можете не беспокоиться. Мы не расстреливаем пленных, а тем более добровольно сдавшихся нам, — успокоил я немца.

Сообщение было чрезвычайным, но меня обуревали сомнения. “Можно ли ему верить?” — думал я так же, как час назад думал начальник погранотряда. Очень уж невероятным казалось сообщение гитлеровского солдата, да и личность его не внушала особого доверия. А если он говорит правду? Да и какой смысл ему врать, называя точную дату и даже час начала войны?

Заметив, что я отнесся к его сообщению с недоверием, немец поднялся и убежденно, с некоторой торжественностью заявил:

— Господин полковник, в пять часов утра двадцать второго июня вы меня можете расстрелять, если окажется, что я обманул вас.

Вернувшись в штаб корпуса, я позвонил командующему 5-й армией генерал-майору танковых войск М. И. Потапову и сообщил о полученных сведениях.

— Не нужно верить провокациям! — загудел в трубке спокойный, уверенный басок генерала. — Мало ли что может наболтать немец со страху за свою шкуру.

Верно, все это походило на провокацию, но на душе было неспокойно. Я доложил генералу Потапову, что, по-моему, следует все же предпринять кое-какие меры. Попросил разрешения по два стрелковых полка 45-й и 62-й дивизий, не занятых на строительстве укреплений, вывести из лагерей в леса поближе к границе, а артиллерийские полки вызвать с полигона. Генерал Потапов ответил сердито:

— Напрасно бьете тревогу.

Обосновывая свою просьбу, я сослался на возможность использовать эти полки для работы в предполье и сократить таким образом сроки окончания строительства оборонительных сооружений.

— Опасаться же, что это может вызвать недовольство немцев, нет оснований, — говорил я. — Войска будут находиться в восьми километрах от границы, в густом лесу.

Командарм, подумав, согласился»[314].

Если такой факт имел место, то Потапов был обязан

доложить о нем командованию КОВО.

Из ответов генерала армии М.А. Пуркаева (начальник штаба Киевского Особого военного округа КОВО с июля 1940 года) помощнику начальника Генерального штаба Советской армии по научно-исследовательской работе генерал-полковнику Покровскому 29 апреля 1952 г.:

«… **Ночью 11 или 12 июня поступили разведданные** (выделено мной — М.А.):

а) от агентуры КОВО — об окончании сосредоточения немецких войск группы генерала КЛЕЙСТА в районе (примерно) ЗАМОСТЬЕ, ТОМАШУВ, ЛАЩУВ;

б) от штаба Одесского военного округа о том, что немецкие офицеры и солдаты в Румынии, в кабачках ведут разговоры о начале боевых действий против СССР с утра 17 июня [Данные о возможном предстоящем вторжении были также получены штабом Киевского особого военного округа от агентуры 90-го пограничного отряда НКВД. Эти данные были доложены в Генеральный штаб утром 15.06.1941. ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 46. Л. 107]

Около трех часов ночи я эти данные доложил Военному Совету округа на квартире генерала КИРПОНОС, предложив доложить непосредственно Народному Комиссару тов. ТИМОШЕНКО. Генерал КИРПОНОС приказ мне лично доложить по “ВЧ” тов. ТИМОШЕНКО.

Около 4-х часов ночи я эти разведданные по “ВЧ” доложил Народному Комиссару, который приказал мне ждать у аппарата.

Часов около 6 утра тов. ТИМОШЕНКО вызвал меня по “ВЧ” и сказал, что эти разведданные имеются и в Генеральном Штабе, возможно, что пьяные немцы болтают недостоверные данные, но — “ухо держите остро”.

Эти указания Народного Комиссара я немедля доложил Военному Совету округа»[315].

С 10 июня 1941 г. соединения, предназначенные для вторжения, стали занимать исходные районы: пехотные дивизии — районы, удаленные от государственной границы на 7—20 километров, танковые — на 25–80 километров. Выдвижение на исходные позиции (рубежи) танковых дивизий начиналось за несколько дней — от одного до шести — до начала операции «Барбаросса». Поэтому в ночь на 11 или 12-е июня пять танковых дивизий из состава 1-й танковой группы не могли быть полностью сосредоточенными для нападения на Советский Союз. Что же касается пьяных разговоров немецких солдат и офицерах в кабачках Румынии, то они не могут являться серьёзным аргументом. В этой связи утверждение бывшего начальника

штаба КОВО М.А. Пуркаева может являться только следствием его *послезнания*.

О сосредоточении крупных немецко-фашистских сил на границе с КОВО, основная масса которых сконцентрировалась на томашувско-сандомирском направлении, то есть перед фронтом 5-й армии РККА, отмечалось в разведсводках штаба КОВО, однако выводы о задачах этого сосредоточения делались неверные.

Разведывательная сводка штаба КОВО № 3 от 20 июня 1941 года не вскрыла грозящую опасность и констатировала следующее:

«21 час. 00 мин.

Движение и дислокация войск

(по данным агентуры)

1. 18.5 в ХОЛМ [Хелм, 25 км до границы] прибыло 5 эшелонов танков и до полка зенитной артиллерии.

Кроме того, отмечается движение других родов войск через ХОЛМ про направлению к границе, точное количество которых не установлено.

2. Западнее р. ВИСЛА в городах РАДОМ, САНДОМИР и др. полевых войск очень мало, отмечаются только охранные отряды.

3. С 15.5 по 15.6 через НИЖНИЙ САН, главным образом через ЛЕЖАЙСК, прошло на северо-восток до 6 дивизий, которые **якобы** (Здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) расположились в районе БИЛГОРАЙ, ЮЗЕФОВ, ЯНОВ, ТАРНОГРАД.

4. По тем же данным на Томашов-Сандомирское направление последовала с Краковского направления вся 12 армия со свои штабом, которая ранее находилась в Югославии, кроме того, **якобы** на этом же направлении через ПУЛАВЫ, ЛЮБЛИН следовали части 4 и 5 армий из Франции.

5. В район ЛЕЖАЙСК 14.6 с направления ЖЕШУВ **якобы** прибыла горно-стрелковая дивизия, штаб которой в ЛЕЖАЙСК.

6. В районе ЗАВИХОСТ 15.6 наблюдалось до 80 танков (можно предположить, что эти танки относятся к танковому соединению, следовавшему через ЗАВИХОСТ на восток).

7. По данным, требующим проверки, в КОЗЕНИЦЕ отмечалась **якобы** 8 гсд [горно], следовавшая на восток; командир дивизии генерал ШЕНБОРН.

8. Подтверждается наличие штаба армейского корпуса в ЖЕШУВ, который переместился из ЛАНЦУТ.

9. Подтверждается прибытие отрядов «СА» в район ЯРОСЛАВЛЬ, ПЕРЕМЫШЛЬ, САНОК.

10. На участке ЯРОСЛАВ-ДУБЕЦКО происходит замена ранее здесь находившихся частей частями, вновь прибывшими и состоящими из чешских и австрийских немцев пожилых

возрастов. Здесь же **якобы** отмечаются итальянские части, одетые в немецкую форму.

11. Подтверждается прибытие в Прикарпатскую Украину германских частей кроме ранее отмечавшихся немецких войск в КОШИЦЕ, отмечается прибытие частей в МУКАЧЕВО, установлено наличие немецких офицеров в ХУСТЕ, СВАЛЯВЕ, В. БЕРЕЗНЕ. По данным погранчастей среди жителей погранполосы Венгрии ходят слухи о том, что **якобы** венгры отводят свои войска от границы по договоренности с правительством СССР.

По данным наблюдения

1. Продолжается оживленное движение непосредственно у границы мелких подразделений пехоты, кавалерии, танков и мототранспорта; продолжается наблюдение за нашей территорией.

Днем 19.6. наиболее оживленное движение наблюдалось на участке границы южнее ТОМАШОВ [Томашув], где в районе ПЛАЗУВ, РУДА РУЖАНЕЦКА, ЛУКУВ проследовало до батальона пехоты, до полка кавалерии, орудия на мехтяге (калибр 150 мм), много орудий ПТО, до 100 танков, мотоциклетная рота, несколько сот подвод, несколько сот машин и другие подразделения. Движение происходило с юго-запада на северо-восток.

Подготовка театра

1. Данными агентуры в районе ЛЕЖАЙСК (точное место не установлено) построен мост; прикрыт сильной ПВО, через него следовали войска.

2. В районе ЛЕЖАЙСК (северо-западнее и юго-восточнее на ж. д. линии) строятся два разъезда длиной до 500 метров.

3. По данным перебежчика в районе ЛЕЖАЙСК заканчивается строительство аэродрома, на строительстве которого сейчас занято до 1000 чел. солдат.

Выводы

1. Движение немецких войск к нашим границам подтверждается различными источниками, главная масса прибывающих войск концентрируется на томашов-сандомирском направлении севернее Таневских лесов.

2. Сведения о движении войск через НИЖНИЙ САН на северо-восток поступают от различных источников и вполне вероятны, так как жел. дорога ДЕМБЛИН — ЛЮБЛИН с малой пропускной способностью не позволяет больших переброс в районе ЗАМОСТЬЕ [Замосць, около 50 км до границы], ТОМАШОВ, БИЛГОРАЙ.

3. Данные о нумерации армий **требуют проверки и уточнения** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*), но наличие

двух штабов армий на люблинском и томашов-сандомирском направлениях вполне возможно.

4. Замена ранее находившихся частей на краковском направлении заслуживает внимания, тем более что вновь прибывшие части относятся к менее устойчивым частям германской армии.

5. **Крупное движение всех родов войск и транспорта южнее ТОМАШОВ преследует какую-то демонстративную цель или связано с проводимыми учениями**.

Начальник штаба КОВО
генерал-лейтенант (Пуркаев)
Начальник Разведотдела штаба КОВО
полковник (Бондарев)»[316].

В сводке за 20 июня приводить данные месячной давность, пусть даже и очень важные («18.5 в ХОЛМ прибыло 5 эшелонов танков и до полка зенитной артиллерии») навряд ли оправданно. Невольно возникает вопрос, а что стало с этой техникой, куда она делась к 20 июня?

Действительно данные о нумерации армий требовали «проверки и уточнения»: 12-я армия, выполнявшая оккупационные функции на Балканах, оттуда так и не выводилась; 5-я армия в 1939 году была переформирована в 18-ю армию, входившую в состав группы армий «Центр». 8-й горно-стрелковой дивизии не существовало в боевом составе сухопутных войск вермахта. Если предположить, что речь шла о 8-й пехотной дивизии, то она входила в состав группы армий «Центр».

Разведсводка наряду со словами «требуют проверки и уточнения» изобилует союзом ЯКОБЫ, который используется в значении для выражения неуверенности, недостоверности или ложности сообщения.

До войны оставалось сутки с лишним.

Разведсводка № 1 22.6.41. РО штаба Юго-Западного фронта не вскрыла истинной картины вторжения группы армий «Юг»:

«1. Луцкое направление.

Противник в течение дня ведет активные боевые действия; его основные группировки: в направлении Любомль наступает пехотная дивизия; в направлении Владимир-Волынский — пехотная дивизия и танковая дивизия; в направлении Прецк-Увольвонек — пехотная дивизия; с направления Сокаль, Крыстынополь — пехотная дивизия.

Млынув (15 км северо-западнее Дубно) высажен парашютный десант в 16 часов. На аэродроме Свидник (юго-восточнее Люблин) в 11 часов 30 минут отмечено 100 самолетов.

2. Рава-русско-львовское направление.

На участке Махнув, Любыча Крулевска в направлении Рава Руска наступают две пехотные дивизии, кавалерийский полк и танковый полк.

Из района Любачув Олешице, Старе Село (10 км западнее Олешице) в 12 часов в южном направлении действовало свыше пехотной дивизии при поддержке мелких подразделений танков.

В лесу севернее Олешице в 14 часов отмечалось скопление мотопехоты и танков.

3. Перемышль-львовское направление.

На участке Ярослав, Медыка в 14 часов 45 минут в направлении Краковец, Мосьциска наступало до пехотной дивизии и подразделение конницы.

В районе Перемышль действует до пехотной дивизии, пытаясь обойти Перемышль с востока и запада.

В районе Львов частая бомбардировка аэродромов небольшими группами самолетов.

4. Венгерское направление.

Противник мелкими частями пытался перейти границу в районе Керешмезе, Ворохта, попытки отбиты.

5. Черновицкое направление.

Противник в результате контратак отброшен за р. Прут, а на участке Герца и в районе Тарасауци удерживает северный берег р. Прут.

Всего на участке Липканы, Рэдэуци действуют четыре румынские пехотные дивизии. Вероятно, в этом направлении действуют и немцы, так как часть захваченных пленных оказались немецкими солдатами.

В районе аэродрома Черновицы выброшен парашютный десант (100 человек). Непрерывно бомбардируют аэродром Черновицы.

Усиленное движение войск из глубины.

Выводы:

1. Противник перешел госграницу на фронте Влодава, Перемышль и Липканы, Виковерхня (10 км северо-западнее Рэдэуци) в составе:

луцкое направление — четыре-пять пехотных дивизий и танковая дивизия;

рава-русско-львовское направление — три-четыре пехотные дивизии с танками;

перемышль-львовское направление — две-три пехотные дивизии;

черновицкое направление — четыре румынские пехотные дивизии.

На 23.6.41 г. нужно ожидать более активных действий и ввода в действие более крупных сил (выделено мной. — *М.А.*). Последующие сведения — разведдонесениями.

Начальник штаба Юго-Западного фронта Пуркаев

Начальник Разведывательного отдела

штаба Юго-Западного фронта Бондарев»[317].

Разведсводка № 1, составленная в конце дня 22 июня в РО штаба Юго-Западного фронта отмечала только то, что происходило в зоне боя, да и то далеко не точно. Она не смогла установить истинное положение противника и вскрыть его намерения, только этим неведением можно объяснить вывод: «На 23.6.41 г. нужно ожидать более активных действий и ввода в действие более крупных сил».

Могла ли представлять собой угрозу выявленная группировка немецких войск в числе 9-12 пехотных и одной танковой дивизии?

21-го июня в исходных позициях на границе с СССР были развернуты 11-я, 13-я и 14-я танковые дивизии на расстоянии до 11 км по прямой до границы каждая. 9-я и 16-я танковые дивизии находились в исходных районах на расстоянии от границы 110 км и 150 км по прямой, соответственно.

Из воспоминаний А.В. Владимирского (начальник 1-го отделения оперативного отдела штаба 5-й А):

«Состав, нумерация и местоположение соединений противника нашей разведкой были вскрыты не точно и не полностью. Так, перед 5-й армией отмечалось наличие только 15 дивизий противника, в том числе лишь двух танковых дивизий. В действительности же была 21 дивизия, в том числе 5 танковых. Сосредоточение 1-й танковой группы перед 5-й армией, а также штабов группы армий “Юг” и 6-й армии перед КОВО вообще не отмечалось»[318].

В «Разведсводке № 1 Разведывательного Управления Генштаба Красной Армии на 20 час. 00 мин. 22 июня 1941 г.» общая численность группировки немецких войск на Юго-Западном фронте существенно завышена и определена следующим образом: «(до Словакии) — 48 дивизий, из них 5 моторизованных и 6 танковых. Кроме того в Словакии и Прикарпатской Украине количество немецких войск составляет 13–15 дивизий».

Нет однозначной ясности в полосе какого фронта Юго-Западного или Южного была развернута Разведупром мифическая группировка в 13–15 дивизий в Словакии и Прикарпатской Украине. В довоенных сводках Разведупра не существовавшие немецкие дивизии в Прикарпатской Украине были установлены

на Ужгородском направлении (против КОВО), значит и «дивизии» в Словакии, также должны были быть «развернуты» в полосе против Киевского Особого военного округа. В первой разведсводке № 1 от 22 июня 1941 г. «установленные» немецкие войска в восточной Словакии 7 дивизий «развернуты» против Юго-Западного фронта, а «группировка» немецких войск в Карпатской Украине 6–8 дивизий — против Южного фронта.

Как бы там ни было, общая численность группировки армий «Юг» вермахта против Юго-Западного фронта составляла **34 дивизии** (за вычетом 7 пехотных дивизий против Южного фронта), в том числе пять танковых дивизий, три моторизованных дивизии и одна моторизованная бригада, 18 пехотных, одна горно-стрелковая, четыре легких пехотных и три охранных дивизии. Вместо **55** «установленных» Разведупром (**48 соединений до Словакии и 7 — в Словакии**).

«Разведсводка № 1 Разведывательного Управления Генштаба Красной Армии на 20 час. 00 мин. 22 июня 1941 г.» чрезмерно завысила группировку армий «Юг» против Южного фронта: «В Румынии — 33–35 дивизий; из них 4 танковых, 11 моторизованных и одна горно-стрелковая дивизии». «Не получила пока выявления группировка немецких войск в Карпатской Украине в составе 4-х дивизий. В отношении ее поступили данные о дополнительном увеличении на 2–4 пех. дивизии». В то время как число немецких дивизий на Южном фронте составляло всего 7 дивизий и все пехотные.

2.6 «Как уже сообщалось в Разведсводке по Западу № 4, еще в начале апреля началась более интенсивная транспортировка германских войск и грузов через территорию Финляндии…»

(Из Разведывательной сводки № 5 (по Западу) Разведуправления ГШ РККА от 15 июня 1941 г.)

К 22 июня в Финляндии находились XXXVI-й армейский корпус 169-я пехотная дивизия (378, 379, 392 пп; 230 ап) и оперативная группа войск СС «Норд» («SS-Kampfgruppe „Nord“») (6, 7 пп СС; ап СС «Nord») и горнострелковый корпус «Норвегия» с 2-й (136,137 гсп; 111 гап) и 3-й (138,139 гсп; 112 гап) горнострелковыми дивизиями из состава войск отдельной армии «Норвегия» (Norwegen). **Всего 3 дивизии и оперативная группа войск СС «Норд»**, переформированная в конце июня 1941 г. в дивизию СС «Норд»[319].

В Норвегии оставались следующие войска в составе отдельной армии «Норвегия»: XXXIII-й корпусной штаб сокращенного состава со 181-й и 196-й пехотными дивизиями (западное побережье с Тронхеймом) и 69-я,163-я,199-я и 214-я пехотные дивизии (Южная Норвегия), входившие ранее в XXXVI-й корпусной штаб сокращенного состава. В течение июня — июля 1941 г. в Норвегию были дополнительно подтянуты 702-я и 710-я пехотные дивизии. Всего 8 пехотных дивизий. Мюллер-Гиллебранд. Указ. соч. — С. 244–245

Для участия в боевых действиях против Красной Армии после проведения мобилизации была развернута следующая группировка финских войск:

— III-й армейский корпус (3-я пехотная дивизия, 6 пехотная дивизия)

— Карельская армия в составе:

— VI-й армейский корпус (5-я пехотная дивизия, 11-я пехотная дивизия, 1-я горно-стрелковая бригада),

— VII — й армейский корпус (7-я пехотная дивизия, 19-я пехотная дивизия),

— дивизионная группа «Ойнонен» (2-я горно-стрелковая бригада, кавалерийская бригада).

— Юго-Восточная армия в составе:

— IV-й армейский корпус (8-я пехотная дивизия, 10-я

пехотная дивизия, 12-я пехотная дивизия, 4-я пехотная дивизия),

— II-й армейский корпус (2-я пехотная дивизия, 18-я пехотная дивизия, 15-я пехотная дивизия).

— 1-я отдельная пехотная дивизия,

— 14-я отдельная пехотная дивизия,

— 17 отдельная пехотная дивизия

Итого финских — 16 пехотных дивизий, 2 горно-стрелковые бригады, 1 кавалерийская бригада[320].

Из Разведывательной сводки № 5 (по Западу) Разведуправления ГШ РККА:

«15 июня 1941 г.

…

ФИНЛЯНДИЯ

Германские войска в Финляндии

Как уже сообщалось в Разведсводке по Западу № 4, еще вначале апреля началась более интенсивная транспортировка германских войск и грузов через территорию Финляндии. Ввиду неблагоприятной навигационной обстановки в северной части Ботнического залива транспортировка прибывавших в течение апреля и мая германских войск в основном производилась через порт Або (Турку). 10 апреля 1941 г. в порту Або с трех прибывших германских пароходов было высажено до 3000 солдат; 28 апреля 1941 г. высадилось до 6000 германских солдат с артиллерией и танками; 5 мая 1941 г. — до 3000 германских солдат и было выгружено более 80 грузовиков, санитарные машины и несколько танкеток; 15 мая 1941 г. было высажено до 2000 германских солдат с автотранспортом и артиллерией; 28 мая 1941 г. — до 1000 человек из германских отрядов трудовой повинности. Таким образом, общая численность германских войск, высадившихся в Финляндии за период с 1 апреля по 25 мая 1941 г., доходит до 15 тыс. человек. Войска, как правило, в день прибытия грузились в железнодорожные эшелоны и направлялись на север к конечному пункту выгрузки — Рованиеми, откуда на автотранспорте следовали до шоссейной дороге Рованиеми, Ивало, Петсамо на Киркенес. Это, очевидно, явилось причиной того, что с 1 мая 1941 г. дорога закрыта для общего пользования. По данным, заслуживающим доверия, за небольшой отрезок времени (с 1 по 10 мая) из Рованиеми на Киркинес проследовало следующее количество германского автотранспорта и боевых машин; до 800 грузовых, 27 автобусов, 11 броневиков, 8 санитарных и 78 мотоциклов. На указанном транспорте переброшено до 5000 солдат»[321].

В Разведывательной сводке № 4 (по Западу) Разведуправления ГШ РККА, на которую делается ссылка в

предшествовавшем документе вообще отсутствует какое-либо упоминание о Финляндии, существует лишь раздел, посвященный Норвегии:

«Апрель 1941 г.

…

НОРВЕГИЯ

Немецкие войска в Норвегии

За последнее время отмечается значительное усиление немецких войск в Норвегии. С 29 марта 1941 г. поезда для отпускников отменены. С 1 по 9 апреля 1941 г. ежедневно через Швецию в Норвегию прибывало по 1000 человек немецкой морской пехоты (десантные части) и авиационных частей. За этот же период в порт Осло на 6 транспортах прибыло до 13 000 солдат, части ПВО и летные части, кроме того, прибыли 2 транспорта водоизмещением по 7000 т с авиационными бомбами и 2 транспорта с боеприпасами. Боеприпасы отравлены по железным дорогам в районы Тронхейм, Нарвик, Ставангер и Берген. В период март-апрель 1941 г. отмечено проведение ряда мероприятий по увеличению возможностей приема прибывающих войск. Порту Осло было дано задание принять суда с 35 000 солдат. В районе Гардермуен (севернее Осло) быстрыми темпами ведется подготовка для приема самолетов»[322].

Зачем было ссылаться на эту разведсводку, из расчета, что ее не прочитали или уже забыли ее содержание?

В «Разведсводке № 1 Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии на 20 часов 00 минут 22 июня 1941 г.» достоверно было установлено, какой количественный состав финских войск будет достигнут после проведения мобилизации;

«1. В итоге боевых действий за день 22.6 получили фактическое подтверждение имевшиеся на 20.6 данные о нижеследующей группировке противника, находившегося непосредственно на границе с СССР:

Северный фронт:

По данным на 21.6 в финскую армию призвано 24 возраста, т. е. до 1897 г. рождения, что позволяет отмобилизовать армию (здесь и далее подчеркивание адресата документа. — *М.А.*) в 350–400 тыс. человек и сформировать до 18 пех. дивизий (включая бригады и отдельные батальоны).

Данных о развертывании финской армии на 21.6 не поступало, однако, по опыту советско-финляндской войны 1939-40 гг. и по последней дислокации дивизий и пех. бригад в финской армии, можно допустить следующий вариант развертывания:

а) Побережье Ботнического и Финского заливов, район Або, Хельсинки, Ловиса — до 3-х пех. дивизий;

б) Коуволское направление, район Лаппеенранта, Коувола, Виролахти — до 5-ти пех. дивизий;

в) Миккелинское направление, район Савонлина, Миккели, Иматра — до 2-х пех. дивизий;

г) Куопиоское направление, район Нурмес, Куопио, Китее — до 4-х пех. дивизий;

д) Улеаборгское направление, район Тайвалкоски, Каяани, Кухмониеми — до 2-х пех. дивизий;

е) Резерв — до 2-х пех. дивизий.

На севере основную группировку составляют части германской армии, которая на Рованиемском направлении имеет до 3—4-х дивизий, и кроме того, в районе Киркинес еще до трех дивизий.

В юго-восточных районах Финляндии продолжается строительство полевых заграждений. В районе полуострова Ханко проволочные заграждения подготавливаются для электризации.

22.6. на демилитаризованные Аландские острова введены и продолжают вводиться финские войска. Губернатором Аландов предложено советским представителям срочно эвакуироваться.

По данным НКГБ финский генштаб (очевидно, ставка главного командования) установлен в усадьбе Хакойкен на северо-западном берегу озера Керналанярви, что в 18 км юго-вост. Хяменлинна».

Вместе с тем, вдвое была завышена численность немецких войск в Финляндии: 6–7 дивизий, вместо 3-х дивизий и оперативной группы войск СС «Норд» в действительности.

Вечером 25 июня финский парламент признал, что Финляндия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Боевые действия в советском Заполярье начались 29 июня — 1 июля наступлением группировки германо-финских войск. Участие Финляндии во вторжении в Советский Союз первоначально было ограничено III-м армейским корпусом (3-я и 6-я пехотные дивизии).

2.7 «В начале Великой Отечественной войны радиоразведка оказалась в весьма трудном положении, что было обусловлено многими факторами, одним из которых явилось весьма слабое знание противника»

(П. С. Шмырев, П.В. Добродий. «Дела, уроки радиоразведки»)

К 1939 году сложилась организационная структура радиоразведки, с которой она вступила в Великую Отечественную войну. Основу ее составляли отдельные радиодивизионы (орд) особого назначения (ОСНАЗ), которые подразделялись на фронтовые и армейские, последние отличались от фронтовых наличием в их составе маневренных групп, предназначенных для ведения разведки в интересах дивизий. Как показал опыт уже первых месяцев войны, такое деление было искусственным и от него отказались. Все дивизионы стали использоваться как фронтовые.

Систему радиодивизионов ОСНАЗ дополняла группа из четырех отдельных радиостанций ОСНАЗ, которые являлись стационарными частями, были оснащены более совершенной аппаратурой и использовались преимущественно для ведения шифрперехвата. Радиопеленгаторных средств они не имели.

Радиодивизионы ОСНАЗ и отдельные радиостанции ОСНАЗ находились в оперативном подчинении разведотделов штабов военных округов (за исключением Центральной радиостанции ОСНАЗ, располагавшейся в Царицыно под Москвой и подчинявшейся непосредственно Разведуправлению ГШ КА).

В состав разведотделов штабов округов входило отделение радиоразведки и поэтому их информация включалась в сводки РО. Укомплектование кадрами, техникой, а также разработка мобилизационных мероприятий для орд ОСНАЗ возлагались на 8-й отдел (радиоразведки и связи; начальник И.Н. Артемьев[323]) Разведуправления ГШ КА.

Радиоразведка имела в своем составе к началу Великой Отечественной войны в западных военных округах 17 орд ОСНАЗ[324] и три отдельных радиостанции ОСНАЗ.

По мобилизационному плану планировалось развернуть на военное время восемь фронтовых, 23 армейских и два запасных отдельных радиодивизиона ОСНАЗ.

По состоянию на март 1941 года, укомплектованность частей

ОСНАЗ по штатам военного времени техникой, то есть с учетом предполагаемого мобилизационного развертывания, выглядела следующим образом:

— коротковолновыми радиоприемниками 45 ПК-1 — 87 %;

— средневолновыми радиоприемниками 45 ПС-1 — 92 %;

— коротковолновыми радиопеленгаторами 55 ПК-3 и 55 ПК-3а — 79 %.

Радиоприемная и радиопеленгаторная техника являлась новой, в подавляющем большинстве не «раньше» 1938 года выпуска, и соответствовала тем возможностям, которыми располагала отечественная промышленность.

На вооружении стационарных частей радиоразведки, именуемых отдельными радиостанциями ОСНАЗ, состояли американские радиоприемники фирмы «Хамерлунд» и их советские аналоги — «Чайки», а также немецкие — фирмы «Телефункен», которые обладали более высокими техническими характеристиками, но таких радиоприемников было мало и они не меняли общей картины.

В целом же технические средства радиоразведки, удовлетворяя в количественном отношении штатную потребность, не соответствовали главному требованию — уровню развития радиоэлектроники у потенциального противника[325].

Состоявшие на вооружении радиоразведки радиоприемники и радиопеленгаторы обладали низкой стабильностью частоты и оперативностью в управлении. Переключение поддиапазонов производилось сменными высокочастотными блоками, которые нужно было вытаскивать за ручки на передней панели приемника и заменять аналогичными блоками других поддиапазонов. Это затрудняло поиск и определение технических характеристик радиостанций противника и должно было компенсироваться лишь искусством радистов-радиоразведчиков.

На вооружении радиоразведки не было техники радиоперехвата буквопечатающих и других сложных видов радиопередач, если не считать те немногочисленные средства, которыми располагали упомянутые выше отдельные радиостанции ОСНАЗ.

Радиоразведка совершенно не имела средств радиоперехвата в УКВ-диапазоне и огромный массив информации, который можно было бы получить от разведки в этом диапазоне, в течение первых двух лет войны оказался совершенно не использованным. Связь Главных командований вермахта с группировками войск по направлениям осуществлялась и исключительно по защищённым кабельным линиям связи и появившимся радиорелейным линиям (станции «Михаэль»). Для каждой танковой группы, принимавшей

вторжение в Советский Союз — две линии радиосвязи на дециметровых волнах. Три непрерывные рокадные линии связи, обслуживаемые радиостанциями направленного действия, работающими в дециметровом диапазоне волн. Перехват сообщений в УКВ-диапазоне не осуществлялся даже не потому, что не было соответствующей УКВ техники, а потому, что в Разведуправлении ГШ РККА не знали и не подозревали о наличии у немцев радиорелейных станций.

Радиодивизионы отличались малой подвижностью и маневренностью из-за недостаточной обеспеченности автотранспортом. Ощущалась нехватка связных радиостанций для обеспечения устойчивой связи между элементами боевого распорядка радиочастей. Укомплектованность средствами связи была незначительной, и по основному типу радиостанции РСБ составляла всего 22,4 %. Радиопеленгаторные пункты поддерживали связь с радиодивизионами ОСНАЗ, как правило, по государственным проводным линиям связи через ближайшие почтово-телеграфные отделения. Ненадежная радиосвязь была одной из причин в первые годы войны отсутствия должного управления радиопеленгованием[326].

Личный состав орд ОСНАЗ не был готов к переходу от использования привычных при стационарном расположении методов работы к выполнению задач при непрерывном перемещении своих войск и войск противника, когда существовавшие методы управления пеленгованием, работы средств радиоперехвата, обработки сведений оказались малоэффективными в условиях быстроменяющейся оперативной обстановки. Наличие малоподвижной проводной связи и слабо налаженная радиосвязь между подразделениями орд ОСНАЗ затрудняли эффективное пеленгование радиостанций противника, управление подразделениями, оперативную обработку и доклад добываемых разведывательных данных командованию[327].

В состав отдельного радиодивизиона ОСНАЗ входило управление, приемный центр, оперативное отделение, отделение специальной службы (дешифровальное) и радиопеленгаторные пункты. «С радиопеленгаторными пунктами связь осуществляется посредством телефонной связи, фельдсвязью, посыльными и по радио. — Докладывал за несколько дней до начала войны начальнику разведотдела штаба Киевского Особого военного округа начальник штаба 394–й орд ОСНАЗ старший лейтенант Г.Г. Венедиктов. — Радио используется только для передачи команд на пеленгование, а иногда и указаний по работе. Материал посыльными доставляется только накануне

составления разведсводки, а в остальное время высылается через фельдсвязь. По городскому телефону два раза ежедневно передаются сводки пеленгов из радиопунктов и даются указания и распоряжения по работе. Для нормальной работы дивизиона по обеспечению синхронной пеленгации радиостанциями РСБ не обеспечен полностью. Считаю необходимым установление прямой проволочной связи дивизиона с радиопунктами, что обеспечит полную синхронную работу и возможность получения результатов пеленгования через несколько минут, а это позволит конкретнее нацеливать подразделения на нужные объекты»[328].

«В начале Великой Отечественной войны радиоразведка оказалась в весьма трудном положении, что было обусловлено многими факторами, одним из которых явилось весьма слабое знание противника»[329]. Радиоразведчики не знали особенностей радиосвязи немецкой армии, принципов ее организации, не знали правил радиообмена, условных сокращений и открытых сигналов, использовавшихся в радиообмене противником.

Радиосвязь в германских сухопутных войсках применялась с армейского уровня, широко в корпусах и дивизиях и менее в передовых частях — полках и батальонах. В основном это была радиосвязь с подвижными объектами и при артиллерийской наводке. Остальная связь была также проводной.

Функциями радиоразведки были две составляющие. Первое — радиоперехват. Это слушание и анализ вражеских радиопередач. Вторая — радиопеленгация — определение местонахождения передатчика (радиостанции) с привязкой их технических параметров к возможному объекту управления (штабам). Накануне войны радиоразведка в отдельных случаях выполняла вторую функцию (первая функция реализовывалась только в случае радиопередач «открытым» текстом).

Радиоразведка могла только фиксировать, на какой волне и приблизительно из какого населенного пункта выходили на связь немецкие радиостанции. По мощности сигнала делался вывод о том, насколько крупные радиостанции использовались. Также регистрировались абоненты в других населенных пунктах. По радиопередачам пытались определить главные и подчиненные радиостанции. По данным агентурной разведки о местах дислокации штабов также пытались установить подчиненность между собой радиосетей штабов. Если данные агентурной разведки оказывались недостоверными, то и выводы о принадлежности радиосетей конкретным штабам немецких войск также оказывались ложными.

Накануне и в первые месяцы войны радиоразведке не удалось необходимым образом опосредствовать добываемые на постах

радиоперехвата и пеленгования первичные разведывательные сведения (в виде различного рода позывных частот, шифрованных и кодированных передач и т. д.), прежде всего, в виду незнания радиосвязи немецких войск и невозможности трансформировать такого рода сведения в необходимые разведывательные признаки для распознания с их помощью как наблюдаемой радиосвязи, так и обслуживаемых ею войск противника. Вскрытие разведывательных признаков необходимо было в условиях радиоразведки для распознания принадлежности и оперативного предназначения обнаруженных сетей и извлечения на этой основе необходимых оперативных выводов о составе, группировке, характере деятельности и намерениях немецких войск[330].

Перед началом войны радиодивизионы ОСНАЗ приграничных военных округов, и особенно их радиопеленгаторные пункты, в целях обеспечения лучшей слышимости немецких радиостанций на средних волнах располагались в непосредственной близости к границе без должного учета мер безопасности. В начале войны они сразу понесли большие потери в личном составе и технике. Некоторые радиопеленгаторные пункты попали в окружение и были уничтожены.

Из воспоминаний лейтенанта А.К. Бушуева, который в сентябре 1940 года был назначен в 394–й орд ОСНАЗ начальником радиопеленгаторного пункта, который именовался отделением связи (ОС — 2). Все службы 394 — й орд ОСНАЗ располагались под Львовом (КОВО), в селе Збойск. В качестве мест размещения радиопеленгаторных пунктов были определены:

№ 1 — Владимир-Волынский

№ 2 — Рава-Русская

№ 3 — Самбор

№ 4 — Ворохта.

Радиопеленгаторный пункт, начальником которого был назначен Бушуев дислоцировался в районе Рава-Русская, в 40 км. северо-западнее Львова и в 14 км по прямой до границы. Он осуществлял перехват и пеленгацию работающих радиостанций немецкой армии в заданном секторе. «Связь со штабом была плохой как проводная, так и радиосвязь, особенно для подачи команд на пеленгацию. Поэтому пеленгование в основном производилось по расписанию, что не обеспечивало уверенных засечек при обработке пеленгов в оперативном отделении дивизиона. Материалы радиоперехвата и пеленгования доставлялись в штаб фельдегерем по железной дороге»[331].

Начало войны для лейтенанта Бушуева явилось полной неожиданностью, равно как для командования отдельного радиодивизиона и для руководства разведотдела штаба округа, в

оперативном подчинении которого находились орд ОСНАЗ. В противном случае не планировалось бы проведение учения радиопеленгаторного пункта Бушуева в канун войны в непосредственной близости у границы. О последнем предвоенном дне А.К. Бушуев вспоминал:

«Накануне войны, 21 июня утром в подразделение прибыл командир части Котов Г.И. и вручил мне выписку из приказа — вводную на учение. Помню, что вводная была напечатана на листке бумаги, и в ней было указано: “Противник… (такими-то силами) нанес удар, перешел государственную границу, вышел на … (такой-то) рубеж. Наши войска нанесли контрудар и к 21 июня отбросили вторгшегося противника на рубеж государственной границы”. Надо заметить, что слово “противник” было зачеркнуто и написано “синие”. Видимо с нашей стороны проявлялась осторожность характерная для того времени.

Мне было приказано развернуться в районе м. Любыча Руда (возможно, Любачув, польск. Lubaczów, укр. Любачів, рус. Любачев, 7 км по прямой до границы. — *М.А.*) и продолжать ведение разведки в заданном секторе. Уяснив задачу, я дал указание на подготовку подразделения к перемещению. Сам выехал на рекогносцировку в указанный район. **С большим трудом выбрал позицию на поляне, приблизительно в 1, 5 км от границы (но это стало ясно позже, так как у меня крупномасштабной карты не было)** (выделено мной. — *М.А.*). Дорога к позиции проходила лесом через двор лесника.

Доложив командиру части, я получил разрешение на передислокацию в указанный район. Подразделение развернулось и приступило к работе.

К исходу 21 июня на позицию подразделения прибыл командир части, видимо, для контроля. Он выразил неудовлетворение тем, что позиция слишком близка к границе, и приказал до конца дня подобрать новую позицию и утром 22 июня по телефону доложить ему об этом во Львов.

Приказание я выполнил — позицию выбрал и согласно указанию командира части утром 22 июня около 5 часов на автомашине ГАЗ-АА (полуторка) с шофером Сорокой и фельдъегерем Савкиным выехал в Любычу Руду на телефонную станцию, чтобы доложить командиру о выполнении задания»[332].

Перенесение позиции радиопеленгаторного пункта вглубь территории оказалось явно недостаточным, да оно и не могло быть значительным, так как шла речь о районе м. Любыча Руда (судя по воспоминаниям, конкретных указаний по переносу пункта дано не было) — личный состав пункта за исключением лейтенанта Бушуева с шофером и фельдъегеря в первые часы

войны был уничтожен или попал в плен вместе со всей своей техникой.

Из-за выдвижения боевых порядков *орд*, особенно пеленгаторных пунктов, слишком близко к государственной границе радиоразведывательные части приграничных военных округов в первые дни войны понесли большие потери; в личном составе 25–30 %, в технике — до 50 %.

В докладе о работе Разведотдела Штаба Юго-Западного фронта с 22 июня по 1 августа 1941 года отмечалось;

«По радиоразведке и радиосвязи (подчеркивание документа. — М.А.)

К началу военных действий РО имел один 394-й ОРД боеготовым. 561-й ОРД заканчивал формирование, осваивал технику и оперативное задание…

394 ОРД: …нападение немцев застало дивизион на проводимом полевом учении. В первый же день войны Владимир-Волынский и Рава-Русский радиопункты [радиопеленгаторные пункты] были подвергнуты артогню. Владимир-Волынский был выведен из-под огня благополучно, Рава-Русский пункт был окружен немцами и судьба его неизвестна, вероятнее всего был пленен (выделено мной. — М.А.)…

Оставление Красной Армией Львова и интенсивный отход войсковых частей 5-й, 6-й и 26-й армий вынуждал одновременно со штабами частей отходить Радиодивизион… За время с 13 июля по настоящее время дивизион полностью привел себя в порядок и сейчас работает удовлетворительно…

561 ОРД: Дивизион, находясь в более спокойной обстановке, до 2 июля находился в Галич и его пунктах при штабах корпусов. 2 июля дивизион передислоцировался в Петрекове, Бучачов, Винница… Дивизион за время войны быстро вырос и в настоящее время выполняет оперативное задание удовлетворительно…»[333].

В первые дни войны погибла важнейшая западная отдельная радиостанция ОСНАЗ, располагавшаяся в Колодищах под Минском, что еще раз подтвердило общеизвестную истину о низкой живучести стационарных частей[334].

Каких-либо резервных подразделений для быстрого восстановления боеспособности понесших большие потери частей радиоразведка не имела. Учебного полка в тот период также не существовало, он был создан только в мае 1942 года. Приходилось выходить из положения за счет перераспределения людей и техники между подразделениями, понесшими меньшие потери.

Выводы

Разведка штабов особых военных округов не смогла достоверно вскрыть группировки немецких войск, развернутых в исходных районах в полосах против округов, а также не выявила выход подвижных соединений немецких войск на исходные позиции (а значит и направления главных ударов по местам сосредоточения войск) **для нападения на СССР, что не позволило руководству страны и командованию НКО и особых военных округов принять адекватные и своевременные меры.** Установленные в исходных районах войска вермахта, по информации окружных РО, не представляли угрозу нападения — противник еще не сосредоточил достаточно сил для нападения на Советских Союз 22 июня 1941 г. **Поэтому руководство страны ожидало со стороны Германии только провокации на границе.**

Информации стратегической агентурной разведки о развязывании Германией войны 22 июня для принятия решения о приведении войск в полную боевую готовность было недостаточно. Должны были поступить подтверждения от штабов ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО о происходившем развертывании противника непосредственно на границах страны. Но такой информации не было! А та, что была, не являлась критичной.

Совершенно спокойная подписанная М.А. Пуркаевым разведсводка РО штаба КОВО № 3 от 20 июня 1941 г., в которой сообщалось, что «… Крупное движение всех родов войск и транспорта южнее ТОМАШОВ [Томашув] преследует какую-то демонстративную цель или связано с проводимыми учениями (выделено мной. — *М.А.*)» и шесть раз применительно к докладываемой информации был употреблен союз якобы. Странно, что начальник Генерального штаба не поинтересовался о том, что докладывала разведка, а начальник штаба КОВО счел возможным промолчать по этому поводу. А раз информации, требовавшей немедленного реагирования, не было, становятся понятны предупреждения Директивы о возможной провокации, тем более, что в упоминаемой выше разведсводке говорилось, что крупное движение войск «преследует какую-то демонстративную цель».

К исходу 21 июня неизбежность нападения фашистской Германии на СССР в следующие сутки не была очевидна. Поэтому неотложные мероприятия по приведению в боевую готовность войск так и не были своевременно приняты.

Однако, даже при отсутствии однозначности в части планов Германии на этот момент, в Директиве, отправленной в войска округов, должна была присутствовать фраза: «Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года». Хотя дальнейшее развитие событий выполнение этого плана изменить не могло, однако это позволило бы хоть ненамного приостановить, хоть ненадолго задержать продвижение вермахта вглубь страны — выиграть часы или даже сутки, так необходимые нашему командованию в обстановке полного развала обороны.

Разведотделы штабов округов в предвоенных сводках и сообщениях докладывали тревожную информацию об оборудовании еще с ранней весны по ту сторону границы множества полевых аэродромов, прокладывании железнодорожных веток, грунтовых дорог, которые протягивали прямо к границе, наращивании переброс немецких войск, о выселении мирных жителей из пограничных территорий, о занятии гражданских учреждений под военные госпиталя, с присланным немецким медицинским персоналом, о завершении строительства понтонных мостов через пограничные реки, о замене немцами своих пограничных войск полевыми, о подслушанных разговорах солдат о скором походе на Восток и т. д. Все это были признаки готовившегося нападения, на выявление которых, в том числе следовало ориентировать агентуру. Но одного этого было недостаточно. Даже двух таких, очень важных признаков, которые свидетельствовали о подготовке противника к нападению в ближайшие несколько дней — введение радиомолчания и удаление опознавательных знаков на машинах и боевой технике — без подтверждения реальной концентрации войск на границе было недостаточно.

Следовало вскрыть происходившее развертывание (от нескольких дней до одного часа) непосредственно на границе немецких войск, которые должны были обеспечить «… смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника». Такое использование вооруженных сил вермахта Г.К. Жуков, определил как «особо поучительное из действий на Западе» в своем докладе на декабрьском совещании 1940 года. Именно подготовка к такому сценарию начала боевых действий командованием РККА не была предусмотрена.

РО штабов приграничных особых ВО не выявили ни одного штаба группы армий, танковых групп, а также моторизованных корпусов, 10 из которых к 22.6.41 были объединены в четыре танковых группы и сосредоточены у границы. Были выявлены

единицы штабов полевых армий.

Данные разведывательных сводок и спецсообщений с перечислением нумерации многочисленных отдельных частей создавали иллюзию у командования штабов особых военных округов всезнания и уверенности в контроле за обстановкой. Вместе с тем большинство из перечисляемых частей и соединений не существовало вообще, или не было развернуто в составе сухопутных войск вермахта на Востоке, или входило в состав других групп армий и танковых групп.

Установление штабов дивизий и боевых частей из их состава, было скорее исключением. Обычно в разведсводках и спецсообщениях отдельно указывались или боевые части дивизий, или их штабы.

Докладываемая разведотделами штабов ВО, действительно, достоверная, очень тревожная агентурная информация перечеркивалась отсутствием вскрытых достаточного количества штабов подвижных соединений (моторизованных и танковых), равно как и самих дивизий, только при наличии которых можно было говорить о возможности противника развивать наступление на большую глубину и окружать крупные группировки советских войск

Если нет штабов рядом с наступающими войсками, то как этими войсками руководить? И с другой стороны, если не выявлены боевые части из состава соединений, то кем будут руководить штабы? Установленные же, отдельные танковые полки и батальоны могли привлекаться для поддержки пехотных соединений при проведении частных наступательных операций полевых армий.

Разведка штабов округов носила «массовый характер». К сотрудничеству с разведкой привлекались лица из числа местного населения, имевшие родственников или знакомых заграницей, в первую очередь на территории бывшей Польши, а также Румынии. В подавляющем большинстве с обеих сторон это были люди низкого социального происхождения и весьма ограниченных возможностей соответственно. Вербовались также задержанные на границе жители приграничных районов в полосе против соответствующего оперативного пункта. В ряде случаев вышеперечисленные категории лиц могли выступить в качестве вербовщиков.

Достаточно распространенным было направление агентов по заранее определенному маршруту — маршрутные агенты. Маршрут начинался на границе и на ней же заканчивался.

В единичных случаях создавались резидентуры. Информация от отдельных агентов-источников и резидентов на советскую

территорию передавалась связниками, которые чаще всего направлялись с советской территории. Наряду с этим сложилась не оправдывавшая себя практика вызывать на встречи на советской стороне самих агентов-источников и резидентов.

Агенты собирали информацию путем наблюдения, опроса и подслушивания. Собранные воедино сведения должны были дать объективную картину происходящего.

У разведывательных отделов штабов особых военных округов была ценная агентура, которая однако была незначительна и не была обеспечена средствами радиосвязи.

В целом агентура была слабо подготовлена к выполнению поставленных задач. Следствием «массового характера» разведки явилась «засоренность» агентурной сети недостаточно проверенными, а зачастую и случайными лицами.

Была затянута передача в серийное производство коротковолновой радиостанции «Омега», которая была создана еще в 1939-40 гг. в Научно-исследовательском институте по технике связи Красной Армии, входившим в структуру Разведывательного управления ГШ КА, в задачу которого входило обеспечение спецтехникой РО штабов округов. К 22 июня разведотделами окружных штабов не было создано реально действовавших радиофицированных агентурных групп и резидентур. Агентура штабов особых военных округов оказалась без средств радиосвязи.

Расхолаживающее действие на командование штабов особых военных округов оказывала достоверная информации, отмечавшаяся в каждой разведсводке или спецсообщении о форсированном строительстве немцами новых оборонительных сооружений, причем главным образом вдоль границы. Подобные мероприятия были вызваны допущением возможности, хотя и маловероятной, упреждающего нападения Советского Союза на Германию.

Радиоразведка не обеспечивала выполнение своей основной функции — радиоперехвата — слушание и анализ радиопередач сухопутных войск и люфтваффе. Накануне войны радиоразведка в отдельных случаях определяла лишь местонахождения передатчика (радиостанции) с привязкой их технических параметров к возможному объекту управления (штабам). Крайне низкая результативность радиоразведки являлась следствием отсутствия базовой информации об особенностях радиосвязи германских вооруженных сил, принципах ее организации, правилах радиобмена, используемых условных сокращениях и т. д.

Дислокация	Боевой состав
4-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Таллин	
63-й скорост. бомбард. авиационный полк — Куусику 50-й скорост. бомбард. авиационный полк — Хапсалу 35-й скорост. бомбард. авиационный полк — Тарту 38-й истребительный авиационный полк — Таллин	Истребители 61 Бомбардировщики 134 Итого 195
6-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Рига	
21-й истребительный авиационный полк — Рига 148-й истребительный авиационный полк — Либава 31-й скорост. бомбард. авиацион. полк — Вайньодэ 40-й скорост. бомбард. авиацион. полк — Виндава	Истребители 117 Бомбардировщики 91 Итого 208
7-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Митава	
10-й истребительный авиационный полк — Шавли 238-й истребительный авиацион. полк — Паневежис 9-й скорост. бомбард. авиацион. полк — Паневежис 46-й скорост. бомбард. авиационный полк — Груджяй 241-й штурмовой авиационный полк — Митава	Истребители 64 Бомбардировщики 108 Штурмовики 27 Итого 199

8-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Каунас	
31-й истребительный авиационный полк — Каунас 15-й истребительный авиационный полк — Алитус 240-й истребит. авиационный полк — Ионишкис 61-й штурмовой авиационный полк — Кейданы	Истребители_____117 Штурмовики_____33 Итого_____150
57-я смешанная авиационная дивизия — Вильно	
54-й скоростной бомбардировочный авиационный полк — Порубанок, Кивишки, Крыжаки 49-й истребительный авиационный полк — Двинск, Ликсна 42-й истребительный авиационный полк — Ораны, Перлоя 237-й истребительный авиационный полк — Ораны	Истребители_____170 Бомбардировщики___72 Итого_____242[1]

Приложения

Приложение 1
Из годового отчета штаба 6-й воздушной армии от 21 июля 1942 г. «О боевой деятельности военно-воздушных сил северо-западного фронта за период с 22.6.41 Г. По 1.7.42 Г.»

СОВ. СЕКРЕТНО

ГОДОВОЙ ОТЧЕТ
О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД
с 22.6.41 г. по 1.7.42 г.

I. Состояние авиации к началу военных действия

Состав и дислокация

К началу нападения Германии на Советский Союз, т. е. к 22.6.41 г., военно-воздушные силы Прибалтийского особого военного округа состояли из пяти смешанных авиационных дивизий — 4, 6, 7, 8-й и 57-й.

Военно-воздушные силы Прибалтийского особого военного округа дислоцировались:

Штаб военно-воздушных сил Прибалтийского особого военного округа — гор. Рига.

Дислокация	Боевой состав
4-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Таллин	
63-й скорост. бомбард. авиационный полк — Куусику 50-й скорост. бомбард. авиационный полк — Хапсалу 35-й скорост. бомбард. авиационный полк — Тарту 38-й истребительный авиационный полк — Таллин	Истребители_____61 Бомбардировщики__134 _____ Итого_____195
6-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Рига	
21-й истребительный авиационный полк — Рига 148-й истребительный авиационный полк — Либава 31-й скорост. бомбард. авиацион. полк — Вайньодэ 40-й скорост. бомбард. авиацион. полк — Виндава	Истребители_____117 Бомбардировщики___91 _____ Итого_____208
7-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Митава	
10-й истребительный авиационный полк — Шавли 238-й истребительный авиацион. полк — Паневежис 9-й скорост. бомбард. авиацион. полк — Паневежис 46-й скорост. бомбард. авиационный полк — Груджяй 241-й штурмовой авиационный полк — Митава	Истребители_____64 Бомбардировщики__108 Штурмовики_____27 _____ Итого_____199

8-я смешанная авиационная дивизия — штаб — гор. Каунас	
31-й истребительный авиационный полк — Каунас 15-й истребительный авиационный полк — Алитус 240-й истребит. авиационный полк — Ионишкис 61-й штурмовой авиационный полк — Кейданы	Истребители_____117 Штурмовики_____33 Итого_____150
57-я смешанная авиационная дивизия — Вильно	
54-й скоростной бомбардировочный авиационный полк — Порубанок, Кивишки, Крьжаки 49-й истребительный авиационный полк — Двинск, Ликсна 42-й истребительный авиационный полк — Ораны, Перлоя 237-й истребительный авиационный полк — Ораны	Истребители_____170 Бомбардировщики___72 _____ Итого_____242[1]

[1] — в документе «213» (сноска публикатора. — *М.А.*)

Сведения о боевом составе даются только за исправные самолеты на аэродромах базирования.

Таким образом, к началу войны военно-воздушные силы Прибалтийского особого военного округа насчитывали в своем составе исправных:

Истребителей — 529

Бомбардировщиков — 288

Штурмовиков — 60

Всего — 877

(Сноска [1] *свидетельствует о том, что происходила правка документа, уже после того, как он был доложен. Возможно, уже в послевоенные годы. Однако, этого исправления арифметических расчетов явно недостаточно. Так, общее число бомбардировщиков составляет 405 самолетов (134 + 91 + 108 + 72), а не — 288. Авторы документа не досчитались 117 летательных аппаратов. Отсюда и общее количество исправных самолетов к началу войны не 887 единиц, а — 994 (195 + 208 + 199 + 150 + 242), если не принимать во внимание, что по сноске* [1] *число самолетов в 57-й смешанной авиационной дивизии первоначально было указано 213 единиц, а не 242 воздушных судна. — М.А.).*

Точных сведений о летном составе нет, так как все материалы сданы в архив.

Существующая организация Военно-воздушных сил Красной Армии оправдала себя в основном для мирного времени, несмотря на некоторые организационные недостатки, которые выявились в ходе войны.

Состав и количество военно-воздушных сил противника перед Северо-Западным фронтом ввиду отсутствия систематической воздушной разведки аэродромной сети противника, а также недостаточных разведывательных данных перед войной точно

определить невозможно. Предположительно, в начальный период войны перед Северо-Западным фронтом действовало около 600 самолетов сухопутной авиации и 50–70 самолетов морской авиации.

Из общего количества авиации 40–45 % падало на бомбардировочную авиацию и 55–60 % — на истребительную авиацию.

В составе истребительной авиации применялись самолеты Ме-109 и Ме-110, причем большая часть их, до 80–85 %, действовала главным образом по нашим аэродромам и по военным объектам и лишь только незначительная часть прикрывала у себя в тылу военные объекты в Тильзит, Кенигсберг, Гумбиниен, Мемель и т. д.

В составе бомбардировочной авиации применялись самолеты типа Ю-88, Хе-111, До-215 и на поле боя Ю-87.

Разведывательная сводка штаба Прибалтийского особого военного округа на 18.6.41 г. № 15 дает следующие данные о противнике: «В период конец мая — первая половина июня 1941 г. численность немецких войск в Восточной Пруссии значительно увеличилась. Германское командование продолжало переброску новых войск и соединений из глубины страны. В результате на 18.6.41 г. против Прибалтийского особого военного округа в полосе, ограниченной слева Сувалки, Ликк, Алленштайн и по глубине Кенигсберг, Алленштайн, установлено: штабов армий — 2, армейских корпусов — 6, пехотных дивизий — 19, моторизованных дивизий — до 5, бронедивизий — 1, танковых полков — 5 и до 9 танковых батальонов, всего танковых дивизий — не менее двух, кавалерийских полков — 6–7, саперных батальонов — 17, самолетов — свыше 500».

Военно-воздушные силы, имея богатый опыт войны, в организационном отношении были оформлены и отвечали оперативному замыслу германского командования.

Аэродромная сеть

К началу военных действий военно-воздушные силы Прибалтийского особого военного округа имели до 70 аэродромов, из которых было постоянных — 21, оперативных — 49. На 23 аэродромах строились бетонные взлетно-посадочные полосы, но к началу военных действий ни на одном аэродроме работы закончены не были. Часть оперативных аэродромов только перед войной была сдана строительными батальонами в эксплуатацию и представляла собой голое поле с рядом временных построек полевого типа.

Отсутствие на ряде аэродромов растительности не позволяло

произвести должную маскировку самолетов.

За 4–5 дней до войны некоторые дивизии приступили к постройке земляных убежищ для самолетов, но этому новому мероприятию командирами частей не уделялось должного внимания, и убежища к началу войны полностью построены не были.

Половина аэродромов округа задолго до войны немцами была засечена, а дней за 15–20 до войны сфотографирована. Многие аэродромы находились в зоне тактической внезапности, остальные были близки к этому.

Система воздушного наблюдения, оповещения и связи при наличии большой засоренности органов связи не гарантировала своевременного оповещения передовых частей военно-воздушных сил округа.

Выход из-под удара усложнился из-за большого количества самолетов на аэродромах и отсутствия оперативных аэродромов в глубине. Естественных полос или площадок не было вследствие раздробленности земельных участков, ограниченных по размерам и пересеченных межами и канавами.

Сама дислокация военно-воздушных сил Прибалтийского особого военного округа была недостаточно продумана в той части, что бомбардировочные полки были близко расположены к границе врага, тогда как целесообразнее было бы территорию разбить на две зоны: от границы на 100–150 км расположить только истребительную авиацию (зона истребления), глубже 150 км — бомбардировочную авиацию. При таком расположении авиации противник нес бы большие потери и имелись бы необходимые условия для вывода из-под удара бомбардировочных частей.

Уровень боевой подготовки

По линии наземных войск с начала 1941 г. и до возникновения войны проводилось много учений с выездами штабов со средствами связи в поле. Несколько учений было проведено во взаимодействии наземных войск с авиацией. В разработках и практических учениях наиболее часто отрабатывался вариант: «оборона и разгром противника на шауляйском, митавско-рижском направлениях». О том, что противник мог избрать другое направление, считалось маловероятным, так как все строилось на опыте империалистической войны 1914 г. Этим, очевидно, и объясняется стянутость всех наших войск на относительно узкую полосу сплошного фронта, не имея в тылу ни одной быстроподвижной маневренной группировки по уничтожению

или задержке прорвавшегося противника. Опыт же войны на западе настоятельно требовал иметь такие быстроподвижные части на вероятных направлениях противника.

Части военно-воздушных сил Прибалтийского особого военного округа к началу войны были подготовлены на старой материальной части — бомбардировочная авиация на самолетах СБ, истребительная авиация на самолетах И-153 и И-16.

Война застала части Прибалтийского особого военного округа в период перехода на новую материальную часть — истребителей на самолеты МиГ-3, на которых летали два полка и овладели этим самолетом, а часть полков бомбардировщиков проходили переучивание на самолетах Пе-2 за пределами округа.

По уровню боевой подготовки части военно-воздушных сил Прибалтийского особого военного округа были способны выполнять боевые задачи днем в несложных метеорологических условиях, на малых высотах, средних и больших высотах в составе звеньев и девятки. В сложных условиях были подготовлены отдельные экипажи, звенья и ночные эскадрильи. В условиях ночи летало примерно 15 % из всего состава бомбардировочной и истребительной авиации, которые были способны выполнить боевые задачи в условиях ночи только ограниченно. Учебно-боевая подготовка частей проходила в соответствии с наставлениями, изданными Военно-воздушными силами Красной Армии на 1941 г.

Летный состав Военно-воздушных сил Красной Армии по своему уровню подготовки уступал германским летчикам в практике воздушного боя, но этот недостаток наших летчиков восполнялся высоким морально-политическим духом, беззаветной преданностью Родине, стремлением победить во что бы то ни стало. И примеры этой высокой политической сознательности мы видели на протяжении всей войны — мужество, отвага, совершенно неотъемлемые качества советского летчика.

Подготовка штабов

Штабы дивизий в оперативно-тактическом отношении были подготовлены удовлетворительно. Последнее время, перед войной, штабы дивизий много уделяли внимания выходам в поле со средствами связи. Проводились двусторонние и односторонние радиоучения. Оперативно-тактические игры проводились в масштабе авиационных дивизий и округа.

Но с началом войны оказалось, что со скрытым управлением по радио не все благополучно; выход частей из-под удара также проработан не был; недостаточно четко организовывалось

взаимодействие между истребителями и бомбардировщиками и между истребителями и зенитной артиллерией, что нашло свое отражение и в дальнейшей работе штабов.

Следует отметить, что разведывательная авиация была совсем не подготовлена.

Связь

К началу военных действий сеть постоянных проводов театра войны (Эстония, Латвия и Литва) не удовлетворяла тактическим требованиям. Отсутствовало необходимое количество каналов связи от командных пунктов к частям, не было обходных направлений и проводов на основных оперативных направлениях к действующим аэродромам.

До войны дивизии не имели отдельной роты связи и обеспечивались средствами связи базы. Авиационная база обслуживала полк и, следовательно, средства связи были из расчета на полк, но поскольку штаб дивизии располагался [с] одним из своих полков, то рота связи обслуживала и полк и дивизию. Теми средствами связи, которыми располагала рота связи, обеспечить полностью полк и дивизию безусловно было нельзя. Спасало только то, что полки и дивизии базировались на стационарных аэродромах, где были хорошо оборудованные узлы связи. Существующая система связи во время войны обеспечить не могла бы.

Вообще же проводная связь была ненадежна и в первые же часы войны была выведена из строя частью бомбардировщиками и большей частью диверсией.

Состояние органов тыла

Перед началом войны были получены указания о переходе тыла на новые организационные формы — с авиационных баз на районы авиационного базирования, базы и батальоны аэродромного обслуживания. Переход только намечался. Формально были только обозначены районы базирования, куда пришла небольшая группа кадров. Управление же осталось на старой системе авиационных баз. Неопределенность с тылами сыграла свою отрицательную роль в деле вывода частей на новые места базирования и обеспеченности их всем необходимым для боевой работы.

Вопросы отмобилизования

Вопросы отмобилизования отрабатывались, но реальной проверки мобилизационной готовности в полном объеме не было.

Например, не отмобилизовывалась дивизия в целом с

тылами, с перебазированием; в результате отсутствия в мирное время практической тренировки отмобилизования частей уровень подготовленности в этом вопросе соединений в целом был не отработан.

Общие выводы о боевой готовности Военно-воздушных сил

Год войны показал, что организация Военно-воздушных сил Красной Армии в некоторых ее звеньях не отвечала требованиям войны. В частности, авиационные полки четырехэскадрильного состава были громоздкими. Полк базировался на двух-трех аэродромах, терял оперативное руководство подразделениями, организация штабов не обеспечивала боевого управления полка с двух-трех точек.

Организация авиационных дивизий мирного времени в основном оправдала себя и на военное время при существующей организации полков. Необходимо отметить, что частая реорганизация авиации отрицательно сказывалась на боевой сколоченности частей.

Нападение на Советский Союз произошло в период реорганизации частей. Части еще не были сколочены. Многие части только переучивались на новой материальной части, да и к тому же за пределами округа.

Отсутствие четкого плана по использованию Военно-воздушных сил на случай войны привело к потере значительного числа самолетов и летного состава.

Не было отработано управление по радио и скрытое управление.

II. Боевые действия военно-воздушных сил северо-западного фронта

1. Летняя кампания 1941 г. (июнь — ноябрь месяцы)

а) Оперативное и тактическое использование видов авиации.

В летней кампании 1941 г. в первый период военно-воздушные силы Северо-Западного фронта, имея на вооружении самолеты СБ, И-153, И-16 и И-15, в первые дни войны использовались для борьбы с мотомеханизированными и танковыми колоннами противника при движении их по дорогам в направлениях: Тильзит — Шауляй; Гумбиниен — Каунас; на борьбу с морскими транспортами и морскими десантами в районах Либава, Рига.

В первый и второй дни наносили удары по аэродромам и войскам противника в районах Мемель, Тильзит, Гумбиниен и

вели борьбу с бомбардировочной авиацией противника в воздухе, на нашей территории.

По указанным объектам военно-воздушные силы Северо-Западного фронта действовали бомбардировочной авиацией (самолетами СБ) группами в 6-18 самолетов под прикрытием И-153, И-16 и мелкими группами в 2–3 самолета СБ по ближайшим целям без прикрытия истребителей.

Истребители типа И-153 использовались как штурмовики по двигающимся войскам противника, применяя мелкие бомбы и пулеметное вооружение.

б) Крупных самостоятельных операций военно-воздушные силы Северо-Западного фронта не проводили в силу их малочисленности и больших потерь, понесенных в первые дни войны.

в) Задачами военно-воздушных сил Северо-Западного фронта в летней кампании 1941 г. были:

— препятствие продвижению мотомеханизированных и танковых колонн противника;

— уничтожение авиации противника на его аэродромах и в воздухе;

— прикрытие своих войск, железнодорожных станций, аэродромов базирования, крупных населенных пунктов и объектов от налетов авиации противника;

— разведка войск противника в интересах фронта и армии;

— изматывание живой силы противника действиями одиночных самолетов и мелких групп ночью по занятым шоссейным дорогам и в пунктах сосредоточения;

— действия по морским транспортам и морским десантам (в первые дни войны).

Ввиду малочисленности авиации, ее устаревшей материальной части и в силу большого спроса задачи ставились без учета наличия средств, что не давало возможности наносить сосредоточенные удары по противнику на решающих направлениях — удары получались «растопыренными пальцами», без должного эффекта.

г) Условия выполнения поставленных боевых задач перед воздушными силами Северо-Западного фронта были исключительно трудными. В первый день войны инициатива нанесения первого удара по аэродромам была в руках противника, наши же военно-воздушные силы четко поставленных задач не имели.

Поднявшиеся по тревоге после первого налета [противника], части после часового пребывания в зоне ожидания по радио сажались вновь на свои аэродромы. Высшим командованием было

приказано границы не перелетать, а держать части в постоянной готовности к выводу из-под удара, истребителям уничтожать самолеты противника на нашей территории.

Создавшаяся заминка в постановке задач и неясность в сложившейся обстановке дезориентировали личный состав. Противник, воспользовавшись таким колебанием, безнаказанно уничтожал наши самолеты на аэродромах. Ответного удара по аэродромам противника организовано не было.

Не считаясь с тем, что 19.6.41 г. в связи с создавшейся неблагоприятной обстановкой частям был отдан приказ о переходе в боевую готовность и рассредоточении материальной части с базовых аэродромов на оперативные, о выходе штаба Прибалтийского особого военного округа на командный пункт (в документе «выхода штабов ПрибВО на КП». — *М.А.*) в район Паневежис, командованию и авиационным частям конкретных указаний не давалось, а, наоборот, в ночь с 20 на 21 и с 21 на 22.6.41 г. авиационным частям было приказано производить ночные тренировочные полеты. Вследствие этого (в документе «чего» — *М.А.*) большинство бомбардировочных полков подверглись бомбардировочным налетам противника в момент послеполетного осмотра материальной части и дозаправки ее горючим. Летный состав был только что распущен на отдых после ночной работы.

На второй день войны создавшаяся обстановка продиктовала необходимость перебазирования истребительных авиационных полков во вторую и третью зоны аэродромного базирования, на рубеж Митава, Двинск. Аэродромная сеть Прибалтийского особого военного округа была развита слабо; за год пребывания в Прибалтике в основном закончили строительство передовой зоны аэродромов в полосе глубиной до 100 км от государственной границы до линии Либава, Шауляй, Паневежис, Вильнюс. Вторая и третья зоны развиты не были, в силу чего маневр в глубину был крайне затруднен.

Существующая аэродромная сеть противником была изучена еще до начала боевых действий. Базовые аэродромы в большинстве своем были построены германскими специалистами, а вновь построенные оперативные (полевые) аэродромы были изучены за 2–2,5 месяца до войны тщательной авиационной разведкой, которую противник проводил ежедневно, производя полеты одиночных самолетов до рубежа Митава, Двинск. Поэтому первые удары по нашим передовым аэродромам противник, как правило, наносил безошибочно, даже с бреющего полета, группами в 6-18 самолетов типа Ю-88, До-215, Хе-111, Ме-110 и Ме-109.

Существующая организация Военно-воздушных сил Красной Армии — четырехэскадрильный состав авиационных полков с численностью до 60 самолетов — также отрицательно отразилась на управлении частями. Кроме того, военно-воздушные силы Северо-Западного фронта война застала в период перевооружения истребительных и бомбардировочных авиационных полков на новую материальную часть, вследствие чего 30–40 % боеготовых экипажей были заняты перегонкой самолетов СБ в летные авиационные училища Военно-воздушных сил Красной Армии и находились на переучивании за пределами округа.

Поэтому в истребительных авиационных полках на передовых аэродромах получилось по два комплекта самолетов (И-153 и МиГ-3, И-16 и МиГ-3), впоследствии все заштатные самолеты были уничтожены налетами авиации противника и уничтожены эвакуационными командами из-за невозможности транспортировки в тыл в связи со скоротечной обстановкой. Новая материальная часть (самолеты МиГ-3) летным составом полностью освоены не были, а часть их стояла на аэродромах неисправными (не доведенными на заводах)…

е) Качественная оценка нашей материальной части самолетов и самолетов противника.

Наш самолет Пе-2 как бомбардировщик отвечает всем требованиям современной машины и лишь по бомбовой нагрузке уступает самолету противника Ю-88. Маложивуч, очень часты случаи пожара в воздухе от атак истребителей противника.

Необходимо дополнить броневой защитой штурмана и стрелка-радиста, усилить протектирование бензобаков (желательно бронировать), усилить стрелковое вооружение за счет замены пулемета ШКАС на пулемет Б… («смазан» текст — примечание публикатора)… в верхней подвижной установке штурмана.

Самолеты ЛаГГ-3 и Як-1 как самолеты-истребители заслужили хорошей оценки летного состава, особенно Як-1, но необходимо усиление вооружения за счет постановки на указанные типы самолетов двух крупнокалиберных пулеметов, одной пушки ВЯ, шести РС и четырех съемных замков для подвески бомб калибром до 50 килограммов.

Самолет Ил-2 как штурмовик в ходе Отечественной войны полностью оправдал себя как противотанковый самолет и самолет с эффективным действием против живой силы и мотомеханизированных войск противника. Исходя из опыта применения самолета Ил-2 по указанным объектам, необходимо его довооружение — одна 37-мм пушка, две крыльевые пушки ВЯ, два крыльевых пулемета ШКАС и увеличение возможности

подвески РС до 16 штук.

Все выше перечисленные самолеты по своим качествам не уступают современным типам самолетов противника и при достаточной подготовке летного состава, умелом применении стрелкового вооружения даже с превосходящими силами противника в воздушных боях выходят победителями. Примерами этому могут служить воздушные бои истребителей военно-воздушных сил Северо-Западного фронта на фронте войны с немецким фашизмом. При проведении указанной модернизации наших самолетов они во многом будут превосходить самолеты противника.

Самолеты противника типа Ю-88, Ме-110, Ме-109, Ме-109ф, Хе-111, Хе-113 являются современными самолетами, располагающими хорошей скоростью, стрелковым и бомбардировочным вооружением, броневой защитой экипажа и уязвимых (жизненных) частей самолетов и моторов. Особых преимуществ, по отношению к нашим самолетам, самолеты противника не имеют, если не считать лучшую маневренность самолета Ме-109ф по вертикали, но на горизонтальных фигурах, как правило, Ме-109 уступает нашим истребителям […]

Командующий 6-й воздушной армией

генерал-майор авиации……. Кондратюк

Военный комиссар армии бригадный комиссар…… Машнин

Начальник штаба армии полковник…… Стороженко

Ф. 221, оп. 142687сс, д. 1, лл. 3-17

См. Выпуск 34. Опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 34.

Приложение 2
Из отчета командующего военно-воздушными силами Западного фронта за 1941 г. О состоянии военно-воздушных сил Фронта и боевых действиях за восемь дней войны

Сов. секретно

ОТЧЕТ
О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА 1941 г.
(с 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г.)
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ОБСТАНОВКА НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА
(переход к военному положению)

Боевая подготовка

[…] В результате пережитой тяжелой зимы к 15 апреля 1941 года боевую готовность частей Военно-воздушных сил Западного особого военного округа можно охарактеризовать следующим: истребители — небоеспособны (в воздухе почти не стреляли и воздушных боев не вели); бомбардировщики — ограниченно боеспособны (мало бомбили, мало стреляли, мало летали на маршрутные полеты). Разведывательной авиации округ не имел, так как имеющиеся восемь корпусных авиаэскадрилий получили шесть самолетов Р-зет и приступили к переучиванию.

313-й и 314-й разведывательные полки были полностью укомплектованы молодым летным составом, но материальной части не имели.

314-й разведывательный авиационный полк начал получать самолеты ЯК-2 и ЯК-4 в апреле месяце и к началу войны имел лишь шесть экипажей, только что вылетавших на ЯК-4.

Штурмовиков округ вовсе не имел. 215-й штурмовой авиационный полк, только что сформированный, к началу войны имел двенадцать И-15 и подготавливал летчиков для перехода на ИЛ-2, которых округ в то время не имел […].

Материальная часть

К началу войны части Военно-воздушных сил Западного особого военного округа были вооружены: бомбардировщики — самолетами СБ, СУ-2, а тяжелые полки — ТБ-3; истребители — самолетами И-16 и И-153; штурмовики — самолетами И-15-бис

Состояние материальной части было вполне

удовлетворительное.

9-я смешанная авиационная дивизия к началу войны получила 262 самолета МИГ-1 и МИГ-3 и приступила к их освоению. Всего было на МИГах выпущено до 140 летчиков и продолжался выпуск остальных.

На новых самолетах производились только аэродромные полеты и отстрел пулеметов в воздухе. Материальная часть к началу войны была не освоена и дивизия имела ряд тяжелых катастроф в процессе ее освоения. Старая материальная часть (И-16, И-153) осталась в дивизии.

Самолеты ПЕ-2 были получены в количестве 420 штук и находились в 13-м авиационном полку 9-й смешанной авиационной дивизии и 15-м авиационном полку 11-й смешанной авиационной дивизии.

Таким образом, с начала войны округ переживал период перевооружения на новую материальную часть, а интерес к старой материальной части заметно снизился. Все сверху до низу были охвачены скорейшим выпуском летчиков на новой материальной части.

Аэродромная сеть

В течение 1939 и 1940 годов в округе было построено около 70 аэродромов на территории Западной Белоруссии, но эти аэродромы были рассчитаны главным образом на старую материальную часть.

Передовая и тыловая зоны аэродромов были хорошо развиты. Что же касается полосы между меридианами Вильнюс, Лида, Пинск и Полоцк, Минск, Уречье — аэродромов почти не было. В этой полосе предусмотрена была постройка аэродромов в 1941 году.

На 30 аэродромах имелись запасы горючего и бомб.

Основным тормозом в сосредоточении горючего было отсутствие тары.

В ближайших к границе авиагарнизонах были созданы большие запасы авиагорючего и бомб.

Исключительно пагубно отразилось на маневре военно-воздушных сил развертывание строительства взлетно-посадочных полос на территории Западной Белоруссии. На 46 аэродромах было развернуто строительство взлетно-посадочных полос средствами Народного комиссариата внутренних дел БССР.

Оставалось лишь 15–17 аэродромов для лагерной стоянки частей, которые располагались главным образом вдоль госграницы на расстоянии 10–40 км, т. е. 9, 10, 11-й смешанных авиационных дивизий, которые к моменту войны находились на аэродромах, удаленных от госграницы не более 10–40 км.

Несмотря на предупреждения о том, чтобы взлетно-посадочные полосы строить не сразу на всех аэродромах, все же 60 взлетно-посадочных полос начали строиться сразу. При этом сроки строительства не выдерживались, много строительных материалов было нагромождено на летных полях, вследствие чего аэродромы были фактически выведены из строя.

В результате такого строительства аэродромов в первые дни войны маневрирование авиации было очень сужено и части оказались под ударом противника.

Дислокация авиации Западного особого военного округа характеризовалась рассредоточением истребительной авиации по всей границе, притом чрезмерно близко к границе. Отсутствие связи со службой ВНОС и неналаженность последней усугубляло положение.

Состояние органов тыла

Директива Генерального штаба о введении новой системы тыла была получена в округе 28 апреля 1941 г. Все организационные мероприятия и директивные указания по переходу к районам авиабазирования и переформированию авиабаз были отданы к 20.4.41 г.

По этой директиве существующие тридцать четыре авиабазы были переформированы в батальоны аэродромного обслуживания в таком же количестве. Остальные девяносто три батальона аэродромного обслуживания должны были формироваться заново. Таким образом, новая система тыла в Западном особом военном округе к началу войны была лишь в стадии организации: управления авиарайонов только что создавались, а приписка переменного состава к батальонам аэродромного обслуживания начиналась вновь. Особо плохо обстояло дело с припиской транспорта, в частности — спецмашин. В связи с переходом на новую организацию прежние мобилизационные расчеты оказались нарушенными и тыл был совершенно не готов к началу войны.

Изучение вероятного противника

Во всех частях Военно-воздушных сил Западного особого военного округе вопросу изучения вероятных противников, и особенно Германии, отводилось время, определенное программой боевой подготовки.

Как с летным, так и с техническим составом авиачастей основное внимание уделялось изучению организации и состояния военно-воздушных сил вероятных противников, их материальной части, по официальным материалам, издаваемым Разведывательным управлением Генерального штаба Красной Армии, и периодической печати. Как недостаток в этом вопросе

следует отметить то, что противник изучался по бумагам. В проводимых учениях противник очень часто принимался условный, далеко не соответствующий его действительному состоянию.

Совершенно недостаточно изучался опыт войны, проводимой Германией на западе и юго-западе Европы в те времена.

Ввиду отсутствия достаточно полной авиационной литературы и незнания большинством командного состава иностранных языков исключало возможность пользования иностранной литературой, которой к тому же было очень мало.

Если летный состав не плохо изучил материальную часть противника, то вопросы тактики воздушного боя и оперативно-тактического применения военно-воздушных сил противника изучались поверхностно.

Предусмотренные программой боевой подготовки к изучению многие вероятные противники, как, например, Германия, Румыния, Англия, Италия и другие, требовали много времени, которого не хватало, в результате чего изучение было весьма поверхностным.

Только в последние два месяца перед войной во всех частях военно-воздушных сил было организовано глубокое изучение военно-воздушных сил Германии.

Между тем германская разведка практически изучала базирование наших военно-воздушных сил. Воздушная трасса Москва, Берлин проходила через основные аэроузлы Западного особого военного округа.

Несмотря на неоднократные ходатайства командования военно-воздушных сил округа об изменении направления трассы, германские самолеты все же пользовались ею, производили посадку на таких аэродромах, как Белосток, Минск, даже тогда, когда на них производилась летная работа.

Подготовка штаба военно-воздушных сил фронта к войне

Штаб Военно-воздушных сил Западного фронта развернулся из штаба Военно-воздушных сил Западного особого военного округа, сохранив в своем составе все основные кадры до настоящего времени.

В течение 1940 года штаб военно-воздушных сил округа провел самостоятельно две фронтовые оперативные игры и участвовал на одной фронтовой 20-дневной полевой поездке, проведенной Генеральным штабом Красной Армии, где получил неплохую оценку.

Кроме того, штаб военно-воздушных сил округа участвовал на 4 общевойсковых оперативных играх, проведенных штабом округа.

Командиры штаба военно-воздушных сил округа были достаточно подготовлены к управлению войсками, хотя достаточного опыта не имели.

Последующий ход событий показал, что штаб военно-воздушных сил округа был сколочен достаточно хорошо […]

Канун войны

Развернутая сеть германского шпионажа, разбросанного по всей территории Западного округа, дала в руки противника большие преимущества и предоставила ему возможность на первых порах войны деморализовать управление войсками и внести некоторую панику в сознание малоустойчивых людей.

В течение всего периода с момента заключения договора между СССР и Германией и особенно в последние дни противник систематически нарушал нашу госграницу, не только перелетая ее, но и умышленно производя посадки своих самолетов на наших аэродромах с экипажами в чине младших офицеров — фактически переодетых офицеров. Наши истребители, сидевшие в засаде вдоль госграницы, не имели возможности активно противодействовать нарушению противником нашей границы, т. к. имели приказ оружия не применять, а предлагать посадку эволюциями самолета, что никакого воздействия не оказывало.

Еще задолго до начала войны противник произвел фотосъемку наших укреплений на границе, что подтверждается фотодокументами, захваченными в разгромленных штабах немецкой армии.

В результате действий германских диверсантов и польских белогвардейцев с 23.00 21.6.41 г. вся проволочная связь штаба военно-воздушных сил Западного особого военного округа со штабами дивизий и штабов дивизий со своими полками была прервана и каждый аэродром был предоставлен сам себе.

В таких условиях началась Великая Отечественная война.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ПО МЕСЯЦАМ И ОПЕРАТИВНЫЕ ВЫВОДЫ

I. Действия начального периода войны и боевой состав

Боевой состав Военно-воздушных сил Западного фронта к началу войны состоял из шести дивизий (9, 11, 10, 12, 13, 43), одного авиакорпуса дальнего действия и четырех отдельных авиаполков; всего имелось к 22.6.41 г. двенадцать истребительных полков, восемнадцать бомбардировочных, два штурмовых, два резервных и два разведывательных. В строю находилось 1909 самолетов, из коих 1022 истребителя и 887 бомбардировщиков […]

Части Военно-воздушных сил Западного фронта вступили в

войну с утра 22.6.41 г. День этот характеризуется большими потерями, понесенными авиацией фронта от налетов противника, организацией ответных ударов по аэродромам противника Соколув, Седлец, Лукув, Бяла-Подляска, по группировкам противника в Цехановец, Константинув, Рыгалы, оз. Сервы, Августов, Сувалки, по промышленности в Кенигсберг, Варшава.

За день 22.6.41 г. авиацией противника были уничтожены на аэродромах и в воздушных боях 538 самолетов при 143 самолетах, потерянных противником. На следующий день потери сторон соответственно составляли 125 и 124 самолета и к концу июня, т. е. за 8 дней войны наши потери составляли 1163 самолета, потери противника 422 (*В конце документа приводится цифра 442 самолета. — М.А.*) […]

К исходу 30.6.41 г. военно-воздушные силы фронта имели истребителей 124 и бомбардировщиков 374, всего 498 самолетов, объединенных в семь дивизий. Военно-воздушные силы противника соответственно имели около 800 самолетов перед нашим фронтом, предположительно, 2-й воздушный флот.

II. Основные задачи, выполняемые военно-воздушными силами

по месяцам, и показатели работы (первые 8 дней войны)

С началом военных действий основной задачей военно-воздушных сил фронта были самостоятельные действия по борьбе с мотомеханизированными и танковыми колоннами противника и уничтожение его авиации на аэродромах. Наряду с этим важнейшей задачей было прикрытие центров и мест сосредоточения и выгрузки наших войск, взаимодействие с частями 3-й армии в районе Гродно, а также глубокая разведка противника.

Первые удары по танковым колоннам противника 22–23.6.41 г. были нанесены в районе Сувалки, Домброва, Гродно с одновременным ударом по аэродромному базированию противника на меридиане Августов, Седлец. Этот период характерен также большим количеством воздушных боев.

С 27.6.41 г. борьба с мотомеханизированными частями противника принимает характер эшелонированных ударов авиации и охватывает новые районы вдоль брестского шоссе (Пружаны, Береза) и районы Молодечно, Барановичи, Ошмяны, Минск, Бобруйск.

Судить о полных результатах работы авиации за этот начальный этап войны нет возможности, ввиду убытия тех частей, которые вели боевую работу в те дни, и слабого учета авиации в то время. По сохранившимся отрывочным данным за период с 22 по 30.6.41 г. сделано 2969 самолето-вылетов и сброшено 107 тонн

550-кг бомб. Основной бомбой, применяемой в тот период, была ФАБ-100. О количестве подбитых танков противника сведений нет.

За этот период уничтожено 442 самолета противника […]

Командующий Военно-воздушными силами
Западного фронта
генерал-майор
авиации…….. Науменко

Военный комиссар Военно-воздушных сил
Западного фронта
дивизионный
комиссар……. Клоков

Начальник штаба Военно-воздушных сил Западного фронта генерал-майор авиации……. Худяков

31 декабря 1941 г.

Ф. 208, оп. 149690сс, д. 2, лл. 2-12

См. Выпуск 35. Опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 35.

Приложение 3
Доклад командующего военно-воздушными силами Юго-западного фронта командующему военно-воздушными Силами красной армии от 21 августа 1941 Г. О боевых Действиях военно-воздушных сил фронта за период С 22 июня по 10 августа 1941 Г

Сов. секретно
Особой важности
Командующему Военно-воздушными силами
Красной Армии генерал-лейтенанту авиации тов. Жигареву

I. Доклад о боевых действиях военно-воздушных сил Юго-западного фронта за период С 22.6 по 10.8.41 г. (за пятьдесят дней воины)

I. Краткая характеристика боевой готовности частей
военно-воздушных сил Юго-Западного фронта
по состоянию на 22.6.41 г.

1. В состав Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта к началу войны входили:

а) 14-я смешанная авиационная дивизия — 17, 46, 89-й истребительные и 253-й штурмовой авиационные полки;

б) 15-я смешанная авиационная дивизия — 23, 28, 164-й истребительные и 66-й штурмовой авиационные полки;

в) 16-я смешанная авиационная дивизия — 87-й и 92-й истребительные, 86-й ближне-бомбардировочный авиационные полки;

г) 17-я смешанная авиационная дивизия — 20, 91-й истребительные, 48, 224, 225, 242-й и 244-й ближне-бомбардировочные авиационных полки;

д) 18-я дальне-бомбардировочная авиационная дивизия — 90-й и 93-й дальне-бомбардировочные авиационные полки;

е) 19-я бомбардировочная авиационная дивизия — 33, 136-й и 138-й ближне-бомбардировочные авиационные полки;

ж) 36-я истребительная авиационная дивизия — 2, 43, 254-й и 255-й истребительные авиационные полки;

з) 44-я истребительная авиационная дивизия — 88, 248, 249-й и 252-й истребительные авиационные полки;

и) 62-я бомбардировочная авиационная дивизия — 52, 94, 226, 227-й ближне-бомбардировочные, 243-й и 245-й штурмовые авиационные полки;

к) 63-я смешанная авиационная дивизия — 165-й истребительный и 62-й штурмовой авиационные полки;

л) 64-я истребительная авиационная дивизия — 12, 149, 166, 246-й и 247-й истребительные авиационные полки;

и) 315-й и 316-й разведывательные авиационные полки.

2. Укомплектованность авиационных полков,

входивших в состав Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта,

самолетами, летным составом и их боевая готовность

по состоянию на 22.6.41 г.

Авиа. дивизии	Авиационные	Наличие самолетов		Наличие летного состава		Экипажей, подготовл. к боевым действиям			
		тип	-	лет-чиков	- чиков-набл.	всего днем в прост. услов.	в том числе: днем в сложн. метео. услов.	Ночью	На высотах более 6000 м
14-я авиа. дивизия	Управление	И-16	2	3	–	3	3	3	3
	17-й истреб. авиаполк	И-153	50	–	–	–	–	–	–
		И-16	1	54	–	51	41	40	45
	46-й истреб. авиаполк	И-16	25	–	–	–	–	–	–
		И-153	28	–	–	–	–	–	–
		И-15	2	66	–	66	46	20	9
	89-й истреб. авиаполк	И-16	66	68	–	66	36	12	22
	253-й штурмов. авиаполк	–	–	7	–	–	–	–	–
	Итого	–	174	198	–	186	126	75	79
Примечание. 253-й штурмовой авиационный полк к началу войны находился в стадии формирования, материальной части не имел и участия в боевых действиях не принимал.									
15-я авиа. дивизия	Управление	МИГ-3	2	–	–	–	–	–	–
		И-16	1	5	–	5	5	3	2
	23-й истреб. авиаполк	МИГ-3	48	–	–	–	–	–	–
		И-153	10	–	–	–	–	–	–
		И-16	7	–	–	–	–	–	–
		И-15	1	60	–	46	41	41	53
	28-й истреб. авиаполк	МИГ-3	48	–	–	–	–	–	–
		И-16	12	60	–	58	33	26	45
	164-й истреб. авиаполк	И-16	14	–	–	–	–	–	–
		И-153	28	–	–	–	–	–	–
		И-15	2	51	–	34	16	–	–
	66-й штурмов. авиаполк	И-15	58	–	–	–	–	–	–
		ИЛ-2	5	69	–	69	–	–	–
	Итого	–	236	245	–	212	95	70	100

16-я авиа. дивизия	Управление	СБ	2	5	5	3	3	3	3
	86-й ближне-бомбардир. авиаполк	СБ	35	–	–	–	–	–	–
		ПЕ-2	9	66	90	62	17	10	10
	87-й истреб. авиаполк	И-16	60	–	–	–	–	–	–
		МИГ-3	4	88	–	76	52	17	17
	92-й истреб. авиаполк	И-153	63	–	–	–	–	–	–
		И-16	5	–	–	–	–	–	–
		И-15	4	75	–	72	15	15	–
	Итого	–	182	234	95	213	87	45	30
17-я авиа. дивизия	Управление	ЯК-1	1	–	–	–	–	–	–
		И-153	1	–	–	–	–	–	–
		СБ	1	7	8	4	4	4	4
	20-й истреб. авиаполк	И-153	26	–	–	–	–	–	–
		ЯК-1	63	70	–	63	7	7	55
	91-й истреб. авиаполк	И-153	59	64	–	59	32	32	21
	48-й ближне-бом. авиаполк	ПЕ-2	34	–	–	–	–	–	–
		СБ	8	67	82	56	16	16	23
	224-й ближне-бомб. авиаполк	СБ	13	60	74	60	2	2	2
	225-й ближне-бомб. авиаполк	СБ	11	70	65	70	13	13	–
	242-й ближне-бомб. авиаполк	–	–	55	57	23	–	–	–
	244-й ближне-бомб. авиаполк	–	–	12	–	–	–	–	–
	Итого	–	217	405	286	335	74	74	105
Примечание. 242-й и 244-й ближне-бомбардировочные авиационные полки к началу войны находились в стадии формирования, материальной части не имели и участия в боевых действиях не принимали.									
18-я авиа. дивизия	Управление	ДБ-3Ф	3	8	9	4	4	2	2
	90-й дальне-бомб. авиаполк	ДБ-3Ф	59	54	79	54	–	–	–
	93-й дальне-бомб. авиаполк	ДБ-3Ф	57	55	83	55	28	4	7
	Итого	–	119	117	171	113	32	6	9

19-я авиа. дивизия	Управление	СБ	2	7	10	3	3	3	3
	33-й ближне-бомб.авиаполк	АР-2	23	–	–	–	–	–	–
		ПЕ-2	10	–	–	–	–	–	–
		СБ	27	73	83	63	17	16	–
	136-й ближне-бомб. авиаполк	ЯК-2	49	–	–	–	–	–	–
		СБ	4	58	63	36	–	–	–
	138-й ближне-бомб.авиаполк	СБ	27	60	96	37	–	–	–
	Итого	–	142	198	252	139	20	19	3
36-я авиа. дивизия	Управление	И-16	1	4	7	4	1	1	1
	2-й истреб. авиаполк	И-16	41	–	–	–	–	–	–
		И-153	16	46	5	42	26	11	32
	43-й истреб. авиаполк	И-16	42	–	–	–	–	–	–
		И-153	12	57	4	57	14	14	43
	254-й истреб. авиаполк	–	–	6	–	–	–	–	–
	255-й истреб. авиаполк	–	–	–	–	–	–	–	–
	Итого	–	112	113	16	103	41	26	76
Примечание. 254-й и 255-й истребительные авиационные полки к началу войны находились в стадии формирования.									
61-я авиа. дивизия	Управление	И-16	4	2	7	7	4	2	4
	88-й истребит. авиаполк	И-16	71	31	–	30	3	3	19
	248-й истреб. авиаполк	И-153	29	20	–	16	–	–	–
	249-й истреб. авиаполк	И-16	20	–	–	–	–	–	–
		И-153	12	21	–	–	–	–	–
	252-й истреб. авиаполк	И-153	15	–	–	–	–	–	–
		И-15	15	11	–	–	–	–	–
	Итого	–	166	85	7	53	7	6	23
Примечание. 248, 249-й и 252-й истребительные авиационные полки к началу войны находились в стадии формирования.									
62-я авиа. дивизия	Управление	–	–	2	5	2	2	2	2
	52-й ближне-бомб. авиаполк	ПЕ-2	15	–	–	–	–	–	–
		СБ	21	60	86	59	27	12	26
	94-й ближне-бомб. авиаполк	СБ	63	59	72	46	13	–	10
	226-й ближне-бомб. авиа полк	СУ-2	55	61	56	31	–	–	–
	227-й ближне-бомб. авиа полк	СУ-2	59	65	86	63	13	13	–
	243-й штурмов. авиаполк	–	–	–	–	–	–	–	–
	245-й штурмов. авиаполк	–	–	–	–	–	–	–	–
	Итого	–	213	247	305	201	55	27	38

Примечание. 243-й и 245-й штурмовые авиационные полки к началу войны находились в стадии формирования.									
63-я авиа. дивизия	Управление	–	–	4	1	–	–	–	–
	62-й штурмов. авиаполк	И-15б	9	–	–	–	–	–	–
		И-153	55	92	–	87	–	–	–
	165-й истреб. авиаполк	И-16	4	–	–	–	–	–	–
		И-15б	8	–	–	–	–	–	–
		И-153	26	71	–	51	–	–	–
	Итого	–	102	167	1	138	–	–	–
64-я авиа. дивизия	Управление	–	–	1	–	1	1	1	1
	12-й истреб. авиаполк	И-16	19	–	–	–	–	–	–
		И-153	47	–	–	–	–	–	–
		И-15	12	66	4	55	17	11	31
	149-й истреб. авиаполк	МИГ-3	56	–	–	–	–	–	–
		И-16	13	–	–	–	–	–	–
		И-153	49	59	4	41	40	2	40
	166-й истреб. авиаполк	И-16	42	67	–	15	–	–	–
	247-й истреб. авиаполк	МИГ-3	1	–	–	–	–	–	–
		И-153	48	46	–	–	–	–	–
	246-й истреб. авиаполк	–	–	–	–	–	–	–	–
	Итого	–	287	239	8	112	58	14	72
Примечание. 246-й и 247-й истребительные авиационные полки к началу войны находились в стадии формирования.									
	315-й развед. авиаполк	СБ	20	66	85	40	–	–	–
	316-й развед. авиаполк	ЯК-2-1	31	–	–	–	–	–	–
		СБ	2	45	82	20	–	–	–
Итого по Военно-воздушным силам Юго-Западного фронта		.	2003	2355 [1]	1307 [2]	1865	595	361	535

[1] При подсчете итога получается — «2359» [летчиков] (*сноска публикаторов документа. — М.А.*).

[2] Так в документе. При подсчете итога получается — «1308» [летчиков-наблюдателей] (*сноска публикаторов документа. — М.А.*)

3. Всего по Военно-воздушным силам Юго-Западного фронта к 22.6.41 г. по видам авиации имелось:

а) Истребительная авиация:		
Самолетов:	МИГ-3	159
	ЯК-2	64
	И-16	450
	И-153	493
	Итого	1166
б) Бомбардировочная авиация:		
Самолетов:	ПЕ-2	68
	АР-2	23
	ЯК-2-4	49
	СБ	214
	СУ-2	114
	ДБ-3Ф	119
	Итого	587
в) Штурмовая авиация:		
Самолетов:	И-153	81
	И-15-БИС	111
	ИЛ-2	5
	Итого	197
г) Разведывательная авиация:		
Самолетов:	ЯК-4	31
	СБ	22
	Итого	53
Всего самолетов		2003

% боеготовых экипажей:	Истреб. авиация	Бомб. авиация	Штурм. авиация	Развед. авиация	Итого
Подготовленных к боевым действиям днем в простых метеорологических условиях	919	730	156	60	1865
Подготовленных к боевым действиям днем в сложных метеорологических условиях	434	161	–	–	595
Подготовленных к боевым действиям ночью	262	99	–	–	361
Подготовленных к боевым действиям на высотах более 6000 м	444	91	–	–	535

4. Кадры и летный состав второго этапа обучения частей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта, имевших на вооружении самолеты старых типов (И-16, И-153, СБ и другие), к боевым действиям были подготовлены хорошо. Летный состав первого этапа обучения — слабо.

Летный состав частей, перевооруженных в 1941 г. на новую материальную часть (МИГ-3, ЯК-1, ЯК-2-4, ПЕ-2, СУ-2 и другие), к началу войны боевым применением на новой материальной части не овладел и к боевым действиям был подготовлен слабо.

5. В целом Военно-воздушные силы Юго-Западного фронта к боевым действиям были подготовлены недостаточно по причинам:

а) При перевооружении частей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта на новую материальную часть некоторые старые сколоченные авиационные полки (52, 48-й ближне-бомбардировочные авиационные полки и другие) к началу боевых действий не имели необходимого количества самолетов новых типов, а старая материальная часть у них была взята для новых формирований, в результате чего эти полки оказались перед началом войны в состоянии пониженной боеспособности;

б) Летный состав всех авиационных полков, перевооруженных на новую материальную часть в период, непосредственно предшествовавший войне, стрелковым и бомбардировочным вооружением самолетов новых типов не овладел, в результате чего в первые дни войны новая материальная часть использовались недостаточно эффективно;

в) Некоторые авиационные полки формирования 1940 г. (224, 225, 138-й ближне-бомбардировочные авиационные полки и другие) были укомплектованы материальной частью только на 20–50 % от штатной нормы, в результате чего их удельный вес в боевых действиях был незначителен;

г) Командирами авиационных дивизий и авиационных полков

Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта зимний период 1940-41 гг. очень слабо был использован для проведения боевой подготовки с полетами при снежном покрове аэродромов на колесах, в результате чего молодые летчики в своем подавляющим большинстве зимой летали очень мало и введены в строй не были, а период май-июнь (период напряженной летной работы) не обеспечил необходимой их подготовки к боевым действиям;

д) В частях Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта до начала войны вопросы маскировки аэродромов и находящихся на них самолетов решены не были, противовоздушная оборона аэродромов была организована неудовлетворительно, что объясняется не только отсутствием необходимых маскировочных средств, некомплектом средств противовоздушной обороны, но и тем, что этим вопросом со стороны командиров всех степеней должного внимания не уделялось;

е) Отсутствие необходимой организованности и четкости в действиях летных и наземных частей Военно-воздушных сил фронта при отражении налетов авиации противника на наши аэродромы в первые три дня войны подтверждают, что боевая готовность частей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта была на низком уровне и в этот ответственный период действия летных и наземных частей Военно-воздушных сил по боевой тревоге не соответствовали требованиям приказа Народного комиссара обороны СССР № 075-38 г. […]

II. Боевые действия военно-воздушных сил Юго-западного фронта за период с 22.6 по 10.8.41 г

1. В период с 22.6 по 10.8.41 г. Военно-воздушные силы Юго-западного фронта выполняли следующие задачи:

а) Уничтожение мотомеханизированных частей противника, прорвавшихся на нашу территорию, на дорогах и в местах их сосредоточения;

б) Уничтожение танков, пехоты, артиллерии и огневых минометных и пулеметных точек противника на поле боя во взаимодействии с наземными войсками;

в) Прикрытие наших войск в районах их сосредоточения и на поле боя;

г) Прикрытие своих аэродромов, крупных населенных пунктов, железнодорожных узлов, мостов и переправ через рр. Днепр, Припять, Десна и другие;

д) Борьба с авиацией противника в воздухе и на земле;

е) Ведение непрерывной наземной разведки в интересах штабов армий и штаба фронта.

Основной задачей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта на протяжении всего периода боевых действий являлась борьба с мотомеханизированными частями противника, прорвавшимися на нашу территорию.

2. В период с 22.6 по 1.7.41 г. основные усилия Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта были направлены на уничтожение мотомеханизированных частей противника в районах Ковель, Усьцилуг, Сокаль, Радзехув, Луцк; Ровно, Дубно, Кременец, Остругг.

Одновременно с выполнением задач по уничтожению мотомеханизированных частей противника в указанных районах Военно-воздушные силы фронта прикрывали в тех же районах наши мотомеханизированные части, прикрывали Львов, Дрогобыч, Станиславув, Черновицы, Тарнополь и железнодорожные узлы Новоград Волынский, Шепетовка, Тарнополь.

В результате бомбардировочных и штурмовых действий Военно-воздушных сил фронта противнику нанесены серьезные потери. В период 28.6-29.6.41 г. вышедшая в район Остругг танковая группа противника (до дивизии) действиями наших бомбардировщиков во взаимодействии с войсками Шепетовского укрепленного района от Остругг была отброшена и рассеяна в лесах западнее и юго-западнее Остругг. Наступление противника в направлении Остругг, Славута, Шепетовка было задержано.

К недостаткам в действиях Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта нужно отнести очень слабую организацию взаимодействия летных частей с наземными войсками. Штабы Военно-воздушных сил армий, не укомплектованные личным составом, организовать взаимодействие летных частей с наземными войсками не могли, а штаб Военно-воздушных сил фронта с этой задачей не справился. Наши наземные войска в этот период свое расположение, как правило, условными сигналами не обозначали, что затрудняло действия летных частей в интересах наземных войск непосредственно на поле боя.

3. В период с 1.7 по 1.8.41 г. Военно-воздушные силы Юго-Западного фронта во взаимодействии с наземными войсками уничтожали мотомеханизированные части противника в районах:

а) Новоград Волынский, Ровно, Луцк, Дубно, Славута;

б) Золочов, Трембовля, Тарнополь, Волочиск;

в) Шепетовка, Нв. Мирополь, Полонное, Бердичев;

г) Житомир, Фастов, Брусилов, Коростышев, Юров;

д) Бердичев, Казатин, Тетиев, Звенигородка, Тараща, Белая

Церковь;

е) Малин, Черняхов, Топорище,

ж) Перед фронтом 5, 6-й и 12-й армий во взаимодействии с наземными войсками.

Одновременно с выполнением задач по уничтожению мотомеханизированных частей противника Военно-воздушные силы фронта действовали по аэродромам противника с задачей уничтожения находящейся на них материальной части.

Истребительная авиация прикрывала наши войска и железнодорожные узлы Киев, Нежин, Чернигов, Бахмач, Конотоп; железнодорожные мосты и переправы через рр. Днепр, Припять, Десна.

В результате бомбардировочных и штурмовых действий летных частей во взаимодействии с наземными войсками в районе Славута, Полонное, Нв. Мирополь нанесены значительные потери мотомеханизированным частям противника, которые на подступах к Славута были задержаны до 9.7.41 г.

Мотомеханизированные части противника, прорвавшиеся по шоссе Новоград Волынский, Житомир, Киев и через Бердичев на Житомир, Киев, подверглись интенсивным бомбардировочным и штурмовым действиям нашей авиации, в результате чего в период 9.7-14.7.41 г. было рассеяно и частично уничтожено до танковой дивизии противника в районе Житомир, Коростышев, Юров. Под непрерывным воздействием наших Военно-воздушных сил мотомеханизированная колонна противника освободила шоссе Житомир, Киев и ушла в леса в районе Фастов, Брусилов, Юров, понеся большие потери.

К 1.7.41 г. были установлены сигналы, обозначающие нашу авиацию, наземные войска, и Военно-воздушные силы фронта свои боевые действия начали проводить в более тесном взаимодействии с наземными войсками.

4. В период с 1.8 по 10.8.41 г. Военно-воздушные силы Юго-Западною фронта во взаимодействии с наземными войсками уничтожали мотомеханизированные части перед фронтом 26-й армии и Киевского укрепленного района. Одновременно продолжали прикрывать город Киев, мосты и переправы через рр. Днепр, Припять, Десна и уничтожали авиацию противника на его аэродромах.

В этот же период проводились ночные одиночные и групповые налеты самолетов СБ и Р-5 на аэродромы противника, железнодорожные узлы, железнодорожные станции и места скопления войск противника с задачей их уничтожения и изнурения

III. Действия военно-воздушных сил юго-западного фронта по аэродромам противника

1. В период 22.6–1.7.41 г. Военно-воздушные силы Юго-Западного фронта налетов на аэродромы противника производили очень мало. В этот период борьба с авиацией противника велась преимущественно в воздухе, путем перехвата нашими истребителями самолетов противника и отражения налетов Военно-воздушных сил противника на наши аэродромы, наземные войска, железнодорожные узлы и другие объекты.

2. В период 1.7–1.8.41 г., параллельно с действиями по мотомеханизированным частям противника, Военно-воздушные силы фронта действовали и по аэродромам противника по данным разрядки (разведки. — *М.А.*) «на себя». В этот период были атакованы аэродромные узлы Луцк, Дубно, Тарнополь, Шепетовка, Проскуров, Житомир, Белая Церковь.

3. 25.7.41 г. разведкой было установлено, что противник сосредоточил на аэродромном узле в Белая Церковь большое количество бомбардировочных и истребительных самолетов.

26.7.41 г. белоцерковский аэродромный удел (аэродромы Городище, Узин, Фурсы) был подвергнут неоднократным атакам нашей авиации, в результате которых было уничтожено до 60 разных типов самолетов противника.

4. В период с 1.8 по 10.8.41 г. Военно-воздушные силы фронта действовали по аэродромам противника в районе Житомир, Бердичев, Белая Церковь. Налеты производились как в дневное время, так и ночью. В результате действий нашей авиации противник был вынужден аэродромный узел Белая Церковь освободить.

5. Всего за период с 1.7 по 10.8.41 г. частями Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта уничтожено на аэродромах 172 самолета противника. Эти сведения не являются достаточно полными, так как потери, нанесенные Военно-воздушным силам противника при ночных налетах, полностью не учтены.

Полис (плюс? — *М.А.*) налеты на аэродромы противника проходят достаточно эффективно, даже при использовании самолетов старых типов, при незначительных потерях с нашей стороны.

Действия Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта по аэродромам противника в период с 1.7 по 10.8.41 г. проводились достаточно успешно, но в ограниченных масштабах по количеству самолето-вылетов. Более широкое проведение налетов на аэродромы противника не представлялось возможным, ввиду ограниченного количества самолетов, имеющихся в составе

Военно-воздушные сил фронта. […]

VII. Общие краткие выводы о боевых действиях военно-воздушных сил юго-западного фронта за период с 22.6 по 10.8.41 г

1. По состоянию на 22.6.41 г. из летного состава частей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта хорошо были подготовлены к боевым действиям на старых типах самолетов (И-16, И-153, СБ и другие) кадры и летные экипажи второго и более годов службы.

Кадры и летный состав второго и более годов службы частей, перевооруженных на самолеты новых типов (МИГ-3, ЯК-1, ЯК-2-4, ПЕ-2 и другие), боевым применением на новой материальной части к началу войны полностью не овладели и к боевым действиям были подготовлены недостаточно.

Летный состав первого года службы к боевым действиям был подготовлен слабо.

2. Военно-воздушные силы Юго-Западного фронта в целом не были подготовлены к отражению внезапных налетов Военно-воздушных сил противника на наши аэродромы и к выходу из-под удара. 22.6.41 г. первые налеты противника на наши аэродромы прифронтовой полосы значительных потерь нашим летным частям не нанесли, но в результате слабого руководства со стороны командиров авиационных дивизий и авиационных полков подчиненными им частями в вопросах организации выхода из-под удара и отражения налетов авиации противника последний, повторными ударами в течение 22.6.41 г. и в последующие два дня, нанес нашим летным частям значительные потери, уничтожив и повредив на наших аэродромах за 22, 23 и 24 июня 237 самолетов, что составляет 69 процентов потерь материальной части на своих аэродромах в результате налетов авиации противника за весь период войны.

3. В связи с развернувшимся в 1941 году на аэродромах Военно-воздушных сил Киевского особого военного округа строительством взлетно-посадочных полос значительная часть аэродромов прифронтовой полосы по состоянию на 22.6.41 г. для производства полетов была непригодна, летные части запасных аэродромов не имели и оставались на ранее занимаемых аэродромах, подвергаясь повторным атакам со стороны Военно-воздушных сил противника.

4. Штаб Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта 22.6.41 г. был в пути из Киева в Тарнополь, куда прибыл только к

исходу дня в неполном составе по штатам штаба Военно-воздушных сил Киевского особого военного округа (мирного времени), и управление летными частями в первые дни войны осуществлял неудовлетворительно.

5. Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи в пограничной полосе Киевского особого военного округа работала неудовлетворительно. 22.6.41 г. летные части Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта, расположенные на аэродромах прифронтовой полосы, сведений о перелетах границы самолетами противника своевременно не получали.

6. В период с 22.6 по 1.7.41 г. в организации боевой работы летных частей Военно-воздушных сил фронта было очень много недостатков, из которых наиболее серьезными являются:

а) Первые дни войны (22, 23, 24 июня) Военно-воздушные силы Юго-Западного фронта действовали недостаточно активно, мало имели повторных вылетов, некоторые бомбардировочные авиационные полки (226, 227-й и другие) к боевой работе не привлекались совершенно, налетов наших войск на аэродромы противника проведено крайне мало.

б) Не было взаимодействия летных частей с наземными войсками и взаимодействия бомбардировщиков с истребителями, в результате чего наземные части в ответственные моменты своей боевой работы не получали своевременной поддержки со стороны Военно-воздушных сил, а бомбардировщики, летавшие на выполнение боевых заданий без прикрытия истребителями, несли большие потери.

в) В пунктах противовоздушной обороны не было необходимого взаимодействия между зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Личный состав наземных средств противовоздушной обороны силуэтов своих самолетов и самолетов противника не знал и часто обстреливал (и сбивал) наши самолеты при полетах последних на выполнение боевых заданий.

г) Летный состав истребительных авиационных полков в воздухе не всегда правильно определял типы и принадлежность других пролетавших самолетов, в результате чего в июне и июле имели случаи обстрела нашими истребителями своих же бомбардировщиков.

д) В боевых действиях Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта слабо учитывалась (особенно в первый период войны) тактика действий военно-воздушных сил противника: полеты одиночными самолетами и отдельными мелкими группами на малых высотах; широкое использование облачности в целях маскировки своего полета; стремление истребителей противника,

не вступая в бой, отвлечь наших истребителей в сторону от прикрываемого объекта и тем самым облегчить действия своих бомбардировщиков и др.

7. Отмеченные выше недостатки в руководстве и организации боевых действий летных частей Военно-воздушных сил фронта в июле в основном были устранены.

8. На протяжении всего периода боевых действий Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта (с 22.6 по 10.8.41 г.) со стороны командиров авиационных полков и командиров авиационных дивизий не уделялось достаточного внимания вопросам организации летной работы, в результате чего части Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта имеют очень много небоевых потерь: при катастрофах и авариях разбито и повреждено 242 самолета, что составляет 13 % всех потерь за указанный период.

9. За исключением первых трех дней войны, части Военно-воздушных сил фронта в боевых действиях были достаточно активны, летали много и боевые задачи выполнили хорошо. Боевыми действиями летных частей Военно-воздушных сил фронта во взаимодействии с наземными войсками, мотомеханизированным частям и военно-воздушным силам противника нанесены большие потери, темпы наступления наземных войск противника значительно снижены.

10. Летный состав частей Военно-воздушных сил фронта в боевых действиях по наземным войскам противника и в воздушных боях постоянно проявлял свое высокое политико-моральное состояние и исключительную настойчивость и упорство в выполнении приказов и боевых заданий по разгрому врага.

Всего за период с 22.6 по 10.8.41 г. летными частями Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта:

1) Произведено самолето-вылетов — 36 780

2) Сброшено авиационных бомб — 2 842 т.

3) Израсходовано патронов нормального калибра — 8 533 980 штук

4) Израсходовано патронов крупного калибра — 84 820 штук

5) Израсходовано снарядов ШВАК — 85 717 штук

6) Израсходовано снарядов «РС» — 2 532 штуки.

Сбито в воздушных боях и уничтожено на аэродромах самолетов противника — 806.

Приложения

1. Справка об организации тыла Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта по состоянию на 22.6.41 г.

2. Справка о недостатках вооружения самолетов новых типов

(МиГ-3, Як-1, Як-2-4, Пе-2, Ар-2) и характеристика боеприпасов.

3. Боевой состав Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта по состоянию на 10.8.41 г.

4. Список авиационных дивизий, полков, эскадрилий, звеньев и отдельных экипажей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта, отличившихся в боях с германским фашизмом в период с 22.6 по 30.7.41 г.

Командующий Военно-воздушными силами
Юго-Западного фронта
генерал-лейтенант
авиации……..
Астахов

Военный комиссар Военно-воздушных сил
Юго-Западного фронта
дивизионный
комиссар…….
Гальцев

Начальник штаба Военно-воздушных сил
Юго-Западного фронта генерал-майор авиации……..
Шкурин

21 августа 1941 г.

Ф. 229, оп. 181, д. 25, лл. 1-12, 30–33.

См. Выпуск 36. Дата создания: 21 августа 1941 г, опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 36.

Приложение 4
Директива наркома обороны СССР и начальника генштаба красной армии командующему войсками одесского военного округа

[не позднее 20.05.1941]
№ 503874/сс/ов
Совершенно секретно
Особой важности
Экземпляр № 2
Карта 1: 1 000 000.

Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 25 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

1. Детальный план обороны государственной границы от Коржеуцы, до устья рукава Килия и Черноморского побережья от устья рукава Килия до Керченского пролива.

2. Детальный план противовоздушной обороны.

I. Задачи обороны.

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Упорной обороной укреплений по линии государственной границы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа.

3. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа.

4. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

5. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным мостам и узлам, а также группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

6. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника.

7. Во взаимодействии с Черноморским Флотом не допустить высадки морских десантов противника на Черноморском побережье ОДВО.

II. Оборону государственной границы организовать,

руководствуясь следующими основными указаниями:

1. В основу обороны положить упорную оборону укрепленных районов и полевых укреплений, построенных по линии государственной границы, с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего и всестороннего их развития. Обороне придать характер активных действий. Всякие попытки противника прорвать нашу оборону немедленно ликвидировать контратаками корпусных, а при необходимости и окружных резервов.

2. Особое внимание уделить противотанковой обороне. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьбу с ними и ликвидацию прорыва осуществить непосредственным распоряжением командования округа, для чего всю авиацию и мех. корпуса иметь в своем непосредственном подчинении.

3. Особо ответственными направлениями считать:

а) с фронта Сявени, Яссы на Бельцы, Вапнярка;

б) Хуши, Кишинев, Котовск;

в) Галац, Белград, Тирасполь.

4. При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам округа быть готовыми, по указанию Главного Командования, к нанесению коротких стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

III. Правее — Киевский особый военный округ. Штаб с 3 дня мобилизации Тарнополь. Его левофланговая 12 армия организует оборону на фронте Лютовиска, Ворхта, Волчинец, Липканы. Штаб армии — Станислав.

Левее — Северо-Кавказский военный округ организует оборону Черноморского побережья от Керченского пролива до Адлер. Штаб округа — Ростов-на-Дону.

Черноморский Флот остается в непосредственном подчинении Главного Командования. Одной из задач Черноморского Флота является — при всяких условиях не допустить высадки морских десантов на Черноморское побережье в районе Одесса, в Крыму и на Кавказе.

IV. Всю сухопутную приграничную полосу ОДВО разбить на два района прикрытия.

1. Район прикрытия № 5. Начальник района прикрытия — командир 35 стр. корпуса.

Состав войск: управление 35 стр. корпуса с корпусными частями, 176, 95, 30 стрелковые дивизии, пограничные части НКВД.

Задача — оборонять госграницу на фронте Коржеуцы,

Унгени, иск. Леово, не допустив вторжения противника на нашу территорию.

Штаб РП — штаб 35 стр. корпуса Бельцы.

Граница слева — Бендеры, иск. Леово, иск. Бырлад.

2. Район прикрытия № 6. Начальник района прикрытия — командир 14 стр. корпуса.

Состав войск: управление 14 стр. корпуса с корпусными частями, 25, 51 стр. дивизии, 9 кав. дивизия, Дунайская военная флотилия, пограничные части НКВД.

Задача — оборонять госграницу на фронте Леово до рукава Килия и Черноморское побережье от рукава Килия до Днестровский лиман, не допустив вторжения и высадки противника на нашу территорию; прекратить плавание судов противника по р. Дунай.

Штаб РП — штаб 14 стр. корпуса Белград.

3. Черноморское побережье от Днестровского лимана до Керченского пролива разбить на два района прикрытия:

а) Район прикрытия № 7. Начальник района прикрытия — зам. комвойсками ОДВО генерал-лейтенант Репин.

Состав войск: управление округа, формируемое по мобилизации, Одесская военно-морская база, Очаковский сектор береговой обороны, пограничные части НКВД.

Задача — оборонять Черноморское побережье от Днестровский лиман до Каланчак, не допустив высадки десантов противника.

Граница слева — Каховка, Каланчак все для РП № 7 включ.

б) Район прикрытия № 8. Начальник района прикрытия — командир 32 стр. корпуса.

Состав войск: управление 32 стр. корпуса, 46, 156 стр. и 82 мотостр. дивизии, пограничные части НКВД.

Задача — оборонять Черноморское побережье от Каланчак до Керченский пролив, не допустив высадки десантов противника.

Штаб РП — штаб 32 стр. корпуса, Симферополь.

Оборону главной базы Черноморского флота — Севастополь и Керченского сектора береговой обороны оставить за командованием Черноморского Флота.

4. В непосредственном подчинении командования округа с первых же дней мобилизации иметь:

а) упр. 48 стр. корпуса и 74 стр. дивизию в районе Флорешты, Оргеев, Рыбница;

б) 18 мех. корпус (44, 47 тд, 218 мд); упр. 8 кав. корп., 5 кав. дивизию; 150 стр. дивизию в районе Лейпциг, Глазаны, Сарата;

в) гарнизоны Могилев-Ямпольского, Рыбницкого и Тираспольского укрепрайонов — в своих районах;

г) 20, 21, 45 смешанные и 61 истребительную авиационные дивизии.

5. На территории округа будет расположен резерв Главного Командования: 2 мех. корпус (11, 16 тд, 15 мд) в районе Кишинев, Тирасполь, Котовск и 3 возд. дес. корпус (5, 6, 212 воз. дес. бр.) в районе Первомайск, Вознесенск, которые без разрешения Главного Командования не использовать.

V. Задачи резерва командования ОДВО:

1. Подготовить противотанковые районы и тыловые оборонительные рубежи:

а) 48 стр. корпус — Бельцы, Оргеев;

б) 18 мк, 5 кд, 150 сд — по р. Когильник на фронте Чимишлия, Татарбунары.

2. В случае прорыва крупных мехсоединений противника, на подготовленных рубежах обороны и в противотанковых районах задержать и дезорганизовать его дальнейшее продвижение, а концентрическими ударами мехкорпусов, совместно с авиацией, разгромить противника и ликвидировать прорыв.

3. При благоприятных условиях быть готовым, по указанию Главного Командования, нанести короткие стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

VI. Задачи авиации округа.

1. Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и аэродромам, а также действиями в воздухе уничтожать авиацию противника и с первых же дней войны завоевать господство в воздухе.

2. Истребительной авиацией в тесном взаимодействии со всей системой ПВО округа прочно прикрыть отмобилизование и сосредоточение войск округа, нормальную работу железных дорог и не допустить пролета авиации противника через территорию округа в глубь страны.

3. Во взаимодействии с наземными войсками уничтожать наступающего противника и не допустить прорыва его крупных механизированных сил.

4. Во взаимодействии с морским флотом и его авиацией уничтожать военно-морской флот, транспорта и десанты противника и не допустить их высадки на территории ОДВО.

5. Разрушением железнодорожных узлов Бузэу, Плоешти, Фэурей, железнодорожного моста через р. Дунай у Чернавода, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение его войск и прекратить свободное плавание по р. Дунай.

6. Учесть, что на территории округа будет базироваться 4

авиационный корпус резерва Главного Командования в составе 22 и 650 дальнебомбардировочных и 66 истребительной авиационных дивизий.

Задача авиации Главного Командования:

а) разрушение железнодорожных узлов Бухарест и Крайова;

б) систематические налеты на основные военно-промышленные объекты;

в) содействие Черноморскому Флоту в уничтожении военно-морских баз противника, его транспортов и десантов.

VII. Распоряжением командования округа:

1. Обрекогносцировать и подготовить тыловые рубежи на всю глубину обороны до реки Днепр включительно. Особо детально разработать подготовку рубежей по рекам Днестр и Южный Буг.

Разработать план приведения в боевую готовность Могилев-Ямпольского, Рыбницкого и Тираспольского укрепленных районов.

На случай вынужденного отхода разработать план создания противотанковых заграждений на всю глубину и план минирования мостов, железнодорожных узлов и пунктов возможного сосредоточения противника /войск, штабов, госпиталей и т. д./.

2. При разработке плана ПВО округа предусмотреть ПВО войск и ПВО территории Южной зоны ПВО. Особо детально отработать:

а) Организацию службы ВНОС и немедленное оповещение как с ротных и батальонных, так и с линейных постов ВНОС аэродромов авиации, особенно истребительной, пунктов и объектов ПВО, управлений бригадных районов и зоны ПВО.

б) Использование и действия истребительной авиации, установив для отдельных частей зоны истребления авиации противника.

в) Тщательное прикрытие постоянных пунктов и объектов ПВО, выгрузочных районов и районов сосредоточения войск наземными средствами ПВО и авиацией.

г) Вопросы связи и управления средствами ПВО.

3. **Разработать:**

а) План подъема войск прикрытия по тревоге (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) и выделение отрядов поддержки погранчастей.

б) План охраны и обороны важнейших промышленных предприятий, сооружений и объектов.

4. На случай вынужденного отхода разработать, согласно особых указаний, план эвакуации фабрик, заводов, банков и других хозяйственных предприятий, правительственных

учреждений, складов, военного и государственного имущества, военнообязанных, средств транспорта и прочего.

VIII. Указания по тылу.

До 15 дня мобилизации разрешается израсходовать:

а) для наземных войск прикрытия:

боеприпасов — 3 боекомплекта;

горючего — для боевых машин — 5 заправок;

— для транспортных — 8 заправок;

б) для ВВС

— истребителям — 15 вылетов;

— ближним бомбардировщикам — 10 вылетов;

— дальним бомбардировщикам — 7 вылетов;

— разведчикам — 10 вылетов;

в) для всех войск прикрытия 15 суточных дач продфуража.

Обеспечение войск всеми видами снабжения, ремонтом и восстановлением техники производить за счет запасов и ремонтной базы округа.

Эвакуацию больных и раненых людей, лошадей производить в пределах округа, использовав в первую очередь стационарную сеть лечебных заведений.

IX. Общие указания.

1. **План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба Красной Армии подписями следующего содержания: «Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года».**

2. Первый перелет и переход государственной границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования.

3. **План прикрытия должен состоять из следующих документов:**

а) Записки по плану действий войск в прикрытии, с приложенной к ней картой решения и группировки войск до полка и отдельной части включительно.

б) Ведомости боевого состава.

в) Таблицы выхода и сосредоточения частей прикрытия к госграницe.

г) Плана использования ВВС с приложенной к нему картой базирования и оперативного использования.

д) Плана ПВО с картой дислокации постов ВНОС и активных средств ПВО.

е) Плана инженерного обеспечения с расчетами и картой.

ж) Плана устройства связи с расчетами и схемами.

з) Плана устройства тыла и материального обеспечения

наземных войск и ВВС с приложением к ним карты устройства тыла наземных войск и авиации.

и) Плана санитарной и ветеринарной эвакуации.

к) Указаний по подъему частей прикрытия по тревоге и выделению отрядов поддержки пограничных частей.

л) Перечня объектов и сооружений, подлежащих охране полевыми войсками и войсками НКВД.

м) Исполнительных документов (директив, приказов и приказаний).

4. **План разработать в двух экземплярах. Один экземпляр представить мне, через начальника Генерального штаба Красной Армии, на утверждение, а второй экземпляр хранить в личном сейфе начальника штаба округа в папке, опечатанной печатью военного округа**.

Планы районов прикрытия разработать в двух экземплярах и после Вашего утверждения хранить: первые экземпляры — в сейфах начальников штабов районов прикрытия, а вторые экземпляры — в сейфе начальника штаба округа в папках, опечатанных печатью Военного Совета округа.

План прикрытия участка Одесской военно-морской базы разработать в трех экземплярах. Третий экземпляр вручить начальнику штаба Черноморского Флота.

Исполнительные документы для соединений хранить в пакетах, опечатанных печатью Военного Совета округа, при мобпланах этих соединений.

Папки в штабах районов и пакеты в соединениях вскрываются по письменному или телеграфному распоряжению Военного Совета округа.

Документы плана пишутся от руки или печатаются на машинке лично командирами, допущенными к разработке плана.

5. К разработке плана допускаются:

а) в штабе округа:

в полном объеме — командующий войсками, член Военного Совета, начальник штаба и начальник оперативного отдела штаба округа;

в части разработки плана действий ВВС — командующий ВВС ОДВО;

в части плана военных сообщений — начальник отдела военных сообщений штаба ОДВО;

в части плана устройства тыла, санитарной и ветеринарной эвакуации — зам. начальника штаба ОДВО по тылу;

в части плана связи — начальник связи округа.

Прочим начальникам родов войск и служб округа давать персональные задания по специальности, но без сообщения плана

прикрытия.

б) В штабах районов прикрытия:

командир, начальник штаба и начальник оперативного отдела штаба соединения.

ПРИЛОЖЕНИЯ: схема прикрытия ОДВО и схема базирования ВВС ОДВО на карте 1:1.000.000 — две карты.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза Тимошенко

Начальник Генерального штаба КА

генерал армии Жуков

ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 258. Лл. 1–11. На бланке: «Народный комиссар обороны СССР».

Имеются пометы: «Исполнено в 2 экз. № 1 — Комвойсками ОдВО, № 2 — в дело Опер[ативного] Упр[авления] Генштаба. Исполнил и отпечатал генерал-майор Анисов». Копия заверена зам. начоперотдела Генштаба КА генерал-майором Анисовым 7 мая 1941 г.

1941-й год. Книга вторая. Май 1941 года [Док. №№ 426–511].

Документ № 483

Приложение 5
Директива наркома ВМФ СССР военным советам тихоокеанского, балтийского, черноморского и северного флотов, командующим амурской, каспийской и днепровской флотилиями
Об установлении системы оперативных готовностей

№ 9760сс/ов
23 июня 1939 г.
Совершенно секретно
Особой важности

В целях обеспечения необходимой боевой готовности флота и учета состояния и дислокации частей и кораблей ПРИКАЗЫВАЮ:

1. К 1-му числу каждого месяца представлять в Главный морской штаб РКВМФ через 1-й отдел сведения о состоянии и дислокации кораблей, частей БО и авиации на театре по прилагаемым формам.

2. Ежедневно на 0 часов доносить шифротелеграммой о всех изменениях, происшедших за сутки в состоянии, дислокации частей и кораблей, отмечая в каждом донесении следующие вопросы:

а) изменения в состоянии кораблей и частей; их оперативную готовность;

б) изменения в дислокации кораблей;

в) пригодность основных и оперативных аэродромов к полетам;

г) ход сдачи промышленностью новых кораблей;

д) особые изменения гидрометеорологического режима.

3. Установить для всего флота 3 оперативные готовности с указанием дислокации:

а) Оперативная готовность № 3 (повседневная).

Боевое ядро флота в готовности согласно директиве. Состав флота мирного времени в готовности, определенной схемой мобразвертывания. Ремонт кораблей производится нормально. Несется дозор у Главной базы и периодическая воздушная разведка в море.

б) Оперативная готовность № 2.

Боевое ядро флота в 4-часовой готовности к выходу. Состав

мирного времени, находящийся в строю, в 6-часовой готовности. Ремонт кораблей форсируется. Войсковые тылы развернуты в пределах необходимого. Несется дозор у баз и воздушная разведка в море. Авиация рассредоточена на оперативных аэродромах.

в) Оперативная готовность № 1.

Боевое ядро флота в часовой готовности к выходу в море. Весь состав флота мирного времени в 4-часовой готовности. Зенитная артиллерия изготовлена к действию. Ремонт кораблей форсированно заканчивается. Войсковые тылы развернуты, флотские — в пределах необходимого. Усиленная воздушная разведка. Подводные лодки рассредоточены и готовы к выходу в море.

Усиленный дозор у баз. Авиация рассредоточена на оперативных аэродромах.

По готовностям № 1, № 2, № 3 никаких военных действий не открывать. Дальнейшее развертывание флота может быть либо по мобилизации, объявляемой в общем порядке, либо распоряжением народного комиссара ВМФ без объявления общей мобилизации в составе мирного времени по следующим сигналам:

а) «ЗАРЯД» — производится развертывание флота состава мирного времени по оперативному плану.

б) «ВЫСТРЕЛ» — начало военных действий.

4. Военным советам флотов и командующим флотилиями на основе указаний по оперативным готовностям флота разработать более подробные расписания по действиям всех частей флота, БО и авиации и к 5 августа 1939 г. представить в Главный морской штаб РКВМФ.

5. Директиву Морского отдела Генерального штаба РККА № 36064 от 28 марта 1937 г. и шифротелеграмму № 1/147/13.19 от 16.5.39 Главного морского штаба РКВМФ отменить.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР

Флагман флота 2-го ранга Кузнецов

РГАВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–3.

notes

Примечания

1

Разведывательная авиация. Воздушная разведка. https://avia.pro/blog/razvedyvatelnaya-aviaciya

2

«Съемка одиночными снимками отдельных объектов является простейшим видом аэрофотосъемки вообще. Маршрутная съемка является сложным видом съемки. Маршрутно снимается полоса местности отдельными снимками с перекрытием… Съемка площади — наиболее сложный вид съемки как по подготовке задания, так и по его выполнению. Она состоит из съемки ряда параллельных маршрутов с перекрытием примерно на 50 %. Съемка отдельными снимками может быть как плановая, так и перспективная. Съемка площадей — только плановая.

Перспективные фотоснимки дают вид объекта в том виде, как его видит глаз человека; они служат пополнением к плановым. Другим преимуществом перспективной фотосъемки является то, что ее можно производить вне зоны сосредоточенного огня зенитной артиллерии противника (съемка издали за несколько километров, особенно крупных объектов) и иногда не залетая в расположение противника. Перспективное фотографирование производится под углом в 30–40˚».

К недостаткам перспективных снимков были отнесены более мелкий масштаб по сравнению с плановыми при одной и той же высоте; высокие предметы закрывают расположенные за ними участки местности; определение размеров объектов и расстояний между ними затруднительно». https://avia.pro/blog/aerofotorazvedka-i-ee-harakteristika

3

Там же.

4

«Фотопланы размножаются путем репродукции основного фотоплана Репродуцирование фотоплана на 1 пластинку с последующим увеличением и выпуском 20 экземпляров требует всего около 50–60 минут. Наиболее приемлемым масштабом для репродукции с фотопланов, представляемых общевойсковому начальнику, является масштаб 1/25 000—1/15 000, т. е. 250–150 м в 1 см. Считая, что в отдельных случаях потребуется отпечатание увеличенных репродукций в тираже до 60 экземпляров (съемка оборонительной полосы противника), расчет времени для получения репродукции с фильма в 50 снимков может быть следующим:

Таким образом, с момента вылета самолета на фотосъемку до момента отправки репродукции фотоплана из лаборатории по назначению пройдет 10 часов.

При съемке больших участков, например с расходом 6 фильм по 50 снимков (площадь в 14 маршрутов), расчет времени таков (при 1 лаборанте, 2 фотографах, 2 красноармейцах, 1 фотограмметристе, 1 монтажисте, 2 летнабах)

объем участка……..1,5 час.

ускоренная обработка и составление фотоплана 4 час.

репродукция…….1,5 час.

Итого 7 час.».

https://avia.pro/blog/deshifrirovanie-aerosnimkov

5

«В 1855 г. французский фоторепортер Надар получил “Привилегию” на “воздушную фотографию” (запатентовал идею фотографирования с воздушного шара. — *М.А.*). В 1858 г. он же с привязного воздушного шара сфотографировал Париж, а в следующем году, при сражении французских войск с австрийскими у Солферино, сфотографировал с привязного воздушного шара австрийские позиции. Таким образом, Франция — родина воздухоплавания (1783 г.) и фотографии (1839 г.), — дала старт воздушной фотосъемке и разведке.

Несовершенство фотографических процессов еще долгое время сдерживало широкое применение воздушной фотосъемки. Однако военная и научно техническая интеллигенция дореволюционной России проявляла живой интерес к воздухоплаванию и фотографии, активно искала пути военного и гражданского применения этих новых открытий, внесла свой вклад в их дальнейшее совершенствование.

Главной движущей силой развернувшихся работ по созданию фотоаппаратов, совершенствованию фотографических процессов, выполнению различных фотосъемок была личная инициатива людей различных профессий, но увлеченных новым чудом — “светописью”.

О всеобщем интересе к этим новым направлениям науки и техники свидетельствуют, в частности, многочисленные издававшиеся в России журналы: “Фотограф”, “Воздухоплаватель”, “Русский фотографический журнал”, “Фотограф любитель”, “Техника воздухоплавания” и др. В этом же направлении действовали общественные и государственные организации, в частности, Русское техническое общество (РТО) и Главное инженерное управление военного министерства.

В качестве примера оперативности действий военного ведомства приведен следующий эпизод. В 1869 г. начальник Главного штаба подал военному министру записку о необходимости использования воздушной разведки: “…было бы несправедливо пренебрегать таким средством, с помощью которого является возможным раскрывать силы противника, определять расположение атакуемой крепости и пр. …” 18 декабря того же года приказом военного министра была создана “Комиссия по применению воздухоплавания к военным целям”. А в следующем 1870 г. ей был передан аэростат, построенный на российском заводе, и в Усть-Ижорском саперном лагере начались исследования способов разведки, корректировки

артиллерийского огня и решения других задач военного применения аэростатов.

В 1885 г. создается первая в России “Кадровая воздухоплавательная команда”, в дальнейшем преобразованная в “Учебный воздухоплавательный парк”. Первым командиром команды был Александр Матвеевич Кованько. Он же в следующем 1886 г. выполнил первую успешную фотосъемку с воздушного шара в свободном полете от Санкт Петербурга до Кронштадта (Военно-топографический отдел Главного управления Генерального штаба. — *М.А.*).

В начале XX в. в России уже были сформированы разведывательные воздухоплавательные части и созданы аэростатонесущие корабли. В годы Русско-Японской войны (1904–1905 гг.) они получили первое боевое применение: по снимкам составлялись схемы укрепленных деревень и поселков; были вскрыты искусственные препятствия и переправы через озера; контролировалось передвижение войск противника; в осажденном Порт-Артуре корректировался огонь 12-дюймовых орудий броненосцев, что позволило подавить артиллерийские позиции противника.

Это еще была не аэрофоторазведка в современном понимании, но русская армия накопила большой организационный и практический опыт воздушной разведки и фотосъемки в боевых условиях.

Успехи в развитии воздухоплавания стимулировали поиск путей преодоления главного недостатка аэростатов — неуправляемости полета. Начинается всеобщее увлечение конструированием дирижаблей — аэростатов обтекаемой сигарообразной формы с рулями управления и двигателями. Достоинства дирижаблей были очевидны: возможность летать куда надо; большая грузоподъемность; дальность полета. Самолеты же летают низко, недалеко, с малым грузом и часто падают.

Тем не менее, научно-техническая мысль России одна из первых в мире осознала — будущее за самолетом. В 1906 г. (через два года после открытия авиации) Русский военный воздухоплаватель А.И. Шадский в журнале “Воздухоплаватель” дает оценку самолету как перспективной боевой машине, строит модели самолетов и проводит с ними опыты. В 1908 г. Главное инженерное управление приходит к выводу: “Хотя самолеты в настоящую минуту еще не делают очень дальних перелетов, не поднимаются на большую высоту и вообще пока не пригодны для военных целей, но в будущем их роль в военном деле должна быть громадна и поэтому, несомненно, они будут введены на

снабжение армии”. И Инженерное управление немедленно начинает действовать — закупает во Франции двигатели и организует строительство самолетов. В июне 1909 г. в Петербурге начал работать первый в России самолетостроительный завод “Российского товарищества воздухоплавания”.

В 1904 г. по инициативе князя Льва Кочубея начался сбор добровольных пожертвований на строительство боевых кораблей. Князь, для начала этого дела, сам пожертвовал 10 тыс. руб.

Для сбора добровольных пожертвований и использования их по назначению был создан Особый комитет, который возглавил Великий князь Александр Михайлович, имевший хорошее инженерное и военно-морское образование, вице-адмирал. На счет комитета поступило свыше 16 млн. руб. На эти деньги было построено 19 современных эсминцев и четыре подводные лодки.

Комитет публиковал подробный отчет о расходовании пожертвований до каждой копейки. К концу 1909 г. у комитета осталось еще около миллиона рублей, и великий князь решил их использовать на постройку самолетов. Для этого необходимо было получить согласие жертвователей. 12 января 1910 г. он обратился к ним через газету “Новое время”. Обращение получило единодушную поддержку, и комитет подготовил проект решения, которое 19 февраля 1910 г. (по новому стилю) было подписано императором Николаем II и опубликовано в печати. Таким образом, 19 февраля 1910 г. следует считать датой рождения воздушного флота России, который изначально создавался на частные средства патриотов России.

В прошлом году исполнилось 100 лет со дня этого знаменательного события, однако оно прошло у нас как-то незаметно. Между тем уже через два года — в 1912 г. — Россия вышла на второе (после Франции) место в мире по количеству летчиков и самолетов.

Применение самолетов требовало автоматизации фотоаппаратуры. Эта задача впервые в мире была решена подполковником русской армии В. Потте. Разработанный им полуавтоматический фотоаппарат в сентябре 1913 г. поступил на снабжение русской армии.

Таким образом, были созданы необходимые средства для выполнения аэрофоторазведки. Именно в эти годы вошли в обиход термины “аэрофотосъемка”, “аэрофоторазведка”. Эту дату предлагается считать началом аэрофоторазведки, аэрофотосъемки, и в 2013 г. отметить ее столетие.

К началу Первой мировой войны (1 августа 1914 г.) Россия имела семь самолетостроительных и два моторостроительных завода.

В годы Первой мировой войны воздушная разведка была одной из основных задач авиации. С переходом к позиционному периоду войны ни одна значительная операция по прорыву обороны противника не могла быть успешной без детального изучения материалов аэрофоторазведки.

Блестящим примером этого является Брусиловский прорыв (Юго-Западный фронт, 1916 г.).

Россия первой из воюющих стран начала создавать подразделения бомбардировочной и истребительной авиации. Но все бомбардировщики и истребители оснащались аэрофотоаппаратом и наряду со своей основной задачей вели аэрофоторазведку.

Уникальным явлением Первой мировой войны является создание эскадры тяжелых воздушных кораблей “Илья Муромец”. Ни одна армия мира не имела подобных самолетов и таких организационных форм применения авиации. Еще в январе 1914 г. на этом самолете был установлен ряд рекордов, он стал выпускаться серийно, а с начала войны завод перешел на трехсменную работу. Создание такого самолета было выдающимся достижением конструкторской мысли и труда самолетостроителей.

Конструктором и организатором производства самолетов “Илья Муромец” был Игорь Иванович Сикорский, человек непростой судьбы, величайшей целеустремленности и трудолюбия, на века вписавший свое имя в золотой фонд истории отечественной и мировой авиации. Его девизом было: строить самолеты и летать на них.

Эскадра самолетов “Илья Муромец” внесла значительный вклад в развитие аэрофоторазведки и явилась основоположником фотоконтроля боевых действий авиацией.

Другим важным достижением Воздушного флота России явилось издание книги “Ефрейтор Тихов Г.А. Улучшение фотографической и визуальной разведки. Киев: Центральная аэронавигационная станция, 1917 г.”. Это первая в мире теоретическая работа, положившая начало аэрофотографии как научно-технической дисциплины.

Основанная на анализе тысяч разведывательных аэрофотоснимков и глубоких знаниях автора она определила основные направления совершенствования средств и способов аэрофоторазведки, не утративших своего значения до наших дней.

Матиясевич Л.М. Аэрофоторазведка. Прошлое — настоящее — будущее // Исследование земли из космоса. 2012. № 4. — С. 78–84.

«… в России вплоть до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. фотографирование местности с аэропланов в целях разведки не проводилось, хотя отдельные попытки аэросъемки для составления топографических планов и карт все же предпринимались. Например, русский летчик В. Гельгар в 1910 г. впервые получил фотографии с борта аэроплана в «картографических целях». Свой опыт он успешно повторил в 1912 г.

Таким образом, вплоть до 1914 г. по части воздушной разведки в русской армии по-прежнему ориентировались больше на воздушные шары и змеи. В 1908 г. полковник С.А. Ульянин выступил с докладом “О пользовании фотографий с воздушных шаров и змеев для определения расстояний до разных предметов” и разработал усовершенствованный фотоаппарат, на снимках которого отмечались в момент экспонирования показания барометра и уровня, а также снималась линия видимого горизонта. В 1911 г. различными авторами были опубликованы научно-практические статьи, посвященные “воздухоплавательным картам”, использованию воздушной фотосъемки в интересах крупнокалиберной осадной и крепостной артиллерии, а также обзоры зарубежных достижений в этой области. Заметим, что разведка противника и корректировка стрельбы артиллерии с воздушных шаров применялись и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1950–1960 гг. в нашей стране получила развитие так называемая аэростатная астрономия. На качественно новом уровне аэростаты нашли применение (пока экспериментально) в 2000 г. при обеспечении боевых действий российских войск на территории Чеченской Республики.

Между тем польза от применения авиаразведки во время войны была огромная. Первые аэрофотоснимки в боевых условиях с борта аэроплана были сделаны уже осенью 1914 г. под Перемышлем, а позже и в других местах. Так, Корпуса военных топографов штабс-капитан К.Н. Шепелев — производитель топографических работ в съемке Северо-Западного пограничного пространства, прикомандированный на время войны к 116-му пехотному Малоярославскому полку, — в своем письме-докладе от 9 мая 1915 г. из действующей армии в ВТО ГУ ГШ (Военно-топографический отдел Главного управления Генерального штаба. — *М.А.*) писал об этом следующее: “На днях я сделал отличный снимок на высоте 1200 метров. Командир корпуса был в восторге…”.

Значение воздушного фотографирования подчеркивали и офицеры инженерных войск штаба Верховного главнокомандующего в одной из заметок в “Известиях по

фотограмметрии…”: “По-прежнему мало внимания обращается на изучение фотографии, а то и вовсе не обращается внимание на эту главнейшую отрасль, т. е. фундамент фотометрии, — писали они. — Останутся не разысканными пулеметные места, проходы в заграждениях, телефонные и телеграфные линии, минометы, штабы, наблюдательные пункты, прожекторы, а иногда даже и батареи. Планы часто дают только голый остов позиций, правда, очень красивый, но это, безусловно, мало, т. к. главная задача… получить из воздушных фотографий все, что эти последние могут дать. Только эти данные, перенесенные на план или приложенные в виде легенд, дадут штабам, пехоте и артиллерии те важные сведения, которые, во-первых, обеспечат успех, во-вторых, сохранят много жизней… и, в-третьих, уменьшат расход снарядов…”.

В конце 1915 г. ВТО ГУ ГШ выступил одним из инициаторов официального признания аэрофотосъемки в целях разведки и распространения ее в русской армии. К сожалению, на этом его деятельность по упомянутому направлению и закончилась. К этому времени в штабах армий при разведывательных отделениях стали создаваться фотометрические части. Основными задачами этих частей являлись дешифрирование аэроснимков, нанесение на планы крупного масштаба выявленных в районе расположения противника военных объектов и снабжение этими планами войск. Формирование фотометрических частей проходило отчасти стихийно и с огромными трудностями вследствие отсутствия единого организующего центра и специалистов, которые могли бы руководить выполнением этой работы. Так, в штабе 1-й армии формирование началось в декабре 1915 г., а закончилось в сентябре 1916 г. Отсутствие при главном командовании руководящего технического центра, представляющего КВТ, привело к тому, что фотометрические части создавались родами войск, не призванными выполнять специальные топографические работы.

Дело осложнялось также и тем, что авиация в русской армии в то время не была готова к решению серьезных тактических задач. Самолетов было немного: около 260 аэропланов в 1914 г., 700 — в 1917 г. Большинство из них были устаревшей конструкции и иностранного производства.

К лету 1916 г. Россия, а также ее союзница Франция, уже имели опыт ведения воздушной разведки, в том числе и проведения аэрофотосъемки, однако соответствующих руководящих документов и инструкций в войсках по-прежнему не было. Поэтому 4–5 июля 1916 г. состоялось заседание комиссии, созданной на основании доклада, утвержденного начальником

штаба Верховного главнокомандующего 18 июня 1916 г. “По вопросу о создании органов для производства развертывания результатов воздушной разведки и составлении по ним карт неприятельского расположения…”. На заседание были приглашены представители управлений и отделов ГУ ГШ, штабов фронтов, армий и корпусов, председательствовал — генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего по инженерной части генерал-майор П.И. Залесский. В ходе заседания были определены основополагающие принципы использования аэрофотоснимков в целях разведки противника и топографического обеспечения войск.

Проведенное заседание можно по праву считать началом организации аэрофототопографической разведки в русской армии. Помимо официального признания воздушной съемки местности как важного вида обеспечения войск, на заседании также были рассмотрены проекты штатов подразделений, предназначенных для обработки аэрофотоснимков и изготовления специальных карт, а также проекты руководств и инструкций по выполнению этих работ.

8 августа 1916 г. приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего русской армии № 1064 было объявлено, что выводы из протокола заседания упомянутой комиссии следует принять в армиях к руководству в виде инструкции для ведения работ по составлению карт неприятельского расположения. Этим же приказом объявлялось о введении в действие следующих документов: “Об отделении по разработке инструкций и наставлений по развертыванию фотографий и составлению по ним карт при канцелярии авиации и воздухоплавания в действующей армии”; “О фотографической лаборатории авиационных дивизионов”; “О картографическом отделении при управлении начальника инженеров армий фронта”; “О фотометрической части разведывательного отделения штаба армий, входящих в состав армий фронта”; “О фотометрической части штаба корпуса”.

На отделение по разработке инструкций и наставлений возлагалась обязанность “следить за успехами техники как в нашей, так и в союзных армиях в отношении применения воздушной фотографии для составления карт неприятельского расположения… Полученные сведения должны перерабатываться применительно к условиям войны на нашем фронте… Результаты этой разработки должны быть издаваемы в виде инструкций и наставлений…”.

Фотографическая лаборатория авиационного дивизиона «по получении снимков от летчиков, должна представлять в

кратчайший срок в фотометрическую часть штаба армии не менее двух экземпляров всех снимков, полученных фотографированием с аэропланов…».

Картографическое отделение при управлении начальника инженеров армии фронта предназначалось “для печатания карт неприятельского расположения, составленных в фотометрических частях разведывательных отделений штабов армий, а также и поверки их… Карты печатаются в количестве, указанным в соответствующих инструкциях и немедленно с нарочным отправляются в штабы армий для рассылки по назначению…”.

Фотометрическая часть разведывательного отделения штаба армий, входящих в состав армий фронта, предназначалась “для всестороннего использования материалов, получаемых путем фотографии с летательных аппаратов и сведений, получаемых другим путем, для развертывания фотографических снимков и составления по ним карт для нужд войск, артиллерии и командного состава… и немедленно, по изготовлении, доставляет их туда с нарочным… Часть должна снабжать картами… установленных масштабов и в надлежащем количестве штабы корпусов, инспекторов артиллерии, корпусных инженеров и авиационные дивизионы, а также высылать в эти управления отпечатки происшедших изменений неприятельского расположения с соответствующими легендами в промежутки между последовательными изданиями планов. Карты, на которых, кроме неприятельских, нанесены и наши позиции, или какие-либо сооружения, выполненные во время войны, должны издаваться при соблюдении особых мер к сохранению тайны, им должен вестись строгий учет и всякое пользование ими, а также материалами, послужившими для их составления, может быть разрешено не иначе как лицам по особому, каждый раз, указанию начальника штаба армии… Для выполнения фотограмметрических работ (развертывание снимков и составление карт) в распоряжение начальника фотометрической части назначается четыре обер-офицера инженерных войск и обер-офицер Корпуса военных топографов…”.

Например, в фотометрической части штаба 5-й армии организация взаимодействия инженеров, летчиков и топографов была следующей: “фотометрическая часть состоит в ведении авиации и дешифрированием снимков занимаются, преимущественно, раненые и больные наблюдатели. Чтобы изучение снимков в целях разведки потеряло характер случайного занятия, при постоянном занятии фототопографии — в штабе 5 армии, в виде временной меры, предполагается следующее: просить о прикомандировании к

фотограмметрическому отделению штаба 2-х офицеров-топографов и поручить образовавшемуся, как бы фототопографическому подотделу фотометрической части, планомерные работы картографического характера. Офицерам же инженерных войск поручить исключительно работы по изучению воздушных фотографий и связанные с этим поездки по войскам, иногда полеты и т. д., освободив их, поскольку возможно, от картографии…”.

Фотометрическая часть штаба корпуса предназначалась “для развертывания снимков…, составления подробных крок… и для непрестанного изо дня в день исправления карт в промежутках между последовательными их изданиями… Часть находится в ведении офицера, заведующего разведкой в штабе корпуса. В помощь ему назначается офицер-топограф, входящий в штат штаба корпуса и… один офицер инженерных войск…”.

Образование фотометрических частей (позже фотометрические части стали именоваться фотограмметрическими) в русской армии явилось крупным шагом в деле совершенствования организации разведки противника и топографического обеспечения войск. Позиционный характер войны вызвал потребность в картах крупного масштаба, главным образом, 1/2-верстных и 100-саженных. Некоторые из этих карт фронтовой полосы и укрепленных районов были изданы картографическими отделениями при Управлениях инженеров фронтов. Карты создавались путем увеличения имевшихся 1/2-верстовых и 1-верстовых копий с брульенов государственной съемки. Эти увеличения пополнялись информацией и исправлялись штабными топографами по рекогносцировкам и по данным воздушной разведки. На них наносились также и укрепления противника. Центральным органом, занимавшимся военным фотографированием, был Аэрофототопографический парк, в котором работали В.И. Срезневский, В.Ф. Потте, В.Ф. Найденов и др. Для руководства фотометрическими (фотограмметрическими) частями был учрежден Аэрофотограмметрический отдел, при котором была организована Офицерская школа.

Проведенная работа по организации и официальному признанию аэрофототопографической разведки для обеспечения боевых действий сыграла большую роль в успешных операциях русской армии летом 1916 г. Так, при подготовке знаменитого Брусиловского прорыва (4 июня — 13 августа 1916 г.) “воздушная разведка с самолетов сфотографировала все неприятельские укрепленные позиции как ее боевой линии, так и лежавшие в тылу… Эти фотографические снимки с помощью проекционного

фонаря разворачивались в план и помещались на карте; фотографическим путем эти карты… доводились до желаемого масштаба… Было приказано во всех армиях иметь планы в 250 саженей в дюйме с точным нанесением на них неприятельских позиций. Все офицеры и начальствующие лица из нижних чинов снабжались подобными планами своего участка. На основании всей этой работы выяснилось, что неприятельские позиции были чрезвычайно сильно укреплены… Начальники разных степеней, имея у себя планы… с подробным расположением противника…, тщательно изучали районы, где им предстояло действовать… Подготовка к этой операции была образцовая…".

В марте 1917 г. фотометрические части штабов корпусов и армий получили название "фотограмметрические части". Отделения же по составлению планов позиций противника были переименованы в картографические. Во исполнение приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего при полевом генерал-инспекторе воздушного флота было сформировано фотограмметрическое отделение под руководством обер-офицера для поручений, имеющего высшее геодезическое образование. Сокращенно это отделение называлось "фотометроверх".

Таким образом, аэрофототопографическая разведка в русской армии, впервые примененная в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. главным образом в виде визуальной воздушной разведки, получила свое официальное рождение, организационные формы и становление в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Однако отделение от нее аэрофотосъемки с целью картографирования территорий произошло вскоре после окончания этой войны в России.

После событий октября 1917 г. КВТ (корпус военных топографов. — *М.А.*) бывшей императорской русской армии не был ликвидирован и как организационная единица в целом сохранился. 8 мая 1918 г. был образован Всероссийский главный штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), в состав которого вошло Военно-топографическое управление с подчиненными ему КВТ РККА (начальник А.И. Аузан — бывший генерал-майор, начальник ВТО ГУ ГШ и КВТ (с апреля 1917 г.) — и Первыми советскими военно-топографическими курсами, созданными на базе Военно-топографического училища (начальник Г.Г. Страхов — бывший подполковник, офицер КВТ в этом училище).

В 1918 г. при ВТУ РККА, основу которого составили бывшие офицеры-геодезисты и офицеры-топографы, было сформировано аэрофототопографическое отделение. Оно было задействовано в проведении и обработке результатов первой аэрофотосъемки

(около 200 снимков) на опытном полигоне (площадью около 135 кв. верст) под Тверью. Ее выполнил летчик-наблюдатель, бывший КВТ подпоручик В.А. Баринов, воевавший во время войны 1914–1918 гг. в 17-м корпусном авиационном отряде, будущий ученый-фотограмметрист. По аэрофотоснимкам было составлено два фотоплана в масштабе 250 и 100 саженей в дюйме, предназначенные для составления по ним топографической карты. Аэроснимки дешифрировали на местности, контуры вычерчивали тушью, а затем фотоизображение удаляли отбеливателем. При сравнении плана того же района, снятого инструментально, с фотопланами оказалось, что последние менее точны, но содержат больше подробностей, облегчающих ориентирование на местности. Повторные испытания, проведенные в 1919 г., дали лучшие результаты, а вскоре было установлено, что аэроснимки являются ценнейшим материалом для исправления устаревших топографических карт, а аэрофотосъемка — при условии ее развития и усовершенствования — в перспективе может стать основным средством картографирования территории страны. Но для практической реализации методов аэрофотосъемки в интересах картографирования требовались разработка совершенной теории аэрофототопографии, соответствующего инструментального парка и подготовка квалифицированных кадров — фотограмметристов. Первых энтузиастов этого нового научно-практического направления в картографии поддержал I Всероссийский геодезический съезд, признавший, что дальнейшее развитие аэрофототопографии является делом государственной важности».

Глушков Валерий Васильевич. Зарождение аэрофототопографической разведки и аэрофотосъемки для составления топографических карт и планов // Становление и развитие военной картографии в России (XVIII-начало XX в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук. 07.00.10. М., 2003. — С. 397–424.

Матиясевич Л.М. Указ. соч. — С. 78–84.

Школа размещалась в учебных помещениях Московского окружного съемочно-фотограмметрического отделения, сотрудники которого составили основу постоянного состава школы. Ее первым начальником стал летнаб, ветеран Первой мировой войны Георгиевский кавалер В. С. Цвет-Колядинский (1892–1938). Летная база включала 6 аэропланов. В штате школы сперва было 3 отдела — аэросъемочный, фотограмметрический и фотолабораторный. Переменный состав комплектовали студенты высших технических вузов. 28 апреля — 100 лет со дня основания Тамбовского ВВАИУРЭ (ВИ) // ХРОНОГРАФ. Воздушно-космические силы. Теория и практика.| № 10, июнь 2019.

8

«Розовой мечтой моей юности было желание попасть в авиационную школу. Но с этим делом получалось трудновато. Очень уж желторотых туда не брали, а знакомства в летных кругах у меня не было — с авиационной техникой я практически не соприкасался. Разобраться — я не годился даже в мотористы.

Поэтому мечты до поры оставались платоническими.

А летать хотелось отчаянно!..

По окончании трудовой школы второй ступени, так вскоре после Октября стали именовать средние учебные заведения, я вступил добровольцем в Красную Армию. Меня зачислили в команду связи при штабе обороны железных дорог республики.

Хотя я и числился самокатчиком, выручало в первую очередь пешее хождение, реже — переполненные народом трамваи и совсем уж в исключительных случаях — люлька потрепанного мотоцикла, предназначенного для поездок начальства.

Штабная переписка запечатывалась в грубые, неуклюже склеенные конверты, часто даже из газетной бумаги. Большинство пакетов были секретными. Я складывал их в холщовый мешок, надевая его через плечо, наподобие торбы, с какими ходили по московским дворам, собирая “кусочки”, многочисленные нищие. Эхо жестокого голода в Поволжье отдавалось и у нас в Москве.

Еще у меня была истертая кобура из-под нагана. Я заложил в нее сапожный молоток, подвязал кожаную плетеную сворку, угрожающе свисавшую чуть не до самого колена, и наглухо заклепал застежку, чтобы ничья любопытствующая рука не сумела более подробно поинтересоваться конструкцией моего “револьвера”.

Наконец в середине лета я получил поношенное красноармейское обмундирование и новенький велосипед, или, как тогда называли, самокат.

Самокат был приятен на вид, светло-зеленого цвета и поначалу блестел от лака. Такие велосипеды среди прочей продукции (на этом предприятии даже аэропланы собирали) выпускал завод “Дукс”, и они были предметом вожделенных мечтаний московских мальчишек.

Самокат я получил по наряду, прямо с заводского склада.

К сожалению, машина не имела свободного хода, и велосипедисту требовалось безостановочно работать ногами, чтобы обеспечить передвижение. … я вскоре подал рапорт по команде с просьбой допустить меня сдавать экзамены в

Аэрофотограммшколу Красного воздушного флота — так длинно называлось это военно-учебное заведение. А еще через пару дней уже сидел в большом пустом зале барского особняка, ожидая вызова в приемную комиссию. Школа недавно переехала в новое помещение и еще толком не разместилась.

В кабинете комиссии за ободранным канцелярским столом восседало трое: начальник школы, известный аэрофотосъемщик Златогоров — полнеющий красивый брюнет, до синевы выбритый, в отутюженном штатском костюме и похожей на морскую фуражке, расшитой по околышу золотыми крылышками, военком Кринчик — располагающего вида светлоглазый блондин, в мешковатой гимнастерке и нескладно накрученных зеленых обмотках, и похожий на древнего святителя, с изможденным лицом, окольцованным редкой бородкой, начальник учебной части летчик-наблюдатель Федоров.

Шло собеседование, или, как многозначительно пояснил Федоров, коллоквиум.

— Расскажите биографию!

— Какая у меня биография? Ну, кончил семь классов. В РОСТА (теперь это называется ТАСС) поначалу работал. Сообщения всякие расклеивал. Афиши. Плакаты. Листовки.

Для подтверждения я даже захватил одну из оставшихся у меня дома листовок и теперь развернул на столе перед комиссией. Заголовок ее напоминал о недавнем прошлом: “Крупная победа над белогвардейской сволочью”.

Кринчик уважительно поглядел на листовку, потом на меня.

— …Дальше вот самокатчиком поступил. А теперь к вам хочу. В авиашколу… Все!

— Ну что же, — резюмировал Златогоров. — Так вроде ничего, подходяще. Анкетные данные потом политчасть проверит. Только очень уж молод, практики мало. А главное, насчет знаний. Такая досада, Виткевич опять подвел! Один грех с этой профессурой. И проэкзаменовать человека толком некому.

— Пусть сходит к нему сам, — предложил Федоров. — Там еще один парень подбирается. Вдвоем и пойдут.

— Вот что, — начал объяснять мне Кринчик. — Мы без проверки знаний окончательно вопроса не решаем. Ну хотите, называйте это экзаменом. Школа у нас особая, специальная, требует полноценного среднего образования. Иначе будет трудненько… А может, вы и лодырь какой? — он конфузливо улыбнулся. — Словом, Виткевич все выяснит. Глаз у него на вашего брата наметанный. Только учтите — большой оригинал! Можно сказать, человек настроения. И крутой. Но и вы, судя по виду, не кисейная барышня. Квиток возьмете в канцелярии у

секретаря. Если экзаменатор найдет вас пригодным, пусть подпишет. Тогда считайте — ваше дело в шляпе. А находится это недалеко. В аэрологической обсерватории, на Пресне. Найдете?

Еще бы мне не знать Пресни, где я родился, прожил всю свою жизнь и изучил каждый закоулок… Но вот место, куда меня сейчас направляли, я знал мало. Оно было как-то обособлено — тихий уголок ученых среди бурной рабочей стихии. Там скромно трудились люди, заложившие основы современных передовых наук. В пресненских обсерваториях работали аэрологи и метеорологи, климатологи и океанографы, астрономы и геоморфологи и другие ученые-специалисты. Впоследствии со многими из них мне пришлось иметь дело.

Спутником моим оказался некий Татищев. Он учился в той же гимназии, где и я, но был значительно старше. Он страдал тиком, часто дергал шеей и говорил очень высоким, сорванным голосом.

По дороге он откровенно сознался, что ровнехонько ничего не помнит из пройденного в гимназии, где ухитрялся по нескольку лет сидеть в одном классе, что в голове у него сейчас перемешалось “повидло с секундными стрелками”, но он очень надеется на свою фамилию, полагая, что она должна будет произвести впечатление на профессора. …

Аэрологическая обсерватория помещалась на возвышенном холме, полого спускавшемся в направлении Москвы-реки, и была окружена густым, запущенным садом. … мы оказались в длинной аллее, в глубине которой виднелось главное здание и несколько домиков, где, очевидно, жили сотрудники. … в аллее появился взлохмаченный, несколько диковатый на вид мужчина, поначалу показавшийся мне плохо выспавшимся. Это был средних лет добротно сложенный человек в серой толстовке, высоко поддернутых брюках и парусиновых туфлях с зелеными носками.

Я сразу понял: это и есть Виткевич. И он, должно быть, моментально постиг цель моего визита и без дальнейших околичностей ухватил быка за рога.

— Где учились? — без предисловий, отрывисто начал он. — Ах, флеровец! Очень приятно!.. Весьма наслышан про вашу хулиганствующую гимназию… Так что же, теперь в космос потянуло? Кстати, кто у вас космографию преподавал? Да, да, Сперанский! А астрономию кто? Блажко? — Он сделал кислое лицо. — Ну вот и отлично! В таком разе извольте ответствовать, на какую принадлежность хозяйственного обихода смахивает созвездие Большой Медведицы? Надеюсь, слышали про такую?.. Ах, на дуршлаг! Ну, знаете, им много водицы не зачерпнешь. Может быть, скорее на ковш? — Он смерил меня взглядом и

продолжал: — Латынь вы тоже, конечно, изучали? Ну вот и превосходно! Как же именуются на священном языке Овидия Назона проплывающие над нами облака? Извольте поднять взор на небесную твердь.

— Ни́мулюс — кумбус, — совершенно оробев, пролепетал я.

— То есть вы, очевидно, имеете в виду кумулюс ни́мбус? Ну что же! «Узнаю коней ретивых я по выжженным таврам», — почему-то процитировал он древнего классика. — А с чем едят теодолит, вы никогда не интересовались?

На счастье, совсем мальчишкой, я таскал треногу от теодолита, помогая знакомому землемеру, и поэтому кое-как объяснил профессору практическое назначение этого прибора.

Затем на клочке бумаги, неожиданно извлеченном им из кармана блузы, Виткевич заставил меня доказать, что квадрат гипотенузы действительно равняется сумме квадратов двух катетов.

Ну уж с пифагоровыми-то штанами я управился!

— Ладно! — и тут хитрющая улыбка прочертила его сумрачную физиономию. — Как говорится, виновны, но заслуживаете снисхождения! …

— Давайте препроводилку!

— Товарищ профессор, и я в таком же положении, — раздался высокий голос моего спутника, неожиданно вынырнувшего из густого кустарника. — Моя фамилия Татищев!

— Вы что же, косяками передвигаетесь? — без тени удивления спросил Виткевич. — А фамилия у вас действительно громкая. Только не по нынешним временам ее акцентировать. Ах, граф, вы безумно смелый юноша! Ведь вас при всех условиях должны из военной школы немедленно вычистить. Гарантирую, хотя это и не относится к моей компетенции. …

Высшая аэрофотограмметрическая школа Красного воздушного флота, а по-нашему, курсантскому, просто — Фотограммка, в начале двадцатых годов размещалась на Большой Никитской, теперешней улице Герцена. Она занимала два барских особняка, расположенных друг против друга. В одном была школьная канцелярия, в другом — учебные классы. …

Школа выпускала аэрофотограмметристов, аэронавигаторов и аэрофотолаборантов — существовали такие авиационные специальности. Навигаторов часто именовали также и «ветродуями», поскольку на обязанностях наших лежал также запуск шаров-пилотов и наблюдение за ними в теодолит.

На первых порах Фотограммка была заведением еще не отшлифованного учебного профиля. Хотя неясного тогда было вообще много. Военно-воздушный флот начал совсем недавно

становиться на крыло, и школа комплектовалась народом пестрым. Шли сюда и романтики, и любители сильных ощущений, и люди, убежденные в прогрессе авиации, и просто оголодавшие за годы экономической разрухи молодые ребята, привлеченные военным пайком.

Курсанты, или, точнее, слушатели, получали два фунта белого, как кипень, хлеба из кукурузной муки, который надо было срочно съедать, пока он окончательно не закаменел, и подходящий приварок от котла. Кроме того, давали и обмундирование.

В школе не существовало казарменного положения, и поэтому строевой муштрой нас особенно не отягощали. Большая часть иногородних ребят жила в общежитии около церкви Большого Вознесения, где, как известно, венчался Пушкин. Москвичи — на своих квартирах…

В школе велись теоретические и лабораторные занятия.

По аэронавигационному кабинету в окружении компасов и секстантов неторопливо вышагивал всегда ровный и спокойный Саша Беляков. Он тоже недавно окончил Фотограммку и был оставлен при школе нашим инструктором.

Летная часть школы располагалась на Ходынке. Она состояла из одного пилота, одного механика и одного самолета. … Наш “Б-Е” представлял собой двухместный биплан с шестидесятисильным мотором “Раф”, во многих местах подлатанный, подклеенный и подштопанный и даже кое-где подтянутый крученым шпагатом и стальной проволокой. Неискушенный человек, возможно, не согласился бы залезть в это сомнительное сооружение даже на земле. Но большинство из нас были фаталистами. …

Для успешного окончания первого курса каждому было положено дважды побывать в воздухе, представив в учебную часть барограмму полета и простейшие данные воздушного хронометража. На полет отводилось не больше пятнадцати минут. … Наш “Б-Е” больше шестидесяти в час никак не тянул. Возможно, это было в порядке вещей — по километру от каждой «лошадиной силы». А при посадке, что греха таить, ему мог дать фору любой рысак из расположенного поблизости Московского ипподрома. …

Дважды в неделю нас, будущих воздушных штурманов, строем водили на московский Центральный аэродром.

Там, около ветхого ангарчика, проводились практические занятия: мы знакомились с материальной частью самолетов, изучали работу аэронавигационных приборов.

Мы надували пересыпанные сухим тальком кремовые

шуршащие оболочки шаров-пилотов и запускали их в небо, к великому восторгу крутившихся поблизости аэродромных мальчишек. Затем, поймав шар в «крест нитей» теодолита, готовили записи для аэрологических наблюдений.

Больше всего времени у нас отнимала работа по уничтожению девиации, искажающей показания авиационных компасов.

Девиация, выражаясь языком навигаторской науки, — отклонение стрелки компаса от магнитного меридиана под влиянием расположенных поблизости масс железа и электромагнитных полей.

Такие нежелательные отклонения следовало устранить (по современной терминологии — “списать”). Но мы тогда выражались иначе — «уничтожить».

Это оказывалось хлопотливой работой. Мы ворочали самолет, как большое покорное животное, устанавливая его по различным румбам. И хотя большинство аэропланов было изготовлено из полотна, фанеры и прочих древесных материалов, оставались все же и мотор, и другие металлические части, с влиянием которых на работу этого важного прибора приходилось считаться….

К той осени я должен был закончить Аэрофотограммшколу и получить звание красного военного аэронавигатора.

Оставалось защитить дипломный проект перед грозными очами членов выпускной комиссии.

Мой дипломный проект носил название:

“Аэронавигационное и аэрометеорологическое оборудование воздушной линии Москва — Вятка”.

Такая тема была избрана не без задней мысли. На полпути от Москвы до Вятки находились издавна знакомые мне места, и я, естественно, лелеял мечту, что в этом направлении со временем установится воздушное сообщение и я окажусь одним из первых “воздухопроходцев” родного края. …

По окончании Аэрофотограммшколы, получив звание военного аэронавигатора, я был направлен на Научно-опытный аэродром Красного воздушного флота, или, сокращенно, в НОА.

Эти три кабалистические буквы — НОА — красовались на голубых петличках наших шинелей и гимнастерок и вызывали различные толкования среди неискушенной публики.

Размещался НОА в Москве, на Ходынском поле.

По смыслу НОА был сродни нынешним НИИ, но не являлся, подобно им, узкоспециализированной организацией.

Дело в том, что мы занимались самыми разнообразными экспериментами. Чаще всего нам приходилось испытывать пределы скорости, какую можно было выжать из того или другого

самолета. Это называлось испытанием на километр. Иногда требовалось определить максимальную высоту, на которую способна взобраться машина. Это было испытание на потолок. Последние метры потолка обычно давались с большим трудом, тем более что полет происходил уже в условиях низких температур.

Помню, как при одном таком испытании я отморозил три пальца на левой ноге. На земле в это майское утро было около двадцати градусов тепла. На высоте — двадцать ниже нуля. Да еще не по Цельсию, а по Реомюру.

Возможно, я и сам несколько виноват в этой промашке. Нам только что выдали элегантные фетровые сапоги с желтыми кожаными обсоюзками. Доверившись их внешнему виду, я не догадался надеть лишнюю пару шерстяных носков.

Были и другие испытания.

Сегодня мы испытывали приспособление для захвата с летящего самолета подготовленных к отправке грузов, напоминавшее большой рыбацкий самодур для ловли ставриды. Завтра — компас, наполненный вместо благородной спиртовой жидкости густым желтоватым лигроином.

А на третий день к нам неожиданно завозили разных подопытных животных, и после таинственных манипуляций, проделываемых над ними хмурыми, малоразговорчивыми работниками химической защиты, мы должны были поднимать животных в воздух, наблюдать и записывать их реакции.

На этот раз мы готовились к серии испытаний наших, отечественных парашютов системы Котельникова.

Элитой нашего небольшого коллектива летной части являлись пилоты и хронометристы-наблюдатели, непосредственно проводившие испытания в воздухе. В числе обслуживающего персонала были у нас и просто хронометристы. На их обязанности лежала земная подготовка испытаний. Летать их никто не принуждал.

Хронометристы-наблюдатели, как и летчики, получали существенную прибавку к зарплате. Эти деньги почему-то назывались “залетными”/ …».

Заборский М. А. Голубые «разговоры». — М., 1979. С. — 8-59.

9

Приказом НКО СССР от 13.05.1938 Военная школа спецслужб ВВС была переименована в Московское (с 1939 — Краснознаменное) военное авиационно- техническое училище; с 19 октября 1940 года новая реорганизация и новое название — Московское Краснознаменное военное авиационное училище связи, а с 1941 г., после вывода из состава училища курсов механиков (сформировавших 2-ю Московскую военную авиационную школу механиков спецслужб ВВС), его основным профилем стала подготовка радиоспециалистов. Приказом НКО № 049 от 05.02.1941 училище было переименовано в 1-ю Московскую Краснознаменную военную авиационную школу (с 1943 — вновь училище) связи.

2-я Московская военная авиационная школа механиков спецслужб ВВС (приказ НКО СССР от 5 февраля 1941 года № 049) готовила механиков по авиационным приборам и электромехаников для обслуживания приборного и электрического оборудования самолетов истребительной и бомбардировочной авиации.

Сторонники классических геодезических методов не верили в возможность создания точных топографических карт по материалам аэрофотосъемки. Главное геодезическое управление не поддерживало и не финансировало эти работы.

Инициатива развития аэрометодов исходила от общественных организаций “Добролета” и “Укрвоздух пути”.

Определенный перелом в развитии аэрофотметодов произошел в 1929 г., когда в Ленинграде был создан НИИ Аэрофотосъемки. Состоялось Всесоюзное совещание по аэросъемке, выступая на котором, академик А.И. Ферсман сказал: “В основе аэрофотосъемного производства лежит глубокая идея, которая пока еще не является общепризнанной, идея огромного н. х. значения аэросъемки для СССР как метода хозяйственного овладения территорией”.

В том же году Московский геодезический институт (впоследствии Московский институт инженеров геодезии аэрофотосъемки и картографии — МИИГАиК, недавно отметивший свое 230 — летие) выпустил первую группу инженеров фотогеодезистов, сыгравших значительную роль в дальнейшем развитии аэрометодов. Карты нужны были и военным, поэтому в тесном контакте с гражданскими специалистами работали и военные топографы. Наряду с научными и производственными организациями в этом процессе

активно участвовали МИИГАиК и Военно-инженерная академия им. Куйбышева.

Несмотря на отсутствие мощной государственной поддержки и высказывавшиеся сомнения в самой возможности создания топографических карт аэрометодами, проблема была решена, аэрометоды стали основой картографирования страны.

Другим заметным событием этого периода является открытие нового вида аэрофотосъемки — щелевой. Сегодня он применяется во всех оптико-электронных съемочных аппаратах, использующих в качестве приемника излучения ПЗС линейки.

Автор изобретения (заявлено 25.10.1936 г.) Виталий Семенович Семенов окончил гимназию с золотой медалью, а в 1925 г. в Ленинграде в Институте инженеров путей сообщения защитил дипломную работу на тему “Аэрофотосъемка”.

В.С. Семенов проявил исключительную настойчивость в совершенствовании щелевого фотоаппарата, сопровождал его промышленный выпуск, обучал летный состав выполнению съемки щелевым аппаратом, выполнил в годы войны свыше 40 боевых вылетов на аэрофоторазведку со щелевым аэрофотоаппаратом». *Матиясевич Л.М.* Указ. соч. — С. 78–84.

10

«К нашему счастью, иначе обстояло дело с аэрофотосъемкой для решения различных н. х. задач и, в первую очередь, — составления топографических карт. Для решения последней задачи необходимо было решить еще много теоретических, технических и организационных проблем.

11

Справка.

Приказом Военного Ведомства № 14 от 7.I.1914 было объявлено «Положение о прикомандировании офицеров генерального штаба к воздухоплавательным частям и школам». Каждое лето 10 офицеров изучали приемы разведки с летательных аппаратов. По завершении 3-хмесячного практического курса специальная комиссия проверяла полученные знания. Офицерам, заработавшим оценки «отлично» и «хорошо», присваивалось звание «летчика-наблюдателя». 16 — й пункт «Положения» определял следующее: «Офицерам, получившим звание летчиков-наблюдателей, предоставляется право ношения особого нагрудного знака». Рисунок и описание знака объявили позднее. ПВВ № 339 от 6.VI.1914 предписывал: «установленный приказом по военному ведомству 1914 года № 14 п. 16 особый нагрудный знак для офицеров генерального штаба, получивших звание летчиков-наблюдателей, иметь согласно прилагаемых при сем рисунка и краткого описания…

Нагрудный знак представляет собою бронзовый (вызолоченный) венок из дубовых и лавровых ветвей; на венок наложены на крест два меча с позолоченными рукоятками и посеребренными, полированными клинками, в центре скрещения которых помещены: вертикально поставленная оксидированная зрительная труба и позолоченный щит с короною, с вензелевым изображением Имени Государя Императора, с прикрепленными по бокам щита горизонтально распростертыми, оксидированными крыльями.

Размеры знака: вышина 1 1/2 дюйма, ширина (по крыльям) 1 3/4 дюйма.

Знак этот носится на правой стороне груди по правилам, установленным для академических знаков, но ниже таковых».

Школа летчиков-наблюдателей. https://www.ria1914.info/index.php

12

Костоусев Алексей Иванович, бывший штабс-капитан 28 Сибирского стрелкового полка, выпускник Евпаторийской школы лётчиков-наблюдателей 1916. Начальник Школьного отдела Главвоздухфлота (Главное управление Воздушного флота) в 1918.

Награжден орденами: Святой Анны 3 степени с надписью «За храбрость»; Святой Анны 3 степени с мечами и бантом; Святой Анны 3 степени с мечами и бантом. http://www.airaces.ru/stati/ty-pomnish-kak-vsjo-nachinalos.html#footnote_1_6751

13

Туманова Анастасия. Ты помнишь, как всё начиналось? http://www.airaces.ru/stati/ty-pomnish-kak-vsjo-nachinalos.html

14

Эта дата приказом главнокомандующего ВВС № 370 от 2 августа 2000 года утверждена как дата создания штурманской службы Военно-воздушных сил России.

СОБЫТИЯ | avia — Wix.comchelmuseum.wixsite.com › avia

15

Школа летчиков-наблюдателей. https://www.ria1914.info/index.php

СОБЫТИЯ | avia — Wix.comchelmuseum.wixsite.com › avia

17

Представляя начальнику Главного Управления Рабоче-Крестьянского Красного Военного Воздушного Флота штаты Школы коммунистов летчиков-наблюдателей начальник Управления Воздушного Флота Ярославского округа, писал 25 ноября 1918 г.:

«Разгорающаяся Социалистическая Мировая Революция в своей основе опирается на Советскую Россию. В эту грозную решительную минуту, когда взоры империалистов и капиталистов всего мира обращены на нас, с алчной жадностью желающих уничтожить нас, борцов за власть рабочих, необходимо стойко выдерживать все удары и, не выпуская из рук Красного Знамени. Необходимость заставляет творить. В месяц создана Школа коммунистов летчиков-наблюдателей. Но школа частная и только для Северной Коммуны. Необходимость диктует создать таковую Школу для всей Советской России на народные средства. Начало положено. Теперь же трудно ее развернуть и в скором времени мы можем увидеть новую, самостоятельную, широко поставленную, с утвержденным штатом Школу коммунистов летчиков-наблюдателей.

Представляя при сем штаты, прошу Вашего ходатайства о скорейшем их утверждении для того, чтобы дать возможность в ближайшее время выпустить не 30 надежных и верных Советской власти коммунистов летчиков-наблюдателей, а 60, и тем самым пополнить все авиаотряды в Советской России и в корне пресечь постыдное, подрывающее доверие к авиации перелетание в неприятельский лагерь.

Приложение: штаты Школы коммунистов летчиков-наблюдателей, положение о Школе, табель имущества и денежных отпусков и программа».

9 декабря 1918 г. школьным инспектором Главного Управления Рабоче-Крестьянского Военного Воздушного флота военлётом Левашевским, было проведено обследование Воздухоплавательной школы и школы Коммунистов лётчиков-наблюдателей.

В докладе было указано «на необходимость в срочном порядке разработки штатов и табелей для школы летчиков-наблюдателей и проведения их в ближайшее время через Военно-Законодательный Совет».

Также Левашевский отмечал:

«Курс проходится главным образом практический. Школа учебных пособий не имеет и ведет свои занятия по запискам,

составляемым лекторами. Для практического изучения дела школе не хватает многих предметов. Сведение необходимого имущества школы, требующего срочного наряда, при сем представляю Пр[иказ] № 11.

Помещения школы позволяют увеличение числа курсантов с 31 до 70.

При школе имеется общежитие, в котором помещаются курсанты и инструктора.

Ученики все командированы из авиаотрядов и потому уже знакомы с авиацией /большинство мотористы/.

Все ученики стремятся скорее окончить курс и в дальнейшем поступить в лётную школу для прохождения обучения полетам, мной указано начальнику школы о необходимости внушить ученикам, что для них дорога в лётную школу закрыта и что они должны гордиться званием летчика-наблюдателя как одинаково почетного с военным летчиком»

Туманова Анастасия. Ты помнишь, как всё начиналось? http://www.airaces.ru/stati/ty-pomnish-kak-vsjo-nachinalos.html

Проект.

Приказ Революционного Военного Совета Республики

25 января 1919 года

№ 96

Г. Москва

Для подготовки летчиков-наблюдателей для службы в авиационных частях Республики учредить в г. Петрограде Военную Школу Летчиков-Наблюдателей Р.-К.К.В.В.Ф. согласно прилагаемого сим штата.

На организацию названной школы обратить личный состав и имущество школы Летчиков-Наблюдателей, организованной в Петрограде Центральным Комитетом Коммунистов.

Председатель Революционного Военного Совета Республики Троцкий.

Туманова Анастасия. Ты помнишь, как всё начиналось? http://www.airaces.ru/stati/ty-pomnish-kak-vsjo-nachinalos.html

19

Там же.

20

«Визуальная ориентировка ведется по земным ориентирам. Ориентирами называются все объекты на земной поверхности или отдельные ее характерные участки, выделяющиеся на общем ландшафте местности, изображенные на карте и видимые с самолета. Они могут использоваться для определения места самолета.

Ориентиры подразделяются на линейные, площадные и точечные.

Линейными называются ориентиры, которые при относительно незначительной ширине имеют большую протяженность. Такими ориентирами являются реки, дороги, каналы, берега морей, горные хребты и т. д.

Площадными называются ориентиры, которые занимают относительно большую площадь и выделяются на фоне местности своими контурами. Обычно это крупные населенные пункты, железнодорожные узлы, озера, леса в степных районах и т. д.

Точечными ориентирами являются перекрестки дорог, мосты, мелкие населенные пункты, небольшие железнодорожные станции, отдельные вершины гор. К точечным ориентирам относятся также светотехнические средства (светомаяки, прожекторы, дымовые шашки и др.)».

Черный М. А., Кораблин В. И. Самолетовождение. Утверждено УУЗ МГА СССР в качестве учебного пособия для летных училищ и школ гражданской авиации. — М., 1973. — С. 145.

21

Стерлигов Борис Васильевич (1901–1971) — советский авиационный штурман, первый флагманский (Главный) штурман ВВС СССР (1933–1947).

Родился в 1901 в Москве в семье учителя гимназии. После окончания гимназии с золотой медалью в 1918 поступил в Петровскую (Тимирязевскую) академию на инженерный факультет. С марта 1920 — в рядах РККА, курсант Петроградской технической артиллерийской школы. С сентября 1920 на Южном фронте участвовал в боях против Врангеля. Летом 1921 был зачислен слушателем Высшей военно-педагогической школы в Москве, по окончании которой работал преподавателем пехотно-пулеметных курсов в Баку. Весной 1923 направлен в распоряжение Главвоздухофлота на Центральный аэродром в Москве и назначен помощником начальника Центральной аэронавигационной станции (ЦАНС).

С 27 июля по 9 августа 1926 в качестве *летчика-наблюдателя* на Р-1 (командир экипажа — В. О. Писаренко) участвовал в перелёте по маршруту Москва — Харьков — Ростов-на-Дону — Севастополь — Киев — Москва протяженностью 3000 км. Полет выполнялся без карты и радиосредств, ориентируясь по компасному курсу, задаваемому летнабом.

В 1928 году присвоено звание *старший летчик-наблюдатель*.

В 1929 был летчиком-наблюдателем первого перелёта Москва — Нью-Йорк (командир экипажа — С. А. Шестаков).

С 1930 — начальник Аэронавигационной службы ВВС РККА.

В этом же году под руководством Стерлигова были изданы первые «Руководство по воздушной навигации» и «Наставление по аэронавигационной службе (НАНС-30)», в них впервые был официально употреблен и узаконен термин «штурман». 23 февраля 1930 Б. В. Стерлигов обратился к начальнику ВВС РККА Я. И. Алкснису с предложениями по организации специальной службы. Результатом был приказ по ВВС, установивший организацию аэронавигационной, аэрофотосъемочной, метеорологической служб. Начальники соответствующих отделов объявлялись начальниками служб, в результате Стерлигов был назначен начальником аэронавигационной службы ВВС.

С 28 февраля 1933 — флагштурман ВВС. Участвовал в разработке руководств и наставлений по штурманской службе (НАНС-32, НШС-36, НШС-40, НШС-43). 29 апреля 1939 присвоено звание комбриг.

В Советско-финскую войну командовал

бомбардировочным авиаполком особого назначения.

Во время Великой Отечественной войны возглавлял штурманскую службу ВВС. Б. В. Стерлигов непосредственно участвовал в организации налета советских бомбардировщиков на Берлин 22 августа 1941 г. В 1942 разработал аэронавигацию воздушной трассы из США в СССР через Аляску, Дальний Восток, Сибирь для переброски американских самолетов по ленд-лизу.

1 мая 1943 присвоено звание генерал-лейтенанта авиации.

Руководил штурманской службой при разгроме Квантунской армии в Советско-Японской войне 1945 г.

После войны был главным штурманом ВВС.

С осени 1947 заместитель начальника штурманского факультета Военно-воздушной академии.

С 1950 — в запасе.

Жил и умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Награды

два ордена Ленина (07.04.1940, 30.04.1945)

три ордена Красного Знамени (17.06.1943, 03.11.1944, 15.11.1950)

орден Суворова 2-й степени (18.08.1945)

два ордена Кутузова 2-й степени (19.08.1944, 08.09.1945)

орден Трудового Красного Знамени (1929)

орден Красной Звезды (20.06.1934) за особые учебные сборы начсостава тяжелой авиации на Дальнем Востоке.

медали

Сочинения

«Маршрутами мира и войны. Записки авиаштурмана.» Стерлигов Б. В., М.: Из-во ООО «АЛЕВ-В», 2001, 384 с.

Стерлигов Борис Васильевич — Википедияru.wikipedia.org › wiki ›

22

Ленинградская школа летнабов
https://testpilot.ru/uchebnye-zavedeniya/leningradskaya-shkola-letnabov

23

Туманова Анастасия. Ты помнишь, как всё начиналось? http://www.airaces.ru/stati/ty-pomnish-kak-vsjo-nachinalos.html

24

Злыденный Иван Дмитриевич, 14.04.1919 -22.05.2017.

В Красной Армии с: 1939, призван Дзержинский РВК г. Чкалов. Вид авиации: Бомбардировочная, разведывательнаяКатегория: штурманЗвания: старшина, гв. ст. лейтенантМеста службы:32 бап/32 орап/99 горап 06.41-05.44-? Ст. летчик-наблюдательБоевых вылетов: 168Воздушных побед: 1 индивидуальных и 2 в группе. Родился 14.04.1919 г. в п. Копанский Буртинского р-на Чкаловской (Оренбургской) области. Украинец. С 1934 г. жил в Чкалове. В 1935 г. окончил 8 классов школы, в 1939 г. — 3 курса фельдшерско-акушерской школы. В армии с августа 1939 года. В декабре 1940 г. окончил 2-е Чкаловское военное авиационное училище. Служил в ВВС **стрелком-бомбардиром** 32 сбап (в Забайкальском военном округе). Участник Великой Отечественной войны: в июле 1941 — ноябре 1942 — **стрелок-бомбардир и штурман звена** 32 сбап, в ноябре 1942 — октябре 1944 — **штурман звена и ст. летчик-наблюдатель** 32 оарп/99 горап. Воевал на Западном, Брянском и 2 Прибалтийском фронтах. Участвовал в оборонительных боях в Белоруссии и на воронежском направлении, Воронежско-Касторненской, Орловской и Брянской операциях, наступательных боях на витебско-полоцком направлении, в Ленинградско-Новгородской, Старорусско-Новоржевской, Режицко-Двинской и Рижской операциях.28.07.41 его самолет СБ был сбит истребителями противника, во время вынужденной посадки получил контузию и перелом левой ноги. 16.08.42 г. его самолет Пе-2 сбит истребителями противника и совершил вынужденную посадку. Всего за время войны был сбит 4 раза.**19.08.44 гв. ст. лейтенанту И.Д.Злыденному присвоено звание Героя Советского Союза**. В 1944–1945 обучался в Военно-воздушной академии (Монино). В сентябре-декабре 1945 — офицер оперативного отдела штаба 15-й ВА. Затем до 1950 служил в ВВС штурманом отдельного смешанного авиаполка и штурманом отдельной смешанной авиаэскадрильи (в Прибалтийском военном округе). В 1954 окончил Военно-политическую академию. В 1954–1957 — заместитель командира по политчасти транспортного авиаполка 2-й авиадивизии особого назначения (в Московском военном округе). В 1957–1960 — начальник курса военно-воздушного факультета Военно-политической академии. В 1960–1967 годах служил старшим инструктором в Управлении кадров Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1967–

1975 — заместитель начальника политотдела 24-й (с апреля 1968 года — 16-й) воздушной армии (Группа советских войск в Германии). С августа 1975 г. полковник И.Д.Злыденный — в запасе. Жил в Москве. Умер 22.05.2017 г. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2 степеней, тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

Злыденный Иван Дмитриевич allaces.ru›p/people.php?id=00000027222

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество…… ЗЛЫДЕННЫЙ Иван Дмитриевич

Военное звание…….. Гвардии Старший лейтенант.

Должность, часть…… Летчик-наблюдатель старший 99 Отдельного

Гвардейского Разведывательного Полка.

Представляется к Званию «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

1. Год рождения…… 1919 г. 2. Национальность……. Украинец

3. С какого года состоит в Красной Армии…… 1939 г.

4. Партийность…… Чл. ВКП /б/ 1941 г.

5. Участие в боях (где и когда) ……. Отечественная война

с 17.7. по 20.9. 1941 года и с 6.7. 1942 года по настоящее время.

6. Имеет ли ранения и контузии……. не имеет.

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль…… «ЗА ОТВАГУ»

пр. БФ №. 97/Н 1.9.42 г., орден «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

пр. 15 ВА №. 8/Н от 31.12.1942 года, орден «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

пр. 15 ВА №. 23/Н от 5.6. 1943 года.

8. Каким РВК призван…… кадры

9. Постоянный домашний адрес (представляемого к

награждению) или его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого опыта или заслуг.

За период участия в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков с июля м-ца по настоящее время произвел 187 успешно-выполненных вылетов на разведку и фотографирование оборонительных рубежей, укреплений и сооружений противника.

Несмотря на сложные метеоусловия и при сильном противодействии ЗА [зенитной артиллерии]и ИА [истребительной авиации] противника в разное время был 46 раз под сильным воздействием ЗА и 20 раз имел встречи и атаковывался истребителями при этом ведя умелый огонь лично сбил 1 ФВ [фокке вульф] — 190 и 2 МЕ — 109 в группе / подтверждается Развед. Отделом 61 Армии, Брянского фронта/. В неравных боях с превосходящими силами противника сам был сбит 4 раза, но при первой возможности снова входил в боевой строй, рвался в бой с врагом.

Своей упорной разведывательной работой т. ЗЛЫДЕННЫЙ вскрыл и установил движение: автомашин до 11 500 единиц, передвижений и скоплений танков до 579 единиц, обнаружил 671 ж. д. эшелон, базирование на аэродромах 1.575 разнотипных самолётов противника.

Без прикрытия истребителей произвел фотографирование оборонительных рубежей, укреплений и сооружений общей сложностью 3836 кв. км., из них: только за период зимней кампании 1943 г. сфотографировал площадей в районе Орел — Мценск — Брянск — Людиново и по реке Десна общей сложностью 850 км. Полностью вскрыл систему оборонительных сооружений по реке Десна.

За это время распространил свыше 1.715.000 экз. листовок. Сбросил на врага 20.400 кгр [килограмм]. бомб, при этом на аэродроме Старо-Быхов поджег бензосклады, по дороге Карачев — Чураков разбомбил танки противника, на ст. Фокино — Стрежково вывел из строя ж. д полотно, входные и выходные стрелки, зажег 4 ж.д. эшелона.

Все разведданные и результаты бомбометания подтверждены фотодокументами.

За успешное выполнение боевых заданий — Командованием награжден правительственными наградами — орденами «КРАСНОЕ ЗНАМЯ», «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» и медалью «ЗА ОТВАГУ».

ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЫ — ордена «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» с июля мца 1943 года участвуя непосредственно в разгроме Орловско-Брянской

группировки противника — совершил 37 успешно-выполненных боевых вылетов на разведку, при этом … находился под интенсивным обстрелом ЗА противника и 6 раз отбивался от атак истребителей, невзирая на сильное противодействие, сумел вскрыть и установить: движение по шоссейным и грунтовым дорогам до 5000 автомобилей, скопление и движение на ж.д. дорогах 200 ж.д. эшелонов, скопление до 150 танков и базирование 680 разнотипных самолетов на аэродромах противника.

Выполняя специальные боевые задания Командования Фронта и Армии сфотографировал 31.142 кв. км. оборонительных рубежей и укреплений противника. Кроме этого за эти вылеты обнаружил передвижение с войсками и грузами 5.500 автомашин, 1081 повозок, 800 разнотипных самолетах на различных аэродромах, 247 ж.д. эшелонов на станциях и в пути, 49 танков, до 2-х полков живой силы пехоты. Сбросил на коммуникации противника 4.100 кгр бомб и распространил 465.000 (нечеткая печать. — *М.А.*) экз. листовок.

Пример исключительной отваги, мужества, героизма, проявленные при выполнении боевых заданий Гвардии Ст. Лейтенантом ЗЛЫДЕННЫМ многочисленны.

5.7.1943 года под сильным обстрелом средств ЗА противника произвел фотографирование площади переднего края обороны противника на глубину 12 км. (нечеткая печать. — *М. А.*) в районе Бедринды-Шишкино-Берково-Дубовая — общей сложностью 240 кв. км., тем самым вскрыл систему оборонительных рубежей и сооружений на этом участке фронта.

3.9.1943 года — преследуемый и атакуемый Ме-109 во время выполнения задания, которое выполнил точно и полностью, установил движение автомашин на шоссейным дорогам Жиздре на Брянск 130 единиц, Людиново на Дятьково 150 единиц, Красное на Брянск 150 единиц, Ветуг (нечеткая печать первой буквы. — М.А.) на Брянск 140 единиц. Наличие на аэродромах разнотипных самолетов: Олсуфьево — 74, Брянск — 62, движение и скопление ж.д. эшелонов. Ст. Дятьково 14 ж.д. эшелонов, ст. пос. им. Володарского 7 ж.д. и на ст. Жуковка 5 ж.д. эшелонов — бомбил ее двумя ФАБ-100.

С октября 1943 года на 2-м Прибалтийском фронте сфотографировал под интенсивным обстрелом ЗА — 9 площадей переднего края обороны противника, общей сложностью 2546 кв. км. с высоты 3000–6000 метров, при этом фотографировании вскрыл всю систему обороны противника.

Кроме того на данном фронте обнаружил и зафотографировал 3150 автомашин, 975 парных повозок, 415

самолетов на различных аэродромах противника, 180 ж.д. эшелонов на станциях и в движении, до 2-х полков пехоты, 49 танков и площадь в 2636 кв. километров, сбросил на объекты противника 1800 кгр. бомб, распространил 215.000 экз. листовок и был 18 (нечеткая печать. — *М.А.*) раз обстрелян ЗА противника и 5 раз атакован истребителями противника, но задание выполнил полностью.

27.4. 1944 года фотографированием обнаружил движение по шоссе Жадрица — Опочка 415 автомашин, Опочка-Шанино двухстороннее движение до 150 автомашин, на ст. Опочка до 12 ж.д. эшелонов, в городе до 70 автомашин, на ст. Мадона (нечеткая печать. — *М.А.*) 10 ж.д. эшелонов без паровозов. Ст. Яунлатгале 10 эшелонов, по шоссе Аугшпилс на Остров двухстороннее движение до 200 единиц. По дороге Шанино на Остров до 135 автомашин.

1.5.1944 года по шоссе: Кудеверь-Опочка движение до 30 автомашин, ст. Яунлатгале 8 ж.д. эшелонов, 1 под парами на север. По шоссе: Опочка-Кузнецовка движение до 80 автомашин. По дороге: Мякишево на Красное до 35 автомашин и 70 повозок. По шоссе: Карсава (нечеткая печать. — *М.А.*) на Остров 45 автомашин и 30 парных повозок.

12.5.1944 года под интенсивным огнем ЗА, выполняя задание по фотографированию площади переднего края обороны противника четырьмя заходами в ограничителях: ст. Краснова-Крулинкова (нечеткая печать. — *М.А.*) вскрыл: арт. батарей 35, зенитных арт. батарей 10, Дзотов 40, минбатарей 15, пуль-точек 800, блиндажей 1200, зенитных пулеметов 25, наблюдательных пунктов 50, проволочного заграждения 25 км, противотанковый ров 6 км, складов с боеприпасами 15. Кроме этого попутно обнаружил: движение по шоссе Остров-Опочка 120 автомашин, Остров на Крашнево 42 автомашины, Брюшки-Отрабово 25 автомашин.

Большую работу провел как штурман звена по вводу в боевой строй молодого летного состава.

Сам лично идет первый в боевой полет с молодым летчиком, вселяя в него уверенность в своих силах и передавая свой опыт, показывает как надо вести воздушную разведку и выполнять боевые задания в любых условиях.

Свою отличную боевую работу сочетает с большой, проводимой им партийной работой в эскадрильи, являясь лучшим парторгом низовой парторганизации, бессменно работая в течении всей Отечественной войны.

За выдающиеся заслуги перед Родиной в борьбе с немецкими захватчиками, за отличное четкое выполнение любых сложных и

специальных заданий по разведке и фотографированию оборонительных рубежей, базирование ВВС противника и вскрытие движения и [по] шоссейным и железным дорогам, за проявленное при этом исключительное мужество, отвагу и героизм представляю к высшей Правительственной награде — званию «ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» с вручением ордена «ЛЕНИНА» и медали «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА».

КОМАНДИР 99 ОТДЕЛЬНОГО ГВАРДЕЙСКОГО
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО АВИАЦИОННОГО
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ПОЛКА
ГВАРДИИ
ПОДПОЛКОВНИК……
Н. ЩЕННИКОВ

14 мая 1944 г.

II. Заключение вышестоящих начальников.

На 27.7.44 г. произвел 113 боевых вылетов на разведку противника на самолете ПЕ-2, 12 боевых вылетов на бомбометание на самолете ПЕ-2 и 23 боевых вылета на бомбометание на самолете СБ.

Основания: Телеграмма Н-ка ОК 18 ВА
от 12.7. 1944 г.
Подполковник (подпись. — *М.А.*)

III. Заключение Военного Совета Армии.

Достоин Высшей Правительственной награды звания «Герой Советского Союза».

Командующий 15 Воздушной Армии
генерал-
лейтенант……
Науменко

IV. Заключение Военного Совета фронта (округа).

Достоин Высшей Правительственной награды звания «Герой Советского Союза».

Командующий войсками Член Военного Совета
2 Прибалтийского фронта 2 Прибалтийского фронта
генерал-армии Еременко генерал-лейтенант Богаткин

Злыденный. оввакул. рф›Выпускники›10-istoriya/276-zlydennyi

25

Строительство началось в чистом поле с установки штабной палатки. Вскоре территория школы представляла собой огромную строительную площадку. Руководители школы совместно с личным составом горячо взялись за возведение главных помещений учебного корпуса, ангаров. Работали с большим энтузиазмом. Первые курсанты школы учились и строили. За первые четыре года были возведены учебный корпус, казармы, ангары, столовые, школа, Дом Красной Армии, жилые дома, детский сад. К весне 1932 г. школу укомплектовали постоянным и переменным составом. Было создано два отдела: подготовки летчиков и подготовки летчиков-наблюдателей. Первый набор курсантов был сделан в ноябре 1931 года.

В феврале 1932 года получены первые самолеты У-2 и Р-1. С мая началась подготовка первого набора летнабов. Полеты проводились без курсов учебно-летной подготовки, методических пособий, разработок, наглядных и учебных пособий. Все это заменял инструктор. 07.11.32 г. школа сделала первый выпуск летнабов — 204 человека. 71 выпускник был оставлен в школе в качестве инструкторов.

Летом 1933 г. 9-я школа сделала первый выпуск летчиков на самолетах Р-1 — 123 авиационных командира.

В 1933–1934 годах на вооружение школы поступили современные самолеты И-5, Р-5, ТБ-1, ТБ-3. В ответ на призыв «Овладеть техникой!» личный состав школы с удвоенной энергией изучал особенности эксплуатации пилотирования.

В мае 1936 г. Постановлением ЦИК СССР за успехи в подготовке курсантов, переучивании на новую технику, высокие показатели в соревновании 12 лучших представителей школы были удостоены государственных наград.

В 1937 г. школа начала подготовку летчиков на современных в то время истребителях И-16.

Школа выполняла ряд специальных заданий Народного комиссариата обороны СССР, начальника Главного политического управления РККА и начальника ВВС РККА. В 1937–1938 годах в школе обучались летчики для республиканской Испании. За два года было обучено 388 испанцев.

В довоенные годы 9-я военная школа летчиков и летчиков-наблюдателей считалась одной из лучших среди военно-учебных заведений военного округа и страны По итогам 1938 года она заняла второе место среди учебных заведений.

http://allaces.ru/sssr/struct/scool/vashrogan.php

26

Там же.

27

Из воспоминаний *Иванова Степана Тихоновича*, выпускника первого набора Челябинской школы летчиков-наблюдателей (июль 1936–1939 гг.):

«Перед отправкой по назначению нас набралось 30 человек, в основном из г. Киева, студенты политехнического, химико-технологического, педагогического, ветеринарного институтов, а также техникумов, с законченным средним образованием. Проводы начались сбором нас в Обкоме партии г. Киева, Второй секретарь обкома партии и Секретарь горкома комсомола выступили с напутственной речью, назвав нас цветом Советской молодежи, что мы с достоинством будем овладевать авиационной наукой и т. д. В Горкоме комсомола нам выдали спортивную авиационную форму: белые брюки, голубые майки с авиационной эмблемой, синие береты. От Горкома комсомола, а он был через дорогу от Обкома партии, нас строем, под духовой оркестр, повели по главной улице г. Киева — Крещатик, по ул. Ленина, Бульвара Шевченко до железнодорожного вокзала. Перед отправкой в ресторане вокзала нам устроили банкет. Разрешалось на одного человека приглашать двух провожающих. С моей стороны было провожающих, с цветами, человек 12 и, они все были на банкете, т. к. у других ребят провожающих не было. Поместили нас в купейном вагоне. Поезд шел на Москву. В Москве нас должны были встречать представители из ЦК Комсомола. Когда поезд тронулся, заиграл духовой оркестр, тот который сопровождал нас по городу. В пути следования питание было организовано в вагоне — ресторане и в воинских залах вокзалов. В г. Челябинск прибыли на четвертые сутки. Принял нас военный комендант станции. Проводили нашу группу в казарму батальона связи, которая была на углу ул. Труда и Сталина. Здесь нам организовали ночлег и питание. Мы привели себя в порядок. На другой день, к вечеру, военный комендант станции нас поездом отправил на станцию Мисяш, в Чебаркульский лагерь. По пути к нам в вагон вошел военный в форме летчика, в звании полковника, рослый блондин и спросил: “Вы, ребята, куда направляетесь?”. Мы ответили, “в лагерь, а вообще-то мы прибыли в авиационную школу, но здесь про нее никто не знает”. Он нам отвечает: “Так вот, ребята, вы ко мне приехали, я ваш начальник школы, фамилия моя Лепин, военное звание — полковник”. Начались расспросы, где школа и многое другое. Он сказал, что не на все вопросы может ответить, т. к. сам узнал о своем назначении недавно. По акценту разговора мы определили,

что он из Прибалтики. Как потом выяснилось, по национальности — латыш. … В Чебаркульский лагерь, на три дня раньше, прибыли Ленинградская группа в 70 человек, в основном студенты 2-3-х курсов Механической Академии, Торгово-экономического института, Ленинградского университета и института журналистики, и Московская группа из 170 человек — студенты, в основном из Высшего училища им. Баумана и ряда других учебных заведений Москвы. … На второй или третий день, после полковника Лепина к нам прибыл полковой комиссар Пудинов, в качестве комиссара школы. … Пробыли в лагере мы до глубокой осени. Проходили курс “молодого красноармейца”. Сюда входила физподготовка, строевая подготовка, изучение стрелкового оружия и им владения, отработка тактики наступления и обороны; владение шанцевым оружием — лопатой по рытью окопов, траншей; отработке приемов по обращению и докладу к непосредственному командиру и вышестоящему, а также устав внутренней и караульной службы. Вели занятия командиры строевой службы, от отделенного до командира службы. За период нашего пребывания в лагере для нас готовили помещения, для школы, в г. Челябинске. Это место определили в городке Танкового батальона, который располагался рядом с красными казармами, а танковый батальон перевели под Свердловск (Екатеринбург). Городок танкового батальона состоял: клуб (деревянное строение), два 2-хэтажных дома для командного состава, казарма для личного состава, два складских помещения, небольшое здание под столовую и небольшое строение у ворот, проходная, стадион и спортивный городок. Нас разместили в казарме, обустраивались для проживания сами. На следующий день всех сводили в городскую баню, на улице Сталина. Дня через два или три прибыли портные и сапожники, стали снимать мерки с каждого курсанта для индивидуального пошива. Выдали обмундирование и обувь, для повседневной носки и выходное. Кормить начали по норме курсанта авиационной школы, четыре раза в день. Ребята повеселели. В школу прибыл полковой комиссар Гольбердский, заместитель начальника школы по техническому и материальному обеспечению. Весь состав курсантов школы подвергли экзамену по русскому языку и литературе, математике и еще по какому-то предмету, не помню. Экзамен должен был выявить фактические знания курсантов для определения программы обучения. После экзаменов была отобрана группа курсантов в количестве 15–20 человек, показавших наилучшие знания. В эту группу вошли в основном студенты Высшего технического училища им. Баумана. Ее решено было готовить по ускоренной программе для

пополнения слушателей Военно-авиационной академии им. Жуковского. После двух лет обучения они должны быть направлены в Академию. Остальные начали учебу в классах здания клуба. С началом обучения комплектовался преподавательский состав школы, а также управления. Наши преподаватели: по тактике — майор Гудилин, немецкого языка — его жена, по связи — капитан Овчинников, по топографии — ст. лейтенант Бунько, начальник учебно-летного отдела — майор Микулин, по стрелковому делу — майор Кузнецов, по теории навигации и теории полетов — майор Мурин и ряд других преподавателей. Наш курс из этого городка весной 1937 года перевели в городок Шагол. Здесь шло строительство школьного авиационного городка с прилегающим к нему аэродромом. Комплектование командного и преподавательского состава шло в школе постоянно, т. к. количество обучающихся курсантов с каждым курсом увеличивалось. …

Нам не допускалось иметь знакомства и связи с лицами, социально неблагонадежными. В этом отношении у меня все было нормально…

Учеба в летной школе продолжалась. По своему учебному классу у меня появились хорошие друзья: Иванов Анатолий (москвич), Аржаной Александр (Новгород-Северск), Поликарпов Вася, Петя Шибанов, Пожарский Петя, Кувакин Миша, Глушко Вася, Громов Ваня, Захаров Александр, Карпов Яша (киевлянин) и Яловой Федя — старшина нашей группы…

Среди преподавателей и инструкторов летного дела в моей памяти глубокий след оставил полковник Рашковский, он был начкомом штаба школы и одновременно преподавал “тактику” и “стратегию” наступательного и оборонительного боя наземных войск и роль авиации в этих случаях. Преподавал логику военного языка, при докладах, отдачи распоряжений, а также при составлении приказов.

В дореволюционное время окончил Одесское юнкерское училище. В Первую Германскую (1914 г.) войну был переведен в летный состав в качестве летчика — наблюдателя, а в период Гражданской войны служил в Летных частях Советской Армии. Отличался военной выправкой и внешней аккуратностью. Преподавал доходчиво, был, в выражении мыслей, краток. Жена его работала в школе заведующей библиотекой…

Майор Гудилин — преподаватель тактики. Также выпускник Одесского юнкерского училища. Человек высокой воинской культуры. Речь у него всегда была краткая, но по содержанию — емкая.

Интеллигентен. Преподавание своего предмета вел,

основываясь на учении видного военного теоретика Клаузевица, с учетом современной военной доктрины. Майор Кузнецов — преподаватель высокого класса, его предмет — теория стрельбы из автоматического оружия, состоящего на вооружении авиации. Энтузиаст своего дела. Высокий ростом, обладал хорошим чувством юмора.

Майор Мурин — летчик Гражданской войны, вел предмет “Теория полетов” и “Теория бомбометания”. Преподавал свой предмет доходчиво, обладал огромным чувством юмора, был остроумен и вел свой предмет весело. Жил при школе, а семья в Ленинграде, скучал по семье, но его не отпускали, не кем было заменить. В среде курсантов он оживал, был очень общителен.

Батальонный комиссар — Варнавин. Участник Гражданской войны на польском фронте, был в Конной Армии Буденного, окончил Военно-политическую Академию в Москве. Был командиром школы и одновременно преподавал историю ВКП(б) с изучением работ В.И. Ленина, по его первоисточникам. Вел предмет по марксистко-ленинской философии и текущей политике. Роста был невысокого, обладал способностью располагать к себе людей, был к людям внимателен. Преподавал свой предмет доходчиво и понятно, словом был человеком, заслуживающим к себе уважения. Майор Микулин — начальник отдела по учебно-летной подготовке. Участник борьбы с басмачеством на Туркестанском фронте (Средняя Азия), за что был награжден орденом Красного Знамени. Такая награда была редкость, а на лиц, награжденных этим боевым орденом, смотрели с большим уважением, а мы, курсанты, даже немножко с завистью. Ростом был высок, светловолос, стройный с приятной приветливой улыбкой. Пользовался уважением курсантов, был женат, но детей не было.

Капитан Овчинников. Преподавал предмет по электротехнике и связи. В гражданке, как он говорил курсантам, был кузнецом. Вел свой предмет весело, был остроумен, жизнедеятелен, любил свой предмет. Активный физкультурник, играл в футбольной команде школы, в полузащите. Пользовался уважением у курсантов. … Старший лейтенант Бунько. Преподавал военную топографию, предмет свой знал хорошо, но преподносить свой предмет слушателям, из-за недостатка опыта преподавания, как следует, не мог. По этой причине у курсантов возникало много вопросов. Человек он по натуре был спокойный, даже немного флегматичный, невысокого роста, широкоплечий, голова его напоминала голову греческого философа Сократа.

Полковой комиссар Пудинов — начальник политотдела школы. Что можно сказать об этом человеке — исключительной

работоспособности, обладал исключительными организаторскими способностями. Разбирался хорошо в людях. Эрудиции необыкновенной, настоящая энциклопедия. Всегда готов помочь людям, исключительная способность располагать к себе людей. Уважительный к людям, словом, был чудесным человеком. С таким человеком и жить людям легко. Полковой комиссар Гольдбергский — заместитель начальника школы по тылу. Знаю о нем недостаточно. В контакте близко находиться не приходилось. Прибыл в школу с Дальневосточной армии, был там членом Реввоенсовета Армии фронта. Закончил Университет марксизма-ленинизма в г. Свердловске, в 1924 году. Человек незаурядный, огромной эрудиции, обладал способностью убеждать слушателя или собеседника. В этом я убедился сам, услышав его выступление на отчетно-выборной комсомольской конференции школы. Обладал ораторскими способностями. Наблюдая человека с такими качествами, невольно проникаешься к нему уважением. Курсанты называли его “народником” за то, что он ходил в ботинках с обмотками, имея возможность носить сапоги. По национальности был еврей. Роста невысокого, чернявый, широкоплечий.

Полковник Лепин — начальник школы. Высокий стройный блондин, разговаривал с латышским акцентом. Человек обаятельный, с курсантами и всем летным составом школы был обходительно вежлив. Курсанты между собой называли его “Батей”, что означало, исключительное уважение. Глубокий след в моей памяти оставил о себе майор Горчиков. Он в нашем наборе был командиром батальона по строевой подготовке в первый год обучения. Курсанты его очень уважали за чуткость к людям и знание своего дела, за требовательность к воинской выучке. Некоторые курсанты задавали вопросы, зачем, мол, курсантам авиационной школы знать то, что необходимо знать наземным войскам — пехоте и другим родам войск, нам бы больше по части авиации. Ответ был очень убедителен и разумен — “вы кем собираетесь быть? Армия начинается с пехоты — матушки. В бою вы кого будете обеспечивать — пехоту — матушку. Так как же так, не знать ее боевой выучки. Как же вы, будущие авиаторы, без знаний пехоты будете взаимодействовать в бою с пехотой. Вы должны понять и знать, какой нелегкий труд ложится на плечи бойца — пехотинца в условиях боя. Вы еще будете вспоминать, и благодарить командиров за ту науку, которую вы получили. Жизнь подтверждает слова полководца Суворова “тяжело в ученье — легко в бою”. … Весь распорядок учебного дня в школе был расписан, за ним следили не курсанты, а их непосредственные командиры. Кормили в школе, после лагерей, очень хорошо. Еда

была под стать ресторанной, кормили четыре раза в день. За три месяца такой еды курсанты прибавили в весе кило на два (было их 270 чел), а курсант Быхал прибавил в весе 12 кг. Весной 1937 года наш курс перевели в строящийся авиагородок около станции Шагол, в 18 км северо-западнее г. Челябинска. Учебный корпус, П-образной формы, был заложен только фундамент и часть первого этажа. Один корпус готов для командного и преподавательского состава, два — только фундамент. Были выстроены: 2-хэтажное здание (казарма для солдат аэродромной службы, в эту казарму разместили наш курс (первый этаж), на втором были наши классы. Солдат перевели в другое место. Выстроен был 2-хэтажный Дом культуры (ДК), баня, здание метеослужбы и ангар для самолетов, аэродром (поле) еще готовился. На противоположной стороне аэродрома размещался гражданский аэропорт: самолеты легкого типа для санитарной и почтовой службы. Вот в такой готовности в это время была школа. Ускоренный курс, мы их называли “академиками”, оставался в г. Челябинске, откуда наш курс перевели. В это время школа была укомплектована самолетами:

У-2 — учебно-тренировочный;

PZ (2-хместный разведчик с обтекателями колес шасси) — Биплан;

Р-5 — 2-хместный разведчик- Биплан;

Р-1 — 2-хместный разведчик по типу французского самолета Фарман, участник Гражданской войны;

ТБ-3 — 4-хместный бомбардировщик.

Здесь, на новом месте школы, поменялась по названию организационная структура подразделений. Общевойсковые названия заменены со спецификой авиационной: школа — бригада, эскадрилья, отряд, звено. Здесь, кроме наземных теоретических занятий, началась летная подготовка. По физической подготовке сдавали “ГТО” второй ступени. В нормы сдачи входили: бег на 5 км., плавание на 400 м. с оружием и в обмундировании без сапог, преодоление высоты 1 м. 40 см., прыжки в длину — 4,5 м., и тройной — около 5 м., бокс- 3 раунда, велосипед — 10 км., гимнастика-перекладина (турник), брусья, конь и кольца, прыжки с парашютом с самолета с предварительными прыжками с 60 м. вышки в 3-х упражнениях, прыжки в воду с высоты 3-х м. и 5-и метров. Зимний спорт: ходьба на лыжах на 20 км. дистанцию и прыжки с 12-тиметрового трамплина, без падения. Без сдачи этих нормативов не было зачета по физической подготовке. У кого не получалось с первого раза, повторяли, но в личное время. К классным занятиям, следующего дня, были занятия самоподготовки по учебным

группам. От самоподготовки освобождались только те, которые находились в караульной службе и больные. Курсантам помогать строителям, строить главный учебный корпус, но только в часы личного времени. С началом летной подготовки учеба пошла веселей. Летные занятия по видам проходили: аэрофотосъемка, полеты на прием пакета данных от наземных частей с помощью “кошки”, с высоты бреющего полета, вождение самолета по курсу с аэронавигационным расчетом данных для контроля курса полета (скорость ветра, угол сноса самолета и путевую скорость, а также высоту полета). Полеты в зону воздушных стрельб по наземным и воздушным целям. Полеты на бомбометание с бреющих и высотных, ночные полеты с контролем маршрута по небесным светилам с помощью прибора “Секстант”, а также на радиосвязь и пеленгацию. Полеты на низких и средних высотах для изучения характерных ориентиров местности и их зарисовки (снятие “кроков”). Готовили нас штурманами — летчиками — наблюдателями для всех родов войск авиации. Преподаватели и инструктора по летной подготовке были высококлассными специалистами, знающими в совершенстве свое дело, хорошими преподавателями и педагогами.

По окончании учебного года, сдав сессию по годичной программе, в декабре 1937 г., наш курс отпустили в отпуск, в т. ч. и меня. …

Прибыв из отпуска, я заметил в школьной обстановке какую-то скрытую напряженность, сумеречные лица людей, сухость в общении друг с другом. За мой отпуск в нашей школе были арестованы: начальник школы — полковник Лепин. Арестован был Алкснис — полковник Лепин был, якобы, близким ему другом. Начальник штаба школы полковник Рашковский, офицер царской армии; батальонный комиссар Варнавин. Будучи слушателем военно-политической академии в Москве, он был секретарем факультетской парторганизации: его признали виновным за потерю бдительности и связь с врагами народа. Полковой комиссар Гольдбергский, как бывший троцкист. В первые годы Советской власти в партии Большевиков допускалась фракционность, он якобы состоял в троцкистской фракции. Майор Герчиков. Полгода как ему присвоено это звание, помню всей школой, поздравляли его, курсанты любили его. Признали его, что он сын кулака, о чем он якобы умолчал, с такой классовостью служить в Красной армии не допускалось. Майор Микулин, будучи в командировке по служебным делам школы, уезжая, сказал жене, что пробудет не более десяти дней, но задержался, жена забеспокоилась и решила, что его арестовали. В то время органы НКВД практиковали такое: арестовывали то в

пути, то по вызову. Жена, будучи глубоко взволнована, решила застрелиться, муж, уезжая в командировку, пистолет оставил дома. Застрелилась не насмерть, парализовала себя, была доставлена в военный госпиталь по ул. Труда. На второй день после случившегося приезжает муж, она на его глазах умирает в госпитале, а через некоторое время его вызывают в НКВД. На допросе подозревают его, по этой причине, в причастности к какой-то группировке, враждебной Советской власти, мол, жена недаром застрелилась.

Вот такую обстановку я застал в школе прибыв из отпуска. Некоторое время спустя прибыл новый начальник школы, генерал — майор Емельянов. Комиссаром школы стал моряк, капитан 1-го ранга, фамилию не помню, отношение личного состава к нему было осторожным, вел себя довольно грубо и с подозрением, выискивая, нет ли среди личного состава врагов народа. Ходили слухи, что ему, да и до него, был осведомителем и сочинителем компроматов на командный состав старший лейтенант, начальник парашютной службы в школе, фамилию его не помню. Мнение было такое, что он прокладывал себе служебную карьеру, с ним общение было осторожное. Своим поведением он пытался приблизиться к людям, “быть своим товарищем”, но люди с ним были немногословны.

Время летной учебы шло. …В конце лета 1938 года на аэродром школы село звено самолетов “СБ” — средний бомбардировщик. Это 2-хмоторный самолет, моноплан цельнометаллический, такого самолета мы еще не видели, для нас, курсантов, он был новинкой. Экипаж самолетов состоял из боевых летчиков, участвовавших в боях в Испании. Для нас побеседовать с ними было очень интересно, ведь все-таки участники боев. Расспрашивали их о боевых эпизодах, о машине, ее летных качествах. Летчики о самолете отзывались очень хорошо, в боях с Испанией самолет “СБ” любовно прозвали “Катюшей”. Машина серебристо-белого цвета. Стояли на нашем школьном аэродроме они недолго, дня два или три. Наши курсанты возле них несли караульную службу. Покидая аэродром, при взлете один самолет из звена повредил колесо — шасси: произошел прокол резины колеса, когда самолет выруливал на взлетную полосу. Произошла задержка, колесо быстро поправили, самолет взлетел, и звено скрылось за горизонтом. После, на второй день или немного позже, всех, кто стоял в карауле по охране этих самолетов, во главе с командиром караула, вызвали в органы госбезопасности, по подозрению в диверсии. Но все обошлось благополучно, криминала не было обнаружено. Один курсант, ждавший допроса, стоя в коридоре, видел, как вели

одного арестованного, подталкивая его в спину, чтоб быстрее шел. Видно вели с допроса, ноги у него босые, брюки “галифе”, рубаха — “косоворотка” серо-белого цвета, лицо сине-багровое с кровоподтеками. Он, проходя, посмотрел в сторону курсанта, его подтолкнули и повели дальше по коридору. Курсант узнал его, это был полковой комиссар Гольдберский. Больше о нем никто не слышал, какая у него сложилась судьба? Вероятнее всего он был расстрелян, как и многие другие. Очень жаль человека. В декабре 1938 года наш курс отпустили в отпуск. Я, как и прежде, поехал к своим знакомым в Киев. Остановился в семье Вани Макарцева. …

1939 год для меня был выпускным. В июле-месяце были выпускные экзамены, принимала госкомиссия. Наш курс сдал экзамены успешно и курсантскую форму сменили на командирскую, офицерскую. Ждали результаты сдачи экзаменов и присвоения званий. Вместо занятий по учебе, в это время прорабатывали приказы, вышедшие по авиационным войскам (частям). В сентябре 1939 года пришел приказ о присвоении звания. Всем присвоили звание лейтенант. В октябре прибыл приказ по распределению выпускников по частям, округам. Наш курс распределяли по алфавиту, по фамилиям. Верх алфавита — Ленинградский военный округ, середина — Дальневосточный, и конец алфавита — Новосибирский и Среднеазиатские округа. Я был распределен в Первую воздушную дальневосточную армию, г. Спасск — Дальний, 25 — я Авиабригада средних бомбардировщиков (СБ). Потом бригада переименовалась в 32-го Авиадивизию (СБ)…

В конце сентября 1939 года мне посчастливилось увидеть своих уважаемых преподавателей: батальонного комиссара Варнавина и майора Микулина, вид у них был исхудалый, они шли вместе по территории школы: Варнавин был невысокого роста, а Микулин — высокого, выглядели как “пат и паташонок”. Их обоих реабилитировали, шел слух, что время их ареста им должны оплатить в их зарплату и на два месяца отправить лечиться в санаторий для восстановления здоровья…

Музей Челябинского высшего военного авиационного Краснознаменного училища штурманов. История ЧВВАКУШ | avia — Wix.com

chelmuseum.wixsite.com › avia › ist

28

Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 21 июня 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная. — М., 1994. — Т. 13 (2–1). — С. 164–170.

29

25 ноября 1938 года я прибыл в Мелитополь. Добрался до училища, представился, меня вместе с другими курсантами направили в баню, подстригли, обмундировали и я стал военным.

В училище было две авиаэскадрильи: 1-я эскадрилья была набрана год назад, из молодежи с образованием 9 классов, и уже целый год занималась общеобразовательными дисциплинами. 2-я экадрилья — это вновь прибывшие курсанты, имеющие полное среднее и неполное высшее образование.

Меня зачислили во 2-ю эскадрилью, в 1-й отряд, 20-ю группу (20-е классное отделение, командир отделения Юров).

Размещались мы поотрядно, на каждый отряд свое хозяйство: большая комната (спальня на 100 человек, размещались по группам), ленкомната, каптерка, умывальник, туалет.

Через небольшой продолговатый коридор — общая столовая, на третьем и четвертом этажах классы для занятий.

На следующий день утром в 6.00 подъем — и все по группам строем во двор на зарядку. Холодный день, зима, а мы в гимнастерках и буденовках. Пятнадцать минут кажутся вечностью. Это для меня было испытание.

После зарядки — туалет, приведение в порядок постелей, выравнивание коек, приборка тумбочек, бритье, подшивка воротничков, чистка сапог. Потом — построение на утренний осмотр. После осмотра, строем на завтрак, на каждое классное отделение — длинный стол. Позавтракали, дежурные убрали посуду и только после этого опять же строем по расписанию на занятия: 6 часов классных занятий, обед, мертвый час, самоподготовка 2 часа, свободное время, ужин, вечерняя проверка, отбой ко сну в 22.00.

И опять тоже самое изо дня в день, и все строем и строем.

Для меня это был ужас, вдобавок к этому нам уже сказали, что мы будем не летчиками, а летнабами (летчиками — наблюдателями), по современному — штурманами. Разочарование мое было таким большим, что я даже написал заявление, чтобы меня отправили обратно домой. Передал его через командира отделения Юрова и жду положительного решения. На следующий день вызывал меня начальник штаба эскадрильи майор Заболкин, я ему рассказал о своих мотивах, он меня выслушал и говорит:

— Ты, друг, не торопись. Домой мы тебя все равно не отправим, а вот перевести в роту охраны можем. Через два года тебя демобилизуют и поедешь домой. В другом случае

проучишься два с половиной года, станешь командиром, лейтенантом, и все пойдет хорошо, поэтому не спеши, привыкнешь и будешь нам еще спасибо говорить.

На, говорит, твое заявление и никогда, никому не показывай, а то засмеют. Я его понял, он меня понял. Я взял заявление, порвал его и стал продолжать курсантскую жизнь…

И вот началась моя военная курсантская жизнь. Изучали мы новые для меня учебные дисциплины: аэронавигация (самолетовождение, радионавигация, астронавигация), тактика (общая, авиатактика), топография, история ВКП(б) (марксизм-ленинизм, политэкономия), бомбометание, военно-стрелковая подготовка, теория авиации, радиосвязь, аэрофотосъемка, матчасть самолета и моторов, физподготовка, строевая подготовка и спецподготовка (приемы и методы работы иностранной разведки). Основные предметы были: аэронавигация, тактика, история, теория авиации, физподготовка, бомбометание, воздушно— стрелковая подготовка, ну и практическая подготовка — полеты.

Успевал очень хорошо, ниже 4,6 балла у меня не было. 4,6 балла — это соотношение суммарных оценок к числу предметов (дисциплин), которые мы проходили…

В феврале 1939 года, в день Красной Армии наша эскадрилья принимала присягу на верность служения Родине, зачитывали текст присяги и расписывались. После принятия присяги нас начали в выходные дни увольнять в город до 21.30 и только до вечерней проверки. После завтрака 25 % курсантов из отряда, наиболее дисциплинированных и успевающих, отпускали в увольнение.

В начале марта 1939 года мы получили самолеты У-2 и Р-5, к нам прибыли и инструктора — выпускники Батайского авиаучилища. Все они были летчиками в звании младших лейтенантов. У меня был инструктором младший лейтенант Бухальцов, в его группе было 10 курсантов.

Все инструктора были молодые парни. Все в кожаных пальто, с планшетами, одеты прекрасно — это нас прельщало, мы тоже мечтали так выглядеть.

Ну а пока, мы, курсанты 2-й эскадрильи, ходили в увольнение в ватниках зеленого цвета. Первая эскадрилья, которая находилась в училище уже год, ходила в шинелях. Нам тоже заказали шинели по заказу, но заказы выполнялись очень медленно. В увольнении мы, дабы поднять свой авторитет и склонить девочек на свою сторону, выкручиваясь, говорили, что в зеленых куртках ходят “высотники”.

С прибытием самолетов и инструкторов нам начали давать

практические полеты, то есть ознакомление с полетами на самолетах У-2. Это было что-то особенное в нашей жизни. Сколько эмоций, разговоров! Но некоторых курсантов, после первых полетов отчислили из училища. Организм не выдерживал болтанки в воздухе, их буквально выворачивало наизнанку.

Я первый полет с Бухальцевым отлетал хорошо. Когда поднялся в воздух, ничего не понял и ничего не увидел. Было что-то похожее на шок, но на все вопросы инструктора я отвечал уверенно и он мне поставил оценку “хорошо”.

После первых полетов я освоился прекрасно и мог отлично выполнять все задания на полет, не снижая успехов в теоретической подготовке. Полеты проводились два раза в неделю и все усложнялись по характеру заданий.

В начале апреля 1939 года училище перебазировалось в летние лагеря, — это в полукилометре от учебного корпуса и зимних квартир. Там были оборудованы палатки, спортгородок, а занимались в классах в учебных корпусах. Мы в практических полетах продвинулись далеко, уже начали бомбить, то есть бросать бомбы с самолета по целям на полигоне (полигон — это специально отведенное поле, где располагались наземные цели). Летали уже на самолетах Р-5 (разведчик, типа 5), инструктор у меня был командир звена лейтенант Амосов. За это время я уже превосходно ориентировался в воздухе и стал отличником, то есть общий балл у меня был 4,6–4,9, троек у меня не было. Отставал только по физподготовке…

Учился я успешно, как теоретически, так и практически, летал отлично, дисциплина была на высоте. Несмотря на сложную международную обстановку жизнь проходила интересно: культурно — просветительная работа занимала все свободное время. В училище в нашей эскадрилье был организован ансамбль Красноармейской песни и пляски, я в этом ансамбле был солистом. Много было спортивных соревнований. Жили весело и радостно. …

В начале 1940 года наше внимание было приковано к финским событиям, мы внимательно следили за ходом военных действий в Финляндии. К нам приезжали участники боев на Халхин-Голе, в Монголии и мы с интересом слушали старшего политрука, комиссара эскадрильи Подольского, который участвовал в частях авиации в этих боевых действиях.

Весной 1940 года поступил приказ НКО об ускоренном выпуске из нашего училища. Были отобраны отличники из 2-х учебных эскадрилий и образованы 10 классных отделений, куда попал и я. Был я в десятом отделении. Началась аттестация отобранных курсантов. Меня аттестовали на звание “лейтенант” в

дальнюю авиацию. В начале 1940 года прибыла госкомиссия из Москвы и нас подвергли госэкзаменам по основным дисциплинам. Все дисциплины я сдал на “5”, только по физкультуре была “четверка” (физподготовка считалась основным предметом, а я при соскоке с перекладины согнул ногу, и за это оценку снизили на один балл). И все же меня выпустили из училища по первому разряду.

1 мая 1940 года нам зачитали приказ наркома о присвоении нам звания “лейтенант”, на петлицах нового обмундирования мы прикрепили по два кубика и стали командирами Красной Армии.

Уезжая из Мелитополя и глядя из окна поезда на училище, было жалко покидать это чудесное учебное заведение, где день за днем были прожиты полтора года в напряженной учебе рядом с друзьями и товарищами. Это был последний взгляд на Мелитопольское училище. Больше я его уже не видел до настоящего времени. …

Прибыли в Иваново в воскресенье 6-го мая. …

На следующий день нас принял командир 165-го РАП полковник Никитин, рассказал чем мы будем заниматься: теорией и практикой — полетами на самолетах Р-6 и СБ. Распределили нас по экипажам. У меня был командир экипажа лейтенант Андрей Дмитриев, прекрасный друг и товарищ, опытный летчик. Я познакомился с ним очень быстро и близко, подружился и со своим однокашником Сергеем Степановым, и стали мы неразлучными друзьями до окончания программы в РАПе.

… в июле нас с Андреем отправили в Московский военный округ, в 134 СБАП на аэродром Дубровицы в 40 километрах от Москвы. …

Прибыли в 134-й СБАП (скоростной бомбардировочный полк), где командиром авиаполка был майор Самсоненко. Представились мы о прибытии и нас зачислили в 5-ю авиаэскадрилью. Андрея на должность летчика (командира экипажа), а меня на должность младшего летчика-наблюдателя (летнаба). Стрелки-радисты в экипаже менялись, так как они были срочной службы и через 3 года их меняли.

Командиром эскадрильи был капитан Евстратов. Затем командиром стал майор Дедов-Дедушинский, а Евстратов стал его заместителем. Самолеты были все СБ, — это скоростной бомбардировщик, скорость его была до 450 км/час, потолок 9000 м). …

В декабре 1940 года меня с экипажем и другие экипажи направили на курсы командиров звеньев в город Калинин — место базирования 46 БАД (бомбардировочная авиадивизия), в которую входил наш полк. На курсах, как и в училище —

теоретические занятия и полеты, в основном тренировка летчиков по кругу, полеты в зону и слетанность, а летнабы сидели в кабине как балласт, правда подсказывали летчику скорость, высоту и следили за аэродромом. На курсах были не только представители нашего полка, но и представители других полков, входящих в состав 46 БАД, а именно: 95 СБАП и 128 СБАП.

Часть летного состава этих полков уже побывала в боях в Испании и некоторые были награждены боевыми наградами. Наш необстрелянный брат смотрел на эти награды расширенными глазами и с некоторой завистью.

Все шло хорошо. Но, вот оказия! Наркомом обороны в то время был маршал Тимошенко, который руководил боевыми операциями в конфликте с белофиннами и его, как имеющего опыт боевой работы назначили на эту должность. Он бросил клич “Учить войска тому, что нужно на войне!” Это правильно — дисциплина, усложненная обстановка в любых условиях днем и ночью. Но он просмотрел и подписал один, я бы сказал вредный для обороноспособности приказ № 0362 от 22 декабря 1940 года, который предписывал перевести летно-технический состав ВВС на срочную службу, то есть летчиков, летнабов, авиатехников из училищ выпускать сержантами и служить в ВВС 4 года, а после 4 лет наиболее способных оставлять в частях, а остальных демобилизовывать.

Летчиков по этому приказу стали называть “пилотами”, летнабов — “стрелками-бомбардирами”, авиатехников — “механиками”.

Всех командиров (летно-технический состав), кто не прослужил четыре года, но уже имел воинское звание, подстричь и перевести на казарменное положение. Многие такие командиры уже были женаты и имели детей. Все семьи из авиагородка приказали выселить и отправить на родину (на каждого члена семьи выдали по 2500 рублей на переезд).

Опять для нас стал распорядок дня как в училище у курсантов, — в город только по увольнительной, хотя мы и носили в петлицах кубики.

В частях ВВС был страшный моральный упадок. Я уже упомянул, что приказ вредный, даже прямо вредительский, и это перед самой войной. Многие слабохарактерные кончали жизнь самоубийством. Доходило до того, что командиры (офицеры) других родов войск откровенно издевались над авиаторами. Патрули в городе заставляли нас снимать головной убор и смотрели стриженный ты или нет. Если стриженный — “Предъяви увольнительную!” В противном случае сразу отправляли в комендатуру на гауптвахту.

Меня стрижка миновала лишь потому, что нас на курсах командиров звеньев не подстригали, а так все было заведено по приказу — строем в столовую и обратно, все передвижения группой только строем. Для нас, срочников, была оборудована отдельная столовая в церкви, кормили нас хуже. Но у большинства летного состава настроение все же было бодрое, все были влюблены в авиацию — лишь бы летать!

Вот сейчас задумываешься, как это могли отдать такой вредительский приказ и почему на это не обратил внимание И. В. Сталин. Правда он этот приказ отменил, но только в сентябре 1941 года. Пилоты снова стали “летчиками”, стрелки-бомбардиры — “штурманами”, авиамеханики — “авиатехниками”. При окончании авиаучилища присваивались офицерские звания: младший лейтенант, лейтенант, авиатехник 2 ранга, младший авиатехник.

Весна 1941 года была очень затяжная. В апреле мы закончили курсы и всю дивизию начали готовить к Первомайскому воздушному параду. …

Здесь, кстати, замечу, что даже при подготовке к параду, боевые бомбы лежали под плоскостями самолетов на случай боевой тревоги. Вот вам и “не готовились”, “прошляпили” и так далее. Считаю, что все это неправда, к войне мы были готовы. …

Очень часто летали по маршруту с бомбометанием. В основном одиночно. Бомбили всегда отлично. 16 июня 1941 года был последний учебный полет с бомбометанием и посадкой после выполнения задания на чужом аэродроме (Луховицы). Помню бомбы положили в цель отлично, сели в Луховицах хорошо, выключили двигатели, легли под плоскостью. День был солнечный. Лежали и травили анекдоты. Кругом цветочки, птички поют и не знаем мы, что через несколько дней начнется война, и 4 июля не станет Паши Матросова и Федосова, и в живых из нас троих останусь только я.

…Мне хочется высказать свое мнение о готовности наших вооруженных сил для отражения нападения на нашу страну, ибо некоторые деятели у нас после войны, по-моему, неправильно истолковывали нашу подготовку исходя из высказываний горе-политика Хрущева. Готовились мы серьезно, — укрепляли кадрами Красную Армию, оснащали вооружением, тщательно изучали вооружение противника, сравнивали с нашим. Изучали тактику противника: Германии, Японии, Польши, Италии. Наибольшая угроза была со стороны Германии.

В основном мы изучали военную технику противника по своему роду войск — авиации, и знали, что нам придется иметь с ней дело. Сравнивали свою авиацию с авиацией Германии.

Все это мы изучали, сравнивали, отрабатывали приемы, тактику воздушного боя. Так что неправильно, когда говорят, что мы не знали противника. И вот, в частности, наша дивизия тщательно готовилась, отрабатывала боеготовность: бесконечные тревоги, готовность на время, меткость бомбометания, слетанность авиаэскадрильи, взаимодействие экипажей».

Пантелей Н. Н. Записки штурмана @ Военная литература (militera.lib.ru), 2002. — (Первопубликация) — http://militera.lib.ru/memo/russian/panteley/

Николай Николаевич Пантелей был в это время штурманом самолета-бомбардировщика СБ. Большую часть своих боевых вылетов он провел в составе «полбинского» 150-го бомбардировочного полка (впоследствии — 35-го гвардейского). Во время Битвы за Москву он совершил в составе экипажа 168 боевых вылетов. За первый год войны был трижды сбит и трижды выходил с занятой врагом территории. Представлялся к званию Героя Советского Союза. — Андрианов П. М.

30

Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937-21 июня 1941 г. // Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2–1). — М., 1994. — С. 243–246.

31

Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937-21 июня 1941 г. // Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2–1). — М., 1994. — С. 243–246.

32

«**Вообще же в войсках царили “польские”, как тогда называли “шапкозакидательские” настроения, подогреваемые политической пропагандой** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). У бойцов пытались создать впечатление, что финские рабочие и крестьяне только и ждут дня и часа, чтобы, воспользовавшись вступлением Красной Армии, начать восстание против их капиталистов. На самом же деле на защиту своей страны от агрессин поднялись даже бывшие бойцы финской Красной Гвардии, сражавшиеся с войсками фон дер Гольца в 1918-м. …

Боевой состав ВВС не был однороден: с одной стороны, многие полки относились к ядру ВВС Красной Армии, были давно сформированы, укомплектованы и сколочены. Например, полки 16-и и 55-й скоростных бомбардировочных бригад, а также часть полков из состава 59- й истребительной бригады имели ограниченный опыт «польского» похода.

При этом многие летчики воевали на Халхин-Голе, получили закалку в Испании и Китае. В то же время имелись полки, сформированные или получившие новую технику лишь в самое последнее время. Нельзя забывать, что 1939–1941 гг. был периодом многократного увеличения Красной Армии. Так, если на 1 января 1939 г. ВВС имели в своем составе 115 авиаполков (причем, переход на полковую систему начался только в начале 1938 г.), то к 1 октября их количество составляло 136, а к 1 марта 1940 г. увеличилось до 147! Неудивительно, что уровень боевой подготовки летчиков и слётанность подразделений новых частей оставлял желать много лучшего. Такой важный показатель, как аварийность, в 1938 г. подскочил по сравнению с предыдущими годами более чем в два раза. Так, если в 1936 г. в ВВС произошло 43 катастрофы и 237 аварий с гибелью 94 человек, то в 1937 г. уже 62 катастрофы, 336 аварий с гибелью 110 человек.

В 1938 г. эти показатели составили уже 148, 423 и 273 соответственно!

Налет в часах на одно происшествие упал с 1590 в 1936 г. до 933 в 1938 г. В 1939-м эти тенденции проявились ещё резче. В частности, в этом году в воздушных происшествиях погибли даже четыре Героя Советского Союза: командующий АОН-1 В.С.Хользунов, комбриг А.К.Серов, кавалер двух Золотых Звёзд С.И.Грицевец и легендарная лётчица Полина Осипенко Ещё более напряженная обстановка сложилась с руководящими кадрами. В принципе она мало отличалась от той, которая имела место

накануне Великой Отечественной войны. В настоящее время подсчитано, что тогда 43 % авиационных командиров всех степеней находились на своих должностях менее полугода, а еще 22 % — от 6 до 12 месяцев. Картина с командирами соединений была ещё более разительной. Там стаж руководства не более полугода имел 91 % комсостава. Достаточно сказать, что пробывший на должности начальника ВВС Красной Армии около двух лет А.Д.Локтионов 19 ноября, накануне начала войны с Финляндией, был назначен командующим войсками ПрибВО, а его место ненадолго занял Я.В.Смушкевич.

Уже после окончания войны на совещании командования ВВС Ленинградского военного округа, состоявшегося в апреле 1940 г. и посвящённом анализу действий авиации в войне с Финляндией отмечалось, что из всего числа руководящего состава авиачастей привлечённых к боевым действиям, лишь на 37 % должностей находились кадровые военные! В подавляющем большинстве должности заместителей командиров авиаполков, комиссаров полков и эскадрилий, инженеров всех рангов и уровней занимали призванные из резерва партийные и советские работники, заводские инженеры, школьные учителя и даже… колхозные счетоводы!!..

Однако подобное положение только на первый взгляд кажется невероятным, поскольку по среднему уровню грамотности населения страны, СССР в указанное время находился на одном из последних мест в Европе. Это было в общем и не удивительно, так как обязательный «Всеобуч», а проще говоря обязательное начальное школьное образование было введено лишь в 1930 г. Стоит ли после этого удивляться результатам Крымской, Русско-Японской и Первой Мировой войнам! Ведь в той же Германии обязательное (и бесплатное!) школьное образование было введено ещё в XVIII веке, и как сказал канцлер Бисмарк, «победу во франко-прусской войне обеспечил германский школьный учитель». При этом, если у нас обязательными в начале 30-х годов были семь классов, то в той же Германии — десять! В результате по состоянию на середину лета 1933 г. уровень образования у курсантов школ ВВС РККА всех типов был следующим:

курсанты, окончившие 9 — 10 классов, составляли всего 12,4 %;

— окончившие 7 классов — 26,1 %;

— начальное образование 3–4 класса имели 58,1%

— вообще не учились в школе 3,4 %.

Только в 1935 г. было принято решение принимать в военные школы (а с 1937 г. и в училища) лиц с общим образованием не

менее чем в 7 классов, а в 1937 г. этот уровень подняли до 8 классов. Но сказываться эти нововведения начали только уже после окончания Второй Мировой воины, а к концу 30-х годов в РККА было ещё немало командиров с начальным общим образованием 3–4 класса или вообще без оного. Но даже наличие образования в 7–8 классов ещё ни о чём не говорило. Как с горечью отмечал в 1933 г. начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА Б.М.Фельдман, «даже лица, формально имеющие 7-летку, фактически имеют очень низкие знания…». В свете этого высказывания уже совершенно неудивительной выглядит реплика Наркома обороны маршала К.Е.Ворошилова, сообщившего на заседании Военного Совета РККА, что «наши слушатели всех академий воют, что им такими темпами преподают, что они не успевают воспринимать…» А ведь всего через несколько лет выпускникам военных школ, училищ и академии предстояло вести людей в бой!

Именно уровень общей и профессиональной образованности командного и лётного состава стал вторым по важности фактором, определившим результаты боевой работы ВВС РККА в ходе финской кампании. Особенно это сказалось опять же на начальном её этапе, когда ощущалась известная нехватка сил и средств.

Определённые дивиденды командование РККА извлекло из участия наших вооружённых сил в так называемых «малых войнах». В результате к концу 1939 г. заметную часть среди людей, командовавших ВВС общевойсковых армий в «финскую войну», составляли вчерашние лейтенанты и капитаны, выдвинувшиеся на высокие посты и получившие звания Героев Советского Союза за личную храбрость и мастерство, проявленные в небе Испании и Дальнего Востока. Такими были Ф.П. Полынин (1906 г.р.), И.И. Копец (1908 г.р.), С.П. Денисов (1909 г.р.), Т.Т. Хрюкин (1910 г.р.), П.В. Рычагов (1911 г.р.), Г.П. Кравченко (1912 г.р.) и ряд других, сделавших во второй половине 30-х годов стремительную карьеру.

Однако наряду с рядом положительных моментов, среди которых определяющую роль играл фактор наличия у абсолютной массы таких выдвиженцев довольно значительного боевого опыта, отсутствие необходимого уровня общей культуры, причиной чего была всё та же нехватка образования, неоднократно вызывало у героев, отмеченных высокими наградами, откровенное пренебрежение служебными обязанностями…

Рыба, как известно, согласно народной пословице, тухнет с головы. Наблюдая подобное откровенно наплевательское отношение к службе со стороны высшего руководства, аналогично

относились к своим обязанностям многие средние и младшие командиры. В ряде авиачастей органами НКВД отмечалось повальное пьянство среди летно-технического состава. О таких же вещах как небрежное ведение всех видов документации, безответственность при организации полётов, слабое знание матчасти, её порча, разбазаривание казенного имущества (особенно ГСМ и обмундирования) и говорить не стоит. Любопытно, что в течение 1939 г.

Нарком внутренних дел Л.П. Берия свыше десяти раз собирал высшее руководство Главного Штаба ВВС РККА на совещания по вопросу обсуждения абсолютно нетерпимого состояния дисциплины в среде «Сталинских соколов». Однако результаты были почти нулевые: большинство расследований происшествий, повлёкших даже гибель людей(!!), командованием спускалось “на тормозах”.

Таким образом, **третьим фактором, определившим результаты войны в воздухе зимой 1939–1940 гг. был уровень дисциплины в ВВС РККА, оставлявший желать много лучшего даже в авиачастях, входивших в состав Действующей армии.**

Неудивительно, что, наблюдая сложившееся положение, новый глава НКВД вновь задействовал испытанное средство, опять раскрутив маховик репрессий, хотя и далеко не до уровня “ежовских оборотов”. Впрочем, в вынужденном “омолаживании” кадров репрессии не сыграли той роли, которую им обычно приписывают. Всего за период 1937–1941 гг. поставили “к стенке” и отправили “на лесоповал” лишь около 5 тыс. авиаторов, в первую очередь из числа высших и старших офицеров. Однако в несколько раз больше “сталинских соколов” отправились на нары по уголовным делам. Другую, куда более заметную часть (существенно превосходящую число репрессированных), составляли уволенные по состоянию здоровья. Даже число погибших в ходе боевых действий и авиакатастрофах за указанный период значительно превосходит количество так называемых “без вины виноватых”.

С учётом быстрого наращивания числа частей и авиасоединений, необходимо признать, что ВВС РККА испытывали к концу 30-х годов настоящий кадровый голод, а уровень боевой подготовки всех категорий личного состава к началу советско-финляндской войны оставлял желать много лучшего и по некоторым оценкам в среднем был даже ниже чем в первой половине 30-х годов. Именно этот фактор необходимо вынести на четвёртое место при анализе действий нашей авиации зимой 1939–1940 гг. Канд. ист. наук полковник Мирослав Морозов, при участии Александра Кириндаса, канд.

тех. наук Владимира Котельникова и Александра Булаха. История Авиации. ВВС Красной Армии в Зимней войне 1939–1940». Спецвыпуск № 2. С.22–30.

33

Там же.

34

Там же.

1939–1945.net — Авиация. http://www.airwar.ru/enc/bww2/yak2.html

36

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 187–204.

История Авиации. Спецвыпуск № 2. — Указ. соч. — С. 53.

Там же. — С. 56.

39

Там же. — С. 57.

Там же. — С. 206.

41

Там же. — С. 57.

42

Там же. — С.87.

Там же. — С. 213–216.

Там же. — С. 151–152.

45

Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. https://vk.com/@-167789467-uroki-voiny-s-finlyandieineopublikovannyi-doklad-narkoma-obo

Там же.

47

Там же.

Там же.

Иванов С. В. СБ гордость советской авиации Часть 2 // Война в воздухе. № 65, 2001.

50

Становление аэрофотосъёмки как средства обеспечения боевых действий. http://rusdarpa.ru/?p=14408

51

«Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) № П8/104—ОП от 20 октября 1939 года “Вопросы КО”, помимо прочего, пунктом IV был утвержден следующий вопрос. В целях внедрения ночной фоторазведки предписывалось разрешить Наркомату обороны (НКО) выделить импортный контингент на сумму 100 тысяч рублей “для покупки в Америке ночного аэрофотоаппарата и осветительных фотобомб”. Фотобомбы планировалось закупить в количестве 50 штук. Наркомат внешней торговли (НКВТ) обязывался реализовать этот заказ в IV квартале 1939 года».

После нападения СССР на Финляндию «Рузвельт ввел “моральное эмбарго” на советские сделки с американскими компаниями в сфере аэронавтики: этим компаниям было сказано, что они не должны торговать с СССР. Кроме того, Вашингтон сократил число советских инженеров, которым разрешалось посещать американские заводы, и замедлил поставки товаров, закупленных Москвой.

… советско-американские связи явились очень важными для становления и развития советской военной авиации и авиационной промышленности в 30-х годах. Имеющиеся документы и материалы свидетельствуют о пристальном внимании советского военно-политического руководства к этим контактам. Используя экономические отношения с США, в нашей стране удалось создать комплекс разнообразных технологий для отечественной авиационной индустрии. Целые заводы были оснащены новейшим американским оборудованием. Была приобретена лицензия на производство двигателя Райт “Циклон” и построен моторный завод, который вплоть до начала Второй мировой войны был единственным поставщиком авиационных моторов для наших истребителей. В серийное производство было запущено и получило распространение несколько универсальных типов современных самолетов, как для военных, так и для гражданских целей. В их числе был лучший в мире широко известный пассажирский лайнер Дуглас ДС-3, ставший основным самолетом советской военно-транспортной авиации и “Аэрофлота”.

Хотя не все закупаемые образцы авиационной техники и оборудования получили признание и практическое применение в нашей стране, тем не менее, они явились важным критерием для сравнения отечественных наработок с мировым уровнем развития авиации. Многие советские инженеры получили богатый опыт, а сотрудничество с американскими фирмами вышло на уровень

совместного проектирования различных образцов самолетов.

Таким образом, проанализировав влияние внешнеполитических факторов на развитие советской военной авиации, можно выделить центрального партнера по военно-экономическому сотрудничеству в этой сфере. На протяжении нескольких лет им были США. С началом Второй мировой войны в результате столкновения СССР с Финляндией наша авиационная индустрия лишилась традиционного партнера, несмотря на острую необходимость в поступлении новых технологий и оборудования для начавшейся экстренной модернизации военно-воздушных сил. Так называемое “моральное эмбарго” нанесло серьезный ущерб в самых различных сферах — от срыва совместных конструкторских работ до замораживания поставок станочного оборудования для заводов НКАП. Это причинило серьезный урон обороноспособности СССР, так как советско-американские контакты в области авиации были фактически заморожены на полтора года.

В сложившихся условиях была сделана вынужденная ориентация на закупку в Германии промышленного оборудования и стратегического сырья для отечественной авиационной индустрии, что, однако, не оправдало ожиданий. Ситуация стала меняться лишь после начала Великой Отечественной войны в связи с помощью по программе ленд-лиза».

Степанов А.С. — Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год — первая половина 1941 года). — М., 2009. — С. 222, 251.

52

Баньковский Геннадий Дмитриевич (29.08.1894-15.07.1948)

Генерал-майор авиации. Окончил в 1920 Высшую аэрофотограмметрическую школу. С апреля 1940 — заместитель начальника 2-го Отдела (Разведывательного) Штаба — начальник Аэрофотослужбы ВВС Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны внёс огромный вклад в дело организации воздушной разведки. После войны преподавал в Военно-Воздушной Академии им. Жуковского, профессор. Имеет государственные награды.

Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище (4 уч. 19 ряд). Автор памятника на могиле скульптор Н. Крандиевская.

Баньковский, Геннадий Дмитриевич.

Соч.: Пособие по использованию аэросъемки на море / Г. Д. Баньковский; Науч. ком-т УВВС РККА. — Москва: Авиоизд-во, 1926. — 46.

Матиясевич Л.М. Указ. соч. — С. 78–84.

Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной Войны (1938 — июнь 1941). — М., 2015. — С. 86–89.

55

Военно-аэро-фотограмметрическая школа летом 1941 года переезжает в город Давлеканово, находящийся в Башкирии. 2 августа 1941 года она была переименовано в Давлекановскую военную авиационную аэрофотограмметрическую школу, затем снова в Гомельскую, а 15 мая 1942 года была расформирована. На базе Гомельской военной авиационной аэрофотограмметрической школы и Таганрогской авиашколы было сформировано Военное авиационное училище разведчиков (ВАУР), которое просуществовало до победы. В мае 1945 года училище возвращается на запад в город Кировоград Киевского военного округа, а в апреле 1946 года переезжает в город Красноярск. В 1948 году школа аэрофотослужбы переформировывается в Красноярскую ВАШМ СС. До своего расформирования в 1994 года Красноярская военная авиационная школа механиков готовила радиомехаников для РТО полетов: РСП, РСБН, приводных радиостанций, радиопеленгаторов, аппаратуры системы «Воздух». https://posredi.ru/blog07_26_vozdush_razvedka.html

56

В течение 1941–1942 гг. в академии прошли обучение 57 студентов института. В годы войны они сыграли важную роль в применении и развитии аэрофоторазведки — работали инженерами по фотооборудованию отдельных разведывательных авиаполков и воздушных армий, научными сотрудниками Государственного краснознаменного научно-испытательного института Военно-воздушных сил Красной Армии (ГКНИ ВВС), преподавателями авиаучилища разведчиков, военными представителями на заводах оборонной промышленности.

Матиясевич Л.М. Указ. соч. — С. 78–84.

Н. Дагаев, В. Чернецкий. Тенденция развития организационных форм фронтовой и дальней авиации в годы Великой отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1980. № 10. С. 19.

Аптекарь Павел. Соколы или коршуны? http://www.rkka.ru/analys/aviafin/aviafin.htm

59

Там же.

Степанов А.С. Указ. соч. — С. 408.

61

Дагаев Н., В. Чернецкий. Тенденция развития организационных форм фронтовой и дальней авиации в годы Великой отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1980. № 10. С. 19.

Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 года // Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская компания. — М., 2010. https://readli.net/zimnyaya-voyna-1939-1940-i-v-stalin-i-finskaya-kampaniya/

63

Там же.

Там же.

Степанов А.С. — Указ. соч. — С. 169.

Там же. — С. 170–171.

Там же. — С. 171.

Из протокольной записи № 1 заседания Комиссии ГВС РККА от 4 мая 1940 года (19.00).

«Шапошников: Конструктора работают плохо… Конструктора должны тщательно обрабатывать чертежи и больше шевелить мозгами.

Вороишлов: Что вы, т. Шапошников, предлагаете? Правительством принимались все меры, чтобы заинтересовать конструкторов. Им платили за каждую машину 1,5 млн рублей, т. е. в 1,5 раза больше, чем стоит самолет.

Павлов: Если столько будем платить конструкторам, то у нас машин не будет. Нужно другие методы применить — пожестче».

Далее Ворошилов подытожил обсуждение темы: «Товарищи, которые думают, что мы без дефектов сразу можем построить нужную нам машину, глубоко заблуждаются и напрасно думают, что мы не предъявляем требований к конструкторам. Правительство и мы ставили требования, но конструктора наши требования пока недовыполняют. Теперь много появилось молодых конструкторов (т. Микоян и др.), которые раньше никогда этим делом не занимались, и ясно, что на первых порах будут допускаться ошибки. В области опытного строительства мы стоим на должном уровне». Позже последовала реплика Кулика: «Нужно наших конструкторов заставить крепче работать. Нужно создать комиссию по оценке наших самолетов».

На утреннем заседании 5 мая 1940 года критика в адрес конструкторов звучала еще острее:

«Кулик. Мы идем на поводу у конструкторов, то, что они нам дают, то мы и берем, а мы должны требовать то, что нам нужно Каждый конструктор-феодал, что хочет, то и делает. Они на текущем счету имеют миллионы, а работать не хотят.

Проскуров:…Возьмите историю с ДБ-3. Сколько времени конструировали шасси и перекрытие баков. Ильюшин не только не берет лучшие образцы иностранных армий, но даже достижения наших конструкторов не использует.

Щаденко: Кустарничеством занимается.

Проскуров: Нужно приказывать конструкторам принимать на свои самолеты, уже созданные, те части самолета, которые опытом проверены и показали себя хорошо».

Ворошилов: Тов, Кулик, Вы живете прошлым. Сейчас дело иначе обстоит. Все авиационное руководство промышленности сменено. Поставлены новые люди. Старые методы работы осуждены. Новые люди берутся за работу хорошо. С помощью ЦК

ВКП(б) и т. Сталина все поставлены на ноги. Вчера мы здесь сидели с Вами, а т. Сталин занимался с работниками авиационной промышленности по тем же вопросам. У нас теперь больше машин, чем нужно, и стоят они на уровне самолетов передовых капиталистических стран. Сейчас стоит проблема — это выбрать наиболее лучший образец и пустить в серийное производство. Все, что создано, это результат большой работы коллектива, Правительства, Центрального Комитета и лично т. Сталина Вы, товарищ Кулик, говорите, что нужно предъявить промышленности тактико-технические требования. Если мы сейчас их предъявим, то результаты получим на наши требования не ранее 1943 года, а чем мы должны жить в 1940-м и 1941 году? Мы не гарантированы, что нам [не] придется драться в этом году. Вы же, мой заместитель, должны знать, как этим вопросом занимается Правительство, Центральный Комитет и лично т. Сталин. Возьмите официальные правительственные документы и почитайте, они у нас есть. Ведь то, о чем Вы сейчас говорите, все предусмотрено и на основе этого созданы новые образцы.

Шахурин, нарком авиапромышленности: «Мы в серийной продукции отстали и по скорости, и по типу. Этим вопросом серьезно занимался ЦК ВКП(б). Два месяца серьезно проверяли производство самолетов и моторов. Сейчас приняты решительные меры Центральным Комитетом и Правительством и лично т. Сталиным. Сейчас даже некоторые конструктора заболели. Тов. Кулик. плохо разбирается в авиации. Как видно, не следит за постановлениями ЦК и Правительства. Разговоры о том, что нас тянут конструктора, что существует феодализм, вакханалия в создании самолетов, — неправильные. Нужно всемерно развивать опытное самолетостроение

Мехлис: А конструктора все-таки зажирели.

Павлов: Не заболели конструктора, а саботажничают.

Шахурин: Поликарпова, Архангельского и Ильюшина перехвалили. Между отдельными конструкторами и летчиками существовала спайка, которая мешала двигать вперед самолетостроение. Нет ни одного дня, чтобы т. Сталин не занимался авиацией.

Павлов: Сколько времени М. Каганович обманывал т. Сталина о моторах. Боюсь, что и сейчас некоторые товарищи этим не занялись.

Шахурин: Сейчас Центральный комитет вынес 34 решения по типам самолетов и принял меры по устранению целого ряда недочетов. Было так, что чем дольше испытывалась машина, тем было выгоднее экономически летчику. Машину строили полтора месяца, а испытывали два года. В результате машина старела.

Помогите нам отобрать из имеющихся опытных машин наилучшие образцы. Нам желательно знать, какие из этих машин поставите на вооружение. Сейчас уже имеются все данные, чтобы вести разговоры на этот счет». *Степанов А. С.* — Указ. соч. — 172–173.

69

Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 21 июня 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная. М., 1994. — Т. 13 (2–1). — С. 298–309.

«КАЧЕСТВО МОТОРОВ

Основным тормозом в развитии нашего самолетостроения было низкое качество авиамоторов (а то, что будущая война — это война прежде всего моторов — об этом знали давно).

Авиамоторостроение, как известно, является наиболее наукоемкой и высокотехнологичной отраслью машиностроения. Оно требовало специальных высокопрочных и жаростойких сталей и сплавов, а также высокоточного металлообрабатывающего станочного парка. К сожалению, мы тогда в полной мере всем этим еще не располагали.

С целью ускорения выхода из создавшегося положения был закуплен за рубежом в 1935 году ряд лицензионных моторов для их производства на вновь построенных авиамоторостроительных заводах.

В Рыбинске (завод № 26) с помощью французской фирмы "Испано-Сюиза" выпускался мотор жидкостного охлаждения, получивший у нас наименование М-100 (его модификации М-100А, М-103, М-104, М-105…)

В Перми (завод № 19) с помощью американской фирмы "Райт" выпускался мотор воздушного охлаждения М-25 (М-62, М-63, М-82…).

В Запорожье (завод № 29) с помощью другой французской фирмы "Гном-Рон" выпускался мотор воздушного охлаждения — М-85 (М-86, М-87, М-88А, М-88…)

В Москве (завод № 24) выпускался для боевых самолетов лишь один мотор жидкостного охлаждения — М- 34 (АМ-34Р, РН, ФРН, АМ-35, АМ- 35А…) конструкции А. А. Микулина.

К сожалению, принимаемые руководством страны — меры по запуску и освоению серийного производства современных по тому времени авиамоторов кардинально не исправили положение дел в авиамоторостроении. Наши авиаконструкторы проектировали опытные самолеты под моторы, которых практически еще не было (они находились или в стадии разработки на чертежных досках, или в опытном производстве, а в лучшем случае — в малой серии, но еще не полностью испытанные).

Приведем некоторые примеры

Бронированный штурмовик БШ (Ил-2)* конструкции С. В. Ильюшина проектировался сначала под мотор АМ-34ФРН (1937–1938 гг.), мощность которого оказалась недостаточной, потом проект дорабатывался и самолет строился под более мощный мотор АМ-35 (1939–1940 гг.), который из-за конструктивных

недостатков с производства был снят; затем было решено на самолет установить еще более мощный и высотный мотор АМ-35А (конец 1940 г.); но он для “летающего танка” (так называли Ил-2) был непригоден. И только по решению КО (Комитета Обороны при СНК СССР), принятому в начале января 1941 года, самолет Ил-2 был запущен в массовое серийное производство с более мощным, но со значительно меньшей высотностью (подходящей для штурмовика), мотором АМ-38, который еще находился на стендовых испытаниях (он был построен на базе мотора АМ-35 А).

(* 9 декабря 1940 г. боевые самолеты нового типа получили новые наименования (шифры): БШ-2 — Ил-2; И-301 (констр. Лавочкин, Горбунов, Гудков) — ЛаГГ-1, ЛаГГ-3; И-200 (Микоян и Гуревич) — МиГ-1, МиГ-3; И-26 (Яковлев) — Як-1; пик. бомбардировщик ПБ “100” (Петляков) — Пе-2; дальн. бомбардировщик ДБ-240 (Ермолаев) — Ер-2; ближн. бомбардировщик ББ-1 (Сухой) — Су-2; ближн. бомбардировщики ББ-22 (Яковлев) — Як-2, Як-4 и т. д.). Первый серийный самолет Ил-2 был принят военным представителем на заводе № 18 лишь 21 марта 1941 года. Государственные испытания в НИИ ВВС серийного самолета Ил-2, выпуска завода № 18 к началу войны не были завершены. (А без результатов госиспытаний военное представительство не могло принимать самолеты, поэтому их в частях ВВС в боевом строю к началу войны не было, только 2 самолета было отправлено на испытания и 8 — для переучивания летного состава).

Опытный истребитель И-301, разработанный конструкторами В. П. Горбуновым, С. А. Лавочкиным и М. И. Гудковым (в дальнейшем получил наименование — ЛаГГ-1, ЛаГГ-3) проходил госиспытания в НИИ ВВС в июне 1940 г. По ряду причин он испытания не прошел и был возвращен заводу № 301 на доиспытание и устранение недостатков. Самолет был запущен в серию в ноябре 1940 года. При заводских испытаниях в начале января 1941 года самолет из-за отказа мотора в полете потерпел аварию (был разбит и ремонту не подлежал). Следует отметить, что моторы М- 105П, конструкции В. Климова выходили из строя и заменялись: один ранее на заводских испытаниях, другой — на госиспытаниях.

Первый серийный самолет ЛаГГ-3 был принят военным представителем на заводе № 21 лишь 24 февраля 1941 г. Государственные испытания самолета ЛаГГ-3 первой серии были закончены только за несколько дней до начала войны. На испытаниях было выявлено большое количество существенных конструктивно-производственных и эксплуатационных дефектов. (Поэтому и этих самолетов в строевых частях ВВС было мало —

всего 29 единиц).

В аналогичном положении находились и другие боевые самолеты нового типа, о которых, чтобы не утомлять читателя, мы не будем писать.

Однако коротко хотелось бы дополнить некоторые сведения по авиамоторам, которые, как нам представляется, заслуживают определенного внимания.

При заводских испытаниях на трех опытных самолетах И-200 (МиГ-1) в период март-август 1940 г. 7 раз менялись вышедшие из строя моторы АМ-35. На госиспытаниях 2-х самолетов И-200 в начале сентября 1940 г. тоже вышел мотор из строя, а в начале марта 1941 года при заводских испытаниях произошла катастрофа: на самолете МиГ-3 разбился опытнейший летчик-испытатель А. Екатов. Причиной катастрофы специалисты считали разрушение нагнетателя мотора.

Самолет И-200, как известно, был запущен в серию в мае 1940 г. в период, когда еще проходили только заводские испытания опытных самолетов и мотор АМ-35А, установленный на самолетах, еще не проходил стендовых испытаний.

В мае 1941 г. (за месяц до начала войны) были прекращены летные испытания 10 самолетов МиГ-3 (Люберцы) из-за неудовлетворительной работы моторов, были выявлены серьезные дефекты, небезопасные для полетов.

Не лучше было и с моторами М- 105П на истребителях И-26 (Як-1). При заводских испытаниях 1-го опытного экземпляра весной 1940 года вышло из строя и было заменено 5 моторов.

Вследствие недопоставок моторов план выпуска самолетов-истребителей И-26 (Як-1) 1940 года одним из ведущих заводов НКАП № 292 (Саратов) был сорван. Вместо 100 истребителей завод выпустил всего лишь 16.

На авиамоторостроительном заводе № 26 (Рыбинск), выпускающем моторы М-105П для Як-1 (а также для ЛаГГ-3, Пе-2 и на первые серии Ер-2) были выявлены серьезные дефекты: разрушение коренных подшипников, поломка шестерен редуктора в системе, связанной с воздушным винтом, трещины блоков и другие, вследствие которых заводом даже временно прекращался выпуск моторов.

Подобное положение было и с мотором М-88.

Поэтому не случайно, ни один из моторов, установленных на боевых самолетах нового типа до начала войны не выдержал в полете специальные 50-ти часовые испытания [-моторы работали ненадежно.

В связи с таким бедственным положением с моторами только в 1940 году 6 раз в Комитете Обороны обсуждался вопрос о

нашем авиамоторостроении. (Во всех заседаниях КО принимал участие И. В. Сталин, на одном из которых он заявил, что ведущей промышленностью является моторная промышленность и на нее должно быть обращено все внимание)». *Алексеенко В.И.* Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны. Авиация и космонавтика 2000 № 2

Степанов А.С. Указ. соч. — С. 407.

На Р-5 предполагали установить отечественный двигатель М-13, но доводка двигателя затянулась. В начале 1927 года было принято решение о покупке лицензии на производство немецкого авиационного двигателя БМВ-VI. Эскизный проект Р-5 в ОСС ЦКБ начали разрабатывать в апреле 1927 года. Поликарпов предложил схему полутораплана. Конструкция — из сосны и фанеры, с использованием стали марки М. Обшивка крыльев и оперения из полотна, дюраль применялся только для стоек крыльев и капота мотора. Самолет строился в течение 1928 года на авиационном заводе № 25, куда перевели конструкторское бюро Николая Николаевича Поликарпова. Испытания первой опытной машины начались 19 сентября и продолжились до 5 ноября 1928 года, летал летчик — испытатель Михаил Громов. В ходе испытаний была значительно увеличена площадь хвостового оперения, установлена оборонительная установка ТУР-6. Испытания показали, что самолет в пилотировании прост, устойчив, медленно теряет скорость при сбросе газа, штопор возможен только при скорости 70 км/час или при намеренном вводе, самолет легко выполняет фигуры высшего пилотажа. Испытания Р-5 закончились беспосадочным перелетом из Москвы в Севастополь, который выполнили летчик — испытатель Виктор Писаренко вместе с заместителем начальника ВВС РККА Яковом Алкснисом. Самолет строился большими сериями на заводе № 1. Двигатель на опытном экземпляре был БМВ-VI мощностью 500/680 л. с, в дальнейшем отечественный М-17Б мощностью 500/680 л. с., а с 1934 года двигатель М-17Ф мощностью 500/730 л. с. Вес пустого самолета Р-5 1969 кг, вес пустого самолета с несъемным оборудованием 2169 кг, вес модификации армейского разведчика 2955 кг, легкого бомбардировщика 3247–3347 кг, предельный вес 3800 кг.

Фюзеляж самолета четырехгранного сечения с округленной верхней гранью. Обшивка фанера толщиной от 3 до 2 мм. Сборка на казеиновом клее, железных оцинкованных шурупах и гвоздях. Моторама представляла собой ферму из дуралюминовых коробчатых брусьев, соединенных дугообразной клепаной рамой, и 12 стальных и дуралюминовых стержней, регулируемых по длине. Крылья нормальной двухлонжеронной конструкции. Стойки коробки крыльев дуралюминовые трубы каплевидного сечения с регулируемыми вильчатыми наконечниками. Расчалки профилированные ленты с наконечниками. Хвостовое оперение деревянной конструкции, все ободы крыльев и рулей

дуралюминовые. Управление тросовое, двойное — от летчика и наблюдателя. Шасси с резиновой пластинчатой амортизацией. Колеса первоначально спицевые, с 1933 года дисковые тормозные размерами 900 × 200 мм. Баки из оцинкованного железа, трубопроводы медные, радиатор сотовый выдвижной из латунных тонкостенных трубок фасонного сечения.

Самолеты выпускались сериями по 50 машин, самолеты второй серии имели следующие характеристики — вес пустого 1969 кг, центровка 29,9 % САХ, полетный вес разведчика 2804 кг, центровка 31,5 % САХ, полетный вес бомбардировщика 3084 кг, центровка 37,5 % САХ. Длина самолета 10,56 метра, высота 2,615 метра, размах верхнего крыла 15,30 метра, размах нижнего крыла 11,998 метра, общая площадь крыльев 50,2 кв. метра. Максимальная скорость у земли 218 км/час, 210 км/час на высоте 1000 метров, 195 км/час на высоте 2000 метров, 178 км/час на высоте 3000 метров, 160 км/час на высоте 4000 метров, 150 км/час на высоте 5000 метров,145 км/час на высоте 6000 метров. В варианте бомбардировщика вираж выполнялся за 16,5 сек. Это данные самолета с двигателем М-17 мощностью 615 л.с. и воздушным винтом диаметром 3,35 метра. Самолеты с двигателями БМВ мощностью 680 л.с. имели более высокие летные данные. (Цифровые данные из книги историка авиации Михаила Маслова «“Король истребителей”. Боевые самолеты Поликарпова»).

Морской разведчик Р-5а (другое название — МР-5) с деревянными поплавками. В самолете вдвое увеличили площадь киля и предусмотрели устройство для запуска силовой установки на воде.

Штурмовик Р-5Ш. Самолет, изготовленный в 1931 году, имел очень мощное вооружение.

Торпедоносец Р-5Т одноместный, отличавшийся схемой шасси.

Лимузин Рафаэлянца на базе самолета Р-5. Этот самолет построил в 1931 году на авиационном заводе № 39 конструктор Арам Назарович Рафаэлянц. На месте кабины летнаба оборудовали двухместную пассажирскую кабину, кресла стояли напротив друг друга. Все было прикрыто одним прозрачным фонарем из целлулоида. Подобные кабины называли «лимузинами» — отсюда и название самолета.

Маслов Михаил. «Король истребителей». Боевые самолеты Поликарпова. М., 2013. https://www.libfox.ru/208974-mihail-maslov-korol-istrebiteley-boevye-samolety-polikarpova.html

Тактико-технические данные разведчика Р-Z обр.1935 г.:
Длина — 9,4 м
Размах крыла — 12,2 м
Площадь крыла — 26,8 м. кв
Высота — 3,50 м
Вес пустого — 2186 кг
Вес взлётный — 3200 кг
Скорость максимальная — 316 км\ч
Скорость у земли — 277 км\ч
Скорость крейсерская — 266 км\ч
Дальность — 1000 км
Потолок — 8700 метров
Двигатель — один рядный М-34РН, жидкостного охлаждения, мощностью 820 л.с.
http://aviarmor.net/aww2/aircraft/ussr/r-z.htm

Водяной радиатор сдвинули назад и заключили в обтекатель. Изменили профиль крыла. Фюзеляж укоротили на 800 мм, сделав снизу надставку, придавшую ему овальное сечение. Хвостовое оперение получило иную форму. Между крылом и фюзеляжем появились зализы. Шасси существенно изменило конструкцию и получило масляно-пневматические амортизаторы. Кабину экипажа оборудовали фонарем. Летчика он закрывал целиком, стрелка — только с боков. Козырек фонаря выполнялся из триплекса, остальные его части из целлулоида. У пилота секция фонаря откидывалась вбок, у стрелка-радиста сдвигалась назад. Двигатель М-34РН развивал на высоте 3500 метров мощность 750 л.с., а на взлетном режиме форсировался до 840 л.с. Это вместе с усовершенствованием аэродинамики подняло летные данные, увеличились скорость и скороподъемность, но одновременно ухудшились взлетно-посадочные качества. С началом эксплуатации стали выявляться конструктивные дефекты — гнулись педали у пилота, трескались капоты моторов, бензобаки в верхнем крыле вибрировали и текли. Прогибались стойки центроплана. Было много производственных дефектов — раскалывались бобышки амортизатора костыля, управляемый костыль становился неуправляемым из-за растяжения его пружины. На пробеге это часто приводило к поломке плоскостей. Трескались стаканы амортизаторов, срезало шпильки колес.

76

В 1918 году фирма Eastman Kodak начала производство первого в мире полностью автоматизированного аэрофотоаппарата «К-1». Создание собственного аэросъёмочного оборудования в СССР началось под руководством Михаила Бонч-Бруевича после организации Всероссийского общества «Добролёт» в 1923 году. Первым советским автоматическим аэрофотоаппаратом стал «АФА-13», сконструированный КБ «Всесоюзного Объединения Оптико-Механической промышленности» (ВООМП) в 1934 году.

Самолет оказался в управлении очень тяжелым и недостаточно устойчивым в полете. Зимой 1937 года летчик-испытатель А.Ф. Растригин и ведущий инженер М.И. Таракановский испытали в НИИ ВВС Р-Z на штопор. Причиной для этого был случай невыхода разведчика, управлявшегося летчиком Екатовым, из штопора, в период войсковых испытаний проходивших в Харьковской авиабригаде. Подобный случай был и с заводским летчиком-испытателем Шевченко на другой машине. В заключение НИИ ВВС указывалось, что «штопор на самолете Р-Z АМ-34РН является опасным, по причине запаздывания при выводе и вероятности невыхода из него. Авиазаводу № 1 требуется проверить прочность и жесткость крыльевой коробки и отдельных узлов. Необходимо переделать ручку управления таким образом, чтобы она не зажимала летчика, находясь в крайнем заднем положении». Ко всему прочему, строевые летчики средней квалификации, «избалованные» невысокими посадочными скоростями самолетов-бипланов, выказывали явное недовольство по поводу возросшей посадочной скорости Р-Z. Это одинаково относилось и к самолетам последнего 1937 года выпуска. Постепенно сложилось мнение о «плохом самолете». Конечно, новый разведчик была строгим. Он требовал к себе повышенного внимания при пилотировании. Но для летчиков, хорошо освоивших его, Р-Z был послушным воле пилота, что подтвердила его эксплуатация, особенно в военный период.

ВВС РККА начали отказываться от Р-Z. Завод в ответ усилил конструкцию планера, усовершенствовал кронштейны стабилизатора, башмак киля и систему шасси. Доработанный самолет прошел испытания в НИИ ВВС в августе-сентябре 1938 г. Отзыв НИИ был таков: «Техника выполнения фигур на самолете Р-Зет проста. Самолет в управлении более легок и устойчив, чем Р-5 М-17. Существующие ограничения в пилотаже для самолетов Р-Зет можно снять». Но было поздно. Р-Z в 1937 г сняли с производства. В соответствии с нравами времени, авиаконструктора Д.С. Маркова, на которого свалили неудачу, увез «воронок», и последующие годы конструктор провел в знаменитой «туполевской шараге» — ОКБ-29 НКВД.

http://www.airwar.ru/enc/other1/rz.html

Там же.

Самолет-разведчик ХАИ-5 (Р-10) являлся цельнодеревянным (кроме оперения и элеронов) двухместным монопланом с низкорасположенным свободнонесущим крылом. Первый полёт ХАИ-5 состоялся в конце июня 1936 года. Государственные испытания проводились в период с 29 августа по 24 октября 1936 года на Щелковском аэродроме НИИ ВВС. В бригаду военных испытателей во главе с военинженером 3 ранга Н.С. Куликовым вошли: ведущий летчик старший лейтенант А.К. Долгов, штурман А.М. Бриндинский и летчик облета капитан П.М. Стефановский. Всего было выполнено 117 полётов без каких-либо серьёзных замечаний. Самолёт показал весьма приличные характеристики, вполне устроив военных специалистов. При полной бомбовой нагрузке в 400 кг и полетном весе 2515 кг прототип ХАИ-5 смог развить скорость 388 км\ч на высоте 2500 метров и показал перегоночную дальность 1450 км. Управляемость в полёте и на взлётно-посадочных режимах была оценена положительно. Тем не менее, ХАИ-5 не являлся в полной мере боеспособным самолётом. Вооружение опытного образца признали слабым, а радиостанция не обеспечивалась надежной связи с наземными абонентами. В качестве положительных особенностей отметили кассетный держатель КД-2, рассчитанный на подвеску восьми бомб массой до 50 кг, и фототурель с аппаратом АФА-13. Обстановка вокруг ХАИ-5 осложнялась ещё по одной причине. Его основной конкурент, разведчик ЦКБ-27 (вскоре переименованный в СР и затем в Р-9) конструктора С.А. Кочеригина, поначалу имел хорошие перспективы. Первый опытный образец, поступивший на испытания летом 1935 года, показал максимальную скорость до 460 км/час! Столь впечатляющий показатель был достигнут за счет трех факторов: чистые аэродинамические формы, убираемое шасси и двигатель Gnome-Rhone 9Kdrs «Mistral Major». При этом, по бомбовой нагрузке и составу стрелкового вооружения он был сравним с ХАИ-5. Впрочем, радость от успеха испортил один неприятный нюанс — схема уборки шасси оказалась недоведенной. Чтобы не задерживать процесс доводки самолёта Кочеригин принял решение о замене шасси на неубираемое с обтекателями колес и одновременной установке экранированной турели МВ-2. Второй тур испытаний, проведенных в 1936 году, показал незначительное ухудшение скоростных показателей (447 км\ч максимальная и 380 км\ч крейсерская), что позволило инициировать процесс серийной постройки Р-9 на заводе № 1. Однако, данное предприятие уже было загружено заказами, а в

процессе испытаний выяснилось, что второй прототип разведчика обладает неустойчивостью по всем трём осям. Удалось собрать лишь установочную партию из трех самолётов, которые испытывались в середине 1937 года, но так и не были приняты ВВС. В результате, единственным кандидатом на роль преемника Р-5 остался только ХАИ-5. Специалисты от ВВС также уточняли, что разведчик конструкции Немана обладает более прогрессивной конструкцией и имеет резервы для модернизации. В частности, имелась в виду установка двигателей М-62 или М-63, а также более мощного наступательного вооружения. Заключение о передаче ХАИ-5 в серийное производство под новым обозначением Р-10.

23-го июля 1937 года, вышло постановление правительства о развертывании серийного производства Р-10 помимо Харьковского авиационного завода № 135 на заводе сельскохозяйственного машиностроения «Саркомбайн» в городе Саратове. Более того, именно саратовский завод, недавно переданный авиапромышленности, предполагалось сделать основным по выпуску Р-10. За счет этого в течении 1938 года предполагалось собрать уже 300 машин.

Первый серийный самолёт, наконец-таки доведенный до уровня «эталона», поступил на испытания в феврале 1938 года, отлетав без существенных нареканий к вооружению.

Новая серия испытаний, проведенных с 21 июня по 22 июля 1938 года на аэродроме НИИ ВВС летчиком А.К. Долговым, привела к неутешительным выводам. Серийный разведчик Р-10М-25В с заводским номером 14164 (4\16), оказался тяжелее опытного ХАИ-5 на 163,5 кг, что в совокупности с низким качеством отдельных компонентов конструкции повлекло за собой ухудшение лётных данных. Например, максимальная скорость снизилась до 360 км\ч на высоте 2900 метров. Далее выявили 98 различных дефектов из которых 8 были признаны опасными для полётов, 6 снижали безопасность полётов и остальные 84 затрудняли эксплуатацию. Как следствие, приёмку Р-10 временно приостановили. Чтобы внести окончательную ясность с проблемным самолётом была организована правительственная комиссия во главе с С.В. Ильюшиным. Выехав в Харьков для разбирательств на месте к 30 ноября 1938 года комиссией было выявлено ещё около 100 различных недоработок. В результате, последовало снятие с должности директора завода № 135 и его главного инженера, на место которых назначили специалистов с завода № 22. В декабре 1938 года последовал арест Немана и судьба Р-10, как и его штурмового варианта ХАИ-52, оказалась предрешена. Впоследствии бывший главный

конструктор попал в авиационную «шарагу» под руководством А.Н. Туполева, где с мая 1939 года участвовал в разработке бомбардировщика «58», позднее переименованного в Ту-2. Освободили Немана в июле 1941 года в связи с острой нехваткой авиационных специалистов. Разумеется, что ни о каком продолжении работ над темой Р-10 тогда уже не шло. Тем временем «обезглавленное» ОКО-135 перешло под руководство главного конструктора А.А. Дубровина, который приложил массу усилий для доработки Р-10. Надо отдать должное — его старания, как и работа всего коллектива, не пропали зря. Окончательно устранение дефектов произошло в апреле 1939 года, после чего производство Р-10 было возобновлено. Хотя обновленный план строительства предусматривал сокращения выпуска в 1938 году до 200 машин, удалось собрать не более 100. Зато качество продукции заметно повысилось. Параллельно внесли ряд улучшений. Так, на самолёте 11\10 была произведена установка протектированных баков и бронированного сиденья пилота, а на модернизированном самолёте 2\14 (с двигателем М-25), за счет конструктивных улучшений, удалось достичь максимальной скорости 379 км\ч.

Вступление в строй разведчиков Р-10 проходило более гладко, чем его испытательные циклы. После 20-й эскадрильи ими была перевооружена 24-я ораэ, также входившая в состав 43-й авиабригады.

По состоянию на 1 января 1939 года в них насчитывалось 25 разведчиков, часть из которых имела налёт в несколько сотен часов без единой поломки, но с конца 1940 года Р-10 стали заменять на бомбардировщики Су-2 (бывший ББ-1). Впрочем, с остальными серийными Р-10 было не всё так идеально. Перед вторжением в Польшу было выяснено, что на аэродромах Ленинградского военного округа скопилось около 150 Р-10, которые простаивали в ожидании устранения дефектов. Авральными темпами часть машин удалось вернуть в строй прямо на месте, а другую часть отправили в Западный ОВО, где ими занимались полевые ремонтные бригады. В сентябрьских боях 1939 года применение Р-10 против польских войск носило эпизодический характер (хотя и без потерь), но впоследствии большинство самолётов вновь оказалось прикованными к земле из-за технических неисправностей. Также совсем немного летали разведчики во время Зимней войны с Финляндией. Полкам, оснащенным Р-10, предстояло действовать над «линией Маннергейма», но в период с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года лётная погода стояла только 24 дня. Правда, боевых потерь среди разведчиков снова не было, а эксплуатация в 30-градусные

морозы и снежные бураны проходила без особых происшествий.

В последний предвоенный год достаточно много Р-10 было передано учебной авиации. В частности, их использовали в авиационных школах в Василькове, Мелитополе, Ворошиловграде, Одессе, Полтаве и в Чугуевском военном авиационном училище летчиков. Небольшое количество Р-10 также находилось в авиации пограничных войск НКВД на границе с Германией и Румынией, при этом экипажи для них готовило авиационное отделение 2-й Объединенной пограничной школы НКВД в Харькове.

В 1938 году была попытка создать на основе Р-10 самолет-штурмовик. Таким образом появились модификации ХАИ-51, а также ХАИ-52, который запустили в серийное производство. Но арест И.Г. Немана и разгром его КБ стали причиной для свертывания работ по данному перспективному самолету. Некоторое количество самолетов-разведчиков Р-10 находились на вооружении до 1943 года (по некоторым данным — до 1944 года, но уже в основном в качестве учебных).

Неман Р-10 Ближний разведчик-бомбардировщик

Источник: http://aviarmor.net/aww2/aircraft/ussr/r-10.htm

80

Там же.

«СБ» представлял собой двухмоторный цельнометаллический моноплан со среднерасположенным крылом, однокилевым оперением и убирающимся шасси. Изначально разрабатывались 2 варианта с разными двигателями: АНТ-40РЦ с 9-цилиндровыми моторами воздушного охлаждения «Райт» «Циклон» и АНТ-40ИС с 12-цилиндровыми моторами жидкостного охлаждения «Испано-Сюиза» HS 12Y.

Второй вариант отличался крылом увеличенного размаха и площади, дабы избежать увеличения удельной нагрузки на крыло, вызванной установкой более тяжелых двигателей.

Разработка нового бомбардировщика и постройка опытных экземпляров велись довольно быстро. Испытания АНТ-40РЦ начались 7 октября 1934 г., 30 декабря был облетан АНТ-40ИС. Последняя машина показала гораздо более высокие летные данные, и именно её приняли к серийному производству. Соответствующее решение последовало уже 22 февраля 1935 г., несмотря на недоведенность вооружения, системы охлаждения двигателей, недостаточную продольную устойчивость и эффективность элеронов. До запуска в производство в проект АНТ-40 внесли ряд изменений, в частности, кардинально изменив профиль крыла. Серийные машины комплектовались моторами М-100 (и их более поздними модификациями) — лицензионным вариантом «Испано-Сюизы».

Летно-технические характеристики скоростного бомбардировщика СБ-2М-100

Двигатели: М-100
мощность, л.с. 750
Размах крыла, м.: 20,33
Длина самолета, м.: 12,27
Высота самолета, м.: 4,39
Площадь крыла, кв. м.: 56,7
Масса, кг:
пустого самолета: 4768
нормальная взлетная: 5628
Максимальная скорость, км/ч.: 393
Практический потолок, м.: 9000
Дальность полета, км.: 2190

Основные модификации самолётов СБ

СБ 2М-100 — двигатели М-100 (750 л. с). Стрелковое вооружение — 4 7,62-мм пулемета ШКАС (2 в носовой установке с ограниченными углами обстрела по горизонтали, 1 на верхней

турели, 1 в нижней люковой установке). Масса бомбовой нагрузки — 600 кг. Экипаж — 3 чел.

СБ 2М-100А — двигатели М-100А (860 л. с). Вооружение, бомбовая нагрузка и экипаж соответствуют СБ 2М-100. Выпускался с 1937 г.

СБ 2М-103 — двигатели М-103 (960 л. с). Выпускался с 1938 г. В процессе производства внесен ряд изменений: установлены бомбодержатели под центропланом, что позволило поднять максимальную массу бомбовой нагрузки до 1500 кг; введены более совершенные верхняя и нижняя стрелковые установки; во второй половине 1939 г. введены модифицированные мотоустановки с моторами М-ЮЗУ и М-ЮЗА и туннельными радиаторами вместо лобовых. В 1939 г. некоторое количество самолетов выпущено с подкрыльевыми узлами подвески для 132-мм НАР РС-132.

СБ 2М-104 — двигатели М-104 (900 л. с). В марте-апреле 1940 г. выпущено 53 машины, дальнейший выпуск прекратили в пользу варианта с моторами М-105.

СБ 2М-105 — двигатели М-105 (1050 л. с). Вооружение соответствует поздним СБ 2М-103. Выпускался во второй половине 1940 г. и начале 1941 г. Завод № 22 построил примерно 150 самолетов, некоторое количество изготовлено заводом № 125.

УСБ — учебный вариант с кабиной инструктора, оборудованной на месте штурманской. Выпускался с 1938 г. с двигателями М-103.

ПС-40 и ПС-41 — пассажирско-грузовые гражданские самолеты на базе, соответственно, СБ 2М-100А и СБ 2М-103.

В-71 — вариант для Чехословакии. Установлены двигатели чехословацкого производства «Авиа» HS 12Ydrs (860 л.с.) и пулеметы обр. 34 (3 — по 1 в носовой установке, верхней турели и нижней установке). Поставлен 61 самолет из СССР (3 в 1937 г. и 58 в апреле-июне 1938 г.), ещё 111 изготовлено по лицензии. Выпуск продолжался до середины 1940 г. и завершился уже во время германской оккупации.

Новый бомбардировщик Пе-2, ставший в наших ВВС основной фронтовой машиной, имел солидное превосходство над СБ по скорости и в целом был менее уязвим от вражеских истребителей. СБ старались применять ночью, когда истребителям противника сложнее их обнаружить и атаковать. В то же время СБ имел существенно большую бомбовую нагрузку, чем Пе-2. Кроме того пилоты считали СБ более простым и удобным в пилотировании, в сравнении с преемником.

http://www.airaces.ru/plane/voennye-samoljoty-sssr/sb.html

https://topwar.ru/80330-skorostnoy-bombardirovschik-sb-chast-ii-samolet-soldat.html

СБ: медлительный «скоростной бомбардировщик».
http://alternathistory.com/sb-medlitelnyj-skorostnoj-bombardirovshhik/

83

Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной Войны (1938 — июнь 1941). — М., — 2015. — С. 86–89.

Маслов М.А. Боевое применение самолетов. Фотооборудование и средства разведки.

https://projectrussia.ru/boevoe-primenenie-samoletov-fotooborudovanie-i-sredstva-razvedki.html

Яковлев А. С. Цель жизни. — М., 1973. — С. 165.

Там же.

Маслов М.А. Боевое применение самолетов. Фотооборудование и средства разведки.

https://projectrussia.ru/boevoe-primenenie-samoletov-fotooborudovanie-i-sredstva-razvedki.html

88

К 1941 г. на вооружении Военно-Воздушных Сил имелись самолетные радиостанции: для истребительной авиации — радиостанция РСИ, для разведывательной — РСР, для бомбардировочной РСБ— 3бис.

Радиостанция «РСР» (радиостанция самолета-разведчика) была принята на вооружение в 1939 г. и предназначалась для двухсторонней связи самолетов разведывательной и бомбардировочной авиации с наземными радиостанциями и между самолетами. В комплект радиостанции входили: передатчик «РСР-М», приемник «РСР-1», пульт управления с телеграфным ключом, блок антенных вариометров, умформеры «РУК-150А» и «РУ-11А», выносной антенный прибор. Радиостанция использовалась на самолетах «Ли-2НБ» и «Су-2». Она могла работать на высотах до 12 км. Известна модификация «РСР-2бис» (принята на вооружение в 1940 г.), которая имела ряд конструктивных улучшений и устанавливалась на самолетах Ли-2. ТТХ станции: диапазон частот 3,3 — 12 МГц; дальность действия — до 2 тыс. км; выходная мощность –60 Вт; питание — от бортсети напряжением 26В; масса –33 кг.

Маслов М.А. Боевое применение самолетов. Фотооборудование и средства разведки.

https://projectrussia.ru/boevoe-primenenie-samoletov-fotooborudovanie-i-sredstva-razvedki.html

Якубович Николай. Як-2/Як-4 и другие ближние бомбардировщики Яковлева М., 2015.
https://arsenal-info.ru/b/book/1742567161/4

91

11 января 1941 г. Министерство авиации разместило заказ на фирме «Де Хевилленд» на постройку одной опытной и 19 серийных машин варианта «разведчик», получивших официальное обозначение «Москито» PR. Mk. I. За лето 1941 г. удалось выполнить весь комплекс испытаний разведчика, включая и отладку фотоустановки. Как правило, последняя включала два-три плановых аппарата (F.24, F.52 или К-17) и один перспективный типа F.24. Состав фотоустановки варьировался в зависимости от характера задания. Наиболее широко распространенным был вариант с одной фотокамерой К-17 (фокусное расстояние 152 мм) в бомбоотсеке, одной сдвоенной камерой F.52 (фокусное расстояние 504 или 915 мм) позади задней кромки крыла и «356-миллиметровым» перспективным аппаратом F.24, ориентированным влево вниз. Сдвоенные аппараты F.24 и F.52 имели по паре объективов, установленных с небольшим углом раствора, что позволяло расширить полосу захвата, а также получить стереоскопическое изображение 60 % отснятой местности. Качество фотографирования с высоты 7200 м с использованием «915-миллиметровых» F.52, оказалось настолько хорошим, что специалисты сумели по снимкам установить даже кодовые буквы на плоскостях корабельных самолетов германского крейсера «Принц Ойген».

Первое время фундаменты для установки фотоаппаратов изготовляли из стали, но позднее перешли на деревянные, поскольку оказалось, что они ослабляют вибрации от работающих моторов. Нормальная взлетная масса «Москито» PR.I составляла 8790 кг. С двумя моторами «Мерлин» 21 самолет на второй расчетной высоте развил максимальную скорость 618 км/ч. Летом 1941 г. эта машина по скорости во всем диапазоне высот превосходила новейший германский истребитель Bf 109F-2, не говоря уже о любой модификации «Эмиля» (Bf 109E). Английские ВВС получили великолепный разведчик, на долгие годы ставший «зубной болью» для ПВО рейха. К середине сентября в составе 1 PRU (Photographie Reconnaissance Unit — отряд фоторазведчиков) имелось уже пять разведывательных «Москито».

Четыре самолета в первой партии были построены в варианте «дальних разведчиков» с увеличенным объемом бензиновых баков. Общее количество топлива у этих машин достигло 3170 л. Дополнительные баки не имели протекторов, поэтому горючее из них вырабатывалось в первую очередь.

Боевое крещение «Москито»-разведчика состоялось 17

сентября 1941 г. В этот день самолет W4055 под управлением командира эскадрильи Р.Клерка стартовал с задачей сфотографировать район франко-испанской границы, где английские агенты обнаружили подозрительные перемещения якобы немецких войск. Задание не было выполнено, поскольку в районе цели отказал генератор, к тому же барахлил и указатель скорости. После посадки причина неисправности указателя быстро выяснилась: в приемник воздушного давления попала… пчела. Зато Клерк и его навигатор сержант Соувербутс с большим удовольствием рассказывали товарищам о трех безуспешных попытках перехвата их машины «мессерами». «Они преследовали нас с тем же успехом, с каким полудохлые дворняги могут гоняться за породистой гончей», — утверждал Соувербутс.

БОМБАРДИРОВЩИК DE HAVILLAND DH.98 MOSQUITO https://hisofweapons.ucoz.ru/

Mosquito PR Mk I. Было построено 10 машин этой серии, впоследствии они были переоборудованы в B Mk IV серии 1. Отличались двигателями «Мерлин» 21, размахом крыла 16,51 м, короткими мотогондолами и размахом хвостового оперения 5,93 м. Самолёт оснащался тремя вертикальными и одной панорамной камерой. Первый боевой вылет был совершен 17 сентября 1941. Максимальная скорость: 615 км/ч. Крейсерская скорость: 410 км/ч. Практический потолок: 11 000 м. Дальность полёта: 4040 км. Скороподъёмность: 870 м/мин.

Mosquito PR Mk IV. 32 машины было переоборудовано из B Mk IV серии 2. Первый боевой вылет был совершён в апреле 1942 г.

Mosquito PR Mk VIII. Эта модификация в количестве 5 машин была переоборудована из версии PR Mk IV. На них установили двигатель «Мерлин» 61. Первый полёт был совершен 20 октября 1942 года. Максимальная скорость: 702 км/ч. Крейсерская скорость: 475 км/ч на высоте 6000 м и 560 км/ч на высоте 9000 м. Практический потолок: 12 000 м. Дальность полёта: 4720 км. Скороподъёмность: 760 м/мин.

Mosquito PR Mk IX. Первый полёт этой модификации совершен в апреле 1943 года. Самолёты оснащались двигателями «Мерлин» 72/73 или 76/77. Разведчик мог нести два подвесных топливных бака ёмкостью 230, 450 или 910 литров каждый. Всего построено 90 таких машин.

Mosquito PR Mk XVI. Основными отличиями данной модификации стали герметичная кабина и дополнительными баками на 3500 л, размещавшимися в бомбоотсеке. Самолёты оснащались двигателями «Мерлин» 72/73 или 76/77. Всего было построено 435 самолётов этой модификации. Максимальная

скорость: 668 км/ч. Крейсерская скорость: 400 км/ч. Практический потолок: 11 700 м. Дальность полёта: 4540 км. Скороподъёмность: 884 м/мин.

Mosquito PR Mk 32. Это серия из 5 модернизированных PR Mk XVI, на которые был установлен двигатель «Мерлин» 113/114. Первый полёт совершён в августе 1944 года.

Mosquito PR Mk 34 и 34A. С самолёта убрали всё вооружение и защиту, что позволило разместить в бомбоотсеке 5420 литров топлива, а также по 910 литров в двух подвесных баках. Установлены двигатели «Мерлин» 114. Дальность полёта выросла до 5800 км при скорости 480 км/ч. Максимальная скорость: 539 км/ч на уровне моря и 684 км/ч на высоте 9100 м. Разведчики оборудовались четырьмя вертикальными камерами F52 и одной F24. Всего построен 181 самолёт этой модификации, из них 50 на заводе «Персиваль» в Лутоне.

Mosquito PR Mk 41. 28 самолётов было переоборудовано из FB Mk 40. Идентичны PR Mk IX, но оборудованы двигателями «Паккард» 69.

De Havilland Mosquito.
https://ru.wikipedia.org/wiki/De_Havilland_Mosquito

92

Там же.

Маслов М.А. Боевое применение самолетов. Фотооборудование и средства разведки.

https://projectrussia.ru/boevoe-primenenie-samoletov-fotooborudovanie-i-sredstva-razvedki.html

Там же.

Як-2 характеристики:
Модификация Як-2
Размах крыла, м 14.00
Длина, м 9.34
Площадь крыла, м2 29.40
Масса, кг
пустого самолета 4000
нормальная взлетная 5380
Тип двигателя 2 ПД М-103 (до декабря 1940 г. ББ-22)
Мощность, л.с. 2 х 960
Максимальная скорость, км/ч 515
Практическая дальность, км 800
Скороподъемность, м/мин 650
Практический потолок, м 8900
Экипаж 2-3
Вооружение: один 7.62-мм пулемет ШКАС
до 900 кг бомб
В 1940 г. изготовлено 111 самолетов Як-2.
https://avia.pro/blog/yak-2

Як-4 характеристики
Модификация Як-4
Размах крыла, м 14.00
Длина, м 10.18
Площадь крыла, м2 29.40
Масса, кг
пустого самолета 4000
нормальная взлетная 5845
Тип двигателя 2 ПД М-105
Мощность, л.с. 2 х 1100
Максимальная скорость, км/ч 574
Крейсерская скорость, км/ч 545
Практическая дальность, км 960-1200
Скороподъемность, м/мин 920
Практический потолок, м 9500-10000
Экипаж 2
Вооружение: два-три 7.62-мм пулемета ШКАС 400–800 кг бомб
https://avia.pro/blog/yak-4;

Проект «Полевого устава РККА (ПУ-39)».
https://massolit.top/book/polevoj-ustav-rkka-pu-39

Там же.

Военная разведка России. — М., 2012. — С. 364.

100

Расторгуев Н.В., полковник. Воздушная разведка в годы Великой Отечественной войны // Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). — Москва, 1986. — С. 106–110.

101

Интервью с ветераном Великой Отечественной войны Шейнкман Яков Михайлович — Летчики-бомбардировщики. — Я помню. Интервью и лит. обработка: *Г. Койфман*. https://iremember.ru/memoirs/letchiki-bombardirov/sheynkman-yakov-mikhaylovich/

Расторгуев Н.В. — Указ. соч. — С. 106–110.

Военная разведка России. — М., 2012. — С. 364.

Хазанов Д.Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. — М., 2006. — С. 45.

105

Разведывательная авиация. Воздушная разведка. https://avia.pro/blog/razvedyvatelnaya-aviaciya

106

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

О задачах ВВС Красной Армии в связи с большой аварийностью

№ 0200 28 августа 1940 года

С 1 по 10 августа 1940 г. моими заместителями были проверены 28 авиационных полков. Проверкой были охвачены авиационные части Прибалтийского, Западного, Киевского, Одесского, Закавказского, Северо-Кавказского и Забайкальского военных округов.

Проверка была произведена с целью выяснить причины недопустимо высокой аварийности в частях ВВС Красной Армии. Установлено, что основными причинами, порождающими аварийность, являются:

1. Чрезвычайно низкая дисциплина, расхлябанность и неорганизованность в частях ВВС Красной Армии. В результате слабого контроля приказы, уставы и наставления по производству полетов, регламентирующие летную работу, твердо и последовательно не выполняются…(Здесь и далее в документе опущено описание конкретных примеров нарушений уставов и наставлений по производству полетов по авиационным частям и наказаний ответственных лиц. — *М.А.*)

Большое количество пьянок с дебошами, самовольные отлучки и прочие аморальные проступки, несовместимые со званием командира, красноармейца, характеризуют низкое состояние дисциплины и порождают аварийность.

2. Постановка учебно-боевой подготовки во многих полках неудовлетворительная.

Планирование боевой подготовки производится «вне времени и пространства», что является следствием незнания подготовленности эскадрилий и ведет к постановке непосильных и нереальных задач.

В эскадрильях до сих пор не научились индивидуально подходить к летчику — ставить задачи в соответствии с его подготовкой, в результате чего происходят аварии и катастрофы.

Командующие ВВС округов не поняли необходимости последовательного обучения частей…

3. Штурманская подготовка в большинстве частей, и особенно в истребительных, находится на низком уровне.

Знание основ навигации слабое. Происходит чрезмерно большое количество потерь ориентировки, в том числе и у руководящего командного состава.

4. Как массовое явление — плохое знание материальной части летным и техническим составом. Летчики и часть командиров слабо знают данные своего самолета и мотора.

Летчики, не зная материальной части, боятся контролировать работу технического состава.

Командиры частей и подразделений, сами не зная материальной части самолета и мотора, не требуют и не проверяют знания подчиненного им состава.

Прием самолета летчиком от техника, как требует приказ НКО № 93, не организован превращен в формальность; в результате этого гибнут люди и материальная часть…

В одном полку ЗапОВО обнаружена книга приема и сдачи самолетов, в которой за десять дней вперед летчик расписался за принятую машину.

Техническая учеба развернута слабо, а в ряде полков ее нет в течение всего лета, что приводит к плохому состоянию материальной части, к вылету без горючего, с неснятыми струбцинками, незнанию, как аварийно выпустить шасси и как переключить краны бензобаков.

5. Большое количество поломок, аварий и катастроф происходит при взлетах и посадках самолетов. Это говорит о том, что важные элементы техники пилотирования, взлет и посадка у молодых летчиков не отработаны.

6. Проверка техники пилотирования поставлена плохо, проводится нерегулярно и не в сроки, указанные № 69 НПП-38.

Просмотр летных книжек показал, что ошибки, отмеченные при поверке техники пилотирования, не устраняются, а только фиксируются, т. е. сознательно происходит самое возмутительное безобразие, когда летчик с известными и неустраненными ошибками продолжает летать на более сложное задание, с ним не справляется, повторяет ошибки, бьет самолет и гибнет сам.

7. В частях ВВС на должностях командиров полков, эскадрилий и звеньев находятся командиры, не имеющие достаточного опыта в руководстве частями и подразделениями.

Командиры звеньев не имеют инструкторско-методического опыта, не умеют показать и научить своего подчиненного.

Командующие ВВС округов, командиры дивизий и полков не поняли необходимости особо учить и воспитывать кадры, а предоставили их самим себе. Это приводит к тому, что командир звена и эскадрильи не знает, как строить работу, допускает ошибки, порождающие аварийность.

Приведенные причины, порождающие аварийность, не могут оставаться в частях ВВС и должны быть искоренены самыми решительными мерами. Командиры дивизий (бригад) в первую

очередь ответственны за наведение порядка и дисциплины в авиачастях.

Не желающие понять необходимость дисциплины, выполнения приказов, уставов и наставлений должны быть изъяты из частей ВВС Красной Армии.

Приказываю:

I. По летной подготовке

1. Военным советам округов и командующим ВВС добиться в кратчайший срок полного выполнения приказов, уставов и наставлений, определяющих требования в боевой подготовке и дисциплины Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

2. Запрещаю переход к следующему упражнению экипажа звена и эскадрильи, не отработав полностью предыдущего упражнения и не получив по нему оценку.

3. Командирам дивизий и полков пересмотреть уровень подготовки каждого экипажа, звена, эскадрильи и своими приказами допустить их в соответствии с подготовкой к выполнению последующих упражнений, программ боевой подготовки.

4. Программы летной подготовки по переучиванию летчиков на скоростном самолете, техники пилотирования на боевом самолете, слепой и ночной подготовки выполнять последовательно и полностью, без изменений и сокращений.

5. В каждой эскадрилье составить планы проверки техники пилотирования, в соответствии с сроками, определенными Наставлением по производству полетов (§ 69), и строго их соблюдать.

6. Одновременно с регулярной поверкой техники пилотирования у всех летчиков проверять знания материальной части, и особенно ее эксплуатацию, теорию полета и НПП.

Поверка должна определять знания и подготовленность летчика для прохождения последующих упражнений программ боевой подготовки.

7. Установить систему экзаменов по дисциплинам боевой подготовки. Экзамены проводить: для экипажей — один раз в три месяца; для командиров звеньев и выше — один раз в четыре месяца. Рядовые экипажи и командиры звеньев проверяются комиссией, назначенной приказом командира дивизии.

Результаты проверок с оценками объявлять в приказах. Не сдавшие зачетов к полетам не допускаются до сдачи зачетов не ниже как на «хорошо».

П. По штурманской подготовке

1. Категорически запретить выпуск во внеаэродромный полет и перелет экипажей, не подготовленных к совершению полетов в

данных условиях погоды и местности, без наличия правильно подготовленных карт, расчетов и положенных предметов штурманского оборудования и снаряжения.

2. Установить персональную ответственность проверявшего штурманскую подготовку наравне с непосредственным виновником каждого случая нарушения Наставления по штурманской службе и потери ориентировки.

3. В приграничных округах особо тщательно проверять знание летным составом государственной границы, а в военное время линии фронта, с обязательным точным нанесением их на полетные карты.

4. Строго соблюдать последовательность в летной подготовке по штурманской службе и не допускать к полетам в сложных условиях неподготовленные экипажи.

5. Начальнику ГУ ВВС Красной Армии предусмотреть в Положении о прохождении службы в частях ВВС увеличение срока выслуги лет до очередного военного звания штурманам и летчикам за потерю ориентировки.

III. По огневой подготовке

1. Подготовку по воздушным стрельбам и бомбометанию проводить в соответствии с требованием приказов [НКО] № 120 и начальника ГУ ВВС Красной Армии № 121 1940 г.

2. В частях, имеющих фотокино-пулеметы, учебный воздушный бой, проведенный без применения фотокино-пулемета, не засчитывать. Все заснятые фильмы хранить и предъявлять инспектирующим частям.

Командир полка отвечает единолично за полное использование фотокино-пулеметов.

3. До 1.10.40 г. привести в порядок и исправное состояние всю тренировочную аппаратуру по стрелковому делу и бомбометанию, использовав ее для тренировки и подготовки к полетам.

IV. По командирской учебе

Занятия по тактике, огневой подготовке, теории полета в эскадрильях проводить только командирам эскадрилий, их помощникам, а в полковой группе — командирам полков, их помощникам и начальникам штабов полков.

Командирам дивизий и полков, используя командиров своего штаба, не реже одного раза в два месяца проводить в эскадрильях и полковых группах тактические занятия с целью показа методики и проверки подготовки эскадрилий в тактическом отношении.

V. Разборы полетов

1. После полетов двух и более эскадрилий с одного

аэродрома разбор полетов проводить командиру полка. Разбор полетов проводить на другой день полетов после тщательной подготовки.

На разбор привлекать не только летный состав, но и всех командиров, обеспечивающих полеты.

2. Старший командир, присутствующий на полетах, немедленно устраняет все недостатки и нарушения, выявленные им; он обязан быть на разборе и сделать свои указания.

VI. Техническая подготовка

1. С получением приказа организовать занятия с летным и техническим составом по изучению материальной части своего самолета, мотора и принять зачеты, в первую очередь от командиров полетов, эскадрилий, звеньев и соответственно у технического состава.

2. Проверить и привести в порядок к 15.9.40 г. формуляры самолетов и моторов и впредь не запускать их.

3. Работы на самолете и моторе, определенные соответствующими регламентами по данному типу, проводить полностью, не допуская никаких отступлений и обязательно заносить в формуляры произведенную работу.

VII. Боевая готовность

1. Командирам дивизий пересмотреть планы боевых тревог и провести в гарнизонах необходимые переселения летного и технического состава с целью сокращения сроков оповещения и сбора личного состава по тревоге.

2. Составить планы взаимодействия со средствами ПВО и отработать практические взаимодействия.

VIII. Начальнику ГУ ВВС Красной Армии

1. На 1941 год переиздать программы и курсы боевой подготовки ВВС. В программах особое внимание уделить одиночной подготовке экипажа.

2. Провести по округам сборы командиров полков в период с 10.11 по 10.12.40 г. с задачей обучения методике, организации проведения занятий и планирования боевой подготовки.

3. Представить к 1.10.40 г. проект организации штатных курсов командиров звеньев при авиадивизиях.

IX

Инспекторов по технике пилотирования, как снижающих своей работой ответственность за основной вид летной подготовки с командиров полков, из штатов полков исключить, оставив инспекторов техники пилотирования в дивизиях (бригадах) ВВС округов и армий.

С получением настоящего приказа, по представлению командира полка, приказом командира дивизии прекратить

выдачу бесплатных завтраков, обедов, диетпайков и скоростных надбавок летчикам, летнабам и техникам, отстраненным от полетов и работы на самолете по разным причинам и не несущим фактически летную работу, независимо от сроков отстранения.

XI

Военным советам округов по представлению командующих ВВС округов (армий) пересмотреть летный и технический состав, непригодный к службе на летных и технических должностях, и дать свои предложения к 1.10.40 г. через начальника ГУ ВВС Красной Армии о порядке их дальнейшего использования, учитывая возможность назначения их в части ПВО, ВНОС и наземные войска округов…

XIV

Уверен, что весь личный состав Военно-Воздушных Сил Красной Армии проникнется глубоким сознанием необходимости поднять мощь и силу нашей авиации, что командиры ВВС всех степеней поймут огромные задачи, стоящие перед нашими авиачастями, и приложат все усилия к устранению отмеченных выше недочетов, дабы сделать наши Военно-Воздушные Силы могучими, организованными, дисциплинированными, готовыми к борьбе с любым врагом. Ограничения полетов, установленные директивой № 02978, отменяются.

XV

Приказ разъяснить всему начсоставу ВВС Красной Армии.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза……. С. Тимошенко».

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937-21 июня 1941 г. — М., 1994. — С. 170–174.

107

Там же. С. 266–270.

108

Там же.

109

Дата 6 мая 1941 года считается началом образования разведывательного отдела штаба ВВС КА как самостоятельного центрального органа разведки Военно-воздушных сил, который в декабре 1943 года был преобразован в Разведывательное управление ВВС. Первым руководителем разведки в 1941–1945 годах был генерал-лейтенант авиации Дмитрий Давыдович Грендаль.

110

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940-21.6.1941). / Пер. с нем. И. Глаголева и Л. Киселева под ред. и с пред. п-ка Д. Проэктора. — М., 1969. — С. 375–376.

111

Там же. — С. 376.

112

Из годового отчета штаба 6-й воздушной армии от 21 июля 1942 г. «О боевой деятельности военно-воздушных сил Северо-Западного фронта за период с 22.6.41 г. по 1.7.42 г.». См. Выпуск 34. Опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 34.

113

Из отчета командующего военно-воздушными силами Западного фронта за 1941 г. о состоянии военно-воздушных сил фронта и боевых действиях за восемь дней войны. См. Выпуск 35. Опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 35.

114

Доклад командующего Военно-воздушными силами Юго-Западного фронта командующему Военно-воздушными силами Красной Армии от 21 августа 1941 г. о боевых действиях Военно-воздушных сил фронта за период с 22 июня по 10 августа 1941 г. См. Выпуск 36. Дата создания: 21 августа 1941 г, опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 36.

Гальдер Ф. — Указ. соч. — С. 378–383.

Алексеенко В.И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны // Авиация и космонавтика. 2000. № 2.

117

Алексеенко Василий Иванович. 1914–2007.

Инженер, летчик-испытатель 1 класса, инженер-подполковник.

Родился 31 января 1914 в д. Софиевка Витязевского района Кировоградской области, Украина.

В рядах ВВС РККА с 1934, окончил инженерный факультет ВВА им. Жуковского в 1939 г., военный инженер-механик ВВС.

С 1939 — инженер НИИ ВВС. Ведущий инженер И-153 М-62.

Участник Великой Отечественной войны. С июля 1941 по ноябрь 1942 — старший инженер 402-го ИАП.

С июля 1942 продолжил службу в НИИ ВВС. Ведущий инженер — руководитель бригады по испытаниям истребителей С.А.Лавочкина, А.И.Микояна и М.И.Гуревича. Как инженер провел более 50 испытаний и исследований самолетов-истребителей: И-220 АМ-39 (1944), Ла-7, 130 (Ла-9).

В 1945 окончил школу летчиков-истребителей. Как летчик-испытатель освоил и испытал около 50-ти типов самолетов, в том числе 9 реактивных.

С 14 ноября 1959 — в запасе.

Опубликовал работы по истории авиации и авиационной техники.

Умер в 2007.

Награжден орденом Красного Знамени (30.12.1956), орденами Отечественной войны I-й (20.09.1947) и II степени (01.07.1944, 06.05.1987), орденом Красной Звезды (15.11.1950), медалями.

TestPilot.ru›base/2014/04/alekseenko-v-i/

Алексеенко В.И. — Указ. соч.

119

Состав экипажа военного самолета. Нормы работы.
https://avia.pro/blog/sostav-ekipazha-voennogo-samoleta

Алексеенко В.И. — Указ. соч.

121

Радиомаячная и радиопеленгаторная служба Германии еще в мирное время располагала хорошо развитой сетью аэродромных радиостанций, радиомаяков, радиопеленгаторов, светомаяков и аэродромов, оборудованных для ночных полетов и полетов днем в сложных метеоусловиях — аппаратурой слепой посадки.

Особо тщательно были оборудованы линии воздушных переброс ок.

Вся сложная сеть радиостанций, радиопеленгаторов, приводных станций и светомаяков все время широко и без труда использовалась летным составом Люфтваффе при переброс ках и боевых вылетах. Так, в войну при налетах на Москву использовались радиомаяки Орши и Варшавы, радиоволны и позывные менялись 2–3 раза в сутки.

Алексеенко В.И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны // Авиация и космонавтика. 2000. № 2.

С этой целью в конструкции самолета был предусмотрен ряд автоматов, облегчающих работу летчика, например:

1) при открытии воздушных тормозов на пикирующем бомбардировщике Ю-88 самолет автоматически входит в пикирование, при этом так же автоматически включается устройство, ограничивающее перегрузки при выходе из пикирования;

2) при сбрасывании бомб с пикирования самолет автоматически выходит из пикирования;

3) при выпуске закрылков на посадку автоматически меняется угол установки стабилизатора и отклоняются вниз оба элерона, действующие как закрылки;

4) на взлете ровно через 1 минуту автоматически включается форсаж мотора;

5) на наборе высоты после достижения определенной высоты, автоматически включается 2-я скорость нагнетателя;

6) автоматически регулируется температурный режим мотора;

7) автоматически регулируется качество смеси и давление на всасывание в зависимости от плотности воздуха (высоты полета);

8) на самолетах установлен курсовой автомат, аппаратура для слепой посадки и т. д.

Алексеенко В.И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны // Авиация и космонавтика. 2000. № 2.

123

После того, как в 1935 году Гитлер объявил о создании люфтваффе, на аэродроме Штаакен была сформирована авиационная эскадрилья — штаффель — специального назначения — Fliegerstaffel zur besonderen Verwendung (Fliegerstaffel zbV), в командование которой вступил гауптман Теодор Ровель. Тем не менее, несмотря на военный статус, для негласного ведения разведки официально эскадрилью включили в структуру «Ганза Люфтбильд», называя просто «Зондерштаффель», или «Команда Ровеля». Самолёты получали гражданские коды, а иногда использовали и маркировку «Люфтганзы».

Эскадрилья получала фактически все новые самолёты, пригодные для ведения дальней и высотной разведки, причём многие машины были опытные или предсерийные. Так, в 1935 году в штаффель поступили новейшие самолёты «Хейнкель» He 70, которые преимущественно работали над территорией Франции.

За 1935–1938 гг. экипажами эскадрильи была проведена гигантская работа: отсняты территории Франции, Бельгии, Голландии, Дании и Чехословакии. В ноябре 1936 года начались первые секретные полёты над Советским Союзом. С высот 8000–9000 метров были отсняты Финский залив, Кронштадт и Ленинград, пограничные районы от Пскова до Минска, а также Черноморское побережье до Николаева.

В 1937 году эскадрилью перебазировали на аэродром Берлин-Темпельхоф. Там же размещались управления компаний «Люфтганза» и «Ганза Люфтбильд», а также важнейшие подразделения министерства авиации, в том числе метеорологическая служба, медицинский институт, центрифуга и барокамера, которые тесно взаимодействовали с «Ганза Люфтбильд» в отработке вопросов работы экипажей на больших высотах. В целом же переброской эскадрильи Ровеля в Темпельхоф завершилось сосредоточение всех структур министерства авиации и компаний, которые занимались секретной высотной аэрофоторазведкой.

В 1936 году в эскадрилью передали два использовавшихся на регулярных маршрутах «Люфтганзы» двухмоторных «Хейнкеля» — He 111V-2 «D-ALIX» и He 111C-0 «D-AXAV», которые оснастили камерами и дополнительными топливными баками. Судя по всему, с этого момента начались эксперименты по использованию самолётов-разведчиков, замаскированных под рейсовые борты

«Люфтганзы».

В 1938 году эскадрилья получила ещё три «Хейнкеля» модификации He 111J, а также два «Дорнье» Do 17S и два «Юнкерса» Ju 86, с помощью которых в 1938–1939 гг. наладили разведку над Англией.

В фотоархив специально выстроенного здания архива RLM отработанные материалы складывались в виде подробных пакетов формата A3, в которых были подобраны документы предполагаемого к атаке объекта. В состав каждого пакета входило описание объекта, в котором отмечались название и важнейшие характеристики, карта масштаба 1:75 000 с географическими координатами, специальные эскизы местоположения объекта в масштабе 1:25 000 и планы объекта в масштабе 1:100.

Тогда же была сформирована так называемая «Опытная станция высотных полётов» (Versuchsstelle für Höhenflüge — VfH), в которой оставили самых опытных ветеранов зондерштаффеля. Это подразделение состояло из лучших экипажей, имело на вооружении экспериментальные и малосерийные невооружённые самолёты и было ориентировано на выполнение шпионских полётов «под прикрытием».

Весной и летом 1939 года экипажи группы Ровеля вновь занимались фотографированием линии Мажино со всеми важными деталями — фортами, сооружениями инфраструктуры, складами и подъездными путями. В тот же период несколько самолётов были переброшены на аэродром Будапешт-Ферихедь, откуда вели разведку территории СССР, а именно Украины (Киев, Днепропетровск, Житомир, Запорожье, Кривой Рог и Одесса).

Одним из самых важных направлений полётов стала, естественно, Польша. В период с мая по сентябрь 1939 года немецкому командованию был предоставлен прекрасный материал: обновлены карты, подготовлены пакеты на все важные стратегические объекты — промышленные предприятия, железнодорожные станции, мосты, аэродромы, укрепления вдоль границы и т. п. 31 августа 1939 года экипажи люфтваффе получили обширную разведывательную документацию, целые портфели документов с точным целеуказанием, в том числе и превосходными фотографиями.

Осенью и зимой 1939–1940 гг. Do 17 и He 111 из VfH работали над Францией и Англией. К примеру, известно, что 11 января 1940 года была проведена разведка северных участков Ла-Манша, устья Темзы и английского побережья до Халла. Полёты проводились днём, фотографировались портовые сооружения, военные аэродромы Мэнби и Мэнстон, гражданские аэродромы в

Рамсгейте. 12 января эти полёты повторили, а кроме того Do 17S появились над Францией, включая аэродромы Сент-Инглверт, Булонь-Альпрех и Париж-Ле-Туке.

В начале 1940 года были возобновлены полёты над СССР — в частности, в районах северного Кавказа и Закавказья, — а также над Сирией и Турцией, причём впервые были задействованы новые «Дорнье» Do 215 и Do 217. Экипажи VfH работали с болгарских аэродромов Софии и Пловдива.

Насыщение французских и английских истребительных частей современными самолётами привело к первым потерям группы Ровеля.

27 сентября 1940 года оберст-лейтенант Ровель был награждён Рыцарским крестом, а в октябре он получил приказ провести операцию по масштабному фотографированию западных территорий СССР.

Первую скрипку должны были сыграть опытные экипажи 4.(F)/Ob.d.L. На краковском аэродроме были сосредоточены шесть «Юнкерсов» — четыре высотных Ju 86P-2 и два Ju 88B-0, которые должны были работать над западными районами СССР вплоть до линии Ленинград — Москва — Крым — Кавказ. Кроме того, позднее для участия в операции подготовили более десятка Do 215 и He 111, с которых сняли вооружение и установили новые моторы. Эти машины были сосредоточены на аэродромах Зееранпен и Инстербург (Восточная Пруссия), Бардуфосс (Норвегия) и Бухарест (Румыния).

Над Белоруссией должна была работать 1.(F)/Ob.d.L., Прибалтикой — 2.(F)/Ob.d.L., над Украиной — 3.(F)/Ob.d.L. На Крайнем Севере было решено использовать самолёты 1.(F)/124. Кроме основных баз для полётов были задействованы аэродромы Тана в Норвегии, Мальми, Утти, Луонетярви и Рованиеми в Финляндии, Тересполь в Польше, Будапешт в Венгрии, Пловдив в Болгарии. Самолёты получили гражданские обозначения.

Тимин Михаил. Крылатые предвестники войны. https://warspot.ru/12211-krylatye-predvestniki-voyny

Тимин Михаил. Крылатые предвестники войны. https://warspot.ru/12211-krylatye-predvestniki-voyny

125

Там же.

126

«ПРИКАЗ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

САМОЛЕТОМ ВВС КА

№ 0168 29 июля 1940 г.

Экипаж самолета СБ 31-го скоростного бомбардировочного полка в составе старшего лейтенанта Лебедева С. П., младшего лейтенанта Кузнецова И. К. и младшего комвзвода Зайченко Г. Д. 19 июля с. г. во время учебно-тренировочного полета в закрытой кабине в районе своего аэродрома потерял ориентировку, перелетел государственную границу и произвел посадку в Мемеле.

Расследованием установлено:

1. Старший лейтенант Лебедев должным образом не подготовился к предстоящему учебному полету и не был проверен перед этим командиром эскадрильи капитаном Зориным.

2. Самолет перед вылетом принимал обучаемый летчик, а не старший лейтенант Лебедев, как это положено по наставлению.

3. Внутренняя связь в самолете была неисправна.

4. Вылет был произведен Лебедевым со старой, истрепанной картой, на которой не была нанесена линия государственной границы Литвы с Мемельской областью; младший лейтенант Кузнецов свою карту оставил на земле.

5. Потеряв ориентировку, Лебедев проявил недостойную командира Красной Армии панику и начал беспорядочное блуждание произвольными курсами; самым же худшим явилось его решение произвести посадку, зная, что это аэродром зарубежный.

Происшествие с экипажем Лебедева и участившиеся за последнее время в других частях ВВС случаи свидетельствуют о невыполнении летным составом Наставления по производству полетов и по штурманской службе. Происходит это из-за ослабления повседневного контроля со стороны прямых начальников и особенно штурманов подразделений, частей и соединений ВВС.

Приказываю:

1. Помощника командира эскадрильи 31 сбп старшего лейтенанта Лебедева С. П. и младшего летчика младшего лейтенанта Кузнецова И. К. за нарушение Наставления по производству полетов, что привело к перелету государственной, границы и посадке на зарубежном аэродроме, предать суду

Военного трибунала.

2. Командира эскадрильи 31 сбп капитана Зорина А. А. за отсутствие должного руководства подчиненными и самовольное нарушение установленных правил сдачи самолета перед полетом снизить в военном звании на старшего лейтенанта.

3. Штурмана 31 сбп капитана Ковалева Н. И. за плохой контроль штурманской подготовки в подразделениях полка снизить в звании на старшего лейтенанта и в должности на штурмана эскадрильи.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937-21 июня 1941 г. — М.: Терра, 1994. — С. 161.

127

«Интересно, что родственники членов экипажа были проинформированы о том, что их близкие пропали в вылете на востоке, только через 45 дней после события и только после настойчивых запросов. Альберт Шнец и Рудольф Вальтер несколько раз допрашивались НКВД, однако информацию о целях и задачах полёта немецкие лётчики давать отказались. 25 июня 1941 года оба были освобождены из тюрьмы в Ровно наступающими немецкими войсками. … никаких санкций в отношении старшего лейтенанта Шалунова не последовало. Буквально через несколько дней в связи с переходом частей ВВС на новые штаты он прошёл переаттестацию и был назначен командиром эскадрильи 46-го ИАП, а затем командиром 721-го ИАП. Погиб лётчик в боевом вылете 7 августа 1942 года.

То же самое касается и других пилотов, которые вели предупредительный огонь при попытках принудить немецкие самолёты к посадке — никакие наказания в их отношении не применялись. Другое дело, что и никаких результативных перехватов больше не было: обстрелянные немецкие экипажи просто уходили на свою территорию, а открывать огонь на поражение было запрещено вплоть до 07:15 22 июня 1941 года».

Тимин Михаил. Крылатые предвестники войны. https://warspot.ru/12211-krylatye-predvestniki-voyny

128

Там же.

129

Выпуск 34. Опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 34.

130

Выпуск 35. Опубл.: 1958. Источник: Генеральный Штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 35.

131

История «Аэрофлота»: Часть 1. 1923–1953. Posted on 26/03/2013 by Dimitri Skorobutov. 90-летию «Аэрофлота» посвящается… skorobutov.wordpress.com›…история-аэрофлота-часть…

1941 год. — уроки и выводы. — М., 1992. — С. 88.

Тимин Михаил. Крылатые предвестники войны. https://warspot.ru/12211-krylatye-predvestniki-voyny

134

Там же.

135

Хорьков А.Г. Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. 1988. — № 5. — С. 45.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., — 2002. — С. 29.

Захаров Г. Н. Я — истребитель. М., 1985. С. 99–100.

«Высота Полета, с которой видны невооруженным глазом различные военные объекты на поверхности земли

Что видно Высота полета (в м)

Группа всадников и стрелков…….800 -1000

Орудия, зарядные ящики, обозные повозки……1000

Отдельные роды войск в колонне…….. 1500

Линии индивидуальных окопов……. ……..1500

Войсковые колонны величиной до роты, эскадрона, батареи на открытых дорогах…… 2000

Количество и тип вагонов в поезде. . . …… 2500

Крупные колонны войск и их обозы……. 3000

Стреляющие батареи…… ……. 3500

Скопление железнодорожных составов…….. ……4000

Сплошные линии окопов…… 4000

Поезда в пути……

Конечно, приведенные в табл. 5 цифры являются средними и зависят от многих факторов: остроты зрения летчика, скорости его восприятия, цвета и характера земной поверхности, скорости и направления самолета, метеорологических условий и т. д.».

Проф. *К.Х. Кекчеев*. Психофизиология маскировки и разведки. — М., 1942. — С.13

139

С высоты 1000 м линию горизонта видно до 120 км, а с 3000 м — до 200 км. Невооруженным глазом разглядеть неподвижный танк на расстоянии 3 километра с самолета, летящего на высоте 1000 м, достаточно сложная задача. Танк типа T-IY в этом случае будет представлять собой объект размером 17 мм, на который наблюдатель смотрит с расстояния 5 метров. К тому же, это не контрастная цель. В движении танковая колонна будет лучше видна из-за шлейфов пыли. В этом случае технику в колонне на расстоянии можно спутать с другими типами военной техники, включая и с автомобильной. Захаров не упоминает об использовании бинокля. В случае его применения дальность обнаружения танка типа T-IY может составлять до 10 км. Подъем на высоту 2500–3000 метров приведет к падению дальности обнаружения техники до 6–7 км. https://topwar.ru/123513-povtorenie-proydennogo.html

140

Там же. — С. 40–41.

141

Газета «Своими Именами» № 11 от 11.03.2014. С. 19–20.

142

Там же.

143

29 июля 1939 г. совместным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и Комитета обороны при СНК СССР № П-5/193 «Об авиаотрядах НКВД» было принято решение всю пограничную авиацию объединить в Отдельную авиационную бригаду НКВД СССР:

«Утвердить предложение НКВД о проведении следующих мероприятий:

1. Тбилисский, Грозненский, Киевский авиаотряды расформировать.

2. Остальные авиаотряды и эскадрильи переформировать в авиаэскадрильи 12-самолетного состава, объединив их в авиабригаду пограничных войск НКВД.

3. Минскую авиаэскадрилью перебазировать в Коктебель.

4. Приступить к изысканиям и строительству баз и помещений в Мурманске, Архангельске, Геленджике, Порт-Ильиче, Ногаево, Николаевске-на-Амуре, с тем чтобы в 1941 г. сформировать 6 новых эскадрилий.

5. Расформировать авиаотдел Харьковского военного училища.

6. Установить численность пограничной авиации на 1939 г.:

самолетов — 115, личного состава — 2800 человек;

на 1941 г.:

самолетов — 245 и личного состава — 4400 человек (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

7. Отменить пункт 3 постановления Комитета Обороны при СНК СССР от 13 июня 1937 г. о содержании на летной работе 2500 летчиков резерва ввиду недостаточной материальной базы пограничной авиации.

8. Утвердить постановление президиума Центрального совета Осоавиахима от 22 июня 1939 г. о передаче НКВД Коктебельского аэродрома с жилыми и служебными помещениями.

9. Обязать ВВС РККА принять в строевые части остающийся за штатом летно-технический состав.

10. **Обязать Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР и Народный комиссариат обороны, начиная с 1941 г., обеспечивать потребность по заявкам Главного управления пограничных войск НКВД СССР летно-техническими кадрами**.

Секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин».

В конце 1939 г. было принято решение о перевооружении сухопутных эскадрилий на скоростные бомбардировщики «СБ» и

цельнометаллические одномоторные разведчики Р-10, которые обладали более высокими летно-техническими данными и были оснащены радиооборудованием. Для переучивания на них предназначались самолеты УСБ и УТИ-4.

В этой связи, приказом Наркома внутренних дел СССР от 19 апреля 1940 г. были утверждены новые штаты эскадрилий, согласно которым в составе эскадрильи должно было быть: 12 самолетов-разведчиков Р-10, два «учебных и связи» УТИ-4, один двухмоторный транспортный.

В августе 1940 г. начальником ГУПВ НКВД была утверждена «Инструкция по взаимодействию авиационных, морских и сухопутных частей пограничных войск», которая четко регламентировала порядок взаимодействия при совместных поисках и задержаниях нарушителей государственной границы, а также устанавливала порядок применения оружия экипажами самолетов по нарушителям государственной границы.

9 января 1941 г. был издан приказ начальника ГУПВ НКВД «О маскировке аэродромов пограничных авиачастей», в котором указывалось, что боевая работа авиации в современной войне немыслима без системы тщательной маскировки всех аэродромов, создания ложных аэродромов и маскировки всей авиационной техники и материальной части.

В этой связи начальникам УПВ НКВД приграничных республик и округов, где имелись пограничные эскадрильи и звенья, приказывалось к 1 июля 1941 г. провести маскировку всех основных и оперативных аэродромов пограничных войск с составлением планов-схем маскировки каждого аэродрома, а командиру авиабригады приказывалось обеспечить штабы этих УПВ и эскадрилий и звеньев «Инструкцией по маскировке аэродромов», осуществить камуфляжную окраску всех самолетов по схеме, аналогичной в ВВС РККА, а также дать указание о заготовке на каждом аэродроме необходимых легких переносных маскировочных материалов.

Спаткай Леонид. Крылатые стражи белорусской границы.

15061981.diary.ru›p209093421.htm?oam

144

Там же.

145

Тарасов С.А. Деятельность кадровых органов по комплектованию должностей командиров соединений военно-воздушных сил Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 2020. — С. 76–83.

Невежин В.А. Застольные речи Сталина. М., СПб. — 2003. — С. 233–235.

147

Там же.

Степанов А. С. — Указ. соч. — 209.

Медведь Александр. Советская разведывательная авиация в начальный период войны. Часть 1 // Авиация. № 4. 2000. С. 15–24. litvek.com›br/197611?p=15

150

Там же.

151

Там же.

152

Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Док. и материалы. — М.; СПб., 2005. — С. 23–25.

153

Русский архив: Великая Отечественная // Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 21 июня 1941 г. — М., 1994. — Т. 13 (2–1). — С. 13–14.

154

Подполковник *Ф. Давыдов*. Разведывательная работа офицерского состава и штабов // Сборник «Войсковая разведка». Вып. № 6. 1944.

155

Русский архив: Великая Отечественная. — Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. — М., 1993. — С. 136.

Подполковник *Ф. Давыдов*. Указ соч.

157

Фронтовая разведка. История … и не только. Под общей редакцией Коробова И.В. М., 2018. — С. 181.

Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. Кн. 2 — М., 2000. — С. 244.

159

Русский архив: Великая Отечественная. — Т. 12 (1–2). — С. 167–168.

Шерстнев Николай Васильевич

19.12.1901-д. Мелеть, ныне Малмыжского района Кировской области — 04.1990-Москва.

Русский. Из крестьян. Генерал-майор (07.10.1943). В Советской Армии с 1920. Член компартии с 1925. Окончил школу II-й ступени (1920), 10-е Кунгурские командные инженерные курсы (август 1921 — август 1922), Ленинградскую военно-инженерную школу (август 1922 — сентябрь 1926), командный факультет Военно-инженерной академии РККА (декабрь 1933 — апрель 1936), Курсы иностранных языков при РУ штаба РККА (апрель 1936 — декабрь 1937). Владел немецким языком.

Красноармеец территориальной роты 2-го Вятского полка (май 1920 — август 1921).

Командир взвода, квартирмейстер 19-го отдельного саперного батальона, начальник боепитания, командир роты, помощник командира 21-го отдельного саперного батальона (сентябрь 1926 — декабрь 1933).

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (апрель 1936 — декабрь 1937), помощник начальника приграничного разведывательного пункта № 2 — Сестрорецк (декабрь 1937 — июль 1938), 1-го отделения (июль 1938 — декабрь 1939) РО Ленинградского ВО, начальник западного отделения 6-го (приграничной разведки) отдела (декабрь 1939 — сентябрь 1940), 1-го отделения 7-го отдела (сентябрь 1940 — июнь 1941).

Участник Великой Отечественной войны. Начальник 1-го, 2-го отделений 2-го отдела РУ Генштаба Красной Армии (1941–1942), РО штаба Северо-Кавказского фронта (1942–1943), Отдела агентурной разведки РУ Генштаба Красной Армии (1943–1945). «…перед принятием решения о наступлении войск Северной Группы всеми средствами вскрыл группировку противника, подтвердившуюся впоследствии захваченными документами противника и показаниями пленных» (из Наградного листа, 31.01.1943).

В послевоенный период продолжал службу в ГРУ Генштаба, в Отделе оперативной разведки 6-го управления, Управлении оперативной разведки.

С 1958 в запасе.

Награжден орденам Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II-й ст., Отечественной войны I-й ст., Красной Звезды, медалями.

Некролог: газета Красная звезда 15.04.1990.
Похоронен на Троекуровском кладбище Москвы.

Никольский Виталий. Аквариум-2. М., 1999. С. 18; 20–21.

162

Фронтовая разведка. История… и не только. Под общей редакцией Коробова И.В. — Екатеринбург. — С. 175.

Кондрашов В.В. Знать всё о противнике. М., 2010. — С. 97–98.

«В связи с необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы» Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 3 февраля 1941 года Народный комиссариат внутренних дел СССР был разделен на два наркомата: Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД) и Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ). На НКГБ возлагалась, в том числе задача «а) ведения разведывательной работы за границей» (20 июля 1941 года — НКГБ и НКВД были вновь объединены в НКВД СССР, аппарат НКГБ был реорганизован в Главное управление государственной безопасности НКВД СССР).

Погранвойска по-прежнему остались в составе НКВД.

165

Лота Владимир. Тайные операции Второй мировой. 1944 год. — М., 2006. — С. — 172.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М. 1997. — С. 10.

Березкин М.В. Судьба разведчика. — СПб., 2009. — 160 с.

Березкин Михаил Васильевич

Родился в 1919.

Русский. Генерал-майор. В Советской Армии с 1936. Член компартии с 1942. Окончил 2-е Ленинградское артиллерийское училище (1936–1939).

В распоряжении РУ РККА (январь 1939 — сентябрь 1940), затем помощник начальника оперативного пункта РО Киевского ОВО.

Участник Великой Отечественной войны (июнь 1941 — ноябрь 1942 и с января 1944). Вел разведку и создавал агентурную сеть на Украине. Помощник начальника оперативного пункта РО штаба Донского фронта. «Тов. Березкин за последние два м-ца разработал и провел девять боевых операций по переброске агентов в тыл фашистских войск. Все операции тов. Березкиным проведены удачно, ни одна из них не имела провала. Все добытые данные о передвижении и размещении войск и штабов пр-ка были особенно полные благодаря хорошей подготовке людей со стороны тов. Березкина» (из Наградного листа, 13.10.1942).

Помощник начальника 2-го отделения РО штаба 2-го Украинского фронта (1944–1945). «Хорошо подготовил несколько групп агентурных разведчиков… Подготовленная им и выброшенная в тыл противника, в район БЫРЛАД — ТЕКУЧИ в период ЯССКО-БУХАРЕСТСКОЙ операции, агентурная группа регулярно давала ценные данные о противнике» (из Наградного листа, 20.09.1944). «Капитан БЕРЕЗКИН за 1944-45 г. отлично подготовил 19 агентурных разведчиков. Подготовленные им разведчики отлично выполняли задания Командования по разведке противника в его глубоком тылу и освещали гарнизоны, оборонительные сооружения и перевозки войск и грузов пр-ка в районах: г. ТЕКУЧИ (Румыния), во время Ясской операции, в г. СИБИУ во время наступления фронта в Трансильвании. В настоящее время, подготовленная им разведгруппа, действует в тылу врага в Чехословакии, которая при взятии г. Брно активно разведывала перевозки войск и грузов пр-ка на участке ЦВИТАУ — БРНО» (из Наградного листа, 10.05.1945).

После войны занимался агентурной разведкой в РО штаба Прикарпатского ВО, заместитель начальника РО того же округа. Начальник РУ штаба Ленинградского ВО (1968 — май 1975).

Награжден двумя орденами Отечественной войны II-й ст. (1944, 1945), Красной Звезды (1942), медалью «За оборону

Сталинграда» (1942) и другими медалями.

169

Пастух Григорий Онуфриевич

Родился в 1904.

Украинец. Из рабочих. Подполковник. В РККА с 1926. Член компартии с 1930. Окончил военную пехотную школу (1932).

Командир роты 237-го стрелкового полка.

В распоряжении РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии (март 1937 — сентябрь 1940), резидент в Польше. Успел многое сделать, но был предан и арестован. Освобожден в сентябре 1939. «В период 1936-39 г. тов. Пастух выполнял спецзадание РУ Генштаба КА. При выполнении этого задания был дважды ранен, схвачен и бывшим польским правительством осужден на пожизненную каторгу. Красной Армией был освобожден…» (из Наградного листа, конец 1941). Заместитель начальника оперативного пункта РО штаба Киевского ОВО (сентябрь 1940 — июнь 1941).

Участник Великой Отечественной войны. Помощник начальника 2-го отделения РО штаба Юго-Западного фронта. «С началом военных действий работая на границе и потом при отходе наших частей, на линии фронта все время организовывал разведку сил пр-ка, давая ценные данные. При отходе наших частей из р-на Пирятин лично участвовал в бою в р-не Оржица… Полтавской области 20–21.9.41 года» (там же). Начальник следственной части РО штаба 1-го Прибалтийского фронта, Земландской группы войск (1943–1945). «Путем умелого и настойчивого допроса военнопленных и перебежчиков майор Пастух постоянно обеспечивал командование отдела данными о группировке и намерениях противника перед фронтом. Особенно много ценного материала о противнике было добыто в период наступательных действий фронта» (из Наградного листа, 08.07.1944).

Награжден орденом Отечественной войны I-й (1945) и II-й (1944) ст., двумя орденами Красной Звезды (1942, 1944).

170

«Сведения об этом из польской печати проникли к нам. Тае, жене Пастуха пришло извещение от командования: “Ваш муж пал смертью храбрых”. На самом деле, Григорий был жив. Накануне казни в Польше праздновали День Конституции и его помиловали, сменив наказание на пожизненное заключение, отбывать которое его отправили в известную Картуз-Березскую тюрьму в Ковеле. Там в сентябре 39-го Пастуха и освободили. Он снова стал капитаном. Вернулся к жене и ребенку. А у нее другой муж, моряк. Но тот оказался человеком порядочным. “С кем, — говорит, — Тая захочет, с тем и останется”. Она не раздумывая: “С Григорием”». Березкин М.В. Указ. соч. — С. 13–14.

Березкин М.В. Указ. соч. — С. 12–15.

Асеев Борис Павлович

20.11.1901-г. Рязань—13.10.1965-Москва.

Русский. Генерал-майор инженерно-технической службы (23.10.1943). Доктор технических наук (1943), профессор (1939). В Советской Армии с 1919. Беспартийный. Окончил 1-ю московскую гимназию (1917), техникум связи Наркомата почт и телеграфов в Москве (1919).

Красноармеец Главной школы физического образования (ноябрь 1919 — июнь 1920), начальник радиоотделения Института связи (июнь 1920 — март 1922), лаборант-инженер Учебно-опытного радиотелеграфного дивизиона (февраль — декабрь 1922), заведующий классом, начальник центральной учебной рации (декабрь 1922 — май 1923).

Преподаватель повторных курсов среднего комсостава радиочастей (май 1923 — октябрь 1926), преподаватель радиотехники радиотелеграфных-телефонных курсов комсостава РККА, Ленинградской военной школы связи, Военно-технической академии (октябрь 1926 — август 1934), где принял активное участие в создании в 1932 кафедры радиопередающих устройств.

Из аттестации 1928: «Вполне соответствует как преподаватель. Нет ни военного образования, ни работы в войсках». Невзирая на это «Начальник и военный комиссар школы, заместитель инспектора войск связи РККА ходатайствуют об отнесении, ввиду исключения, АСЕЕВА к командному составу, поскольку последний является одним из лучших специалистов военного радио-дела, пользуется колоссальным авторитетом». Категория комсостава была присвоена ему 08.06.1930.

В распоряжении РУ РККА (август 1934 — январь 1935), инженер-конструктор, главный инженер НИИ по технике связи того же управления (январь 1935 — октябрь 1937), в распоряжении наркомата связи СССР, исполнял обязанности главного инженера Радиоуправления (октябрь 1937 — июнь 1940), главный инженер НИИ по технике связи РУ РККА (июнь 1940 — июнь 1941).

Но в эти годы он не бросал и преподавательскую работу, читал лекции по курсу «Основы радиотехники» в Московском электротехническом институте связи. Под руководством Асеева (1936–1937) была организована надежная радиосвязь с экипажем В.П. Чкалова, совершившего дальние беспосадочные перелеты на о. Поркала-Удд и через Северный полюс в США. В те же годы была установлена радиосвязь с советскими военными советниками в

Испании, а также с испанскими и советскими теплоходами перевозившими людей и военную технику.

Немалый вклад сделан им в дело установления связи РУ с Северной Америкой, а также с Китаем, которому Советский Союз оказывал огромную помощь в борьбе с японскими оккупантами. Начальник радиосвязи главного военного советника (1939–1940) К.М. Покровский вспоминал: «За все время пребывания в Китае был лишь один случай нарушения связи, все остальное время все рации работали безотказно. В значительной мере это можно отнести за счет труда инженеров, конструкторов, рабочих, руководимых профессором Б.П. Асеевым, которые разработали и изготовили качественную аппаратуру, а также высокой квалификации радистов».

Благодаря усилиям большого коллектива специалистов (во главе с Асеевым и генеральным конструктором рации Б.А. Михалиным) создается знаменитая радиостанция «Север», которой в период Великой Отечественной войны были вооружены тысячи радистов.

Участник Великой Отечественной войны. В эти и послевоенные годы (1941–1952) находился на научной и организаторской работе в наркомате — министерстве связи СССР и военном НИИ по технике связи Красной — Советской Армии (1941–1952), заместитель начальника этого НИИ по научно-исследовательской части и он же главный инженер.

Лауреат Сталинской премии (1942) за изобретение электроприбора, имеющего оборонное значение. Представлен к награде в январе 1943 «за успешную работу по изысканию новых образцов агентурной радиоаппаратуры».

Награжден двумя орденами Ленина, Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями.

Соч.: Катодные и электронные лампы (1927), Колебательные цепи (1936), Основы радиотехники (1947) и многие другие.

173

Ашурбейли Игорь, Сухарев Евгений. Расплетин. —М., 2015.— С. 74.

174

Радиостанция «Омега имела массу около 3 кг, выходную мощность 1,3 Вт, дальность связи до 300 км и возможность работать в плавающем диапазоне. Начало войны потребовало срочно освоить ее серийный выпуск, который и был налажен на остатках эвакуированного завода имени Козицкого в голодающем и отрезанном от страны блокадном Ленинграде. С началом серийного выпуска в октябре 1941 радиостанция «Омега», в конструкцию которую был внесен целый ряд изменений, получила название «Север» (масса: 2 кг (без источников питания); габариты: 180 х 150 х 100 мм). До конца 1941 года было выпущено около тысячи станций. В 1942 году станция была модернизирована и выпускалась под наименованием «Север-бис», а конструктора Б.А. Михалина наградили орденом Красной Звезды.

Березкин М.В. Указ. соч. — С. 15–18.

Там же. — С. 19.

177

Там же. — С. 28.

178

Там же. — С. 25–26.

179

Там же. — С. 27.

Там же. — С. 28.

181

Там же. — С. 29.

182

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. I. Накануне. Кн. Вторая (1января — 21 июня 1941 г.). М., 1995. С. 150–152.

183

Алексеев Михаил. Военная разведка России. Первая мировая война. Книга III. Часть первая. М., 2001. — С. 43.

184

Голиков Филипп Иванович. Записки начальника Разведупра. Июль 1940 года — июнь 1941 года. М., 2018 — С. 338–339.

185

Там же. — С. 206–207.

Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. Смоленск. — 1999. — С. 194.

Военная разведка России. — М., 2012. — С. 166.

Там же. — С. 167.

189

Кондрашов В.В. Знать все о противнике. — М., 2010. — С. 118–123.

Там же. — С. 124–125.

191

Там же. — С. 125.

192

Фронтовая разведка. История … и не только. Под общей редакцией Коробова И.В. М., 2018. — С. 181.

193

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. — М., 2002. — С. 242.

дивизия у Б. Мюллер-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг.». — М., 2000. — С. 244–245; **127 дивизий, 2 бригады и 1 полк** у М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения)». — М., 2000. — С. 475;**125 дивизий и 2 бригады** у авторов коллективного труда «Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. первая. Суровые испытания». — М., 1998. — С. 115; **120 дивизий и две бригады (без учета 3-х дивизий и оперативной группы войск СС «Норд» в Финляндии)** у авторов коллективного труда «1941 год — уроки и выводы». — М., 1992. — С. 16.

195

Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. первая. Суровые испытания. Указ. соч. — С. 116.

196

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. — М., 1960. — С. 382.

197

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940-21.6.1941). / Пер. с нем. И. Глаголева и Л. Киселева под ред. и с пред. п-ка Д. Проэктора. — М., 1969. — С. 351.

198

Там же.

199

Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. — Смоленск, 1999. — С. 198–199.

200

«В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 часа 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 км северо-западнее Бреста). Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. — первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана “Морской лев”. Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водные рубежи глубиной до 4 м.». *Гудериан Гейнц.* Воспоминания солдата. — Смоленск, 1999. — С. 209–210.

201

Там же. — С. 563–565.

202

Русский архив: Великая Отечественная. — Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. — М., 1993. — С. 143–144.

Лопуховский Лев. 1941. Вяземская катастрофа. М., 2008. С. — 12.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами — М., 1960. — С. 381.

Великая Отечественная война. Кн. Первая. Указ. соч. — С. 51.

1941 год — уроки и выводы. М., 1992. — С.15. Труд подготовлен группой авторов на основе изучения и анализа многочисленного архивного материала.

207

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. — М., 1998. -С. 103.

Дашичев В.И. Указ. соч. — Т.II. — С.110.

209

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940-21.6.1941). — М., 1969. — С. 451–454.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. — В 2-х томах. — Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.) — М., 1973. — С. 103.

211

6-я Армия вермахта накануне вторжения в СССР (приложения к ЖБД 48 ТК)

Марк Солонин — персональный сайт историка.

213

Пехотные дивизии разных волн формирования различались по датам формирования, по составу и штатной численности и вооружению. В дивизиях, 15-й волны предназначавшихся для боевых действий на Западном фронте, по штату было около 9 000 человек личного состава.

1941 год — уроки и выводы. Указ. соч. — С. 15–16.

215

Из военного дневника Франца Гальдера:

«30 апреля 1941 года (среда)

….

15.00 — Доклад у фюрера [докладывает начальник генштаба сухопутных войск]:

1. Сроки проведения подготовки к операции «Барбаросса»:

3-й эшелон войск — железнодорожное движение по графику мирного времени — 8.4–20.5. 17 дивизий и части резерва ОКХ из Германии и с Запада.

4-й (а) эшелон войск — ускоренный график железнодорожного движения — 20.5–2.6.

9 дивизий и части резерва ОКХ с Запада.

4-й (б) эшелон войск — ускоренный график железнодорожного движения — 3–23.6.

12 танковых и 12 моторизованных дивизий из Германии — с Запада на Юго-Восток.

Ускорение переброс невозможно по техническим причинам и вследствие необходимости закончить доукомплектование. Своевременно не смогут прибыть две танковые дивизии (2-я и 5-я) и одна моторизованная дивизия (60-я).

2. Резервны ОКХ: Включая пять дивизий с Запада и одну полицейскую дивизию, резервы ОКХ составляют тридцать дивизий, одиннадцать из которых в настоящее время еще находятся на Балканах». *Гальдер Ф.* — Указ. соч. Т. 2. — С. 492–494.

6-я Армия вермахта накануне вторжения в СССР (приложения к ЖБД 48 ТК) // Марк Солонин — персональный сайт историка.

217

План прикрытия по-немецки // Марк Солонин — официальный сайт историка.

218

6-я Армия вермахта накануне вторжения в СССР (приложения к ЖБД 48 ТК) // Марк Солонин — персональный сайт историка.

219

6-я Армия вермахта накануне вторжения в СССР (приложения к ЖБД 48 ТК) // Марк Солонин — персональный сайт историка.

220

6-я Армия и 48 ТК вермахта. Последние указания перед началом вторжения // Марк Солонин. Персональный сайт историка.

221

Приказы 20-го армейского корпуса вермахта. 12–26 июня 1941 г. // Марк Солонин — персональный сайт историка.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами — М.,1960. — С. 384; 1941 год — уроки и выводы. — Указ. соч. — С. 16.

223

6-я Армия и 48 ТК вермахта. Последние указания перед началом вторжения // Марк Солонин — персональный сайт историка.

224

«Ordnung muss sein» — в переводе с немецкого «Порядок должен быть», немецкая пословица.

225

План прикрытия по-немецки // Марк Солонин — персональный сайт историка.

57-й танковый корпус вермахта. Планы вторжения // Марк Солонин — персональный сайт историка.

227

Документы 57-го моторизованного корпуса вермахта. Сосредоточение и первые бои // Марк Солонин — персональный сайт историка.

228

6-я Армия вермахта накануне вторжения в СССР (приложения к ЖБД 48 ТК) // // Марк Солонин — персональный сайт историка.

229

3-я танковая дивизия вермахта. Подготовка к вторжению // Марк Солонин — персональный сайт историка.

22–23 июня. Журнал боевых действий 3-й Танковой группы вермахта // Марк Солонин — персональный сайт историка.

231

Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. первая. Указ. соч. — С. 114–115.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. — С. 239.

Жуков Г. К. Указ. соч. В 3-х т. — Т. 1. — М., 1990. — С. 363.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 1. — Указ. соч. — С. 473.

235

Там же. — С. 474.

Там же. — С. 475.

1941 год. — уроки и выводы. — Указ. соч. — С. 67.

238

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. — М., 1969. — С. 242–244.

239

Война и мир в терминах и определениях. Под общей редакцией Дмитрия Рогозина. — М., 2004. — С. 70

1941 год. — уроки и выводы. — Указ. соч. — С. 78.

241

Там же. — С. 79.

242

Приказ Командующего Прибалтийским Особым Военным Округом № 00229 от 18 июня 1941 г. Управлению и войскам округа о проведении мероприятий с целью быстрейшего приведению в боевую готовность театра военных действий округа // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М., 1953.

1941 год. — уроки и выводы. — Указ. соч. — С. 85.

244

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 21(10). Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны: Док. и материалы. — М., 1996. — С. 12.

1941 год. — уроки и выводы. — Указ. соч. — С. 88–89.

Там же. — С. 68.

Кудряшов И.Ю. Боевой состав вермахта на 22 июня 1941 года на Востоке. Сержант № 2. С. 29–33.

Кудряшов И.Ю. Боевой состав вермахта на 22 июня 1941 года на Востоке

Сержант № 2.

«Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» дает следующие цифры, незначительно расходящиеся от вышеприведенных: «против войск Прибалтийского особого военного округа к 22 июня 1941 года были развернуты:

1. Группа армий «Север», имевшая в своем составе 18-ю полевую армию (1-й, 26-й и 38-й армейские корпуса). Всего семь пехотных и одна охранная дивизии;

4-ю танковую группу (41-й и 56-й моторизованные корпуса). Всего две пехотные, три танковые и три моторизованные дивизии;

16-ю полевую армию (2-й, 10-й и 28-й армейские корпуса). Всего восемь пехотных и две охранные дивизии;

резерв группы армий (23-й армейский корпус). Всего три пехотные дивизии.

2. 5-й, 6-й армейские и 39-й моторизованный корпуса группы армий «Центр». Всего четыре пехотные, три танковые, три моторизованные и одна охранная дивизии.

Итого против войск Прибалтийского особого военного округа к началу войны было развернуто; пехотных дивизий — 24, танковых дивизий — 6, моторизованных дивизий — 6, охранных дивизий — 4».

Документы управления Прибалтийского особого военного округа и полевого управления Северо-западного фронта // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М., 1958. — Т. 34.

Коллективный труд «1941 год — уроки и выводы» дает общую цифру группировки войск, развернутых против ПрибОВО — 40,5 дивизий.

1941 год — уроки и выводы. Указ соч. — С. 96.

Степанов А.С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год — первая половина 1941 года). — М., 2009. — С. 534;

1070 боевых самолетов в строю дает «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.». Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами — М., 1960. — С. 355.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. — Т. II.М., 1972. — С. 96 — 103.

251

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 698–701.

252

Гальдер Франц. Военный дневник. — Т. 2. — Указ. соч. — С. 501–505.

253

Первые дни войны в документах // Военно-исторический журнал. -1989. № 5. — С. 47.

stime.reactor.cc›post/3219351

255

Разведывательная сводка штаба Прибалтийского особого военного округа от 18 июня 1941 г. о группировке войск противника против войск округа на 17 июня 1941 г.// Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М., 1958. — Т. 34.

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 686–691.

257

Сведения о группировке сил и средств немецких войск в Восточной Пруссии к 18.00 21.6.41 г.// Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М., 1958. — Т. 34.

258

Разведывательная сводка штаба Прибалтийского особого военного округа № 02 от 22 июня 1941 г. о группировке войск противника к 20 часам 21 июня 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М., 1958. — Т. 34.

259

Разведсводка № 04 к 18.00 22.6.41 штаба СЗФ // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М., 1958. — Т. 34.

Ответы на «5 вопросов Покровского» на сайте МО РФ июня 2017 г.// http://22june.mil.ru.

261

Там же.

Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. — Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2000.

263

Из годового отчета штаба 6-й воздушной армии от 21 июля 1942 г. «О боевой деятельности военно-воздушных сил Северо-Западного фронта за период с 22.6.41 г. по 1.7.42 г.» //Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.,1958. — Т. 34.

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 596–598.

265

Там же. — С. 622–623.

Там же. — С. 646–647.

267

Там же. — С. 686–691.

268

Великая Отечественная война. 1941–1945: Документы и материалы. Т. IX. Так начиналась Великая Отечественная война. — М., 2016. — С. 147–149.

Кудряшов И.Ю. Указ. соч. — С. 29–33.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами — М., 1960. — С. 385; «Группа армий «Центр» — 51,5 дивизии». *Мельтюхов М.* У врага было больше живой силы, у нас — пушек, танков, самолетов. Каким было соотношение сил к 22 июня 1941 года // Родина — № 6(616).

Степанов А.С. — Указ. соч. — С.535.

1670 «самолетов в строю» приводит «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» Том 1. Указ. соч. — С. 356.

Дашичев В.И. Указ. соч. — Т. II. — С. 96–103.

Ивченко Степан Яковлевич

Родился 02.08.1902 в с. Котельва Ахтырского уезда Харьковской губернии.

Украинец. Из крестьян. Подполковник (08.10.1940). Член компартии с 1931. В РККА с 1920. Окончил высшее начальное училище в Котельве (1917), Харьковскую школу червонных старшин (1920–1921), экстерном курс нормальной пехотной школы (1927), пулеметное отделение курсов «Выстрел» (1929), Военную академию им. М.В.Фрунзе (1935–1938). Владел немецким языком.

Участник гражданской войны (октябрь 1920 — январь 1921) на Западном и Южном фронтах. Командир взвода 2-й Киевской школы комсостава (август — ноябрь 1921), слушатель Высшей военно-педагогической школы (ноябрь 1921 — январь 1923), которую не окончил в связи с ее расформированием. Командир отделения, помощник командира, командир взвода 133-го стрелкового полка (январь 1923 — март 1925), командир взвода, курсовой командир, помощник командира, командир роты Киевской пехотной школы (март 1925 — июнь 1933), начальник материального обеспечения части, начальник штаба батальона (июнь 1933 — май 1935).

Помощник начальника отделения РО штаба Белорусского ВО (сентябрь 1938 — январь 1939), начальник пограничного разведывательного пункта № 1 — Полоцк, преобразованного в Свенцянский оперативный пункт того же РО (январь — декабрь 1939), начальник 1-го отделения РО штаба Белорусского ОВО (декабрь 1939 — октябрь 1940), заместитель начальника РО штаба Западного ОВО (октябрь 1940 — июнь 1941). За неделю до войны назначен заместителем начальника РО штаба 3-й армии в Белостоке.

Участник Великой Отечественной войны. Начальник РО штаба 3-й армии Западного фронта (июнь — август 1941). В плену в Германии (август 1941 — май 1945).

После войны на преподавательской работе в военных учебных заведениях.

В запасе с марта 1950.

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). Документы и материалы. Минск. 2007 //Source: ttps://liewar.ru/dokumenty/219-nakanune-sbornik-dokumentov-zapovo-39-41gg.html?start=18.

1941 г. — уроки и выводы. Указ. соч. — Приложение № 2.

Ильницкий Яков Тимофеевич

08.10.1902-г. Перекоп Таврической губернии. — 01.01.1982-Москва.

Русский. Из рабочих. Полковник (1941). В Советской Армии с 1919. Член компартии с 1925. Окончил городское училище в Симферополе (1916), Киевские окружные курсы спорта и 3-ю Военную школу физического образования (декабрь 1920–июль 1923), рабфак (1926), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1934–1937). Владел немецким языком.

Участник гражданской войны (1919–1920). Красноармеец 1-го Крымского резервного батальона им. т. Дыбенко (июль 1919–декабрь 1920). Командир взвода 90-го стрелкового полка, отдельной роты связи 30-й стрелковой дивизии, начальник школы отдельной роты связи, связи полка, ответственный секретарь партбюро отдельного батальона, начальник штаба отдельного батальона связи 73-й стрелковой дивизии (февраль 1923–октябрь 1934).

Помощник начальника приграничного разведывательного пункта (ПРП) № 2 — Минск (сентябрь 1937–июль 1938), начальник ПРП № 3 — Слуцк (июль 1938 — январь 1939), ПРП № 2 — Минск, преобразованного в Ошмянский оперативный пункт (январь — декабрь 1939) РО штаба Белорусского ВО — ОВО. Заместитель начальника того же РО (декабрь 1939 — июнь 1941).

Участник Великой Отечественной войны. Заместитель начальника РО штаба Западного фронта (июнь 1941 — февраль 1942), начальник РО штаба Западного направления (февраль — май 1942), РО штаба Западного фронта (май 1942 — апрель 1944).

В апреле 1944 специальная комиссия во главе с Г.Маленковым проверяла деятельность Западного фронта и в соответствии с итогами ее работы Ставка ВГК издала приказ от 12 апреля 1944, пункт 5-й которого гласил: «Полковника Ильницкого снять с должности начальника Разведотдела Западного фронта, снизить в звании до подполковника и назначить на другую работу с понижением в должности».

Заместитель командира 128-й, 288-й, 374-й, 11-й стрелковых дивизий (июнь 1944 — март 1945), начальник штаба 2-го гвардейского стрелкового корпуса (март — июнь 1945).

После войны — начальник штаба 29-й гвардейской механизированной дивизии, 18-го и 24-го гвардейских

стрелковых корпусов.

Уволен в запас в феврале 1955.

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, юбилейной медалью «XX лет РККА».

277

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). — Указ. соч.

1941 г. — уроки и выводы. Приложение № 2.

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). — Указ. соч.

280

Там же.

281

Блохин Семен Васильевич

02.08.1899-с. Карлужское Ардатовского уезда Симбирской губернии—28.03.1956-Москва.

Русский. Из рабочих. Полковник (31.03.1939). В РККА с 1918. Член компартии с 1919. Окончил начальное приходское училище (1909), отделение связи Повторных курсов среднего комсостава Туркестанского фронта (октябрь 1923 — август 1924), трехгодичные Средне-Азиатские курсы востоковедения (ноябрь 1926 — июль 1929), специальное (агентурное) отделение КУКС по разведке при РУ штаба РККА (1931–1932), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (октябрь 1934 — октябрь 1936). Владел английским, уйгурским и узбекским языками.

Боец отряда Красной Гвардии (1917–1918). Участник гражданской войны на Закаспийском фронте (1918–1919), на Ферганском фронте (1920), воевал с басмачами в Бухаре (1922–1923). Начальник связи Казанского сводного полка (август 1918 — март 1919), 6-й стрелковой бригады (март 1919 — январь 1920), командир отдельной роты связи, начальник связи 1-й Туркестанской стрелковой бригады (январь 1920 — ноябрь 1921), то же в крепости Кушка (ноябрь 1921 — апрель 1922). Военком связи ГПУ Туркестанского фронта, начальник связи Бухарского боевого участка, 10-го отдельного Туркестанского стрелкового полка, военком связи 2-й отдельной кавалерийской бригады (апрель 1922 — октябрь 1923).

Помощник командира, командир отдельной роты связи 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, командир взвода связи 6-го Туркестанского стрелкового полка (август 1924 — ноябрь 1926).

В распоряжении РО штаба Среднеазиатского ВО (июль 1929 — апрель 1932). Начальник пограничного разведывательного пункта (апрель — декабрь 1932), помощник начальника (декабрь 1932 — октябрь 1934) РО штаба Среднеазиатского ВО, начальник сектора того же отдела, в распоряжении РУ штаба РККА (март 1933 — октябрь 1934).

По ходатайству начальника РУ РККА С.П.Урицкого был досрочно выпущен из Военной академии им. М.В. Фрунзе для использования на специальной работе. В распоряжении Управления по 2-му (восточному) отделу (октябрь 1936—август 1938), начальник базы советско-синьцзянской торговли «Совсинторг» в г. Хами, Китай. Заместитель начальника 5-го отдела РУ РККА (август 1938–март 1939), начальник РО штаба

Белорусского ВО — Западного ОВО — Западного фронта (март 1939 — октябрь 1941). Начальник кафедры разведки Высшей специальной школы Генштаба (октябрь — декабрь 1941).

Участник Великой Отечественной войны. Заместитель командира 308-й стрелковой дивизии (декабрь 1941 — декабрь 1942).

Начальник цикла оперативно-тактической подготовки Высшей специальной школы Генштаба, Высшей разведывательной школы Красной Армии и Высших разведывательных курсов усовершенствования офицерского состава Красной Армии (декабрь 1942 — март 1945), затем заместитель командира 9-го стрелкового корпуса.

С августа 1950 в отставке.

Награжден орденом Отечественной войны I-й ст. (1944), Красной Звезды (1941), медалью «За оборону Сталинграда» (1943).

282

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). — Указ. соч. 9

283

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, Суждения). — М., 2000. — С.304.

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 639–642.

285

Там же. — С. 642–646

Там же. — С. 661–665.

287

В Москве кричали о войне // Военно-исторический журнал. — 1994. — № 6. — С. 25–26.

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 659.

Скрытая правда войны: 1941 год. — М., 1992. — С. 42–48.

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 674–676.

291

Там же. — С. 676-680

Там же. — С. 695–698.

293

Разведывательная сводка штаба Западного особого военного округа о группировке немецких войск на 21 июня 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М., 1958. — Т. 35.

1941: В 2 кн. Кн. 2 После начала Великой Отечественной войны. М., 1998. — С.456.

295

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 596–598.

Там же. — С. 615–617.

Там же. — С. 622–623.

Там же. — С. 646–647.

299

Там же. — С. 686–690.

300

Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Т. IX. Так начиналась Великая Отечественная война. — М., 2016. — С. 147–149.

Кудряшов И.Ю. — Указ. соч.

Степанов А.С. — Указ. соч. — С. 535–536.

Дашичев В.И. — Указ. соч. — Т. II. — С. 67–68: 96-103.

1941 год: в 2 кн. — М., 1998. — Кн. 1. — С. 776–780.

305

Разведсводка за 10 мая 1941 года о передислокации немецких войск к границе СССР //https://ihistorian.livejournal.com/479610.html.

Военная разведка информирует. Указ. соч. — С. 647–654.

307

Там же. — С. 596–598.

Там же. — С. 615–617.

309

Там же. — С. 622–623.

310

Там же. — С. 646–647.

311

Там же. — С. 686–690.

312

Там же. — С. 671–672.

313

Генерал-майор Ерёмин Первые дни боёв на Рава-Русском направлении (Воспоминания бывшего начальника штаба 41-й стрелковой дивизии), ВИЖ, № 4, 1959 год, стр. 61 — 75

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. — М., 1961. — С. 11–13.

315

Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны В двух томах. Составитель, автор предисловия, комментариев и биографических очерков С. Л. Чекунов. — Т. 2. — М., 2017. — С. 6–13.

316

Лето 1941. Украина: Документы и материалы. Хроника событий. Киев. 1991.— С. 94–95.

317

Разведывательная сводка штаба Юго-Западного фронта № 1 22.6.41//Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 36. М., 1958.

Владимирский А. В. На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 г. — М., 1989. — С.50.

319

Мюллер-Гиллебранд. Указ. соч. — С. 211–212, 244–245; *Кудряшов И.Ю*. Указ соч.

Веремеев Ю. Г. Повседневная жизнь вермахта и РККА накануне войны. М., 2011.

321

Военная разведка информирует. Указ соч. — С. 688–689.

Там же. — 607–612.

323

Артемьев Иван Николаевич

19.10.1897-дер. Виневцево, ныне Кологривского района Костромской области —03.1983-Москва.

Русский. Из рабочих. Генерал-майор технических войск (22.02.1944). В РККА с 1918. Член компартии с 1918. Окончил ремесленное училище в г. Кологриве (1912), экстерном 6 классов гимназии (1914), инженерное отделение Высшей военной школы Сибири в г. Омске (1920–1921), электротехнический факультет Военно-технической академии им. Ф.Э. Дзержинского (1927–1931). Владел немецким языком.

В службе с мая 1915. Завершил курс учебной команды 5-го саперного запасного батальона (1915). Командировался во Владимирское военное училище, но не закончил его по болезни. Участник 1-й мировой войны в составе 95-го Омского полка. Старший унтер-офицер.

В гражданскую войну на Восточном фронте (1919–1921), подавлял казачье восстание в Кулундинских степях (1920), кулацкое восстание в районе Петропавловск-Тюмень (1921). Командир взвода дорожно-мостовой роты инженерного батальона 26-й стрелковой дивизии (май 1919 — январь 1920). Заведующий понтонным имуществом Отдельной учебной минно-понтонной бригады (сентябрь 1921 — сентябрь 1922). Помощник командира понтонной роты (сентябрь — декабрь 1922), командир взвода минно-подрывной роты (декабрь 1922 — январь 1923), помощник командира роты (январь 1923 — октябрь 1924) инженерно-технического батальона Петроградского укрепленного района. Командир взвода 1-го саперного батальона 1-го стрелкового корпуса (октябрь 1924 — май 1925). Представитель РККА в Остехбюро — Особом техническом бюро по военным изобретениям специального назначения (май 1925 — октябрь 1927).

Исполняющий обязанности начальника 5-го сектора Управления связи РККА (июнь 1931 — февраль 1932). В распоряжении ОКДВА (февраль 1932 — февраль 1933). Инженер высшей квалификации 5-го отдела Научно-испытательного института связи и электромеханики РККА (февраль — июнь 1933).

В распоряжении РУ штаба РККА (июнь 1933 — январь 1935). Инженер-химик, инженер по кварцам, инженер высшей квалификации по телемеханике НИИ по технике связи РУ РККА (январь 1935 — декабрь 1937). Заместитель начальника 13-го

отдела (декабрь 1937 — май 1939), один из руководителей организации связи с советскими военными советниками в Испании и Китае, морскими транспортами, доставлявшими на Пиренейский полуостров военные грузы и добровольцев. Начальник 8-го (радиоразведка и связь) отдела (май 1939 — июнь 1941), в распоряжении (июнь — июль 1941) РУ Генштаба. Помощник начальника отдела связи штаба Забайкальского ВО (июль — сентябрь 1941).

Участник Великой Отечественной войны. Помощник начальника Управления связи Брянского фронта (сентябрь 1941 — июнь 1942). Заместитель начальника отдела (июль 1942), начальник отдела связи ЦШПД (июль 1942 — март 1943), Белорусского штаба партизанского движения (март — апрель 1943), ЦШПД (апрель 1943 — апрель 1944), заместитель начальника штаба Белорусского штаба партизанского движения (апрель — сентябрь 1944).

Заместитель директора НИИ при ЦК ВКП(б) (сентябрь 1944 — январь 1948), начальник отдела волновой службы и радиоконтроля (январь 1948 — май 1953), отдела связи (май 1953 — ноябрь 1960), направления начальника связи (ноябрь — декабрь 1960) Генштаба ВС.

С декабря 1960 в запасе.

Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I-й ст., медалями.

Радиоэлектронная разведка // Военная разведка России. — М., 2012. — С.303.

Шмырев П.С., Добродий П.В. Дела, уроки радиоразведки (По опыту Великой Отечественной войны). М., 2001. — С. 18–19.

Там же. — С.19–24.

Радиоэлектронная разведка // Военная разведка России. — М., 2012. — С. 167; 302–304.

Сборник очерков о радиоразведке в годы Великой Отечественной войны. М., 1993. — С. 74–75.

Шмырев П.С., Добродий П.В. Указ. соч. — С. 13.

Там же. — С. 40–41.

331

Сборник очерков о радиоразведке в годы Великой Отечественной войны. Указ. соч. — С. 8 — 15.

Там же.

333

Кондрашов В.В. Знать все о противнике. — М., 2010. — С. 118–123.

Шмырев П.С., Добродий П.В. Указ. соч. — С. 25.